Г. Картрайт

ГРЯЗНЫЕ ДЕНЬГИ

G. Cartwright

DIRTY DEALING

Atheneum, New York, 1984

Г. Картрайт

ГРЯЗНЫЕ ДЕНЬГИ

Перевод с английского
С. В. ПОНОМАРЕНКО

Под общей редакцией и
с предисловием доктора
юридических наук
Ф. М. РЕШЕТНИКОВА

Москва, «Прогресс», 1987

ББК 67.99 (7 США)
К 27

Редактор Л. В. МАХВИЛАДЗЕ

Редакция литературы по вопросам государства и права

Предлагаемая вниманию советского читателя книга современного американского журналиста, писателя и драматурга Гэри Картрайта — второе из произведений этого автора, переведенное на русский язык. В 1982 г. издательство «Прогресс» выпустило в свет перевод его книги «Обвиняется в убийстве», в которой подробно описывалась история состоявшихся в конце 70-х гг. двух судебных процессов над американским мультимиллионером Калленом Дэвисом. В написанной в стиле увлекательной судебной хроники и вместе с тем строго документированной книге Г. Картрайта рассказывалось о том, как, несмотря на, казалось бы, очевидную доказанность обвинений в тяжком убийстве, караемом смертной казнью, и в подстрекательстве к убийству нескольких человек, защитникам мультимиллионера, чьи гонорары, кстати, исчислялись миллионами долларов, удалось на обоих судебных процессах добиться вынесения ему оправдательных приговоров.

В основу новой книги Г. Картрайта, написанной в том же жанре документальной прозы, положена история нескольких судебных процессов самого недавнего времени, где в качестве жертв преступления, обвиняемых, свидетелей и адвокатов фигурировали члены семьи Чагры — потомки ливанских иммигрантов, в конце прошлого века поселившихся в США. Один из этих судебных процессов, связанный с обвинением в убийстве федерального судьи, стал самым заметным событием в деятельности американских правоохранительных органов за последние годы, а расходы по расследованию обстоятельств этого убийства — самыми большими за всю историю Соединенных Штатов.

Для своей новой книги Г. Картрайт собрал богатейший документальный материал: в частности, большинство приводимых в ней диалогов не плод творческого воображения автора, они взяты им из неопубликованных расшифровок подслушанных ФБР разговоров между членами семьи Чагры и другими персонажами этой книги либо из бесед с участниками описываемых им судебных процессов (прокурорами, адвокатами, присяжными). Стараясь не отступить от последовательного изложения обстоятельств дела, в строгом соответствии с установленными факта-

ми, автор, как правило, избегает делать выводы, в которых была бы прямо выражена его собственная позиция, в особенности если она противоречила бы вердиктам о виновности или невиновности, вынесенным присяжными. Это хорошо продуманная линия Г. Картрайта, которую он, судя также по книге «Обвиняется в убийстве», во избежание недоразумений решил проводить при любом описании реальных, а не вымышленных судебных процессов. Правда, внимательный читатель книг Г. Картрайта может догадываться о его подлинной позиции по рассыпанным в них ироническим замечаниям автора, но это будут лишь догадки, за которые автора никто не сможет привлечь к ответственности.

Книга «Грязные деньги» написана во многом по законам детективного жанра, и читать ее, естественно, интереснее, если заранее не знаешь, как будут в дальнейшем развиваться описываемые события. Поэтому мы постараемся, чтобы настоящая вступительная статья не помешала будущему читателю русского перевода книги Г. Картрайта, и не будем ссылаться на конкретные, часто непредсказуемые события или порой неожиданные решения судебных органов, о которых ему предстоит узнать из книги. Вместе с тем в этой статье представляется необходимым остановиться на некоторых острых социальных и политических проблемах современной американской действительности, затронутых в книге, а также помочь читателю, если он недостаточно знаком с весьма существенными особенностями американского законодательства и системы судопроизводства, и хотя бы кратко рассказать о них с необходимыми пояснениями, без чего многие моменты в книге могут, вероятно, вызвать недоумение.

В своей книге Г. Картрайт описывает «возвышение» семьи Чагры, колоссальные денежные траты ее членов, невероятную роскошь, которая стала окружать их после того, как кое-кто из членов этой семьи стал участвовать в операциях, связанных с контрабандной торговлей наркотиками. В книге описано несколько такого рода операций, в ходе которых огромные партии наркотиков доставлялись в Соединенные Штаты из Колумбии и Мексики. Г. Картрайт весьма образно рисует разлагающее влияние употребления наркотиков и денег, извлекаемых из торговли ими, на участников преступных махинаций, их близких и особенно детей. Однако Г. Картрайт оставляет в стороне острейшую проблему роста наркомании в США, особенно усилившегося за последние годы. Он ничего не говорит о его причинах и тяжелейших последствиях. По данным комиссии ООН по наркотическим средствам и экспертов Международного комитета по контролю за наркотиками, в настоящее время в США употребляют самый распространенный там наркотик, марихуану, свыше 22 млн. человек, более опасный, кокаин,— около 10 млн. человек (из них примерно половина — постоянно) и наиболее опасный — героин,— около 500 человек. При этом число потребителей наркотиков в США постоянно растет, и ежедневно, как отмечают специалисты, 5 тысяч американцев впервые в своей жизни пробуют наркотики[1].

Особенно опасным для будущего американской нации, как об этом не раз уже говорилось в конгрессе США, представляется то, что в потребление наркотиков все чаще втягиваются подростки, даже школьники младших классов, которым нет и 12 лет[2]. Как заявил председатель специального комитета палаты представителей по борьбе со злоупотреблением наркотиками Б. Ренджел, «наркомания превратилась в убийцу, который губит нашу молодежь и все наше общество»[3].

Давно уже перестали поражать воображение американцев огромные доходы, которые извлекаются из торговли наркотиками в США могущественными международными объединениями организованных преступников, специализирующимися именно на этом, наиболее выгодном и наиболее опасном для физического и нравственного здоровья миллионов людей преступном промысле. Прибыли от продажи марихуаны, кокаина и героина в США составляют, по всей вероятности (поскольку они могут быть оценены лишь предположительно), около 110 млрд. долларов в год[4]. Иначе говоря, это бизнес, который по своему размаху и доходам уступает ныне лишь американской индустрии вооружений, а торговцы наркотиками, если их рассматривать как единую корпорацию, занимают весьма солидное место в списке наиболее могущественных транснациональных объединений капиталистического мира. Гигантские доходы торговцев наркотиками определяются названными выше масштабами потребления их «продукции» в США и вместе с тем высокими продажными ценами (унция кокаина, например, стоит в пять раз дороже унции золота) и, напротив, крайне ничтожными суммами, которые уплачиваются, скажем, крестьянам в Боливии, выращивающим на своих полях коку — сырье для изготовления кокаина.

В Соединенные Штаты наркотики поступают самыми разнообразными и нередко меняющимися маршрутами. Например, наиболее опасный наркотик — героин — доставляется в США по преимуществу следующим образом. В районе так называемого «золотого треугольника», где сходятся границы трех государств: Таиланда, Бирмы и Лаоса — крестьяне выращивают опийный мак — первоначальное сырье для производства героина. Под контролем вооруженных банд скупщики за бесценок забирают у крестьян «урожай» и отправляют его на переработку на подпольные фабрики, нередко находящиеся под боком у властей соседних государств. Затем по тайным маршрутам героиновый порошок, иногда называемый «снежком», либо необходимые для его изготовления полуфабрикаты направляются в страны Западной Европы, на перевалочные базы, находящиеся главным

---

[1] *Atlantic Monthly*, January 1986, p. 39.
[2] Congressional Record. September 17, 1985, S. 11560.
[3] Congressional Record. September 26, 1985, E. 4241.
[4] *Washington Post*, June 20, 1985.

образом в Италии (остров Сицилия), во Франции (Марсель) или в Голландии (Амстердам, прозванный «героиновой столицей Европы»). Оттуда героин, при необходимости доведенный до кондиции, т. е. переработанный, разбавленный и т. д. на местных, тщательно законспирированных фабриках, частично поступает на продажу в западноевропейские страны, а в основном продолжает путь по тайным каналам к своему основному потребителю — Соединенным Штатам, которые на протяжении десятилетий занимают первое место в мире по употреблению наркотиков на душу населения и где розничные цены порции героина достигают максимума: они в тысячи раз выше, чем цена соответствующего количества сырого опийного мака в месте скупки. Другой район, откуда героин поступает на рынок в Соединенные Штаты через западноевропейские перевалочные базы, находится в Пакистане, где ведущую роль в торговле наркотиками все чаще играют лагеря афганских душманов, щедро финансируемых американскими разведывательными и иными службами.

В отличие от героина поставки на рынок Соединенных Штатов более распространенного наркотика — кокаина — осуществляются главным образом из стран Латинской Америки и Карибского бассейна. (Именно контрабанда кокаина из этих стран лежит в основе большинства событий, описываемых в книге Г. Картрайта).

Следует заметить, что в некоторых странах разведение коки уже давно стало традиционным занятием и источником скудных, но постоянных доходов для многих крестьян, поскольку у местных жителей вошло в привычку жевать листья коки (считается, что этим хорошо утоляется чувство голода). Например, в Боливии почти полмиллиона жителей если не постоянно, то хотя бы периодически употребляют листья коки. Экономика тех государств, где до недавнего времени сосредоточивалось выращивание коки: Боливии, Перу и Колумбии, — оказалась в существенной мере зависимой от этой «сферы производства». Так, в Боливии, снабжающей наркотиками подпольный рынок Соединенных Штатов, за ряд последних лет валютные поступления от их продажи составили, по неофициальным данным, свыше 4 млрд. долларов ежегодно, то есть бо́льшую сумму, чем от экспорта кофе. По оценкам экспертов, в Перу около 300 тыс. человек занимаются выращиванием коки и начальной переработкой ее листьев в сырье для приготовления кокаина. Особенно же велика в поставках наркотиков на американский рынок роль Колумбии, поскольку в этой стране не только размещены огромные плантации коки и марихуаны, но и действует множество фабрик по переработке в кокаин сырья или полуфабрикатов, поступающих из Боливии.

Что касается марихуаны, иногда именуемой «травкой», то ее выращиванием занимаются не только в странах Латинской Америки, но и в самих Соединенных Штатах. Это самый

дешевый из наркотиков, поэтому большие доходы от торговли марихуаной достигаются за счет колоссальных объемов, в каких она выращивается и поступает на американский рынок.

Подчас в латиноамериканских государствах торговля наркотиками не только влияет определяющим образом на экономику, но и оказывает серьезное воздействие на внутриполитическую жизнь, приводит к падению правительств, смене политических режимов и т. п. Так, когда в 1980 г. генерал Луис Гарсия Меса захватил власть в Боливии, это событие с полным основанием было названо «кокаиновым государственным переворотом»[1].

Расходы правоохранительных органов и медицинских учреждений в США на борьбу с контрабандой, распространением внутри страны и потреблением наркотиков, в том числе и на лечение наркоманов, достигают в настоящее время, по некоторым оценкам, почти 50 млрд. долларов ежегодно[2]. В борьбе с контрабандистами, доставляющими наркотики в США по суше (через Мексику), морскими и воздушными путями, используются не только таможенные службы и силы береговой охраны, но даже подразделения сухопутных войск и военно-морских сил. Для обнаружения и перехвата контрабанды наркотиков за последнее время стали использоваться наземные радарные установки, самолетные бортовые радиолокационные устройства системы АВАКС, разведывательные самолеты «У-2» и даже спутники, ведущие наблюдение из космоса[3]. Однако даже вовлечение вооруженных сил в борьбу с торговцами наркотиками не позволяет американским властям одержать победу над ними. Этому препятствует, в частности, коррупция, широко распространившаяся в полицейских органах США, свидетельства которой не раз приводились на заседаниях ряда комиссий конгресса за последние годы. В частности, выступая в юридическом комитете сената США в январе 1983 г., тогдашний министр юстиции У. Смит констатировал, что «должностные лица на всех уровнях получают взятки от торговцев наркотиками», причем, по его словам, «размеры долларовых поступлений таковы, что взяточничество угрожает самим основам правоохранительной деятельности в США»[4]. (К сожалению, этот весьма важный аспект проблемы распространения наркомании в США, по существу, не затронут в книге Г. Картрайта.)

Действующие в США объединения торговцев наркотиками весьма умело реагируют на любые попытки властей усилить борьбу с ними, если такие попытки предпринимаются всерьез. Они постоянно совершенствуют системы доставки наркотиков из мест выращивания сырья и его последующей переработки, разрабатывают все более продуманные и неожиданные маршру-

[1] *Time*, February 25, 1985, p. 7.
[2] *Kriminalistik*, 1985, N° 4, S. 186.
[3] *Seatrade*, 1985, N° 9, p. 54.
[4] *Organized Crime in America*, Washington, 1983, p. 11—12.

ты, ищут новые приемы контрабандного провоза товаров. Стараются они не отставать от правоохранительных органов, а по возможности и обгонять их и в использовании достижений научно-технического прогресса. В этом смысле весьма показателен описанный Г. Картрайтом испытанный прием контрабандистов, когда два самолета летят так близко друг от друга, что на экранах радаров они сливаются в одну точку (самолет с грузом наркотиков потом приземляется, а другой продолжает полет, отвлекая радар на себя).

Насколько неэффективными оказываются действия американских федеральных властей в борьбе с контрабандным ввозом наркотиков, видно из того, что, согласно оценкам главного счетного управления США, они захватывают только 16% марихуаны и меньше 10% героина и кокаина, доставляемых в страну ежегодно. Таможенная служба США признает, что ей удается перехватить лишь один из каждых ста рейсов самолетов, доставляющих в страну кокаин или героин. Таких полетов в 1984 г. было 18 тыс.[1]

Не менее показателен и следующий факт. Хотя представители администрации Рейгана неоднократно утверждали, будто ей удалось добиться значительных успехов в борьбе с контрабандным ввозом наркотиков в США путем осуществления нескольких весьма эффектных операций (такого рода операции описаны и в книге Г. Картрайта), в действительности за первые 5 лет пребывания этой администрации у власти поставки в США, например, кокаина, по данным американской печати, выросли в 4 раза, цены на него даже несколько упали, а доставать его на улицах американских городов стало значительно легче[2].

Следует отметить, что в последние годы власти США нередко делают акцент в борьбе с распространением наркотиков на том, чтобы упредить поставки их на американский рынок. В этих целях они пытаются проводить соответствующие мероприятия в районах выращивания сырья, и прежде всего в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, где у Соединенных Штатов имеются возможности воздействовать даже на правительства отдельных государств. В 1985 г. из американского бюджета на эти цели было выделено 1,2 млрд. долларов[3]. В настоящее время в ряде латиноамериканских стран предпринимаются попытки заставить крестьян отказаться от выращивания коки и марихуаны, заменив их другими сельскохозяйственными культурами. В этих целях используются прежде всего методы насильственного воздействия — распыление с самолетов ядохимикатов, уничтожающих посевы коки и марихуаны, или направление отрядов войск и полиции, поджигающих посевы. Наряду с этим крестьянам предлагается добровольно уничтожать посевы

[1] *Washington Post*, June 20, 1985.
[2] *International Herald Tribune*, December 23, 1985.
[3] *U. S. News and World Report*, 1985, March 25, p. 52.

растений, содержащих наркотики, с обещанием выплаты соответствующей компенсации, если их земли будут заняты под кофе, маниоку и другие продовольственные культуры. Однако эти усилия наталкиваются на решительное сопротивление со стороны международных объединений торговцев наркотиками. Вооруженные банды скупщиков сырья запугивают и даже убивают крестьян, соглашающихся воспользоваться компенсациями и переключиться с выращивания коки или марихуаны на возделывание других сельскохозяйственных культур. Огромные доходы торговцев наркотиками, превратившихся в мультимиллионеров, позволяют им подкупать правительственных чиновников, судей и прокуроров, призванных бороться с ними. По общему признанию, в странах — производителях сырья для изготовления наркотиков государственный аппарат разъедается коррупцией в гораздо большей степени, чем во многих других странах Латинской Америки, а попытки вести борьбу с нею чаще всего кончаются трагически. Так, 30 апреля 1984 г. бандитами, нанятыми торговцами наркотиками, был зверски убит министр юстиции Колумбии Лара Бонилья, который возглавил борьбу за очищение своей страны от власти «королей» кокаина и марихуаны. Более того, попытки воспрепятствовать выращиванию наркотиков в тех странах, которые были их традиционными поставщиками на рынок потребителей в США, привели к тому, что в начале 80-х гг. началось активное выращивание коки на экспорт в тех странах, где прежде ее выращивали лишь в небольших количествах для местного потребления: Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Панаме и Эквадоре[1].

Руководители ряда латиноамериканских государств справедливо ставят вопрос о том, что дело не в «предложении», а в «спросе», что Вашингтон призывает вести борьбу с выращиванием сырья для наркотиков в других странах, предлагая им свою помощь, но корень проблемы состоит во все растущем потреблении наркотиков самими североамериканцами, что этот огромный по своим масштабам рынок сбыта требует все новых и новых поступлений[2]. Особенно возмутительны лживые обвинения, которые американская администрация без всяких оснований бросает в адрес правительств Кубы и Никарагуа, будто бы занимающихся тайной доставкой наркотиков в США. В действительности у американских властей нет и не может быть ни одного доказательства причастности Кубы или Никарагуа к международной торговле наркотиками. Напротив, кубинским властям уже не раз удавалось задерживать корабли и самолеты торговцев наркотиками из числа граждан США или кубинских контрреволюционеров, окопавшихся в штате Флорида и на определенном этапе монополизировавших доставку наркотиков в США из латиноамериканских государств. В то же время, как отмечалось

[1] *Time*, February 25, 1985, p. 13.
[2] *Atlantic Monthly*, January 1986, p. 44.

в журнале «Куба» в связи с выдвигаемыми американской администрацией обвинениями, документально установлено сотрудничество ЦРУ с американскими гангстерами Джанканой, Розелли и Анастазией в 60-х гг., когда с помощью этих участников международной торговли наркотиками планировалось убить Фиделя Кастро и других кубинских руководителей[1]. За последнее время выявляются и другие факты сотрудничества спецслужб США с наркомафией, в частности финансирование лагерей антиникарагуанских «контрас», поставки им оружия через главарей банд, занимающихся контрабандной торговлей наркотиками, и т. п. Наоборот, когда речь идет о поддерживаемых ими реакционных режимах, власти США предпочитают закрывать глаза на реальные факты, разоблачающие их участие в поставках наркотиков в Соединенные Штаты. Достаточно отметить, что лишь при покровительстве американских властей смогло многие годы находиться у власти в Гаити семейство Дювалье, не только тиранившее народ этой страны, но и тесно связанное с международными торговцами наркотиками[2].

О неспособности американских властей навести порядок в своей собственной стране и вместе с тем о проникновении наркомании во все сферы общества свидетельствуют предложения президентской комиссии по борьбе с организованной преступностью. В марте 1986 г. она рекомендовала ввести обязательную проверку федеральных и иных государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, пилотов, врачей, водителей автобусов и др., с тем чтобы установить, не употребляют ли они наркотики[3].

Наряду с торговлей наркотиками в книге Г. Картрайта часто упоминается еще один вид широко распространенной в США преступной деятельности — букмекерство, т. е. организация подпольных тотализаторов и всевозможные азартные игры. В стране создана, по существу, целая индустрия всякого рода игорных заведений, сосредоточенных главным образом в штатах Невада и Флорида, и тщательно отработанные системы подпольных лотерей, участниками которых могут быть жители чуть ли не всех районов страны. При чтении книги Г. Картрайта следует учитывать, что организация азартных игр и участие в них в американских условиях не обязательно являются противоречащей закону деятельностью. Так, в города Лас-Вегас и Рино, расположенные в штате Невада, ежегодно приезжают сотни тысяч, а порой и миллионы людей, чтобы принять участие в разрешенных там и поощряемых властями штата азартных играх. В этих городах казино с бесчисленными столиками для карточных игр, столами для игры в рулетку и залами с

[1] Marrero Juan. "El narcotrafico: crimen contra la Humanidad", *Cuba*, 1985, N° 1, p. 39.
[2] *L'Humanité dimanche*, April 27, 1986.
[3] *Christian Science Monitor*, March 20, 1986.

игральными автоматами занимают первые этажи практически всех отелей, здания которых в этих городах образуют целые улицы. Судя по многим данным, хозяева этих казино и отелей связаны с мафией, а игорный бизнес служит хорошо продуманной системой ограбления американских граждан. Однако изобличение кого-либо в незаконной деятельности в этой сфере оказывается столь же трудным, как и борьба с куда более опасной торговлей наркотиками.

В книге Г. Картрайта несколько раз упоминается «отмывание» или «отстирывание» денег, извлеченных из торговли наркотиками. Речь идет прежде всего о банковских операциях, с помощью которых деньги, если так можно выразиться, перестают пахнуть наркотиками, поскольку в их результате одни денежные знаки обмениваются на другие, не побывавшие в руках участников преступных сделок. Весьма распространенным способом «отмывания» денег, который используется ныне международными объединениями торговцев наркотиками, служит создание целой сети фиктивных финансовых контор и банков, большей частью имеющих представительства за рубежом. Для борьбы с такого рода махинациями в США за последние годы вводятся все более ужесточающиеся правила контроля за движением денежных сумм: согласно закону, в частности, банки обязаны информировать финансовые органы обо всех операциях внутри страны с денежными суммами свыше 10 тыс. долларов, а в случае зарубежных финансовых операций — на сумму свыше 5 тыс. долларов[1]. Однако с помощью многочисленных ухищрений заправилы международных объединений торговцев наркотиками обходят даже самые жесткие требования финансового контроля. Достаточно сказать, что в 1984 г. в результате колоссальных усилий правоохранительных органов им удалось выявить и конфисковать денежные средства, полученные от подпольной торговли наркотиками в США, в сумме 250 млн. долларов[2]. Эта сумма в 2,5 раза больше, чем было конфисковано у торговцев наркотиками в 1980 г., однако по-прежнему составляет ничтожную долю процента от приведенных выше огромных сумм их доходов.

К сожалению, в книге Г. Картрайта, как и в работах многих других буржуазных журналистов, пишущих по проблемам организованной преступности, не затрагивается гораздо более важный, чем тайные банковские операции, процесс, с помощью которого осуществляется как бы окончательное «отмывание» денег, добываемых преступными корпорациями торговцев наркотиками, а именно их проникновение в «законный бизнес».

Огромные денежные суммы, извлекаемые ими из торговли наркотиками, как и с помощью других форм противозаконной деятельности, объединения организованных преступников в

[1] *Bulletin of Narcotics*, 1984, N° 4, p. 61.
[2] *Kriminalistik*, 1985, N° 4, S. 188.

США стремятся вкладывать не только в расширение своего преступного бизнеса, но и в обычные капиталистические предприятия. Они покупают акции крупных американских корпораций, занимающихся промышленным производством, или респектабельных торговых фирм, скупают в городах земельные участки, цены на которые постоянно растут, приобретают в собственность гигантские универсамы, солидные рестораны и т. п. Процесс проникновения организованной преступности в «законный бизнес» — а с годами он принимает все больший размах — представляет собой явление, экономическое и политическое значение которого трудно переоценить. За этим скрывается стремление объединений организованных преступников не только «легализовать» скопившиеся у них огромные денежные средства, но и подчинить себе отдельные отрасли американской экономики. Более того, речь явно идет об их стремлении приобрести определенные позиции в американском «истэблишменте» в качестве его составной части, чтобы иметь возможность со временем играть важную, а то и руководящую роль в экономике Соединенных Штатов, да и в политике американского государства. Разумеется, господствующие в стране монополии, и прежде всего входящие в военно-промышленный комплекс, вовсе не собираются сдавать свои позиции, о чем свидетельствуют, в частности, предпринимаемые американской администрацией время от времени решительные и к тому же широко рекламируемые акции, направленные на разгром тех или иных банд организованных преступников. Об этом же свидетельствуют и постоянные усилия американских властей с помощью строгих финансовых заслонов и иных мер воспрепятствовать проникновению организованной преступности в «законный бизнес». (Например, согласно Закону о контроле над организованной преступностью 1970 г. установлена уголовная ответственность для участников объединений организованных преступников за попытку вложить в «законное» предприятие средства, добытые преступным путем.)

Следует сказать, что книга Г. Картрайта написана не только о «грязных деньгах», добываемых торговцами наркотиками, об их грязных махинациях или попытках «отмывать» деньги, извлеченные из грязного бизнеса. Это книга и об американских правоохранительных органах, которые призваны бороться с преступностью в рамках «законности и порядка», а в действительности не останавливаются перед использованием не менее «грязных», чем деньги преступников, приемов и методов расследования, собирания доказательств, обвинения и ведения судебного процесса. Именно их грязные дела Г. Картрайт описывает с таким возмущением, что у читателя, вероятно, может иногда складываться впечатление, будто симпатии автора на стороне торговцев наркотиками. Внимательное изучение книги Г. Картрайта показывает, что это не так. В действительности автор не защищает и не оправдывает тех, кто наживается на распространении опасного яда наркомании. Однако весь пафос книги

«Грязные деньги» не столько в разоблачении деятельности торговцев наркотиками (об этом написаны другие книги), сколько в решении более трудной задачи — в изобличении тех, кто должен раскрывать преступления и наказывать преступников, но, по существу, подчиняет свои действия целям, чуждым интересам правосудия.

Существенная особенность американской системы правоохранительных органов — это наличие большого числа разнородных служб, нередко никак не связанных между собой и параллельных по своим функциям, при отсутствии четких разграничений в их компетенции и сфере деятельности. Например, выражение «американская полиция» может употребляться лишь в фигуральном смысле, поскольку в США не существует ни единой и сколько-нибудь централизованной организации полиции, ни даже органа по руководству многочисленными и самостоятельными полицейскими службами. Между тем только среди федеральных учреждений США специалисты насчитывают около 50 служб, практически независимых друг от друга и, во всяком случае, не подчиняющихся одна другой, которые уполномочены проводить расследования по делам о тех или иных преступлениях. Лишь немногие из этих учреждений, имеющие непосредственное отношение к борьбе с контрабандой и торговлей наркотиками, упоминаются в книге Г. Картрайта: это Федеральное бюро расследований (ФБР), Управление по борьбе с наркотиками (УБН), Таможенное управление, береговая охрана и др. В деятельности этих учреждений постоянно возникают неизбежные трения и конкуренция, в особенности когда речь идет о возможности приписать себе заслуги в расследовании того или иного нашумевшего преступления либо в захвате большой партии контрабандных наркотиков и т. п. Отчасти такого рода явления нашли отражение в книге Г. Картрайта, однако в гораздо меньшей степени, чем они этого заслуживают. (Подробнее читатель может о них узнать из перевода книги Х. Мессика «Боссы преступного мира», опубликованного издательством «Прогресс» в 1985 г.)

Однако особые сложности для борьбы с организованной преступностью, в том числе и с сетью контрабандной торговли наркотиками, захватывающей, как правило, значительное число американских штатов, вызывает одновременное функционирование на одной и той же территории представителей федеральных властей и вместе с тем независимых от них правоохранительных учреждений соответствующего штата.

Следует подчеркнуть, что наряду с федеральными законами и федеральными правоохранительными органами в каждом из 50 американских штатов имеется собственный свод законов, свои кодексы, весьма существенно отличающиеся от законодательства других штатов, самостоятельная система судов и своя прокуратура и, наконец, различные полицейские службы, одни из которых подчиняются губернатору штата, другие — властям

соответствующих графств, городов и поселков. В результате в США имеется федеральная система судов, включающая в себя Верховный суд США, апелляционные суды и 94 окружных суда, юрисдикция каждого из которых распространяется на территорию одного штата либо его части (например, Западный и Восточный округа штата Техас). Все эти суды применяют, как правило, федеральные законы. Одновременно на территории каждого штата действуют суды этого штата, применяющие, естественно, изданные в нем законы. Вопрос о разграничении компетенции между федеральным судом и судом штата, в частности о том, какой из этих судов должен рассматривать конкретное уголовное или гражданское дело, нередко оказывается весьма спорным и решается по довольно сложным правилам[1]. В этой связи представляется необходимым остановиться на проблеме, к которой не раз обращается в своей книге Г. Картрайт, а именно относительно возможности повторного привлечения к уголовной ответственности за преступление, являющееся объектом так называемой «двойной юрисдикции». Речь идет о случаях, когда одно и то же преступление, например торговля наркотиками, предусмотрено и федеральным законодательством, и уголовным кодексом соответствующего штата. Пятая поправка к конституции США провозглашает известный чуть ли не всем правовым системам принцип запрета дважды подвергать человека угрозе наказания за одно и то же преступление[2]. Однако вопреки этому запрету американская судебная доктрина выработала одобренные Верховным судом США в решениях 1959 г. по делам Барткуса и Аббейта правила, согласно которым оправдание обвиняемого судом штата не препятствует повторному привлечению его к ответственности за то же преступление перед федеральным судом, и наоборот, если дело первоначально рассматривалось в федеральном суде. Хотя эти решения Верховного суда США и обосновывались ссылками на то, что иной подход противоречил бы суверенитету федерации и каждого штата в отдельности и что он может позволить преступнику отделаться более легким наказанием, чем тот заслуживает, немало американских юристов справедливо признают указанные решения противоречащими конституции США, а также аналогичным Пятой поправке положениям конституций американских штатов[3].

Что касается организации прокуратуры в США, или, как ее было бы точнее называть, государственной атторнейской службы, то для читателей книги Г. Картрайта важно, вероятно,

[1] Подробнее см.: Филиппов С. В. Судебная система США. М., Изд-во «Наука», 1980, с. 21—43.

[2] Мишин А. А., Власихин В. А. Конституция США. Политико-правовой комментарий. М., Изд-во «Международные отношения», 1985, с. 230—232.

[3] La Fave W. and Scott A. Handbook on Criminal Law. St. Paul, Minn. 1972, p. 114—117.

следующее. В Соединенных Штатах большими полномочиями обладает генеральный атторней (он же — министр юстиции США). В каждом из 94 округов федеральной судебной системы его представляют федеральные прокуроры, пользующиеся весьма значительной самостоятельностью и нередко поступающие по своему усмотрению, а не по указаниям из Вашингтона. Деятельность федеральных прокуроров и их помощников подробно освещается в книге Г. Картрайта. Наряду с ними и совершенно независимо от них в каждом штате функционируют генеральные атторнеи и местные прокуроры, но в книге Г. Картрайта они если и упоминаются, то лишь мимоходом. Федеральные судьи и прокуроры занимают свои должности по назначению. Его осуществляет администрация той партии, которая одерживает победу в ходе очередных выборов. При этом судейские посты занимаются лишь в том случае, если они вакантны, а федеральных прокуроров новые власти могут смещать и назначать по своему усмотрению. В результате, как это показано Г. Картрайтом на нескольких весьма ярких примерах, на посту федерального судьи или прокурора оказывается, например, юрист, зарекомендовавший себя на службе страховым компаниям, которым он помогал лишать паралитиков возможности получать страховку, либо человек, умело выбирающий друзей и покровителей, от которого боссы победившей на выборах партии ожидают покорного служения их интересам.

Следует сказать и несколько слов об американских адвокатах, поскольку вопросы, связанные с их правовым статусом и в особенности с взаимоотношениями с клиентами, возникают на протяжении всех событий, описываемых в книге Г. Картрайта.

В США, по существу, нет законов, которыми определялись бы общие принципы организации и деятельности адвокатуры как на федеральном уровне, так и в отдельных штатах. Верховный суд США принимает правила судопроизводства для федеральных судов, а верховные суды каждого штата — для нижестоящих судов, в которых, помимо прочих вопросов, определяются условия допуска к выполнению функций защитника по уголовным делам соответственно в федеральных судах либо в данном штате. Согласно этим условиям, для того чтобы получить право выступать в качестве адвоката в суде, от претендента обычно требуется быть членом профессиональной ассоциации юристов, иметь юридическое образование, сдать специальный квалификационный экзамен, а также иметь «хорошую личную и профессиональную характеристику», подтвержденную другими юристами. Как показывает практика, в том числе и описанная в книге Г. Картрайта, в американских условиях право выступать в суде, несмотря на, казалось бы, жесткие названные выше требования, может получить и человек, моральный облик которого явно не соответствует официально провозглашенным стандартам. Адвокаты, допущенные к работе в суде, как правило, создают свои конторы либо становятся партнерами других адвокатов. Гонора-

ры, получаемые адвокатами в США, колеблются от нескольких долларов, когда не очень квалифицированный адвокат выступает в течение одного дня в качестве защитника многих обвиняемых, вынужденных прибегнуть к его услугам, до нескольких миллионов долларов за ведение одного дела. Федеральное законодательство, а также законы всех американских штатов ныне предусматривают возможность выделения бесплатного защитника тем, кто будет ссылаться на свою бедность, чем, как увидят читатели книги Г. Картрайта, могут воспользоваться и достаточно обеспеченные люди. Уровень юридической помощи, оказываемой бесплатно, нередко вызывает нарекания, поскольку он серьезно уступает гонорарной практике, однако в некоторых случаях назначенные судом адвокаты, выступая в громких процессах, демонстрируют поистине виртуозное мастерство защиты и умело нащупывают слабости в позиции обвинения, в чем сможет убедиться и читатель книги Г. Картрайта.

Американские адвокаты, выступающие в судах, в существенной мере зависят от судей, поскольку в распоряжении тех находится весьма грозное оружие, а именно возможность предъявить адвокату обвинение в «оскорблении суда». Поводом к этому, как убедится читатель книги Г. Картрайта, могут послужить даже вполне оправданные и законные действия адвоката, отстаивающего интересы своего клиента. Известно, что в свое время, в 50—60-х гг., этим приемом широко пользовались маккартисты, устраивавшие травлю прогрессивных людей Америки и угрожавшие привлечением к ответственности за «оскорбление суда» тем, кто отказывался давать показания комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности».

Упоминаемый в книге Г. Картрайта закон или, лучше сказать, правило о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату, нуждается, вероятно, в кратких предварительных пояснениях. Речь идет о правиле, возникшем в английском праве еще в XV веке, а со временем воспринятом и американской судебной системой (многие институты современного права США ведут свое происхождение от средневекового английского общего права). Смысл его состоит в том, чтобы предоставить возможность обвиняемому вести доверительные беседы со своим защитником, советоваться с ним, не опасаясь, что тот сообщит обвинителям или суду содержание этих бесед. В решениях Верховного суда США, принятых за последние десятилетия, подтверждается, что адвокат вправе не отвечать на вопросы, если это приведет к разглашению сведений, полученных им от своего клиента (часто это называется «привилегией адвоката — клиента»). Однако в решениях Верховного суда оговаривается, что речь идет лишь о сведениях, сообщенных с целью получения юридического совета от адвоката, официально признанного судом и действовавшего именно в таком качестве[1].

[1] Milder R. “Attorney-Client Privilege”.— *Annual Survey of American Law*, 1982, № 1, p. 129.

Книга Г. Картрайта содержит богатый фактический материал, разоблачающий провокационные методы действия и вопиющий произвол американских правоохранительных органов. Читатель убедится, что в борьбе с преступниками, иногда лишь предполагаемыми, официальными властями в США применяются, по существу, преступные приемы, представляющие собой грубейшее нарушение конституционных и других законодательных норм. В книге много говорится о подслушивании телефонных разговоров, осуществляемом полицейскими властями без требуемого по закону разрешения суда. Оказывается, американские власти не гнушаются и систематическим подслушиванием доверительных бесед обвиняемых со своими защитниками, что, по существу, подрывает декларируемое конституцией право на защиту. Особенно возмутительны приводимые в книге Г. Картрайта примеры из практики американских карательных органов, которые ради того, чтобы продемонстрировать свою активность в борьбе с подпольной торговлей наркотиками, заманивают законопослушных граждан в ловушки и провоцируют их на преступления, наказуемые длительными сроками тюремного заключения.

Вместе с тем в книге Г. Картрайта не раз упоминаются некоторые нарушения правил действий полиции, например неправильное оформление ордера на обыск, которые могут использовать адвокаты, чтобы добиться прекращения уголовного дела либо оправдания их подзащитного в суде. Дело в том, что в 60-х гг. Верховный суд США в ряде своих решений заявил, что суды обязаны принять «правило об исключении доказательств», добытых незаконным путем. Однако в последующем это правило с одобрения Верховного суда, хотя оно формально и не отменено, во многом утратило свою силу, поскольку оно больше не применяется в случаях, когда полицейские «добросовестно заблуждались» в отношении законности своих действий[1].

В книге Г. Картрайта приводится несколько любопытных примеров проверки правдивости показаний подозреваемого или свидетеля с помощью специального прибора — полиграфа, получившего название «детектора лжи». Этот прибор в настоящее время используется в США не столько в деятельности судебных или следственных органов (суды еще окончательно не определили своего отношения к нему), сколько для проверки государственных служащих, которые работают в министерстве обороны и в других учреждениях, связанных с «государственными тайнами». Такого рода проверкам, осуществляемым обычно в ходе широко раздуваемых «антишпионских» кампаний, в США уже подверглось несколько десятков тысяч служащих[2].

Внимание читателей, интересующихся вопросами права и

[1] См.: Уайнреб Л. Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США. М., Изд-во «Юридическая литература», 1985, с. 180—181.

[2] *Security World*, 1985, March, p. 4.

психологии, вероятно, привлечет и описываемое в книге использование гипноза при расследовании преступлений. Официально применение гипноза сотрудниками ФБР было разрешено с 1968 г. При этом обычно после того, как память свидетеля была «освежена» с помощью сеанса гипноза, проводимого опытным гипнотизером, он дает показания, которые записываются на видеомагнитофон, как, впрочем, и весь сеанс гипноза. В практике ФБР допрос свидетелей под гипнозом используется все шире как дополнительный способ расследования дел о наиболее сложных и опасных преступлениях. Однако большинство американских судов не принимает полученных таким образом показаний в качестве допустимых доказательств. Как свидетельствуют психиатры, опасно то, что человек, находящийся в состоянии гипноза, подвержен различного рода «подсказкам» и вместе с тем через некоторое время после сеанса он уже не в состоянии различить «гипнотически освеженные» и свои действительные воспоминания о событиях [1].

Перед читателем книги Г. Картрайта разворачивается картина бесчисленных сделок, которые заключаются с участием суда, губернатора штата, прокуратуры, агентов ФБР, адвокатов, обвиняемых и свидетелей. Складывается впечатление, и оно весьма недалеко от истины, что на такого рода сделках построена вся действующая система американского правосудия. Действительно, накануне большинства судебных процессов в США (от 80 до 90% в различных штатах) заключаются так называемые «сделки о признании вины»: прокуратура обещает предъявить обвинение в менее тяжком преступлении (например, в краже, а не в ограблении), если подозреваемый признает себя виновным. Участниками таких соглашений иногда становятся судьи, обещающие обвиняемому не приговаривать его к лишению свободы, и даже губернаторы штатов, обещающие досрочно освободить или помиловать его. Как отмечают многие американские исследователи, при этой системе нередко оказывается вынужденным признать себя виновным человек, не совершивший никакого преступления. И наоборот, она позволяет порой отделаться сравнительно небольшим наказанием тому, кто виновен в тяжком преступлении, но с помощью адвокатов сумел заключить выгодную ему сделку с обвинением.

За последние годы в практике американского правосудия все большее распространение получают сделки о предоставлении лицу, обвиняемому даже в самых тяжких преступлениях, так называемого «свидетельского иммунитета», при условии, что он даст на суде показания против своих сообщников. В этом случае, выступая в качестве свидетеля, участник преступления пользуется «иммунитетом», т. е. его показания по делу не могут быть использованы для вынесения обвинительного приговора ему самому. Как убедятся читатели книги Г. Картрайта, эта система

[1] *International Criminal Police Review*, 1984, N° 378, pp. 62—66.

приводит к тому, что органы уголовного преследования в своекорыстных интересах вступают в сделки, противоречащие элементарным представлениям о законности и справедливости. Следует добавить, что начиная с 70-х гг. в США осуществляется финансируемая правительством специальная программа защиты свидетелей, выступающих в федеральных судах с показаниями против опасных преступников. Таким свидетелям предоставляется возможность сменить документы и внешность (путем пластической операции), переехать с семьей в другой район страны, получить определенную денежную сумму на переезд и покупку дома, устроиться на работу при содействии генерального атторнея и т. п.[1] Как видно из примеров, приводимых в книге Г. Картрайта, воспользоваться такого рода привилегиями, оправдываемыми интересами борьбы с организованной преступностью, могут отнюдь не только законопослушные граждане.

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на некоторые особенности американской системы судопроизводства. Обвинение в тяжких уголовных преступлениях, предусмотренных федеральными законами, первоначально рассматривается так называемым большим жюри, состоящим из 23 граждан, назначенных в его состав на 18 месяцев. Большое жюри рассматривает собранные против обвиняемого доказательства и решает вопрос о предании его суду. Слушание дела проводится им при закрытых дверях, нередко без участия и даже без уведомления обвиняемого. Предъявленное в американский суд обвинение в уголовном преступлении обычно включает в себя несколько, а то и множество пунктов. Обвинительные органы расценивают любой эпизод преступной деятельности в качестве самостоятельного преступления, в каждом деянии они стремятся обнаружить признаки нескольких предусмотренных законом преступлений и т. п. Довольно часто в этих целях используется предъявление обвинений в преступном сговоре. Это соглашение двух или более лиц о совместной преступной деятельности, которое подлежит самостоятельному наказанию, в том числе и в виде длительного тюремного заключения, если кто-либо из его участников совершит «явное действие», обнаруживающее их намерения.

В случае вынесения присяжными вердикта, в котором подсудимый признается виновным по нескольким пунктам, судья вправе назначить ему отдельное наказание по каждому пункту, предусмотрев последовательное отбывание сроков тюремного заключения. Отсюда и выносимые американскими судами приговоры к нескольким срокам пожизненного заключения, которые вызывают особое возмущение мировой общественности, когда их жертвами становятся борцы за права негров, индейцев, других американских граждан, ложно обвиненные в уголовных преступлениях.

Доктор юридических наук, профессор
Ф. М. Решетников

[1] *United States Code*, title 18, ch. 224.

Часть I

РЕКВИЕМ ПО «РОБИН ГУДУ»

1

Когда в тот вечер за день до своей гибели Ли Чагра возвращался на самолете в родной Эль-Пасо, он пребывал в каком-то эйфорическом настроении, словно азартный игрок, поверивший, что фортуна наконец повернулась к нему лицом. Бо́льшую часть двух последних недель он провел в Таксоне, защищая очередного клиента. Защиту он провел удачно: подсудимому был вынесен оправдательный приговор. Слушалось довольно скандальное дело по нескольким обвинениям в финансовых махинациях, и Ли удалось повернуть все так, что подсудимый был оправдан по всем пунктам. Это была самая важная и самая выгодная для него победа в течение последних нескольких месяцев. До рождества (шел 1978 год) оставалось всего три дня, и, когда в ту пятницу самолет шел на снижение, пролетая над Аппер-Вэлли и ущельем, Ли уже видел мерцавшую рождественскую звезду на склоне горы Франклин.

1978 год был самым плохим в жизни Ли Чагры. Хуже, чем 73-й, когда федеральные власти в Нашвилле предъявили ему обвинение в нелегальной торговле марихуаной, что вылилось потом в громкий скандал, который чуть было не положил конец его адвокатской карьере. И даже хуже, чем 77-й год, когда при взлете с одного из тайных аэродромов в Колумбии разбились с грузом марихуаны самолеты его брата Джимми. Это событие стало предвестником краха всего семейства Чагры. Известие о катастрофе, а также о неудачной попытке Джимми спасти груз попало на первые страницы всех газет Юго-Запада США. И это произошло как раз в тот момент, когда имя самого Ли не сходило с первых полос. Внимание прессы он привлек сначала тем, что сумел успешно защитить целую банду контрабандистов в Оклахоме, а затем собственными судебными баталиями с федеральным судьей Джоном Вудом и прокурором Джеймсом Керром. И тот и другой были убеждены, что Ли Чагра не просто способный адвокат по уголовным делам. Оба считали, что в действительности Ли был крупным преступником, боссом хорошо налаженной организации, которая контролировала игорные дома и контрабанду наркотиков на обширной территории от Эль-Пасо до Майами и Бостона. Сотрудники Управления по борьбе с наркотиками намекнули газетчикам, что Ли Чагра — одна из главных фигур в мафии, ее ливанский «крестный отец», поддерживающий связи с такими хорошо известными боссами организованной преступности, как Джо Бонанно-старший, Реймонд Патриарка и Антони («Тони-муравей») Спилотро. Все эти слухи оказались ложными. Однако к тому времени, когда это выяснилось, Ли Чагра был уже мертв. Не было в живых и судьи Джона Вуда.

Ли всегда жил, балансируя между респектабельностью и скандалом, и вызывал крайнее раздражение у властей Эль-Пасо тем, что защищал в судах закоренелых преступников, общался с контрабандистами наркотиками и всячески поддерживал репутацию «черного громилы», грозы всех казино Лас-Вегаса. Как бы там ни было, он упорно продолжал заниматься главным в своей жизни — адвокатской практикой — и действительно стал преуспевающим адвокатом по уголовным делам. Но годы бесшабашной жизни уже давали о себе знать. Дела его адвокатской конторы со временем шли все хуже. Это происходило не только потому, что о нем поползли всевозможные слухи, но и потому, что сам Ли как-то охладел к юриспруденции, утратил к ней интерес. У него образовался огромный карточный долг; к тому же он пристрастился к кокаину. Ли окружали теперь всякие темные личности, бандиты и убийцы. По правде говоря, он и сам стал высокооплачиваемым членом зарождавшейся банды контрабандистов во главе с Джимми, его средним братом. Больше всего Ли угнетало то, что он превратился в трутня, одного из тех, кто теперь сидел на шее у Джимми.

Уже несколько месяцев Ли никак не мог отделаться от мысли, что происходит что-то непоправимое и что контролировать дальнейший ход событий он уже не в состоянии. Все это безумие достигло апогея еще в ноябре, когда двое неизвестных изрешетили машину прокурора Джеймса Керра крупной картечью и пулями 30-го калибра. На следующее утро в контору Ли явились агенты ФБР и допросили его по поводу неудавшегося покушения на убийство. Они даже конфисковали всю его коллекцию оружия. Ли чувствовал себя смертельно оскорбленным. «Предположим, — возмущался он, — кто-то попытался убить меня. Разве вы стали бы тогда допрашивать Джеймса Керра?» Но ответ был известен ему заранее, поскольку весь федеральный аппарат, ведающий расследованием уголовных дел, уже поставил перед собой цель убрать Ли. И он знал, что власти не успокоятся, пока не сделают это.

Рядом с Ли в самолете сидел еще какой-то адвокат, служивший в солидной адвокатской конторе в Эль-Пасо, которая находилась в одном из стеклянных небоскребов, высившихся в центральной части города. Адвокат признался, что частенько поглядывал из своего окна на административный комплекс,

перестраивавшийся по указанию Ли, и испытывал при этом жгучую зависть. «У вас есть все, о чем я лишь мечтаю»,— сказал адвокат. Ли только фыркнул. Адвокат не догадывался, что еще минуту назад сам был предметом зависти Ли. Его новый офис олицетворял уверенность или по меньшей мере настойчивость, и Ли было приятно сознавать, что кто-то по достоинству оценил это. Пока он находился в Таксоне, служащие его конторы закончили переезд, так что уже утром он сможет приступить к своим обязанностям. Это будет его первый день в новом офисе. Судьбе было угодно, чтобы он стал и последним.

В аэропорту Ли встречала Джо-Энни с двумя детьми (всего у них было пятеро). Жена приготовила для него сюрприз: новенький «линкольн» с небольшим баром, телевизором и стереосистемой в салоне. Там был предусмотрен даже тайник для пистолетов, игральных карт и других принадлежностей. Это был превосходный автомобиль для «черного громилы». С тех пор как в прошлом году ему просто фантастически не повезло и он проиграл почти полмиллиона долларов, Ли почти не наведывался в Лас-Вегас. И вот теперь он подумал, что, доведись ему поехать туда еще раз, он непременно сделает это вот на таком шикарном автомобиле. Джо-Энни купила лимузин импульсивно. «После 19 лет замужества,— сказала она,— мне вдруг захотелось выкинуть что-нибудь эдакое». Джо-Энни была все еще привлекательной женщиной с прекрасной фигурой, темными волосами и смуглой кожей цвета кофе с молоком (как у большинства сирийских женщин в Эль-Пасо). Увлечение женщинами и азартными играми, да и вообще присущее Ли безрассудство могли бы разрушить любой брак — даже среди сирийцев и ливанцев, чьи обычаи и традиции приучали женщин к долготерпению. Но любовь и терпение Джо-Энни были настолько сильны, что мешали браку развалиться окончательно.

Ли так «намарафетился» кокаином, что не мог притронуться к еде и без умолку рассказывал о своей победе в Таксоне. Уже много месяцев никто не видел его в состоянии такого подъема, и всем казалось, что вновь наступили былые времена.

Ночью, когда все уже спали, Ли переоделся, сел в машину и направился в сторону своего нового офиса. В этот час на Миза-стрит машин было мало. Ли стоял прямо на дороге и любовался массивными дубовыми воротами и белой ажурной стенкой, поднимавшейся под косым углом к балкону на втором этаже. Это был балкон его личного кабинета. С улицы видна была пальма и угол полосатого навеса. На самом здании красовалась лишь небольшая золотая табличка, на которой были выгравированы его имя и профессия. Прохожий мог подумать, что в этом здании находится небольшой, но дорогой ресторан или какое-нибудь посольство. Ли отпер входную дверь и поднялся наверх к себе в кабинет. Затем он открыл ключом дверь ванной. Деньги были на месте: под раковиной в холщовой теннисной сумке. В ванной имелся и стальной сейф, утопленный

на полтора метра в бетонный пол, но, как и все другие сейфы в офисе, он пока еще не был полностью смонтирован. Ли отсчитал 75 000 долларов и положил их в боковой карман пиджака.

Съехав с дороги неподалеку от автомобильной стоянки на шоссе Ай-Эйч-10, Ли заметил машину какого-то индейца, едва различимую в этот промозглый предрассветный час среди нескольких огромных грузовиков. Индеец направился к машине Ли, поправляя прядь слипшихся волос на лысине. Не многие решились бы встретиться с ним темной ночью. Лицо индейца, изборожденное глубокими морщинами, было похоже на разбитое мексиканское шоссе. Под замызганной кожаной курткой у него был спрятан пистолет 22-го калибра. Но Ли его не боялся: индеец занимался своим обычным делом. В то время он собирал долги для нескольких казино Лас-Вегаса и выполнял разовые поручения кое-кого из мафии, в том числе и Джо Бонанно. Ли предложил индейцу порцию кокаина и стал отсчитывать 750 купюр по 100 долларов, бросив при этом какую-то шутку. Индеец лишь буркнул что-то в ответ и уставился на сапоги. Вот и все. Так была выплачена последняя сумма в счет того полумиллиона долларов, которые «черный громила» проиграл в Лас-Вегасе. Ли вернулся домой и проспал всю ночь, как младенец.

Суббота была одним из тех прекрасных декабрьских дней в Эль-Пасо, когда воздух в пустыне становится таким бодрящим и прозрачным, что даже в ушах звенит. Сквозь голубоватую дымку на горизонте явственно проступали далекие горы, менявшие цвет прямо на глазах. Из кухни пахло свежеиспеченным сирийским лавашем, а из другой части дома доносился голос Синатры, поющего о том, что он поступит так, как считает нужным. Это была любимая песня Ли. Он выпил чашечку крепкого кофе, чтобы нейтрализовать остатки кокаина в организме, и вспомнил свою встречу с Синатрой. Каким естественным и правдивым он показался ему тогда!

Ли принял душ и теперь стоял в одних трусах перед зеркалом у себя в спальне. Кто-то позвонил к ним в дверь. Наверное, это Вивиан, бывшая жена Джимми. Ли знал, что она сегодня придет. «Я здесь!» — крикнул он. Вивиан изо всех сил старалась казаться веселой и жизнерадостной. Она знала, что Ли только что пережил тяжелейший период своей жизни, который тянулся много недель подряд. Ей ужасно не хотелось просить денег, но Джимми вот уже несколько месяцев не присылал алиментов. В последнее время она была почти на полном иждивении у Ли, хотя и подозревала, что те деньги, которые тот давал ей, принадлежали Джимми. Она также подозревала, что часть денег, истраченных на новый офис Ли и на уплату его карточных долгов, тоже поступила от Джимми. Было время, когда Ли содержал всю семью Чагры, но теперь времена переменились. Вивиан не пыталась ничего у него выспрашивать, так как знала: ничто так быстро не выводит Ли из себя, как малейший намек на его, пусть даже временную, зависимость от среднего брата.

Ли, казалось, был занят собственными мыслями и едва заметил, как в спальню вошла Вивиан. Он понуро стоял перед зеркалом, поглядывая то на свое отражение, то на фотографию отца. Затем он повернул фотографию к утреннему солнцу.

— К чему все это?—громко сказал он, и Вивиан увидела слезы в его глазах.—Всю свою жизнь он падал и снова подымался... боролся... едва сводил концы с концами. А потом взял и умер.

Вивиан сказала, что не знает, что и ответить. Она и сама уже не раз задавала себе этот вопрос. Вот уже шесть лет, как она развелась с Джимми. Почти все это время Вивиан жила одна, пытаясь как-то выкрутиться с тремя детьми. Иногда ей было чуть легче, иногда—труднее, но в сущности ничего не менялось. От жизни она ничего не получила, кроме маленькой надежды. Джимми оставил ее с двумя детьми (третий ребенок был от предыдущего брака) и неутихающей болью в сердце. Вивиан любила повторять переиначенную на свой лад строку из «Портрета Дориана Грея» Оскара Уайльда: «Надеюсь, что, когда умру и попаду в ад, там вычтут из моего срока те четыре года, которые я прожила с Джимми Чагрой». Она и сейчас чуть было не сказала это, но, увидев в глазах Ли страдание, запнулась.

— Господи, как мне надоело быть козлом отпущения,— сказал Ли.

Вивиан знала, что он имел в виду Джимми. Тот жил теперь со своей новой женой Лиз в Лас-Вегасе и просаживал огромные деньги. Незадолго до этого Джимми вернулся из Флориды, и не трудно было понять, что его контрабандный бизнес процветал. Это было так же очевидно, как и то, что адвокатская практика Ли переживала глубокий кризис.

— Может, дела еще поправятся,— сказала Вивиан.

Ли поцеловал ее и дал денег.

Пока Ли одевался, Джо-Энни приготовила завтрак: свежеиспеченный сирийский лаваш, сливочное масло и несколько сортов консервированных фруктов. Ли приступил к еде, а Джо-Энни занялась рождественскими украшениями. Возможно, она догадывалась, как сильно ему нужны были деньги в последние несколько месяцев, но виду не подавала. Абрахамы—родня Джо-Энни—были весьма состоятельными людьми, и она продолжала скупать антикварные изделия и вести тот образ жизни, к которому давно привыкла. Покупка «линкольна» не была чем-то из ряда вон выходящим: Ли мог за три минуты проиграть такую же сумму в крепс*. Подарок был той безумной выходкой, которую мог оценить лишь такой человек, как Ли. Это была своеобразная реакция Джо-Энни на неимоверные тяготы замужества. Последние несколько месяцев их брак, казалось, вот-вот развалится окончательно. Но Джо-Энни и ранее умудрялась до этого дело не доводить. Она всегда придумывала какую-нибудь

* Азартная игра в кости.— *Прим. перев.*

уловку или хитрость, которая хотя и временно, но все же предотвращала окончательный разрыв между людьми, ни один из которых пока еще не был к этому готов. Через несколько лет должны подрасти дети. Самой старшей—Терри—уже было восемнадцать, а младшей—Джо-Анне—почти одиннадцать.

Джо-Энни знала, что у Ли были другие женщины. Об этом знали все. Она также знала, что́ говорят о новом офисе Ли с двумя полностью обставленными спальнями. Почти все считали, что теперь Ли выедет из дома на Фронтера-роуд, где жила его семья, и поселится в своем новом офисе. Ли лично наблюдал за ходом всех работ, вникая в малейшие детали, как и во время строительства дома на Фронтера-роуд. В новом здании были установлены почти такая же электронная сигнализация и внутренние телевизионные камеры с мониторами. Ли называл свой дом «крепостью». Теперь то же слово можно было применить и в отношении офиса. Джо-Энни отнеслась к сложной системе сигнализации как к очередной забаве Ли—как к новому «линкольну» или трости из слоновой кости с золотым набалдашником в форме головы сатира, которая была сделана на заказ. Все эти игрушки были реквизитом для той роли, которую Ли играл в реальной жизни, способом его самоутверждения.

В то утро Джо-Энни приготовила еще один сюрприз: билеты на футбольный матч на стадионе «Сан-боул» между командами Мэрилендского университета и Техасского—альма-матер Ли. Она поставила за него 15 000 долларов на одну из команд. Судя по всему, этот жест ему понравился, но он сказал, что нужно закончить кое-что в конторе, после чего он постарается присоединиться к жене и детям где-то в середине игры. Вот тогда-то Джо-Энни и вспомнила о странном телефонном звонке.

— Когда ты спал, звонил какой-то Дэвид Лонг,—сказала она.—Говорил что-то о завещании, о каком-то большом имении в Калифорнии. Сказал, что хочет, чтобы ты просмотрел бумаги, прежде чем он отправит их обратно.

— Дэвид Лонг?—недоуменно переспросил Ли. Казалось, фамилия была ему незнакома.

— Видимо, это черный,—продолжала Джо-Энни.—Я сказала, ты будешь в конторе часов до четырех.

Джо-Энни не знала, почему назвала именно этот час. Видимо, она сама не очень верила в то, что Ли действительно придет на матч. Она по опыту знала, что, встретившись с дружками по игорным делам или наркотикам, Ли уже не замечал, как летело время.

В середине третьего тайма Джо-Энни ушла со стадиона. Это было в третьем часу. Как она и предполагала, Ли так и не пришел. Через некоторое время она подъехала к офису и решила заскочить на минутку. Ли был в компании своего друга и клиента Брайана («Моряка») Робертса. Они наблюдали за ходом матча по телевизору, и в тот момент, когда Джо-Энни входила в кабинет, Ли отсчитывал Робертсу 15 000 долларов. Она никогда

не любила Моряка Робертса, известного завсегдатая игорных домов и букмекера. Как раз в то время федеральные власти предъявили ему обвинение в связи с противозаконной деятельностью. Но Ли он нравился. Он видел в Моряке дух свободолюбия, который ценил превыше всего. Ли сказал жене, что будет дома через пару часов, и та ушла. В живых своего мужа она видела в последний раз.

В 16.15 в дом Чагры на Фронтера-роуд неожиданно пришла Дайен Саломе в сопровождении нескольких старых подруг и сообщила Джо-Энни, что Ли убит. Пуля прошла через грудь и легкое. Джо-Энни тут же потеряла сознание.

Джо Чагра, младший брат Ли, служивший в его адвокатской конторе до тех пор, пока его терпению не пришел конец, приехал в офис первым. Средний брат Джимми вылетел в Эль-Песо из Лас-Вегаса. Пэтси, единственная сестра Ли, услышав перезвон колоколов собора св. Патрика, находящегося в двух кварталах от их дома, тут же подумала о матери: как раз в это время та должна была возвращаться с мессы домой, не подозревая, что случилось. Пэтси сбежала вниз по лестнице и бросилась к собору. Через час на месте происшествия была и Джо-Энни. К тому времени там уже собралось более дюжины друзей и близких Ли. Никто не знал, кто совершил убийство и что делать дальше.

2

Эль-Пасо и его побратим — мексиканский город Хуарес, раскинувшийся по ту сторону Рио-Гранде,— считаются самым крупным пограничным городом в мире. Адский муравейник домов со взметнувшимися ввысь сверкающими небоскребами раскинулся в долине, втиснутой между двумя горными грядами и рассеченной надвое узенькой лентой реки, которую называют «Рио-Гранде» — Великой Рекой. С вершины горы Франклин или горы Кристо-Рей она вовсе не кажется такой уж «великой». Наоборот, оттуда река представляется настолько узкой, что ее мог бы перепрыгнуть и ребенок. Рио-Гранде служит естественной, хотя и весьма символической границей между двумя государствами. Именно это и стало причиной возникновения самого города и всего того, что там произошло и происходит. Дело в том, что реку эту можно перейти вброд, и именно поэтому 1,3 миллиона жителей этого живущего в нищете минигорода-государства так и не имеют собственного национального или исторического прошлого. Они сами создают свое прошлое по мере исторического развития. Жизнь здесь течет, словно при замедленной съемке,— медленно и размеренно. И так минута за минутой, час за часом, день за днем, год за годом. Город словно бы находится в постоянной спячке, а в таких условиях жизнь приобретает лишь относительную ценность: иногда чуть завышенную, иногда заниженную. Одни объясняют это наличием

какого-то естественного транквилизатора в питьевой воде, другие называют это обычной реакцией людей на изоляцию от остального мира и на потерю к ним всякого интереса. Безразличие жителей к законам и той и другой страны, а также их своеобразное восприятие времени и пространства приобрели чуть ли не анекдотический характер. Однако неукоснительное соблюдение ими предписаний собственного кодекса действует отрезвляюще, и вы быстро начинаете сознавать всю суровость и жестокость реальной действительности.

Приезжие не придают особого значения очевидному и быстро забывают, что это, в сущности, огромный перевал, проход в горах, ущелье, где находят пристанище заблудшие души. Кажется, сама природа создала это место для того, чтобы не приютить, а еще раз испытать их. Затерявшийся на огромной, безлюдной территории, простирающейся на тысячи квадратных километров между пустыней Чиуауа и южной оконечностью Скалистых гор, перевал контролирует пространство и диктует свои законы. Небольшие долины с плодородными землями имеются лишь в начале и в конце перевала. Они-то и кормят людей. Вокруг же, куда ни глянь, простираются безжизненные пространства — настолько суровые и дикие, что, создавая их, природа, казалось, и думать не думала, что там будет жить человек. Уже в самих географических названиях звучит нотка обреченности и безысходности. Так, между Эль-Пасо и Альбукерке находится необитаемая пустыня, названная испанцами Jornada del Muerto («путь мертвецов»). В свое время они полагали, что по этому пути можно добраться до сказочных богатств, в бесплодных поисках которых погибло не одно поколение. Эль-Пасо — Хуарес действительно добился процветания, но это процветание построено на обмане, алчности и коррупции. Мифически сказочные богатства были лишь плодом воображения тех, кто хотел в это верить. По ту сторону перевала нет никаких «семи золотых городов». Там вы найдете лишь американский штат Нью-Мексико.

Эль-Пасо всегда привлекал людей особого сорта: любителей легкой наживы, наемных убийц, бродяг, авантюристов и карточных шулеров, т. е. ту разношерстную толпу темных личностей, которая в свое время пустилась в погоню за призрачным богатством. Горькая ирония, однако, состояла в том (и это подтвердилось на практике), что все они могли рассчитывать лишь на то богатство, какое могли отобрать друг у друга. В период Гражданской войны население города насчитывало всего 428 человек. Одну шестую всех англосаксов составляли профессиональные игроки в карты и кости. Контрабандистов никто тогда не пересчитывал, но начиная с 1846 года, когда участок реки между Эль-Пасо и Мексиканским заливом длиной в две тысячи километров стал государственной границей, контрабанда стала важным источником доходов для жителей города.

Многие сторонники реформ, которые почти всегда поддержи-

вались, а иногда и зачинались местными газетами, пытались очистить Эль-Пасо от скверны начиная еще с конца прошлого века. Когда в 1904 году были запрещены азартные игры, местная газета «Геральд» констатировала, что эти игры по-прежнему процветают. Она насчитала сорок игорных домов и более шестисот игроков. Спустя несколько лет та же газета стала инициатором нового движения за пересмотр соответствующего законодательства. И так продолжалось до 1934 года, когда техасские рейнджеры * совершили облаву на казино и дома терпимости в Эль-Пасо. И что же вы думаете? Все игроки и проститутки спокойненько перебрались на другой берег реки в Хуарес. Этот шаг столь серьезно подорвал экономику Эль-Пасо, что издатель местной «Таймс» объединился с Ассоциацией баптистов и создал «ассоциацию защиты интересов бизнесменов». Ее руководство требовало, чтобы международный мост через Рио-Гранде закрывался не в полночь, а в шесть часов вечера. Газета грозила опубликовать фамилии всех жителей Эль-Пасо, задержанных в Хуаресе после наступления темноты. Война «Таймс» с «грешниками» неожиданно закончилась 4 сентября 1931 года, когда обанкротился «Ферст нэшнл бэнк». «Великая депрессия» заставила людей переключиться на другие проблемы, и азартные игры стали процветать вновь.

Другим бизнесом, способствовавшим формированию нынешнего облика Эль-Пасо и сохранившимся, хотя и в другой форме, и по сей день, была охота за скальпами (в эпоху расцвета это занятие называли «бизнесом на волосах и ушах»). В 1849 году многие из заболевших «золотой лихорадкой» и устремившихся на калифорнийские прииски дальше Эль-Пасо не поехали. В тот год апачи и каманчи сняли особенно много скальпов, и в ответ администрация мексиканского штата Сонора вновь ввела старый испанский обычай выкупа скальпов индейцев. Именно в тот период и начала бурно развиваться целая индустрия, сырьем для которой стали черные индейские волосы. За один такой скальп в ту пору давали 100 песо, и при этом никто не задавал лишних вопросов. Эль-Пасо-дель-Норте стал центром скупки скальпов. Как заметил историк К. Л. Соннихсен, «умение и сноровка американцев сделали многих мексиканцев безработными».

Подразделения солдат, верблюжьи караваны, международная почта и, наконец, железная дорога способствовали росту и процветанию Эль-Пасо, равно как и беспрерывный поток иммигрантов. Ныне город являет собой пеструю картину различных культур, языков, этнических и религиозных групп: евреев, арабов, немцев, чехов, американцев, мексиканцев, индейцев, китайцев, мормонов и меннонитов.

В 50-х годах прошлого столетия была построена военная база в Форт-Блиссе, который в настоящее время стал частью города Эль-Пасо. Сначала база использовалась для борьбы с индейцами,

* Военизированные отряды полиции.— *Прим. перев.*

затем — для защиты американских ранчо и шахт, а потом — для подготовки артиллеристов и испытаний ракет. Этот огромный военный комплекс, включающий Биггс-Филд, военный госпиталь Уильяма Бомонта, армейское командование и ракетный полигон Уайт-Сэндс, в значительной мере определяет нынешний облик Эль-Пасо и вместе с предприятиями по обогащению медной руды и изготовлению сапог и другой ковбойской амуниции способствует развитию городской экономики. Все остальное делают азартные игры и контрабанда.

По некоторым сведениям, одна из каждых пяти семей в Эль-Пасо — Хуаресе занимается каким-либо нелегальным бизнесом.

Как признался бывший начальник городской таможни: «Если сразу прекратить все контрабандные операции, экономика обоих городов тут же развалится».

Ежедневно через три главных моста, соединяющих Хуарес и Эль-Пасо, незаконно переправляется товаров на миллионы долларов. На такую же сумму контрабанда переносится через сотни бродов. В настоящее время особенно популярны наркотики, хотя такие товары, как виски, сигареты, духи, швейцарские часы, серебро, электробытовые товары и, разумеется, рабочая сила, как и в прошлые годы, занимают видное место в нелегальном бизнесе. Мексиканские контрабандисты (fayuqueros) обычно пересекают границу два раза в неделю, каждый раз имея при себе товаров примерно на 10 000 долларов. Когда требуется переправить небольшие по размеру товары (например, американские духи или ювелирные изделия), мексиканцы нанимают старых женщин, которые называются «пастушками» (chiveras). Те не спеша переходят мост и доставляют товар далеко в глубь страны до самого Чиуауа-Сити, находящегося в 377 км от границы. В зависимости от объема и стоимости доставленного товара «пастушки» получают от 45 до 65 долларов. Из этих денег они должны дать взятку («кинуть кость») тому или иному мексиканскому таможеннику. Недавно в беседе с корреспондентом Ассошиэйтед Пресс один мексиканский полицейский сказал: «В прошлом эти люди обычно воровали. Но контрабандой они стали зарабатывать больше. Когда-то они ели одну фасоль, а мяса почти не видели. Теперь же они питаются три раза в день и едят импортный сыр. Этот бизнес выгоден всем».

Американские власти менее снисходительны к такого рода «бизнесу», особенно когда речь идет о наркотиках. До бурного распространения наркомании в США в конце 60-х годов федеральное правительство относилось к Эль-Пасо как к далекой и захудалой провинции, направляя туда проштрафившихся таможенников. Однако с тех пор, как администрация Никсона учредила Управление по борьбе с наркотиками и наделила его всеми необходимыми полномочиями для пресечения потока дурмана в США, Эль-Пасо превратился в главный театр военных действий. Сложное переплетение политики, алчности, корруп-

ции, чрезмерного (хотя и благородного) усердия и соблазна поживиться самим привело к тому, что в Эль-Пасо родилась целая индустрия — столь же ненасытная и алчная, как и охота за скальпами в прошлом веке.

Ли Чагра — молодой человек, еще только начинавший карьеру адвоката,— неизбежно должен был стать жертвой этой индустрии. Со временем та же участь постигла и всех членов его семьи.

3

Ли Чагра был первым в их семье человеком, получившим высшее образование и ставшим профессиональным юристом. В 1962 году он успешно окончил юридический факультет Техасского университета, став четвертым по успеваемости на курсе.

Его предки были людьми чрезвычайно гордыми и достойно представляли смелых и находчивых ливанских военных и торговцев, иммигрировавших в конце прошлого — начале нынешнего столетия в Мехико, а затем в Эль-Пасо. Первоначально все они носили арабскую фамилию Бушаада, но дед Ли Джозеф Бушаада во время Мексиканской революции переиначил ее на мексиканский лад. Старика, как две капли воды похожего на Панчо Вилью *, бросили в тюрьму и чуть было не расстреляли, но ему удалось бежать. Перейдя с семьей границу, он нашел убежище в Эль-Пасо.

Ливанские и сирийские семьи — Чагра, Абрахамы, Фарахи и Саломе — добрались туда через Мексику в один из самых бурных периодов современной истории. Это в какой-то мере объясняет их полные романтических приключений судьбы. Семейная хроника и предание повествуют о судьбе прародителей Чагры — Джозефа и Мэриан Бушаада — как о примере классической любви. Мэриан должна была выйти замуж за другого человека — кузена, родители которого были владельцами преуспевающей газеты. Но утром в тот день, когда должна была состояться свадьба, ее жениха нашли мертвецки пьяным в постели деревенской шлюхи. Униженная и разбитая горем, Мэриан бежала из Ливана к своей старшей сестре, которая незадолго до того эмигрировала в Мексику. Джозеф Бушаада — молодой офицер-кавалерист — последовал за ней и вскоре доказал, что любит ее. Они поженились в мексиканской столице. В то время Джозеф и Мэриан еще не догадывались о царивших вокруг хаосе и насилии, но, когда кровавый диктатор Порфирио Диас приказал расстрелять более двухсот демонстрантов перед Национальным дворцом, молодая пара влилась в поток беженцев, устремившихся из столицы на север. Там в то время власть

* Панчо Вилья (или Франсиско Вилья) — руководитель крестьянского движения на севере Мексики в период Мексиканской революции 1910—1917 гг.—*Прим. перев.*

находилась в руках мятежного генерала Панчо Вильи. Судя по всему, Джозеф Бушаада, бывший офицер ливанской кавалерии, восхищался этим человеком. Как и Вилья, он носил сомбреро и свисавшие вниз усы. Хотя в боевых операциях Джозеф и не участвовал, он все же носил два пистолета и нагрудные патронташи, как это делали мексиканские повстанцы в 1911 году. Вместе с разноликой толпой таких же, как они, беженцев, пеонов и свирепых индейцев из племени яки — отверженных обитателей пустыни, пожелавших присоединиться к армии Панчо Вильи на севере,— они доехали на поезде до местечка Парраль в штате Чиуауа. Мэриан в ту пору была беременна.

Вскоре после рождения сына Абду они двинулись дальше на север, как раз поспев к началу битвы за Хуарес. Джозефа арестовали по подозрению в принадлежности к армии Вильи и бросили в тюрьму. Его ожидал расстрел. Мэриан — изобретательная и волевая женщина, которая была на двенадцать лет старше своего мужа,— завернула маленького Абду в одеяло и побежала в немецкое посольство, где каким-то образом умудрилась получить три немецких паспорта. Джозефа освободили, и в ту же ночь, когда со стороны песчаных дюн с юга уже доносилась канонада, семья Чагры собрала свои нехитрые пожитки и перешла на другой берег реки через никем не охранявшийся тогда мост в Эль-Пасо. Прошли годы, прежде чем они окончательно уладили дела с гражданством. Но в 1911 году такого рода формальности мало кого волновали.

Сначала Джозеф Чагра перебивался случайными заработками, но со временем стал заместителем окружного шерифа в Эль-Пасо. Старожилы до сих пор помнят этого крупного мужчину с овальным арабским лицом, пронзительными черными глазами, усами, как у Панчо Вильи, в сомбреро и с пистолетами, рукоятки которых были инкрустированы перламутром. Чуть позже Джозеф открыл бакалейную лавку у городского рынка за зданием суда и со временем стал хотя и не очень процветающим, но все же признанным представителем растущей арабской общины в деловом мире Эль-Пасо.

Поскольку Джозеф и Мэриан детей больше иметь не могли, всю свою родительскую любовь они отдавали единственному сыну. В силу врожденной застенчивости и строгих правил, которых придерживались арабские семьи даже вдали от родины, Абду Чагра отправился на первое свидание, когда ему было уже почти 23 года. К тому же весь день ему приходилось трудиться в лавке и на рынке: он постепенно брал на себя обязанности отца, готовясь к тому дню, когда старый Джозеф уйдет на покой.

Как-то на похоронах в 1935 году Абду Чагра повстречался с красивой девушкой, которую звали Джозефин Айюб, и безумно в нее влюбился. Вскоре после этой случайной встречи Абду, набравшись смелости, попытался назначить ей свидание. Джозефин сказала: «Я буду встречаться с вами лишь в том случае, если вы намерены на мне жениться». Когда Абду рассказал об

этом матери, та в восторге воскликнула: «Ты нашел прекрасную девушку!» Джозеф обрадовался не меньше: старики так хотели обзавестись внуками.

Все формальности, связанные со свадьбой, были обсуждены и согласованы на торжественном обеде обеих семей, во время которого Мэриан сама надела кольцо на палец Джозефин. Родня невесты хотела, чтобы помолвка длилась как можно дольше, не меньше года, но Мэриан настояла на том, чтобы молодые поженились как можно быстрее. «Долго ждать — дурная примета»,— сказала она.

Через пять месяцев Абду и Джозефин обвенчались. На церемонии присутствовала бо́льшая часть арабской общины Эль-Пасо. Венчание проходило в соборе св. Патрика — том самом, где через 43 года будут отпевать их первенца. Девяносто три ливанских и сирийских семейства, а также большое число мексиканцев, евреев и англосаксов присутствовали на церемонии бракосочетания, начавшейся в семь часов утра. После мессы все отправились на завтрак, который перешел в обед, а затем в ужин. Лишь в три часа ночи, когда гости уже стали расходиться, молодожены сели в поезд и отправились в свадебное путешествие в Лос-Анджелес.

Когда через два года на свет появился Ли Айюб Чагра, радость обоих семейств была безгранична. Ребенок сразу же был окружен таким вниманием и любовью, что большего, казалось, и желать было невозможно.

Абду и Джозефин хотели иметь еще по меньшей мере пятерых детей, о чем их неустанно просили и родители, но домашний врач сказал, что еще раз забеременеть она уже не сможет. Джозефин молила бога послать ей еще одного ребенка. Каждое утро она ходила в церковь и обещала подняться по высокой соборной лестнице на коленях, если только у нее снова будут дети. И вот однажды утром, когда Джозефин мыла посуду, она вдруг почувствовала непонятно откуда взявшуюся, но совершенно явственную боль в паху. Это были предродовые схватки. Дело в том, что все это время она просто не обращала внимания на признаки беременности, поэтому сразу же назвала то, что с ней произошло, «чудом». Джозеф и Абду срочно отвезли ее в больницу, где врачи определили трубную беременность. В то же утро родилась Пэтси — «чудотворный» ребенок Чагры.

А через четыре года после нескольких выкидышей появился на свет и второй сын. Родители назвали его Джемиэлем Александром, но всегда называли Джимми, а иногда просто «шалун». Еще через два года родился третий сын — Джозеф Салим. Но старый Джозеф так и не увидел своего тезки. Абду же был свидетелем того, как Ли окончил юридический факультет, как они с Джимми поженились и как вышла замуж Пэтси. Последней мечтой было дожить до того дня, когда Джо, его самый младший сын, тоже окончит юридический факультет и

будет работать вместе с Ли. Но старик до этого не дожил.

На долю же Джозефин выпало пережить и убийство Ли, и суровые судебные приговоры его братьям — Джимми и Джо.

4

Никто не сомневался, что, как только Ли Чагра сдаст выпускные экзамены и станет адвокатом, он присоединится к Сибу Абрахаму, окончившему юридический факультет годом раньше и уже имевшему собственную адвокатскую контору в Эль-Пасо. Абрахамы сколотили солидное состояние на продаже недвижимости, поэтому во время учебы Сиб не испытывал тех финансовых трудностей, с которыми пришлось столкнуться Ли. Теперь у Сиба был собственный офис в административном комплексе «Кейблс-билдинг», принадлежавшем семейству его жены Маргарет. Кое-кто из родственников Ли возмущался поведением Абрахамов, точнее, тем, что они помогали родному сыну, а зятю не посылали ни цента, хотя каждый понимал, что, согласно арабской традиции, выйдя замуж, девушка на один год порывала со своими родителями, что символизировало ее покорность мужу. Если бы даже новая родня и предложила ему деньги, Ли, скорее всего, отказался бы. Но начинать карьеру партнером Сиба Абрахама было, разумеется, совсем другое дело.

Джо-Энни Абрахам выросла в семье, где свято соблюдали все предписания сирийской ортодоксальной церкви. Суровые старцы-священники и певчие и здесь, в далекой Америке, продолжали заунывно распевать арабские молитвы, которые, казалось, с трудом прорывались сквозь плотный дым от ладана. Вплоть до недавнего времени брак без венчания в церкви считался столь же немыслимым, как и развод. Многое, конечно, изменилось со времен ее бабушки, когда о браках договаривались родственники жениха и невесты, но немало обычаев и традиций все же сохранилось. Всех сирийских иммигрантов объединяло сильное чувство общности и стремление сохранить себя как нацию. По традиции арабские мужчины должны были быть бережливыми, работящими и старательными, иметь развитое чувство собственности и рьяно оберегать семейные устои. Что касается остального, то им разрешалось делать практически все, что угодно: амурные похождения и азартные игры были для них таким же естественным занятием, как и увлечение родео и пивом для англо-американцев. Арабские женщины были сильными и требовательными во всем, что касалось дома и семьи. Во всех других делах их с ранних лет приучали к смирению и покорности. Сирийские женщины должны были как бы оставаться все время на пьедестале и молча взирать на то, что происходит внизу. Джо-Энни как-то сказала первой жене Джимми, Вивиан: «Весь секрет в том, что с мужем надо вести себя так, чтобы тот не догадался, что может обойтись и без тебя».

Джо-Энни и Ли дружили с детства, поэтому все были уверены, что рано или поздно они поженятся. Когда Джо-Энни увидела Ли впервые, он предстал перед ней в образе худосочного подростка с оттопыренными ушами и несколько глуповатым лицом. В то время он уже работал в бакалейной лавке отца, который платил ему 50 центов в час. Но уже тогда она разглядела в нем нечто особенное. У Ли были выразительные черные глаза и открытая радужная улыбка, которая буквально озаряла его лицо. В школе он организовал собственную «банду», придумав для всех название «джента» и эмблему: череп с перекрещивающимися костями. Мальчишки называли Ли «бэтменом» (летучей мышью), потому что уже тогда он предпочитал действовать ночью.

Сестра Ли, Пэтси, вспоминала, что брат всегда защищал слабых. Ему нравилось просто так слоняться по улицам и заглядывать в подъезды и подворотни, где ошивались всякие темные личности. Он всегда готов был ввязаться в драку и отдать последний доллар. Ли часто защищал Пэтси от банд хулиганов-мексиканцев, а иногда и от подзатыльников родителей. Узнав, что Пэтси встречается с мексиканцем Риком де ла Торре, Абду и Джозефин пришли в ярость. Ли, однако, встал на ее защиту и, когда через несколько лет Пэтси вышла за Рика замуж, позаботился о том, чтобы мексиканца приняли в семью. «Мне было так приятно чувствовать себя сестрой Ли,— говорила Пэтси.— Когда он женился на Джо-Энни, я горько плакала. Мне казалось, что теперь я потеряла его навсегда». В разговорах с Пэтси и Джимми, а потом и с Джо Ли любил повторять: «Всегда помни, что ты не лучше других, но и не забывай, черт возьми, что ты не хуже». Его школьные друзья вспоминают, как после одного футбольного матча они так бурно праздновали победу своей любимой команды, что в пух и прах разнесли холл отеля «Кортес» и были за это арестованы. Ли один пошел в полицейский участок и стал протестовать. Разумеется, его тоже арестовали. Джо-Энни говорила потом: «Видимо, уже тогда он решил стать адвокатом».

После окончания средней школы Ли и Джо-Энни на какое-то время разлучились. Родители Джо-Энни послали ее учиться в университет Северного Техаса в Дентоне, который находится более чем в 1100 километрах от Эль-Пасо. Ли же поступил в колледж Западного Техаса, который потом стал называться Техасским университетом в Эль-Пасо. Это учебное заведение находилось всего в нескольких кварталах от дома старого Чагры на Сансет-хайтс по ту сторону шоссе, идущего от реки. Университет считался довольно приличным, но на большее Ли в ту пору и сам не мог претендовать. Среднюю школу он окончил одним из последних по успеваемости (это было в 1959 году), а вступительные экзамены на юридический факультет сдал с запасом лишь в один балл.

Ли и Джо-Энни поженились на другой день после выпускных экзаменов в колледже. Трудно сказать, почему это произошло, но, переехав с молодой женой в Остин (юридический факультет находился там), Ли неожиданно затих и стал домоседом. Возможно, это объяснялось новым для него положением женатого человека, а возможно, и тем, что впервые в жизни он оказался вдали от дома и был теперь глубоко благодарен родителям за их помощь. Ли с головой окунулся в учебники и стал штудировать их с такой энергией и настойчивостью, с какой в свое время занимался спортом или заключал пари. Молодая пара присмотрела для себя небольшую квартирку недалеко от факультета. Там Ли и занимался все это время. Денег, конечно, не хватало. Ли подрабатывал, давая уроки. Помогали и его родители, которым пришлось теперь продать большую часть имущества. Это было время, когда Ли в первый (и последний) раз в своей жизни считал центы. Джо-Энни вспоминала: «В кино мы ходили, может быть, раз в месяц. Из фарша для котлет я научилась делать, наверное, с полсотни блюд. Каждую неделю с попутным автобусом нам отправляли из дома посылку. Там был то сирийский лаваш, то жареная курица. Я забеременела, и Ли купил мне маленького щенка, боксера, который должен был теперь защищать меня. Собака стоила двадцать пять долларов — непозволительная для нас роскошь. Но Ли все же купил ее. Он назвал щенка Ригал и сам его выдрессировал. Собака принесла нам много радости».

В 1960 году у них родилась Тереза-Линн (Терри). Кристина-Мария (Тина) родилась два года спустя, примерно через месяц после того, как ее отец удивил всех тем, что окончил юридический факультет Техасского университета четвертым по успеваемости. Лишь сдав квалификационные экзамены на адвоката, имеющего право выступать в суде, Ли Чагра позволил себе по-настоящему отпраздновать успех, отправившись на пару дней в Лас-Вегас. За все годы учебы Ли только раз почувствовал тягу к азартным играм. «Они играли на деньги в гольф, и он проиграл тогда сорок долларов. Этих денег нам хватило бы на две недели»,— рассказывала потом Джо-Энни. В глубине души она надеялась, что муж излечился от своей старой болезни, поэтому особого шума не поднимала. К тому же Ли волен был поступать так, как считал нужным.

Вернувшись в Эль-Пасо, Ли и Джо-Энни уплатили первый взнос и купили в рассрочку дом у подножья холма на Санта-Анита-стрит. Через дорогу от них жили родители Ли и его младшие братья. Позже, когда Абду умер, Пэтси и ее муж Рик де ла Торре перебрались в дом родителей, а мать переехала в комнату с другой стороны дома. Когда поженились Джимми и Джо, они тоже купили себе по дому на этой же улице, так что никто из семьи Чагры не жил дальше чем в полуквартале друг от друга. Но так продолжалось лишь до той поры, пока Ли и Джо-Энни не выстроили себе особняк-крепость на Фронтера-роуд в Аппер-Вэлли.

Менее чем за год новая адвокатская контора Чагры и Абрахама снискала репутацию надежного защитника всех, кто был не в ладах с законом в Эль-Пасо. Партнеры с готовностью брались за любое уголовное дело: будь то убийство, изнасилование, ограбление или берглэри*. В те времена, если адвокаты назначались судом, им не платили, поэтому, чтобы не разориться, нужны были деньги. Хорошая реклама могла окупиться сторицей. Сиб Абрахам вспоминал, что дела у них шли тогда «просто здорово», и первое свое дело они проиграли лишь через четыре года. Но это поражение было предвестником многих бед, которые произошли потом в Эль-Пасо. Молодым адвокатам впервые пришлось иметь дело с новым «оружием» в руках федеральных властей — агентами-провокаторами, обязанностью которых было провоцировать преступления. Так, два таких агента уговорили ничего не подозревавшего владельца кафе в Эль-Пасо вступить с ними в сделку и купить краденое казенное оружие, которое существовало лишь в их воображении. Но они были так красноречивы, что в какой-то момент бедному владельцу кафе даже показалось, что речь идет чуть ли не о списанной подводной лодке. Сиб Абрахам вспоминал в этой связи: «Поначалу нам все представлялось нелепым до смешного. Но, как только мы вошли в зал федерального суда и ощутили всю строгость и официальность обстановки, мы поняли, что дело приобретает скверный оборот. К счастью, попался хороший судья, который во всем разобрался и назначил нашему клиенту условное наказание». Для Эль-Пасо это было нечто совершенно новое. В течение последующих нескольких лет каждому местному адвокату по уголовным делам пришлось рано или поздно столкнуться с делами граждан, обманным путем вовлеченных в преступления федеральными агентами. Всякий раз, когда провокатор находил очередную жертву, правила честной игры забывались, и жертва была заранее обречена независимо от имевшихся доказательств. Когда же Управление по борьбе с наркотиками увеличило число работавших на него молодых фанатиков и установило для них твердые квоты, новая игра стала смертельно опасной. Уэйн Уинделл, окончивший тот же юридический факультет, что и Ли Чагра, вспоминал, что в Эль-Пасо его знакомый, опытный, адвокат предупредил его: «За дела с наркотиками лучше не берись. Если агент из федерального управления почувствует, что может влипнуть в неприятную историю, тебя могут найти потом плавающим лицом вниз в сточной канаве». И действительно, после того как Уинделл добился оправдания двух своих подзащитных по делу о героине, он тут же получил первое письмо с угрозой расправы. За ним последовали и другие.

Чагра и Абрахам были одними из тех немногих адвокатов в городе, которые не отказывались от дел о наркотиках. Ли

* Насильственное вторжение в чужое жилище с намерением совершить тяжкое уголовное преступление.— *Прим. перев.*

чрезвычайно гордился своей ролью эдакого Робин Гуда. Обвинителям он говорил: «Советую отнестись к моему клиенту внимательно, потому что, случись революция, мы вас не пощадим». Это была, конечно, шутка, но в сознании Ли действительно назревала своеобразная революция. Он придумал для себя туалет, который лучше всего соответствовал его представлению о себе: черная ковбойская шляпа, расшитые сапоги ручной работы и целый набор дорогих украшений, включая золотой браслет, на котором было выгравировано слово «свобода». Несколько таких же браслетов он подарил своим близким друзьям и родственникам, и теперь это слово стало его девизом. Джо-Энни подарила мужу трость из слоновой кости с золотым набалдашником в виде головы сатира, и трость эта тоже стала частью созданного им образа. Страстью Ли Чагры были, казалось бы, безнадежные дела. Объяснялось это многими причинами. Одной из них была его искренняя убежденность в том, что даже самые закоренелые преступники, отпетые негодяи, для которых не было ничего святого, имели гарантированное законом право на справедливое судебное разбирательство. Другой была его врожденная неприязнь к колоссальной власти, сосредоточенной в руках федеральных органов. Еще одной причиной было стремление Ли к популярности: ему нравилось видеть свое имя в газетных заголовках (по крайней мере до тех пор, пока эти заголовки не стали его преследовать). Немаловажную роль здесь сыграла и растущая потребность в деньгах. «Я беру деньги у толстосумов, оставляю солидный куш себе, а остальное отдаю бедным»,— говорил он. Одной из причин была и его паранойя, гнетущее ощущение, будто некая злая сила вышла из-под контроля, постоянно наблюдает за ним и выжидает момент, когда можно будет нанести смертельный удар. И последней причиной было его какое-то необъяснимое упрямство, порой заставляющее некоторых людей лезть в окно, вместо того чтобы спокойно войти в открытую дверь.

5

Уже в воздухе по пути в Лас-Вегас Ли попросил летчика покачать крыльями присланного за ним «лирджета», чтобы удостовериться, что апельсиновый сок действительно не прольется. Это было просто здорово! С высоты 12 тысяч метров пустыня внизу казалась гигантским столом для игры в кости — ровненьким, без единой складки. К концу 60-х годов владельцы казино уже сами оплачивали все счета Ли: за проживание в отеле, питание и выпивку. Ли Чагра — один из немногих избранных, игравших по-крупному,— мог также бесплатно пользоваться самолетом казино.

На горизонте уже появилось зарево от городских огней.

— Скажи мне еще раз,— спросил Рей Рамос.— Если у нас в кармане пусто, зачем мы летим в Вегас?

— А затем, что у нас в кармане пусто,— ответил Ли, и Рамос расхохотался так громко, что даже опрокинул стакан с выпивкой.

Если любителей острых ощущений считать преступниками, то Ли Чагра был одним из них. Он обожал играть в карты и кости, водить дружбу с торговцами наркотиками и сомнительными политиканами, певичками из ночных клубов и дилерами*, орудовавшими на «черном рынке» и умевшими быстро делать деньги. Все они были дельцами и контрабандистами, все, кого он знал и с кем имел дело.

В коротких поездках в Лас-Вегас его обычно сопровождали старые друзья: Рей Рамос — бывший полицейский, превратившийся теперь в адвоката; Джимми Саломе — друг детства, преуспевший в страховом деле и торговле недвижимостью и владевший роскошным особняком рядом с домом Ли и Джо-Энни на Фронтера-роуд, и Кларк Хьюз — сын дипломата, юрист, уставший со временем от утомительной и бессмысленной погони за удачей и устроившийся на должность окружного судьи. Все они были довольно крупными игроками с хорошей репутацией и неограниченным кредитом в большинстве казино Лас-Вегаса. Ли, однако, не был обыкновенным игроком. Он был «громилой» — человеком, способным в буквальном смысле разорить казино. Деньги не были для него самоцелью. Они были чем-то вроде редкой монеты, которую непременно надо было достать.

Семнадцать лет назад они еще не летали на специально присылаемых за ними самолетах. Через пустыню приходилось перелетать на старой развалюхе, не стоившей и четырех автобусных билетов. То было трудное время, когда нужно было бороться за каждый доллар. Но стоило раздобыть немного деньжат, как они тут же устремлялись в Лас-Вегас. В каком-то смысле бороться нужно было и сейчас: ведь, пристрастившись к игре так сильно, как Ли, на полное удовлетворение рассчитывать не приходилось. Не раз ему случалось брать в долг, чтобы выплатить жалованье служащим. Иногда у него не было денег даже на обед. Как-то в четверг, одолжив 5000 долларов у коллеги-адвоката и выписав подложный чек на 20 000 долларов, который мог быть покрыт его зятем Риком де ла Торре до понедельника (тот служил в банке), Ли вылетел в Лас-Вегас и выиграл около 200 000 долларов. Сумма была так велика, что хозяин казино «Аладдин» не смог сразу все выплатить и вынужден был одолжить деньги у хозяина другого казино — «Сизарс-палас». Ли не только опустошил кассу казино, но и унизил его хозяев. Деньги для него ничего не значили. Ему нравился сам процесс игры. Однажды Ли дал Саломе десять белых фишек (по 5000 долларов) только для того, чтобы тот бросил кости вместо него. Когда же другой его приятель, Кларк Хьюз, немного перебрал и потерял 4500 долларов, Ли спокойно направился к кассе и заплатил за него всю сумму, не сказав при этом ни слова.

* Оптовые торговцы наркотиками и другой контрабандой.— *Прим. перев.*

Отправляясь в Лас-Вегас, Ли обычно Джо-Энни с собой не брал, считая, что азартные игры — не для женщин. Но иногда он делал исключение, и эти редкие поездки оставались потом надолго в ее памяти. Она считала, что венцом их совместной жизни была та незабываемая ночь в казино «Сизарс-палас», когда Ли выиграл 260 000 долларов.

Когда Ли проигрывал, на него жалко было смотреть. Он кричал, проклиная судьбу, и безумствовал до тех пор, пока Джо-Энни не обнимала его и не говорила, что это она во всем виновата. Она была готова на все, лишь бы облегчить страдания мужа. Но со временем что-то в их любви надломилось, и Джо-Энни знала, что это произошло летом 1969 года, вскоре после рождения их пятого и последнего ребенка — дочери Джо-Анны. Врачи обнаружили у нее опухоль в груди и заставили согласиться на ампутацию. Таким образом, вместо радости рождение ребенка принесло горе. Трудно точно определить, как сильно эта операция повлияла на брак, но ее негативные последствия были бесспорными. Пэтси де ла Торре, сестра Ли, вспоминала, что брат не мог справиться с охватившим его чувством тревоги и вины: «Ли без конца повторял: почему это случилось с *ней*, а не с *ним*. Он твердил, что это он никудышный человек и что наказывать надо было его». Джо-Энни, конечно, хорошо понимала, что операция неизбежно повлияет на физическую сторону их любви, хотя Ли и пытался трезво смотреть на вещи и выработать соответствующую линию поведения. «Если бы я потерял ногу,— успокаивал он ее,— разве ты любила бы меня меньше?» Все эти страшные дни Ли был постоянно рядом. Он заставлял себя улыбаться, чуть прикрывал глаза, имитируя сентиментальное настроение, и начинал петь. Всю мелодию он воспроизвести не мог, но старался, и это было трогательно.

Последние восемь лет в их супружеской жизни было больше неприятных моментов, чем приятных. Вскоре после операции Джо-Энни ей позвонила одна из бывших секретарш и заявила, что может поклясться, что Ли любит не Джо-Энни, а ее и обещает куда-то увезти. Ли будто бы пообещал ей и новую машину, и новый дом, и драгоценности — «все, что есть у Джо-Энни». Другая секретарша, знавшая об их связи, заметила: «Ли, конечно, и не думал выполнять все эти обещания». Тем не менее телефонный звонок вызвал у Джо-Энни реакцию, совершенно ей несвойственную. Никто из родных никогда еще не видел ее в такой ярости. «Она буквально обезумела»,— рассказывал Ли своему младшему брату Джо. Он так испугался, что Джо-Энни может с ним что-то сделать, что вынул и спрятал патроны из всех своих пистолетов. В то лето Ли и Джо-Энни усадили детей в семейный фургон и уехали отдыхать в Калифорнию. Но, как сказал потом Ли брату Джо, поездка превратилась в какой-то кошмар.

6

Когда в конце 60-х годов законы о торговле наркотиками стали ужесточаться, а правоохранительные органы усилили борьбу с нарушителями, адвокаты в Эль-Пасо заметили странное противоречие: торговля наркотиками не только не сократилась, но, наоборот, *увеличилась*. Прибавилось работы и у них. Социологи назвали этот феномен «синдромом возросшего тарифа преступлений»: ужесточение законов вело к повышению ставок, что в свою очередь вовлекало в преступный бизнес все новые и все более изощренные уголовные элементы. В 1968 году Ли Чагра и Сиб Абрахам вдруг поняли, что если они откажутся от дальнейшего партнерства и станут действовать независимо, то сумеют заработать гораздо больше.

К тому моменту, когда Ли познакомился с представительным молодым торговцем наркотиками по имени Джек Стриклин, он уже успел перебраться в свой новый офис напротив здания суда. Кларк Хьюз предупреждал его: «Одна из проблем, с которой приходится сталкиваться адвокату по уголовным делам, состоит в том, что все его клиенты — жулики. Стоит немного забыть об осторожности, как его друзьями тоже становятся жулики». В то время Ли Чагра не мог, конечно, знать, что его дружба со Стриклином выльется впоследствии в целую серию уголовных дел, которые сделают его одним из самых известных, точнее, печально известных людей в штате Техас.

Хотя Стриклину не было еще и тридцати, среди местных торговцев наркотиками он слыл одним из пионеров этого бизнеса. Он вырос в респектабельном районе города и смолоду стал заниматься продажей «жестянок», когда они еще так и назывались. Это была унция* марихуаны в жестяной банке из-под табака «Принц Альберт». Отец Стриклина был вице-президентом компании «Эль-Пасо нэчурел гэс», и его сын Джек был типичным для верхушки среднего класса подростком: избалованным, недисциплинированным, постоянно пытавшимся самоутвердиться путем всевозможных выходок и бравады. Родители послали его учиться в военное училище Аллена, которое в те времена, должно быть, давало неплохую подготовку по части торговли марихуаной: спустя несколько лет, когда Джек отбывал наказание в федеральной тюрьме Ла-Туна, он насчитал среди заключенных семь выпускников этого училища.

«К бизнесу приобщаешься постепенно,— вспоминал Стриклин.— Сначала начинаешь курить. Затем покупаешь три унции, а две продаешь. Потом начинаешь что-то соображать в экономике. У тебя в руках — реальный продукт и никаких накладных расходов. Ты имеешь дело только с наличными. Никакой бухгалтерии, никаких чеков. Это прекрасная возможность для любого парня приобщиться к свободному предпринимательству. Через какое-то время ты уже переносишь товар через реку. Это она сделала из Эль-Пасо особый город. Без тех, кто постоянно переходит реку вброд, не было бы ни Колумбии, ни Флориды, ни Панамы. Все начиналось здесь, на реке».

* 1 унция=28,35 г.— *Прим. перев.*

Несколько лет Стриклин прослужил на флоте, просидев часть срока на «губе» за торговлю «травкой». Родные ничего не знали о его арестах, и, когда Джек демобилизовался, отец подарил ему новенький джип и дал денег на поступление в колледж. «Как-то так получилось,— вспоминал он,— что учиться я больше не стал. Уже через четыре дня мой джип был на другой стороне реки. Мы загружали его в центре Хуареса или где-нибудь на автостраде. В ту пору нам отдавали десять процентов груза за транспортировку. Мы раскладывали товар по жестянкам, продавали их, покупали новую технику и отправлялись за следующей партией. Тогда нам и в голову не приходило что-то скрывать или прятать. В машинах не было никаких тайников. Тогда нужна была только смелость».

К моменту знакомства с Ли Чагрой Стриклин уже командовал целой армией контрабандистов. Они использовали небольшие самолеты, грузовики, сложную радиоаппаратуру двусторонней связи, устройства для ночного видения и множество других приспособлений для обеспечения безопасности. Банда Стриклина иногда сотрудничала с другими бандами. Не последнее место среди них занимала группа, называвшая себя «Авиацией Коламбуса». Она состояла из бывших военных летчиков, действовавших с небольшого аэродрома в городе Коламбусе (штат Нью-Мексико). Другая группа действовала с отдаленного ранчо (иногда называвшегося «домом старого контрабандиста») в пустыне Джила недалеко от границы между штатами Нью-Мексико и Аризона. Группы часто подменяли друг друга. Это случалось, когда определенный рейс мог сделать только один пилот или когда какой-то «контакт» выходил лишь на определенного поставщика. Каким-то чудом деньги, как правило, в конце концов попадали в нужные руки, хотя это было и не всегда. Но с одной группой не осмеливался портить отношений ни один контрабандист. Во главе ее стоял отъявленный бандит, которому не было и двадцати. Звали его Джорджи Тэйлор. Он был из рода Абрахамов (его мать приходилась Джо-Энни тетушкой). Джорджи стал местной знаменитостью, когда «сделал» миллион уже в семнадцать лет. Он пристрастился к героину и иногда действовал в паре с другим наркоманом по имени Том Питтс — известным в средней части Теннесси торговцем наркотиками. По чистой случайности Джек Стриклин тоже «работал» с Питтсом, хотя и не знал о его связях с Джорджи Тэйлором. Джек Стриклин впервые привлек к себе внимание Ли Чагры именно благодаря этой ассоциации организованных банд, соперничавших групп, одиночек и перебежчиков. Ассоциация заставила всех агентов по борьбе с наркотиками на Юго-Западе США обратить внимание на самого Ли Чагру.

Начало целой серии уголовных дел было положено осенью 1971 года, когда агенты Федерального Таможенного управления «застукали» Питтса и двух других контрабандистов, пытавшихся переправить триста килограммов марихуаны через Рио-Гранде. Питтс связался с Джеком Стриклином по телефону и попросил разузнать фамилию хорошего адвоката. Стриклин знал о существовании Ли только понаслышке. «Я сам вырос в Эль-Пасо,— вспоминал Стриклин,— и не доверял арабам. Но все твердили, что Ли — лучший адвокат». Когда Питтс и те двое явились в офис к Ли, они были похожи на хиппи, но вели себя так, словно состояли постоянными членами Нью-йоркской фондовой биржи. Дело Питтса уже было передано федеральному судье Эрнесту Гуину, который вершил в Эль-Пасо правосудие как феодальный князь, что побудило нескольких адвокатов категорически отказаться от участия в рассмотрении дел в его суде. Ли тоже грозился последовать их примеру. Изложив Питтсу и его товарищам суровые факты, Ли сказал: «Спасти вас я не смогу. Каждому могут влепить пять лет. Самое большее, что я могу сделать,— это скостить срок до полутора лет. И это обойдется вам в десять тысяч долларов».

Ли имел в виду 10 000 долларов за всех троих, но Питтс его не понял. Он считал себя крупной птицей и решил, что и Чагра, должно быть, важная персона, если запрашивает тридцать «косых». Контрабандист из Теннесси приспустил носок, вынул пачку купюр и бросил их на стол Ли. Тот, не говоря ни слова, сунул деньги в ящик письменного стола. Мозг его в это время лихорадочно работал, а глаза бегали, словно шарики в игральном аппарате.

Ли и полдня не понадобилось, чтобы установить, что ордер на обыск, позволивший поймать контрабандистов из Теннесси с поличным, был оформлен неправильно, и их дело было прекращено. Вскоре у каждого торговца наркотиками в округе появилась визитная карточка Ли Чагры. Многие даже стали хранить крупные суммы в сейфе адвоката на тот случай, если произойдет неизбежное. Чагра и Джек Стриклин стали близкими друзьями и партнерами, учредив компанию под названием «Би-эйч-эс энтерпрайзис», якобы занимавшуюся «импортом и экспортом». По мнению же агентов из Управления по борьбе с наркотиками, эта компания использовалась ими для «отмывания» * денег, вырученных от контрабанды. «Я никогда не смогу это доказать,— сказал один из федеральных агентов Дж. Робинсон,— но я твердо убежден, что Ли стал крестным отцом для Стриклина и этих молодых контрабандистов. Конечно же, они делятся с ним деньгами». В 1972 году общий доход Ли превысил 250 000 долларов. В следующем году он уплатил налог с 450 000 долларов, включая 125 000 долларов, заявленных им в налоговой декларации как выигрыш. Именно в том году Ли и Джо-Энни начали строительство своего нового дома на Фронтера-роуд. Этот дом-крепость площадью более 600 квадратных метров имел плавательный бассейн, конюшню, оборудованные электронной системой ворота и мониторы внутреннего телевидения. Ли иногда называл свой дом «крепостью, которую построил Джек».

Ли, должно быть, считал, что напал на золотую жилу. Но это было не так. Скорее он угодил в зыбучие пески. В двух с половиной тысячах километров от Эль-Пасо любитель героина Том Питтс был арестован при попытке продать очередную партию наркотиков и теперь томился в изоляторе федеральной тюрьмы. Он готов был рассказать властям все, что угодно, но пока никак не мог чем-то их заинтересовать. Когда, однако, Питтс упомянул имя Ли Чагры, федеральные агенты стали слушать его внимательнее. Питтс рассказал, как однажды он и еще один дилер договорились о сделке в офисе Ли. Да, Ли действительно получил тогда комиссионные. Позже, правда, выяснилось, что Питтс соврал, но в тот момент эта ложь помогла ему на какое-то время «сорваться с крючка». В тот момент, когда Ли и Джо-Энни переезжали в свой новый дом на Фронтера-роуд, большое жюри в Нашвилле на тайном заседании вынесло вердикт о привлечении Ли и еще сорока человек к суду за вступление в преступный сговор с целью приобретения и распространения марихуаны.

Утром 20 июня 1973 года группа федеральных агентов по борьбе с наркотиками явилась в адвокатскую контору Ли с ордером на арест и увезла его в наручниках. Потрясенный и озадаченный случившимся, Ли находился в полном неведении относительно характера предъявляемых ему обвинений. Его перевозили теперь из тюрьмы в тюрьму, как обыкновенного преступника — одного из тех, кого он в свое время защищал. Один из самых блестящих и уважаемых адвокатов Техаса, Ли в свои 38 лет по непонятным для него причинам оказался вдруг скованным одной цепью с каким-то панком — племянником жены Джорджи Тэйлором. В ту же сеть угодили Джек Стриклин, кое-кто из его дружков (например, Майк Холлидей и Джонни Миллиорн), а также многие другие, с которыми Ли никогда не был знаком и о которых даже не слышал. Ситуация представлялась ему крайне нелепой. Ранним вечером в тот же день Ли предстал перед судьей Джеми Бойдом — знакомым, иногда заходившим к нему в контору, чтобы поболтать о политике. Джо-Энни прибежала в федеральный суд с 50 000 долларов, но Бойд решил, что принимать такой большой залог наличными уже поздно, и Чагра вынужден был провести ночь в тюремной камере. Там к этому времени уже собралась почти вся компания торговцев наркотиками из Эль-Пасо. Газеты по всему Югу США

* В преступном мире США широко распространена практика «отмывания» или «отстирывания» «грязных» денег, полученных незаконно. Для этого создаются фиктивные компании или банки, призванные изменить происхождение этих денег для дальнейшего их безопасного использования.— *Прим. перев.*

назвали операцию по захвату котрабандистов самой крупной за всю историю Нашвилла (штат Теннесси) — города, в котором Ли не был ни разу в жизни.

Официальное обвинение было сформулировано настолько туманно, что его невозможно было даже понять, не говоря уже о возможности наметить линию защиты. Адвокаты Ли Сиб Абрахам и Билл Маркиондо из Альбукерке внесли более 150 ходатайств с требованием конкретизировать предъявленное обвинение, однако ответ федеральных властей оставался невнятным. Тогда адвокаты внесли еще пять ходатайств, требуя, чтобы власти либо соблюли право обвиняемого на быстрое судебное разбирательство, либо прекратили дело. Никакого вразумительного ответа, однако, вновь не последовало. В течение последующих двенадцати месяцев обвинение прекратило дела примерно половины первоначально арестованных людей, но по делу Ли Чагры отказывалось идти на какие-либо уступки.

Все это продолжалось почти два года. Когда наконец выдвинутые против Ли обвинения были сняты, средства массовой информации заявили, что это было сделано из-за нарушения права обвиняемого на быстрое судебное разбирательство. В действительности же дело было прекращено прежде всего потому, что выдвинутые обвинения не были подкреплены доказательствами. Судья Фрэнк Грей, главный судья Среднего округа штата Теннесси, в марте 1975 года оформил представление, в котором в резких выражениях назвал обвинительный акт «явно и прискорбно юридически порочным» и составленным так, что он стал «совершенно бессмысленным, а значит, не содержащим ровным счетом никаких обвинений». Судья Грей набросился на агентов из Управления по борьбе с наркотиками, заявив, что ограничение свободы обвиняемых и «атмосфера беспокойства, подозрений, а зачастую и враждебности», в которой они были вынуждены жить в течение двух лет, нарушают элементарные принципы правосудия. Много позже Ли Чагра узнал, что единственным доказательством против него было «признание», сделанное наркоманом Томом Питтсом.

«Поднятый шум почти погубил адвокатскую карьеру Ли,— вспоминал Джо Чагра, его младший брат, который к этому времени уже тоже работал в адвокатской конторе Ли.— Охотников нанимать адвоката, который сам привлекался к судебной ответственности, теперь было мало». Репутация Ли оставалась запятнанной даже после того, как были сняты все предъявленные ему обвинения. Все считали, что Ли удалось избежать ответственности на чисто формальном основании. Теперь все газетные сообщения о Ли неизменно начинались так: «Ли Чагра, которому было предъявлено обвинение в торговле наркотиками ...»

Ли ничего не забыл и никому не простил. Его ненависть к федеральным агентам, особенно к провокаторам, переросла в столь сильное чувство, что подчинила себе всю его личную и

профессиональную жизнь. Он стал записывать на магнитофон все свои телефонные разговоры, скрупулезно собирая информацию, которая содержала хотя бы намек на неправомочные действия властей. «Теперь дело называется так: «Ли Чагра против Соединенных Штатов Америки»,— говорил он своим друзьям, и те понимали, что он не шутит. Сославшись на свободу информации, он потребовал от властей представить ему все документы, относившиеся к проведенному в отношении его расследованию, и вскоре два тяжелых шкафа были забиты увесистыми папками. Документы показали, что почти каждую неделю какой-нибудь агент наводил справки о личной жизни Ли Чагры. Власти затребовали квитанции о всех телефонных разговорах, которые он вел из дому и из конторы начиная еще с 1968 года, равно как и все документы об уплате подоходного налога. Почти все клиенты Чагры, оказавшиеся в тюрьме, были допрошены агентами из Управления по борьбе с наркотиками, которые выспрашивали у них информацию о Чагре и предлагали всякого рода поблажки за уличающие его сведения. Время от времени агенты-провокаторы под видом клиентов приходили к нему в офис для обсуждения какого-нибудь несуществующего дела, а затем пытались провернуть через него сделку с наркотиками. В таких случаях Ли поступал одинаково: он незаметно записывал всю беседу на магнитофон, а потом давал агенту номер телефона «настоящего босса». Это был домашний телефон местного шефа Управления по борьбе с наркотиками, не указанный в телефонном справочнике.

7

В 1969 году администрация Никсона объявила войну торговцам наркотиками. В дальнейшем, однако, эта акция вылилась в нечто большее и, как это ни парадоксально, нечто меньшее. Дело в том, что Никсона в то время волновала не столько проблема наркотиков, сколько приближавшиеся выборы в конгресс. До этого администрация, столь громогласно ратовавшая за обеспечение «закона и порядка», мало что сделала для снижения уровня преступности. Вину за это сам Никсон и его министр юстиции Джон Митчелл возлагали на суды, конгресс и бюрократические правительственные учреждения. Им срочно нужна была какая-нибудь острая проблема, кризис или даже эпидемия, на которую можно было бы все свалить. Гордон Лидди предложил использовать для этого проблему наркотиков.

Заслуги Лидди в этой области сводились к тому, что, будучи весьма ретивым помощником окружного прокурора в Пафкипси (штат Нью-Йорк), готовым без промедления применить оружие, он организовал получивший широкую огласку налет на логово известного в округе торговца ЛСД* Тимоти Лири в соседнем

* Вызывающий галлюцинации наркотик. Название происходит от начальных букв немецкого Lyserg-Säure-Diaethylamid.— *Прим. перев.*

Миллбруке. В своем родном городе он завоевал популярность тем, что без устали повторял старую песню о «травке-убийце» и ругал «проклятых иностранцев», испортивших американскую молодежь наркотиками. Когда представители администрации Никсона попросили его развернуть борьбу в общенациональном масштабе, имея в виду объявленную президентом войну торговцам наркотиками, Лидди организовал просмотр старого пропагандистского фильма нацистов «Триумф воли» для избранных лиц из окружения Никсона. Среди них были Джон Эрлихман, Чарлз Колсон и Иджил Кроу. Фильм показывал, как небольшая группа «крепких парней» может искусственно создать кризис, а затем использовать его для манипулирования всей страной (по мнению Лидди, война с наркотиками требовала именно этого). Проблему наркотиков он рассматривал как прекрасную возможность для Белого дома проявить волю и в конечном итоге добиться победы на выборах.

Хотя проблему наркотиков создавать было и не нужно, поскольку она уже существовала, администрация Никсона решила все же действовать наверняка. Путем подтасовки фактов и искажения официальных статистических данных (например, для определения численности наркоманов в стране был использован тот же метод, что и для подсчета количества рыбы в пруду) администрация смогла убедить конгресс в том, что лишь драконовские меры могут положить конец торговле наркотиками.

Лидди, который как-то похвастался, что боязнь крыс он поборол в себе тем, что поджарил одну и съел, предлагал один план за другим. Он вылетел в Эль-Пасо, чтобы лично руководить операцией «Перехват»: за три недели агенты задержали и обыскали пять миллионов американских граждан, практически закрыв границу протяженностью около двух тысяч километров. Лидди обсуждал в ЦРУ возможность «ликвидации» всех главных торговцев наркотиками на Ближнем Востоке. По его подсчетам, проблему может решить убийство 150 самых крупных торговцев. Он предложил также подсыпать в наркотики яд и тем самым подорвать подпольный рынок. Использование агентов-провокаторов было его самым безобидным предложением. Лидди разработал также план использования Налогового управления в качестве органа по борьбе с наркотиками, и в течение какого-то времени оно держало под арестом имущество граждан, подозревавшихся в торговле наркотиками.

Хотя контролировавшийся демократами конгресс, видимо, понимал, что предложенный администрацией Закон о контроле над наркотиками от 1970 года преследовал скорее политические цели, чем цели эффективной борьбы со злом, он все же утвердил его, хоть и незначительным большинством. Среди прочих мер новый закон представлял властям право объявлять мелких уличных торговцев наркотиками «главарями банд» и отправлять в тюрьму на пожизненное заключение. Составленный по образцу аналогичного закона, принятого для привлечения к суду боссов мафии, закон 1970 года ввел новый вид преступления — «продолжительную преступную деятельность» — и получил название «закона о главаре банды». Таковым считался руководитель организации, получавший «существенную часть» своих доходов от приобретения и продажи наркотиков.

Вместе с новым законодательством были разработаны планы, предусматривавшие назначение строгих судей и реорганизацию аппарата, осуществлявшего надзор за соблюдением законов о наркотиках. Этот аппарат должен был теперь представлять доклады непосредственно Белому дому, а не министерству юстиции. Последнее вот уже много лет вело спор с министерством финансов о том, в чьем ведении должны находиться вопросы борьбы с наркотиками. С 1930 по 1968 год подведомственное министерству финансов Бюро по борьбе с торговлей наркотиками было главным учреждением в этой области. Таможенное управление и береговая охрана играли лишь второстепенную роль. Когда у власти находилась администрация Джонсона, министр юстиции Рамсей Кларк отметил «заметную коррупцию» в соответствующих правительственных учреждениях: незаконную куплю и продажу наркотиков, хранение контрабанды в целях собственного использования или продажи, хранение денег для оплаты услуг осведомителей, лжесвидетельство, подделку документов, взяточничество, вымогательство и даже убийство. В 1968 году в соответствии с так называемым «реорганизационным планом № 1» Бюро по борьбе с торговлей наркотиками было распущено и вместо него создано новое учреждение — Бюро по контролю за наркотиками и опасными препаратами. По замыслу администрации Джонсона, оно должно было вести борьбу с распространением наркотиков внутри страны, в то время как Таможенное управление должно было концентрировать усилия на борьбе с контрабандой и на международных аспектах проблемы. На практике оба эти учреждения постоянно враждовали между собой, и эта вражда порой доходила до того, что они попросту саботировали секретные операции друг друга или компрометировали осведомителей соперника. В Вашингтоне министерство юстиции и министерство финансов, требовавшие расширения своих полномочий, вели постоянную борьбу за увеличение ассигнований. А тем временем поток наркотиков в страну практически не прекращался.

В начале 1972 года Никсон подписал приказ о создании нового учреждения — так называемого Управления по борьбе со злоупотреблениями наркотическими препаратами. Созданное без рассмотрения вопроса в конгрессе и без его утверждения, новое управление должно было стать суперведомством с чрезвычайными полномочиями, которые позволяли бы ему производить обыски, изымать контрабанду и вести электронное наблюдение. Оно подчинялось непосредственно Белому дому. Однако развернуться в полную силу ему помешали два обстоятельства: «Уотергейт» и бунт бюрократов из Таможенного управления и

Бюро по контролю за наркотиками и опасными препаратами — двух учреждений, деятельность которых была к тому времени приостановлена. В апреле 1973 года оперативная группа головорезов из нового управления ворвалась в жилой дом в Коллинсвилле (штат Иллинойс) и целую ночь терроризировала ни в чем не повинных людей. Детали этого рейда тщательно скрывались от общественности, пока какие-то обиженные агенты из Бюро по контролю за наркотиками и опасными препаратами не устроили «утечку информации». Управление быстро и незаметно исчезло, а Белый дом приступил к реализации «плана № 2», в соответствии с которым было создано Управление по борьбе с наркотиками, структурно входившее в министерство юстиции.

В течение первого же года своего существования в новом управлении разразился скандал, повлекший за собой широкое расследование конгресса. Как и в «Уотергейте», все началось с незначительного инцидента, когда один вашингтонский полицейский обратил внимание на подозрительную группу людей, собравшихся в темной аллее за ночным клубом. Те в тот момент примеряли костюмы без ярлыков, которые продавались среди ночи прямо из багажника автомашины. Одним из покупателей оказался Винсент Промуто, бывший футболист из команды «Редскин», лишь недавно назначенный в Управлении по борьбе с наркотиками на должность директора по связям с общественностью. В ходе дополнительного расследования выяснилось, что Промуто регулярно общался с игроками и уголовниками, посещавшими этот ночной клуб, и что однажды он шепнул на ухо владельцу клуба, что один из его друзей — осведомитель из их управления. У вашингтонской полиции не было доказательств причастности Промуто к какому-нибудь преступлению, однако тот факт, что он общался с темными личностями, занимая руководящий пост в управлении, несомненно, подрывал репутацию этого учреждения. Дальнейшее расследование показало, что Промуто находился в любовной связи с проституткой, бравшей с клиентов по 100 долларов и связанной с бандой контрабандистов, доставлявших товар из Ларидо (штат Техас). Когда вся эта информация была представлена Андрю Тартальино, занимавшему второй по важности пост в Управлении по борьбе с наркотиками, тот начал собственное расследование, подключив к нему Джорджа Броусена. Судя по всему, это было сделано, несмотря на возражения директора управления Джона Бартелса — близкого друга Промуто.

К тому времени, когда расследование привело к слушаниям в подкомитете по делам правительственных учреждений, который возглавлялся сенатором Генри Джексоном, аналогия с «Уотергейтом» уже напрашивалась сама собой. Среди прочего подкомитет хотел выяснить, почему агенты управления, пытавшиеся проникнуть в банду контрабандистов, играли в азартные игры в одном из казино в Лас-Вегасе на деньги хозяина, полученные им от «Интернэшнл интеллидженс» («Интертел»), которая, по сведениям Управления по борьбе с наркотиками, имела связи с организованной преступностью. Джексон и другие сенаторы обвинили директора управления в попытке утаить детали этой операции.

Слушания в подкомитете проходили на фоне всевозможных обвинений, контробвинений и оскорбительных выпадов. В конце концов Джон Бартелс был смещен с поста директора Управления по борьбе с наркотиками, и на его место был назначен Питер Бенсинджер. Промуто был тоже уволен. Отголоски этой длительной и отчаянной борьбы донеслись до самых отдаленных уголков страны. Особенно явственно они были слышны на границе Техаса и Мексики, где многим бывшим сотрудникам Таможенного управления пришлось передать свои полномочия и сеть осведомителей Управлению по борьбе с наркотиками. К лету 1975 года назревал скандал в Западном округе Техаса — обширной территории, находящейся под юрисдикцией федерального правительства и занимающей площадь более 200 000 квадратных километров. Простираясь от Эль-Пасо до Остина и далее до Сан-Антонио, эта гористая и пустынная местность с далекой рекой и протянувшейся более чем на тысячу километров границей являет собой идеальное место для контрабанды. Джеми Бойд, федеральный судья в Эль-Пасо, уже несколько месяцев проводил собственное расследование злоупотреблений со стороны агентов Управления по борьбе с наркотиками. Собранную информацию он представил сначала федеральному прокурору Джону Кларку в Сан-Антонио. Позже, однако, когда Бойд понял, что Кларк не собирается предпринимать в этой связи каких-либо действий, он обратился к Питеру Бенсинджеру в Вашингтоне.

В бытность свою окружным прокурором в Эль-Пасо Бойд тесно подружился со многими агентами Таможенного управления. Уступив место агентам из нового Управления по борьбе с наркотиками, многие таможенники, долгие годы прослужившие на границе, были сразу возмущены агрессивностью, высокомерием и особенно новым стилем работы пришельцев. Бойду особенно не нравилась их манера бесцеремонно врываться в дома, не имея ордера на обыск. Уже в должности федерального судьи Бойд отказывался рассматривать дела, когда узнавал, что агенты вели себя именно так. Ему также было известно, что те частенько давали ложные показания под присягой, как, например, в случае, когда их вооруженные коллеги совершили налет на кафе-мороженое и стали стрелять в молодую парочку, пытавшуюся бежать. Согласно их показаниям, парочка подозревалась в причастности к преступному сговору. Но это оказалось откровенной ложью. Молодые люди бросились бежать потому, что любой здравомыслящий человек, окажись он на их месте, поступил бы точно так же, увидев неожиданно ворвавшихся в зал бородатых и взъерошенных типов с пистолетами в руках. «Я мог бы простить агентам некомпетентность, — заметил Бойд. —

Но простить то, что они извратили факты под присягой,— это уж увольте!»

Имели место и другие инциденты, но последней каплей, переполнившей чашу терпения Бойда и заставившей его обратиться за помощью к федеральному прокурору, был взрыв в подпольной лаборатории, где изготовлялся «спид»*. Оказалось, что хозяином лаборатории было само Управление по борьбе с наркотиками, которое и снабдило ее также всем необходимым оборудованием. Это был своеобразный ответ агентов управления на посланную Вашингтоном директиву, предписывавшую выявлять и уничтожать подпольные лаборатории. Они нашли студента-химика из Техасского университета в Эль-Пасо, устроили его в передвижном домике близ Чеперрела (штат Нью-Мексико), оборудовали лабораторию необходимой аппаратурой и снабдили фенил-2-пропанолом — не подлежащим продаже веществом, применяемым в качестве основного компонента при изготовлении «спида». Когда произошел взрыв, агенты в панике схватили студента вместе с его подругой и увезли с собой, продержав взаперти несколько дней, пока сочинялась сколько-нибудь правдоподобная история. Бойду сказали, что виновники взрыва не хотят прибегать к услугам адвоката и что они сами согласились сотрудничать с властями, пытавшимися устроить ловушку для других торговцев самодельными наркотиками. Судья в конце концов узнал правду от своего друга Рика Стейтона, бывшего служащего таможни, которого потом перевели в Управление по борьбе с наркотиками. Стейтон и еще один агент, Херб Хейлс, рассказали и о других незаконных действиях сотрудников управления и согласились поставить об этом в известность федерального прокурора. Хейлс, в частности, рассказал невероятную историю о том, как он подготовил дело Джорджи Тэйлора, известного в округе молодого торговца наркотиками, и передал его своему начальнику, а тот упрятал материалы в стол и продержал их там почти два года. Когда же Хейлс обратился к нему с просьбой вернуть материалы, тот, по его словам, ответил: «Не трогай моих людей!» Он так и не объяснил, каким образом Джорджи Тэйлор стал «его человеком». В конце концов Тэйлора привлекли к судебной ответственности, но он сбежал еще до ареста. Позже его убили (похоже, это была расправа) в Чиуауанской пустыне. Тело Джорджи Тэйлора было найдено в канаве.

Федеральный прокурор Джон Кларк и его первый заместитель Джон Пинкни взяли письменные показания у Джеми Бойда, Рика Стейтона, Херба Хейлса и трех других агентов из Управления по борьбе с наркотиками, но расследование так и не дало никаких результатов.

Для Эль-Пасо самым значительным последствием объявленной правительством войны торговцам наркотиками было назначение Джона Вуда, одного из самых ревностных и уважаемых республиканцев в Техасе, на пост федерального судьи в Сан-Антонио. Вуд приобрел популярность, рассматривая исключительно гражданские дела. Прокурор Сан-Антонио Джеральд Голдстайн, годами общавшийся с Вудом и его семьей, заметил, что, хотя с наркотиками судье сталкиваться не приходилось, он накопил огромный опыт в другом, завоевав репутацию ревностного защитника интересов страховых компаний. «Его работа состояла в том, чтобы лишать паралитиков возможности получать страховку. И он прекрасно справился с этой задачей,— сказал Голдстайн.— Видимо, эта работа лишила его всякого чувства сострадания». Однако трудно было найти более страстного защитника «закона и порядка». Как и Юлию Цезарю, Вуду несколько раз предлагали высокие должности, но он всякий раз отвергал эти предложения. Лишь в 1970 году, после того как сенатор Джон Тауэр и другие высокопоставленные республиканцы в Техасе обратились к нему лично, Вуд пришел к заключению, что согласиться с назначением на пост федерального судьи — его *гражданский долг.* Страна вела войну — не только во Вьетнаме, но и на улицах, аллеях и баррио* Америки, где угроза распространения наркотиков подрывала у людей желание сражаться, работать или заниматься чем-то полезным. В январе 1971 года Вуд принял присягу и вступил в должность федерального судьи Западного округа Техаса. А уже через несколько месяцев главный судья округа Адриан Спирс стал направлять ему непропорционально большое количество дел о наркотиках. В течение последующих восьми лет Вуд выносил приговоры к максимальным срокам наказания почти по каждому делу. На Юго-Западе, а потом и по всей стране он стал известен как Джон-максимум.

8

Когда в октябре 1973 года в адвокатской конторе Ли Чагры узнали, что Марти Хоултин и другие члены банды «Авиация Коламбуса» схвачены агентами из федерального Управления по борьбе с наркотиками и его местного отделения, Ли сказал младшему брату Джо: «Не верю, черт возьми!» При этом Ли испытывал некое двойственное чувство: с одной стороны, он понимал, что рано или поздно это *должно* было случиться, а с другой — никак не мог взять в толк, как же все это произошло. Никто в этом районе страны не занимался контрабандой дольше, чем Марти. Во время второй мировой войны он был пилотом бомбардировщика на Алеутских островах, а позже летал на самолетах компании «Стандард ойл» на Аляске. Начиная с 1960-х годов он доставлял в Мексику самолетом такие грузы, как

---

* Метамфетамин — разновидность наркотиков.— *Прим. перев.*

* Кварталы, населенные преимущественно испаноговорящими американцами, в частности, на Юго-Западе США.— *Прим. перев.*

джинсы, телевизоры и какао «Нестле», а обратно привозил ртуть и серебро. Иногда грузополучателем был государственный департамент США. Какое-то время Марти доставлял чартерными рейсами любителей «клубнички» из Лас-Вегаса в дома терпимости и ночные клубы Масатлана. Но потом кто-то предложил две «косых» за перевозку партии марихуаны на обратном пути в Соединенные Штаты, и Марти «перешел в новую веру». За все это время он попался лишь однажды лет десять назад в Калифорнии. Но это был мелкий проступок, за который он получил три месяца условно. Марти говорил, что ему 42 года, но никто этому не верил. Казалось, он прилетел с иной планеты с другим летоисчислением. Стройный, как эльф, с пышной копной жестких как щетка волос (это из-за них его прозвали Паломино) и белым, развевающимся на ветру шарфом на шее, Марти волею судеб оказался в небольшом селении Коламбус (штат Нью-Мексико), в 100 километрах к западу от Эль-Пасо. Этот поселок на мексиканской границе вошел в историю тем, что в 1916 году туда совершил рейд Панчо Вилья. На машине туда вряд ли проедешь, да и трудно предположить, что кому-то взбредет в голову делать это. Единственная дорога со встречным движением в один ряд проходит южнее Деминга через Коламбус, затем пересекает мексиканскую деревню Лас — Паломас и, петляя по пустыне, доходит до отдаленного поселения мормонов Нуэва-Касас-Грандес. Никто не ездит через Коламбус, хотя на самолете из Эль-Пасо туда можно долететь за какие-то полчаса.

Марти купил частную взлетно-посадочную полосу и дал ей громкое название «Муниципальный аэропорт Коламбуса», чтобы ее можно было отличить от четырех других таких же полос в поселке. Население Коламбуса насчитывало тогда три сотни человек — меньше, чем во время знаменитого рейда Панчо Вильи. У Марти и его жены Мэри был небольшой ресторанчик на шоссе из Деминга. Время от времени там собирались контрабандисты со всего Юго-Запада и обсуждали свои дела. Над кассой висела весьма красноречивая надпись: «Деньги — это единственное, что нужно делать, пока вы живы».

— Они все-таки схватили Паломино,— сказал Ли Джо, вешая трубку.

Он действительно испытывал какое-то двойственное чувство. Для Марти, конечно, все это было прескверно, но для адвокатской конторы Ли — не так уж плохо. С тех пор как три месяца назад Ли был привлечен к суду, в контору братьев Чагра практически не заходил ни один клиент. Они сидели теперь без работы, если не считать неудачной попытки добиться оправдания трех членов шайки «Бандидос», убивших двух братьев за то, что те вместо «спида» всучили им тальк.

— Кто производил арест? — спросил Джо.

Ли ответил, что точно не знает, но дает голову на отсечение, что это был Робинсон (агент из Управления по борьбе с наркотиками). Ли произносил это имя с едва уловимой ноткой

восхищения в голосе.

Агент Робинсон гонялся за Марти Хоултином вот уже восемь лет — сначала когда служил в пограничной охране, потом в таможне и вот теперь в Управлении по борьбе с наркотиками. Это был огромный детина с тронутыми сединой волосами и изрезанным морщинами лицом, похожий на ушедшего из спорта профессионального игрока в футбол. Он был не лишен чувства юмора, но службе это не мешало. У себя в приемной в Эль-Пасо Робинсон повесил табличку с надписью: «Мягкосердечные судьи делают закоренелых преступников». И у него не было оснований сомневаться в этом. Законы действительно стали слишком мягкими, и слишком много теперь говорили о правах преступников. «Сегодня,— пояснил он,— их уже надо брать чисто, чтобы комар носу не подточил. Теперь никто не верит в добровольное признание».

Порой, когда после долгой погони за Марти и его «авиацией» все срывалось на последней минуте, Робинсон начинал думать, что его работа чем-то напоминает бесконечные приключения кота Тома и мышки Джерри из известного мультфильма. Каждый раз все летело к черту из-за какой-нибудь нелепости. Взять хотя бы случай, когда агент-пилот по имени Диас напал на след Марти, поднялся в воздух и незаметно следовал за ним чуть ли не до самого аэропорта в Лас-Вегасе. Но тут кто-то с диспетчерской вышки нарушил запрет на радиосвязь и что-то брякнул в микрофон. Марти мгновенно развернул свою «цессну» и пролетел от самолета Диаса так близко, что они чуть не задели друг друга крыльями. Диас успел лишь увидеть, как контрабандист показал ему кукиш и улетел в обратном направлении. В другой раз агенты прикрепили к бамперу грузовика, принадлежавшего сообщникам Марти, магнитный передатчик, позволявший следить за направлением движения. Но неожиданно у грузовика прокололась шина, и, когда злоумышленники остановились, чтобы сменить колесо, кто-то из них обнаружил передатчик. Они тут же прикрепили его к другой машине, а сами спокойненько отправились делать свое грязное дело. Незадачливым агентам пришлось лишь чесать затылки. Однажды агент Робинсон и его пилот Джерри Уэзермен обнаружили крупную партию марихуаны, приготовленную на склоне горы в Мексике для какого-то контрабандиста. Рядом находилось и все необходимое для ее погрузки в самолет: генератор, электроосвещение, уплотнитель и канистры с горючим. Робинсон до сих пор клянет себя за то, что не сжег «травку» на месте. Их спугнул тогда звук приближавшегося с юга самолета. Они тут же взмыли в воздух, и первое, что услышал Робинсон, был голос Марти в наушниках. Тот, видимо, принял их за других контрабандистов, приземлившихся для дозаправки. «Эй, послушай,— раздался голос Паломино,— куда же ты улетаешь?» Другой голос ответил: «Но это не я!» Когда до границы оставалось километров сто, агенты вновь услышали голос Марти: «Будьте осторожны! Этот тип был здесь

сегодня». Робинсон хотел было сказать в ответ что-нибудь покрепче, но их самолет был уже практически за пределами радиосвязи. Уже почти стемнело, и горючее было на исходе. Конечно, днем они еще раз заправятся и вернутся на то же место, но Робинсон уже знал, что к тому времени тонна марихуаны и все оборудование бесследно растворятся в пустыне. Они слышали, как затрещали включенные микрофоны и контрабандисты перешли на код. Затем в наушниках послышался статический разряд, после чего наступила тишина. Ну почему он не сжег тогда «травку»? Ведь какая была прекрасная возможность!

В августе 1973 года Робинсон и группа агентов по борьбе с наркотиками из центрального управления и его местного отделения в штате Нью-Мексико собрались в номере одного из отелей в Альбукерке, чтобы обсудить, что делать дальше с «Авиацией Коламбуса». Робинсон сообщил хорошую новость: Вашингтон одобрил выделение двух миллионов долларов на финансирование новой совместной операции под кодовым названием «Ночное небо». Вашингтон заверил «нарков» (агентов по борьбе с наркотиками), что персонал и техническое оборудование, необходимые для поимки Марти Хоултина, скоро прибудут. Использовавшиеся в то время радарные системы были практически бесполезны для поимки матерых, многоопытных контрабандистов. Марти был мастером бреющих полетов и умел вести самолет на высоте каких-то 6—10 метров от земли, и тогда он уже не попадал на экраны радаров.

Теперь, помимо чрезвычайно сложной радарной системы Разведывательного центра Эль-Пасо, которая следила за передвижением самолетов и морских судов на доброй половине мира, в Альбукерке и Таксоне были установлены новые системы, позволявшие одному оператору следить за перемещением всего, что только могло двигаться, на территории трех штатов. Но у контрабандистов были навигационные карты с указанием местонахождения всех станций слежения, а также аэродромов, на которых базировались самолеты агентов. Все по-прежнему смахивало на охоту на полевых мышей. Контрабандисты все чаще прибегали к отвлекающему маневру, когда в воздух одновременно поднимались три самолета, разлетавшиеся потом в разные стороны, и это еще больше походило на игру в кошки-мышки. Маневр этот обходился им довольно дорого (порядка 1500 долларов), но они шли на это. Что же касается Управления по борьбе с наркотиками, то подобная игра была для него просто не по карману, так как три-четыре вылета по ложному следу обходились бы ему в сумму, равную месячному бюджету.

Теперь же, сказал Робинсон коллегам, собравшимся в гостиничном номере, у них почти неограниченный бюджет. И к тому же есть кое-что еще. Правительство передало в их распоряжение новый совершенный разведывательный самолет «моухок» компании «Груммен», прошедший боевые испытания во Вьетнаме. Он

мог летать с любой скоростью в пределах от 70 до 400 километров в час и был оснащен новой системой обнаружения самолетов ФЛИР, способной «видеть» в темноте объекты, дающие инфракрасное излучение. До последнего времени использование обычных радаров приносило мало пользы. Старые радары имели угол обзора 360° и радиус действия 40 километров. Самолеты Управления по борьбе с наркотиками могли пересекать границу лишь при наличии специального разрешения. Поэтому в большинстве случаев они летали в направлении восток — запад по прямой линии между Эль-Пасо и Коламбусом со скоростью 300 километров в час. Контрабандисты, разумеется, летали в направлении север — юг. На экране радара что-то появлялось лишь на минуту-другую, остальное же время они показывали пустое пространство. Шансы засечь контрабандистов с помощью радара, таким образом, практически равнялись нулю. Система ФЛИР, однако, фиксировала тепловое излучение от фюзеляжа самолета и действовала на любой высоте (даже на уровне земли) и на большом расстоянии.

И все же Уильям Гарсия, агент из полицейского управления штата Нью-Мексико, сомневался в успехе. Он сказал Робинсону и другим коллегам, что им лучше воспользоваться подслушивающими устройствами. Кое-кому это предложение не очень понравилось. Большинство участников совещания на собственном опыте не раз убеждалось, что, казалось бы, стопроцентные дела о наркотиках прекращались лишь потому, что такие устройства устанавливались без надлежащего разрешения властей. Судьям доверять было нельзя. Но Гарсия продолжал настаивать, утверждая, что изучил проблему досконально и что им необходимо убедить хотя бы одного судью в том, что обычные методы наблюдения в данном случае недостаточны. Это красноречиво подтверждали многочисленные документы, собранные различными учреждениями по борьбе с наркотиками. Кое-кто из агентов по-прежнему считал, что использование подслушивающих устройств все же излишне. Но в конце концов и они, хотя и неохотно, согласились попробовать.

27 сентября 1973 года подслушивающие устройства были установлены и введены в действие. Судья, однако, не разрешил агентам монтировать их в телефонные аппараты всех подозреваемых без исключения, ограничившись лишь домами Марти Хоултина и Керли Филлипса — его главного помощника на земле. В доме недалеко от того места, где жил Марти, были установлены мониторы, которые записывали все телефонные разговоры. Кроме того, «нарки» усилили наблюдение за рядом взлетно-посадочных полос на юге штата Нью-Мексико, включая отдаленную полосу в Санленде напротив главной полосы в Эль-Пасо. Руководство операцией осуществлялось из специального трейлера под кодовым названием «Сектор», который стоял за конюшней сандлендского ипподрома.

Каждый день рано утром и после полудня агент-пилот

Уэзермен делал контрольные вылеты, проверяя различные взлетно-посадочные полосы и места, куда контрабандисты могли бы сбросить свой груз, а также следя за местонахождением самолетов «цессна-206» из «Авиации Коламбуса».

Вскоре после того, как были подключены подслушивающие устройства, агенты Робинсон и Уэзермен заметили направлявшийся на юг самолет Роберта Берка, в котором находился еще один контрабандист. Они полетели следом на своем двухмоторном «пайпер-ацтеке» и сопровождали контрабандистов до самого места погрузки к югу от Камарго в Чиуауанской пустыне, где те совершили посадку. «Нарки» в течение чуть ли не часа кружили высоко над дном высохшего озера, но внизу ничего особенного не происходило.

— Они, наверное, дожидаются темноты,— сказал Робинсон.

— Кто их знает.

— Они выжидают. Я знаю.

Робинсону, конечно, не хотелось даже думать об этом, но он знал, что, если контрабандисты действительно будут дожидаться темноты, их самолету придется вернуться на базу: горючее было на исходе. Вдруг они услышали голос Берка в наушниках. Судя по всему, грузовики с марихуаной так и не приехали. Услышав, что Берк отменяет операцию, Робинсон вздохнул с облегчением.

Подслушивающие устройства тоже не давали пока никаких результатов. Телефоны Марти Хоултина и Керли Филлипса прослушивались круглосуточно, но все разговоры в основном сводились к детям, еде для собак и покупке стиральной машины. Агент Гарсия доложил, что за десять дней дежурства наркотики не упоминались ни разу.

8 октября Гарсия случайно наткнулся на Берка и Хоултина в кафетерии отеля «Шератон» в Эль-Пасо. Дождавшись, когда они вышли, он последовал было за ними, но Берк и Хоултин быстро вошли на мойку для машин в соседнем подъезде, и Гарсия потерял их из виду. Операция «Ночное небо» явно затягивалась.

Агент Робинсон проснулся рано утром 12 октября в хорошем настроении, как бы предчувствуя, что сегодня ему повезет. Все предвещало полнолуние этой ночью. Из «Сектора» сообщили, что подул ветер и поднял пыль, но не настолько, чтобы помешать погоне. Робинсон приехал в Санленд, когда едва светало. Уэзермен был уже на посту. Около девяти утра на полосу сел самолет Марти Хоултина.

Уэзермен последовал за Марти, когда тот сел в автомашину и направился в сторону Эль-Пасо, однако утром на шоссе было столько транспорта, что агент вскоре потерял Марти из виду. Примерно в полдень Уэзермену сообщили, что Марти, Берка и Моррисона видели у отеля «Шератон», где еще один агент безуспешно пытался подслушать их разговор.

Уэзермен и Робинсон направились было в центр, как вдруг услышали по радио, что контрабандисты сели в две автомашины и едут в сторону Санленда. Агенты не раздумывая развернулись

и помчались в международный аэропорт Эль-Пасо, где стоял наготове с полными баками их двухмоторный «пайпер-ацтек».

Через полчаса, в 13.10, Марти приземлился в Коламбусе. Берк и Моррисон сели минут через десять. Марти позвонил домой жене и сказал: «Позвони ему и предупреди: мы немного задерживаемся». Мэри Хоултин тут же набрала номер телефона жены Керли Филлипса и передала сообщение. Наконец-то! Операция началась. Агент Томми Холдер, сидевший на подслушивании, немедленно позвонил в «Сектор», а тот в свою очередь передал сигнал тревоги в Таксон, где стоял наготове «моухок», и в Альбукерке, где базировались другие самолеты и вертолеты. К этому моменту в воздух готовы были взлететь четыре самолета и два вертолета с сорока пятью агентами на борту. Об операции были предупреждены Управление по борьбе с наркотиками, Таможенное управление, Управление пограничной охраны, полицейское управление штата Нью-Мексико и множество шерифов.

Уэзермену и Робинсону пришлось вернуться в Эль-Пасо, чтобы еще раз заправиться и ждать. Во время заправки неожиданно позвонили из «Сектора» и сказали: «Они направляются к своим самолетам в Коламбусе». Пилот не стал дожидаться счета и, схватив Робинсона, бросился к самолету. Обычно от Эль-Пасо до Коламбуса самолет долетает за тридцать минут, но Уэзермен сделал это за двадцать пять. От Флоридских гор на север растянулся длинный шлейф красной пыли, а далеко на юге маленькой точкой поблескивал на солнце самолет Марти, подруливавший к взлетной полосе. Два других самолета стояли с работавшими моторами, готовясь к взлету, когда освободится полоса. В 15 километрах к востоку от Коламбуса три «цессны» контрабандистов, летевшие произвольным порядком, повернули на юг в сторону Мексики.

— Свяжись с «Сектором»,— скомандовал Робинсон,— и скажи, чтобы поднимали в воздух «моухок» и остальные самолеты. Мы летим на юг. *Паломино начал действовать!*

Через несколько минут из Эль-Пасо вылетел «дьюк»— самолет Управления по борьбе с наркотиками, а из Таксона— «моухок». Они тоже подключились к операции. После восьми лет разочарований и неудач, подумал Робинсон, наконец-то все идет нормально. По крайней мере хотелось бы, чтобы так оно и было. Ведь второй такой возможности может и не представиться.

Через своего осведомителя Робинсон знал, что «Авиация Коламбуса» использует для радиосвязи частоту 123, и быстро сообразил, что Марти, видимо, приказал своим людям никаких переговоров по радио не вести. Он даже слышал, как те отключили свои микрофоны. Робинсон подумал, что до наступления темноты оставалось всего три часа. Интересно, думал ли Марти о том же? Даже при наличии трех самолетов-наблюдателей, сложнейшего радарного оборудования и при полнолунии они вряд ли могли бы что-то сделать, если бы Марти

решил вдруг дожидаться темноты.

Самолеты контрабандистов и их преследователей летели на юго-восток. Под ними простиралось огромное высохшее озеро, а затем показалась Рио-Кончос, текущая параллельно железной дороге. В 30 километрах к востоку от Чиуауа-Сити контрабандисты пошли на снижение. Они пролетели над Делисиас, а затем вдоль берега большого водоема.

— Они летят туда же,— сказал Уэзермен.— Чуть южнее Камарго.

Робинсон затаил дыхание. Возможно ли это?

Марти зашел на посадку с запада и, приземлившись, подрулил к оранжево-белому грузовику. Развернувшись на 180°, он поставил самолет носом к тому месту, куда приземлился. Затем посадили свои машины Моррисон и Берк. С высоты четырех с половиной тысяч метров Робинсон разглядывал три самолета в бинокль.

— Они не выключили моторы,— сказал он Уэзермену.— Они нас теперь не слышат!

Робинсон боялся даже подумать, что Марти *спешил*. Глядя в бинокль, он не сводил глаз с главаря банды, но тот ни разу даже не взглянул вверх. Через двадцать минут, в 18.05, Марти уже набирал обороты, готовясь к взлету.

— Паломино совершил первую ошибку,— сказал Робинсон с огромным удовлетворением.

Возвращались они по тому же маршруту. Ночью все выглядело по-другому. Луна теперь ярко освещала склоны гор и все вокруг, и Марти, забравшись на высоту трех тысяч метров, спешил пролететь над пустыней как можно быстрее. В шестидесяти километрах от границы Марти неожиданно включил микрофон — и все три самолета контрабандистов тут же погасили огни. Уэзермен собственный микрофон включить не успел. К этому времени «дьюк» уже вернулся в Эль-Пасо на заправку, «моухок» отстал и следил за контрабандистами по системе ФЛИР, а самолет Уэзермена, словно гончая, повис на хвосте у самолета Марти, держась чуть сзади и чуть ниже. Робинсон, услышав, как контрабандисты включили микрофоны, сказал Уэзермену: «Как бы мне хотелось тоже включиться и сказать: «Эй, Марти! А ну-ка угадай, кто это говорит?» В свое время Робинсон уже предупреждал Марти. Он сказал тогда: «Ты, конечно, можешь заниматься своей контрабандой, сколько хочешь. Но рано или поздно ты сделаешь одну из трех ошибок: либо станешь ленивым, либо алчным, либо перегрызешься с сообщниками. Что-то одно: первое, второе или третье». Марти был неплохим парнем. Как-то Робинсон случайно столкнулся с ним в Санленде, и тот сказал: «В другой обстановке я, пожалуй, пригласил бы тебя на обед». В другой обстановке Робинсон, наверное, согласился бы. Но вот теперь он, задыхаясь от волнения, следил за самолетом Марти, который спокойно летел все вперед и вперед, купаясь в серебристых лучах октябрьской луны. Интересно, знает ли Марти, что сегодня открылась охота на антилоп. А это значит, что столь полюбившиеся контрабандистам заброшенные дороги и проезды сегодня ночью будут, скорее всего, забиты охотниками.

Они пролетели над горой Райли к западу от Лас-Крусес, а затем стали снижаться над долиной, вытянувшейся между двумя участками лесного массива Сибола. Самолеты летели в сторону обширного открытого пространства к юго-западу от Сокорро — к месту, которое называлось долиной Сан-Агустина. К этому времени «моухок» уже подтянулся довольно близко, а «дьюк» успел заправиться и догнать их. Конечно, видеть всего этого было нельзя, но в тот момент шесть самолетов одновременно погасили огни и пошли на снижение с высоты трех тысяч метров, расположившись практически один над другим. Примерно в 21.30 «нарки» услышали голос одного из контрабандистов, нарушившего запрет на радиосвязь.

— Говорит «сеттер три». Говорит «сеттер три». Вызывают наземную службу,— послышалось в наушниках.

Робинсон молча взглянул на Уэзермена. Несколько минут не было слышно ни звука. Затем «нарки» услышали четкий голос Марти Хоултина:

— Говорит «сеттер один». Говорит «сеттер один». Вызываю наземную службу.

Сначала никто не отвечал, а затем послышался другой голос:

— Говорит наземная служба. Все в порядке. Заходите на посадку.

— Дайте условный сигнал,— сказал Марти.

Агенты увидели, как далеко внизу на мгновение зажегся красный фонарь. Он должен был указать оперативной группе место разгрузки.

— Паломино сделал вторую ошибку,— сказал Робинсон Уэзермену.

Он настроил второй радиоприемник на другую частоту, с тем чтобы можно было держать связь с остальными участниками операции «Ночное небо». Лейтенант Уильям Эйдлмен из полицейского управления штата Нью-Мексико командовал наземными операциями из четвертого самолета, вылетевшего из Сокорро. Где-то поблизости были еще два вертолета, но их точное местонахождение определить было трудно.

Один из контрабандистов заметил необычайно интенсивное движение на шоссе № 60, протянувшемся с запада на восток между городами Магдалина и Дейтил (штат Нью-Мексико).

— Кажется, сегодня открылась охота на антилоп,— ответили с земли. Голос предложил перенести место разгрузки на 6—8 километров на запад, поближе к шоссе № 78 — узкой проселочной дороге, ведущей к горам Элк.

— Говорит «сеттер один»,— сказал Марти.— Еще раз все проверьте. Мы пока покружим.

Через десять минут с земли сообщили, что на проселочной

дороге нет ни одной машины.

— Есть другие помехи?

— Линия электропередачи и загон для скота.

— Хорошо. Поставьте машину у загона носом к югу. Включите сигнальные огни. Буду заходить над машиной с севера на юг.

— Понял. У тебя будет метров триста.

Два других самолета контрабандистов продолжали кружить, а Марти развернулся и стал плавно снижаться над машиной, включив посадочные огни лишь в последнюю минуту. Уэзермен и Робинсон решили подождать, пока приземлится третий самолет, а затем сесть самим и тем самым отрезать контрабандистам путь к отступлению. Но Марти успел разгрузиться за какие-то три минуты и тут же взмыл в воздух. Когда стал приземляться второй самолет, Берка, с главного шоссе на проселочную дорогу неожиданно свернул чей-то белый пикап, направляясь к месту разгрузки. Послышалась резкая команда Марти: «Керли, разверни машину и ослепи его фарами! Боби [Берк], быстрей разгружайся и сматывайся!» Из дальнейших переговоров Робинсон понял, что в пикапе были чужие: скорее всего, охотники, возвращавшиеся домой. На земле в это время возникла сумятица, вызванная тем, что грузовики, которые должны были забрать груз, задерживались. Все трое пилотов-контрабандистов сказали, что горючее у них на исходе. В таком же положении оказались и «нарки». По расчетам Уэзермена, топлива в баках оставалось всего на пятнадцать минут полета, т. е. ровно настолько, чтобы долететь до Сокорро. К этому времени Берк уже был в воздухе, а Моррисон, пилот последнего самолета, приземлился и разгружался.

Марти громко выругался, и Робинсон заметил, что голос у него дрожит.

Часы показывали 23.29. Робинсону очень хотелось полететь за Марти и самому арестовать его в Коламбусе, но это было невозможно. Он услышал, как лейтенант Эйдлмен приказал своим людям на земле окружить подоспевшие к этому времени грузовики. Он также хорошо знал, что Гарсия и четыре других агента уже поджидали контрабандистов на взлетно-посадочной полосе в Коламбусе. Теперь уж ничто не сорвется, заметил Уэзермен. Робинсон задумался. Конечно, операция «Ночное небо» прошла успешно, но если вспомнить, что правительство выделило на нее два миллиона долларов, т. е. две тысячи долларов за каждый килограмм марихуаны, то особой радости от этой победы испытывать не приходилось. Но так, конечно, думать не следовало. Марти Хоултин делал миллионы на контрабанде марихуаной, и вот теперь его ждала тюрьма. Агенту Робинсону очень хотелось верить, что тот там останется надолго.

Но не тут-то было. Уже к полудню следующего дня Ли Чагра добился освобождения контрабандистов. Ознакомившись с материалами дела, адвокат сразу понял, что подслушивающие устройства были установлены незаконно. Согласно законодательству штата Нью-Мексико, составленному по аналогии с федеральным законодательством, разрешение на установку таких устройств должно было даваться генеральным или окружным прокурором штата. Агенты же не обратили внимания на эту простую формальность и получили соответствующее разрешение от помощника окружного прокурора.

Как и предполагал Ли, федеральные обвинители в Нью-Мексико отказались предъявлять обвинение, и дело было передано судебным властям штата. Окружной судья в Сокорро согласился рассмотреть дело, но он явно сомневался в правомочности установки подслушивающих устройств. Чагра обговорил с судьей почти все детали дела еще до суда. Ли согласился не ставить вопрос о законности установки подслушивающих устройств, а судья согласился не отправлять членов банды «Авиация Коламбуса» в тюрьму. Сам судебный процесс наделал много шума в маленьком городке Сокорро. В местной школе занятия закончились раньше обычного: школьники захотели присутствовать в зале суда, чтобы наблюдать знаменитого адвоката из Эль-Пасо в действии. Чагра привез с собой еще двух известных адвокатов: Малкома Макгрегора из Эль-Пасо и Билли Рэвкайнда из Далласа. Друзья Марти Хоултина заранее договорились о целой серии вечеринок: они хотели, чтобы их коллеги-контрабандисты, расплатившись за грехи, потом как следует повеселились. Предварительное слушание длилось несколько дней, а сам процесс занял всего несколько часов. По совету своих адвокатов подсудимые заявили nolo contendere*, и судья приговорил каждого к полутора годам условного осуждения и штрафу от одной до пяти тысяч долларов.

Однако Макгрегора и других адвокатов не покидало дурное предчувствие, что дело далеко еще не закончено. До них дошли слухи о том, что федеральные обвинители в Эль-Пасо пришли в ярость, узнав детали процесса в Нью-Мексико, и теперь подумывают о новом суде над бандой, но уже в Эль-Пасо и по обвинению в преступном сговоре, предусмотренном федеральным законодательством. В соответствии с концепцией двойной юрисдикции судебный процесс в Сокорро не мог помешать федеральным властям привлечь группу Хоултина к судебной ответственности еще раз. К тому же речь теперь шла о преступном сговоре, и обвинение могло утверждать, что он был задуман в Эль-Пасо. Макгрегор узнал, что федеральные власти уже затребовали в судебном порядке выписки из гостиничных книг. К тому же все знали, что Марти и его сообщники приобрели свои самолеты в Эль-Пасо, хотя это и было за несколько месяцев до предполагаемого вступления в преступный

* Nolo contendere (лат.) «Не хочу оспаривать». Согласие обвиняемого понести наказание без признания своей вины.— *Прим. перев.*

сговор. Любой адвокат, имевший дело с федеральными судами, знал, что законы о преступном сговоре сформулированы настолько туманно, что обвинители могли утверждать практически все, что угодно, а судьи могли принимать все это к сведению. Когда был еще жив судья Эрнест Гуинн, в Эль-Пасо случалось и не такое. Но несколько недель назад Гуинн умер, что несказанно обрадовало заключенных окружной тюрьмы в Эль-Пасо, и вот теперь все дела, направлявшиеся в федеральный суд, попадали в руки судьи Джона Вуда.

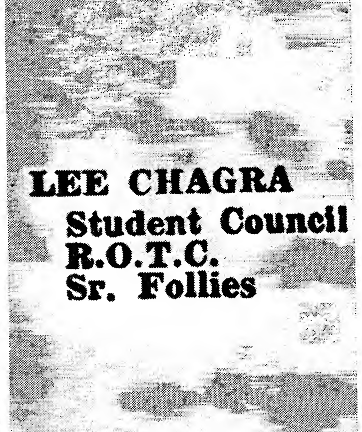
Все три адвоката, защищавшие контрабандистов из «Авиации Коламбуса», знали тогда о Вуде лишь понаслышке, но этого было достаточно, чтобы расстроить их окончательно. Вот уже несколько месяцев судья Вуд помогал Гуинну разобраться с делами, которых скопилось в Эль-Пасо слишком много. По всему было видно, что коллеги подружились. Вуд считал Гуинна своим наставником. Уже много лет Гуинн пользовался славой судьи, решения которого чаще всего отменялись судом высшей инстанции. Но это его ничуть не беспокоило. «Я могу выносить приговоры быстрее, чем их можно будет отменить»,— любил он повторять. Когда Вуд узнал, с какой радостью заключенные восприняли смерть его наставника, он поклялся, что те «еще об этом пожалеют». Таким он был человеком. Он гордился тем, что его называли Джон-максимум. За три с половиной года судебной практики он ни разу не вынес условного приговора по делу о героине. И Вуд повсюду об этом рассказывал. Но суров он был не только в тех случаях, когда речь шла о сильнодействующих наркотиках. Вуд, казалось, не делал между ними никакого различия. Однажды он приговорил розничного торговца марихуаной к 35 годам тюремного заключение за оскорбление суда. Средняя сумма залога, которую он устанавливал по делам о марихуане, равнялась 200 000 долларов, что в три раза превышало сумму, обычно устанавливаемую другими судьями в аналогичных случаях. Его непреклонность в вынесении максимально суровых приговоров и открытая поддержка обвинения поражали адвокатов и вызывали недоумение у других судей, включая тех, кто заседал в апелляционном суде. Отменяя вынесенные Вудом приговоры, те прибегали к таким резким выражениям, каких никто не мог припомнить за всю свою практику. Ему, казалось, доставляло огромное удовольствие приговаривать людей к длительному тюремному заключению. Адвокат из Эль-Пасо Рей Кабальеро, который служил федеральным обвинителем, до того как занялся частной практикой, рассказал, как однажды перед Вудом понуро стоял один старый мексиканец и, нервно теребя соломенную шляпу, выслушивал приговор: 60 лет тюремного заключения.

— Но, судья!— взмолился старик.— Я ведь столько не протяну!

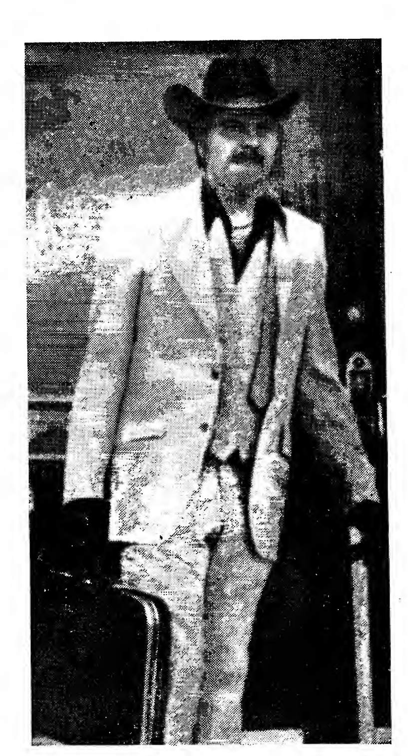
Вуд посмотрел на него с циничной ухмылкой и сказал:

— А ты попробуй!

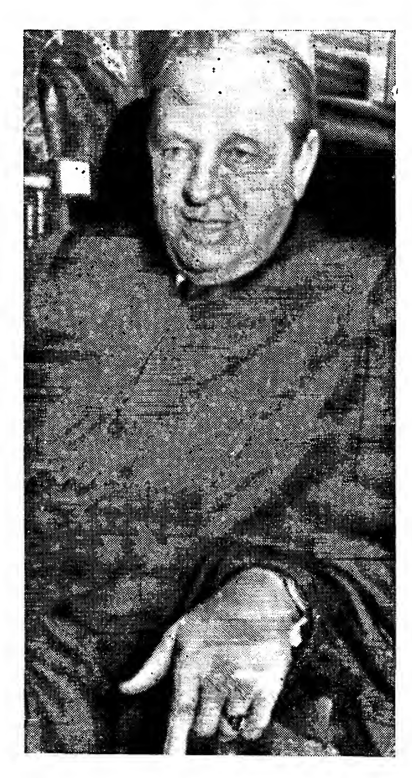

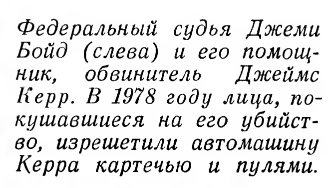
Фотография Ли Чагры в школьном ежегоднике.

Ли выходит из здания федерального суда в Эль-Пасо.

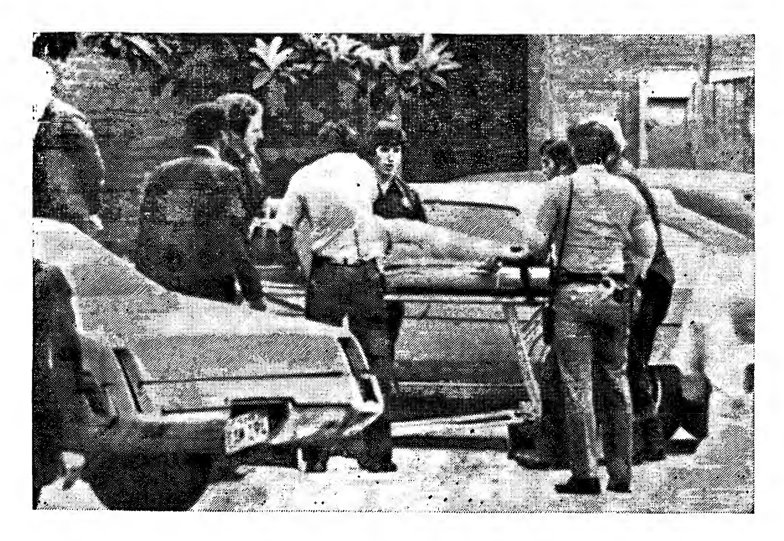
Федеральный судья Джон Вуд, прозванный «Джоном-максимумом».

Федеральный судья Джеми Бойд (слева) и его помощник, обвинитель Джеймс Керр. В 1978 году лица, покушавшиеся на его убийство, изрешетили автомашину Керра картечью и пулями.

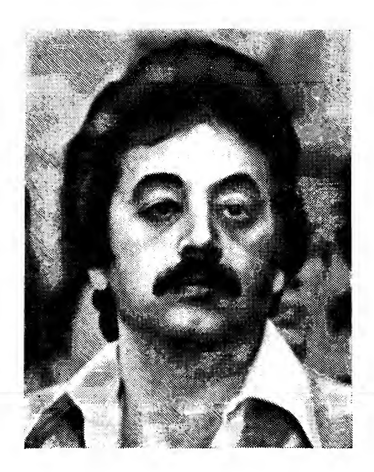

Работники «скорой помощи» задвигают носилки с телом судьи Вуда в машину.

Кэтрин Вуд с приятельницей направляются в больницу, куда отвезли тело Вуда.

Джимми Чагра у ринга во время одного из боксерских поединков в Лас-Вегасе за несколько дней до того, как большое жюри в Мидленде (штат Техас) предъявило ему обвинение в хранении и распространении наркотиков.

Вивиан Чагра, первая жена Джимми.

Лиз Чагра, вторая жена Джимми, в наручниках после ареста по делу об убийстве судьи Вуда.

BOND DEFAULT

WANTED BY FBI

JAMIEL ALEXANDER CHAGRA

DESCRIPTION

CRIMINAL RECORD

CAUTION

IF YOU HAVE INFORMATION CONCERNING THIS PERSON, PLEASE CONTACT YOUR LOCAL FBI OFFICE. TELEPHONE NUMBERS AND ADDRESSES OF ALL FBI OFFICES LISTED ON BACK.

Director
Federal Bureau of Investigation
Washington, D. C.

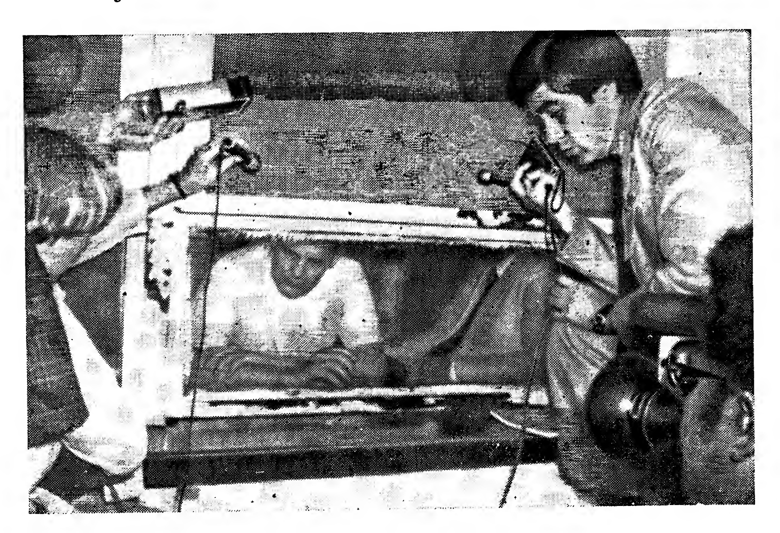
Jimmy defaulted on his bond in August 1979 and went on the lam.

В августе 1979 года Джимми был освобожден под залог и скрылся от правосудия.

Харрелсон и его жена Джо-Энн в зале суда в Хьюстоне во время разбирательства по делу о незаконном хранении огнестрельного оружия.

Чарлз Харрелсон беседует с репортерами в хьюстонской тюрьме в 1980 году.

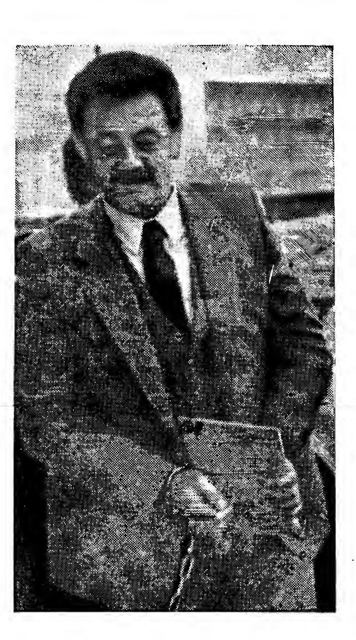

Харрелсон жмурится от солнца, когда его выводят из зала суда после вынесения приговора.

Джо-Энн Харрелсон и Лиз Чагра после вынесения им приговоров по делу об убийстве Вуда.

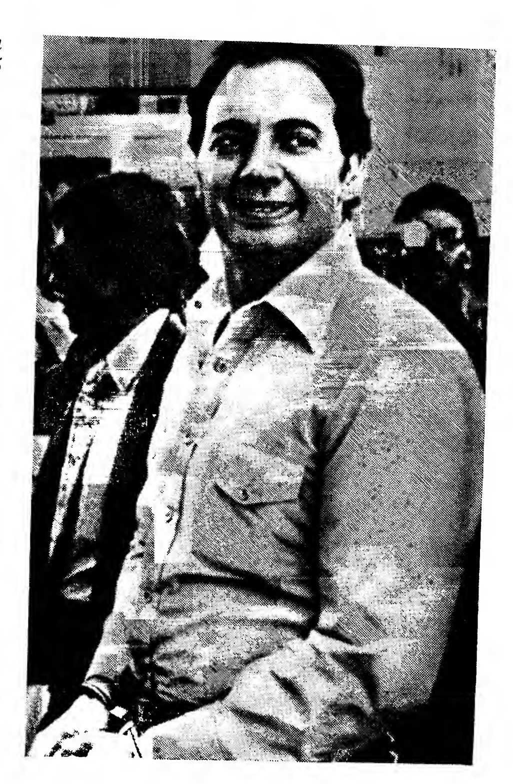
Джимми направляется в суд в Джэксонвилле (штат Флорида), где будет слушаться дело об убийстве Вуда.

После вынесения оправдательного приговора он и его адвокат Оскар Гудмен беседуют с репортерами.

Джо Чагра после прохождения проверки на «детекторе лжи», которая показала, что он не виновен в смерти Вуда.

Через год Джо был арестован по делу об убийстве судьи.

Уже через несколько месяцев после назначения Вуда на должность федерального судьи о нем узнали далеко за пределами штата. Даже в далекой Калифорнии обвинители под любым предлогом старались передать дела о наркотиках Вуду. Уже одного того, что самолет контрабандистов пролетал над Сан-Антонио или Эль-Пасо, направляясь из Флориды в Лос-Анджелес, было достаточно, чтобы считать Вуда вправе рассматривать соответствующее дело.

Почти каждый адвокат в округе знал о Вуде страшные истории. Не каждый, однако, догадывался, что тот сам испытывал глубокий страх и угрызения совести. Объяснение этому крылось в одном деле, слушавшемся еще в 1972 году. В сети федеральных властей как-то попался Майк Аполло, мелкий уличный торговец марихуаной из Милуоки. «Травку» он покупал у более крупного торговца в Чикаго, который в свою очередь получал товар от оптовиков, входивших в целую ассоциацию контрабандистов, орудовавших вдоль реки между Эль-Пасо и Дель-Рио. Это была банда хиппи, громко именовавшая себя «фирмой». В свое время о ней рассказывалось даже в специальной телевизионной передаче Си-би-эс, называвшейся «Мексиканский связной». Когда Майк Аполло предстал перед судом, он и не подозревал о существовании «фирмы». Аполло знал лишь одно: попавшись в Милуоки, он почему-то оказался затем в пустыне Западного Техаса, где предстал перед судьей, которого все называли Джон-максимум. Все доказательства против него основывались на показаниях других контрабандистов, проходивших по тому же делу. Те уже признали себя виновными и теперь пытались договориться с обвинением о сокращении собственных сроков тюремного заключения.

Аполло мог надеяться лишь на то, что судья допустит грубый промах, что и случилось в действительности. Через год, отменяя вынесенный Вудом приговор, вышестоящий федеральный суд отмечал, что «судебный протокол буквально напичкан ссылками на заявления, сделанные свидетелями обвинения с чужих слов». Это было тем более нелепо, что, как следовало из постановления об отмене приговора, у суда было достаточно оснований для осуждения Аполло и без показаний с чужих слов. Грубая ошибка Вуда состояла в том, что он не инструктировал присяжных должным образом и не уточнил, следует ли им принимать к сведению показания с чужих слов, а если да, то в какой мере. Проанализировав все обстоятельства вынесения Вудом приговора, юристы пришли к выводу, что в руках обвинения появилось потрясающее новое оружие — правило, согласно которому показания с чужих слов могут приниматься во внимание при рассмотрении дел отдельных участников преступного сговора, стоит только судье соответствующим образом проинструктировать присяжных. Легко было представить, с какой радостью в федеральной прокуратуре было воспринято сообщение о том, что вышестоящий суд отменил судебное

решение по делу Аполло.

Судья же Вуд далеко не обрадовался такому повороту событий, особенно учитывая то, что́ произошло впоследствии. Прежде чем было назначено повторное слушание дела Аполло, в разных частях страны с необычайной жестокостью были убиты три свидетеля обвинения, а четвертый лишился памяти. Вуд во всем винил только себя. Он часто потом ссылался на дело Аполло и повторял: «Всякий раз, когда я выношу мягкий приговор, все оборачивается против меня самого. Осужденные берутся за старое, и кого-то потом обязательно убивают». После того как по телевидению был показан упомянутый выше документальный фильм, судья стал называть дело Аполло своим «делом мексиканского связного» или иногда «делом связного со Среднего Запада». Многим адвокатам казалось, что судья так до конца и не понял, почему отменили его решение по делу Аполло. Его теперь преследовала лишь одна мысль: тех троих, которые должны были сидеть сейчас в тюрьме, больше не было в живых.

10 июля 1974 года, за месяц до позорной отставки Ричарда Никсона, большое жюри в Эль-Пасо вынесло решение предать Марти Хоултина и еще пятерых контрабандистов суду, предъявив им состоявшее из двух пунктов обвинение в преступном сговоре. Слушать дело должен был судья Джон Вуд. Ли Чагра подал ходатайство об изъятии доказательств, полученных с помощью подслушивающих устройств, но судья отказался удовлетворить его. «Задача доказать, не оставляя разумных сомнений, что подслушивающие устройства не имели отношения к аресту, возложена на обвинение»,— сказал Вуд. Определить же, насколько это соответствует действительности, должны присяжные. Слушание дела в суде было назначено на 15 октября.

Чагра и его коллеги не стали тратить время на попытки опровергнуть действительные факты, имевшие место в ту лунную ночь год назад. Хотя Вуд, разумеется, был с этим не согласен, адвокаты свели все дело к одному: смогли бы агенты произвести аресты без подслушивающих устройств или нет. Целая дюжина всевозможных официальных документов подтверждала, что без этих устройств «нарки» никогда не узнали бы, когда Марти и его друзья поднимутся в воздух. Обвинение, несомненно, предвидело такую линию защиты, и теперь большинство агентов рассказывало все по-разному. Кое-кто утверждал, что даже не слышал о подслушивающих устройствах, и почти все пытались представить дело так, будто контрабандистов можно было поймать в любой момент, стоило только захотеть.

В ходе перекрестного допроса Ли Чагра попытался поставить под сомнение правдивость показаний агента Уэзермена относительно того главного звонка из «Сектора».

Вопрос: Если бы вам не позвонили из «Сектора», вы не сумели бы вылететь так быстро [из международного аэропорта в Эль-Пасо], не так ли?

Ответ: Нет, не сумел бы.

Вопрос: Значит, если бы вам *не позвонили* из «Сектора», вы не заметили бы, как самолеты [контрабандистов] вылетали в Мексику?

Ответ: Нет, не заметил бы.

Вопрос: Простите?

Ответ: Если бы они вылетели в тот день [в Мексику], не заметил бы.

Вопрос: Я вас что-то плохо слышу.

Ответ: Если бы их самолет вылетел в тот день, а я — нет, я не заметил бы, как они улетали...

Вопрос: Итак, я хочу установить следующее: если бы вам не позвонили из «Сектора», вы не вылетели бы из Эль-Пасо именно в тот момент. Правильно?

Ответ: Да, правильно.

Вопрос: К тому же вы едва туда успели, а приехав в аэропорт, увидели, что они уже взлетают, не так ли?

Уэзермен продолжал утверждать, что ему не было известно заранее, что контрабандисты наметили свою операцию именно на тот полдень, однако Чагра напомнил, что в официальном рапорте пилота, представленном несколько месяцев тому назад, указывалось обратное. В момент составления этого рапорта, продолжал адвокат, подслушивающие устройства еще не были *главной* проблемой. Теперь же, когда ситуация изменилась, Уэзермен, видимо, решил пересмотреть свои прежние показания.

Как только обвинение закончило представлять доказательства, Чагра обратился к судье и потребовал оправдания обвиняемых. Во-первых, сказал он, обвинению не удалось доказать, что в Техасе было совершено какое-либо «явное действие», имеющее отношение к преступному сговору. Во-вторых, обвинение никак не смогло доказать, «не оставляя разумных сомнений», что подслушивающие устройства не имели отношения к аресту. Кроме того, уже тот факт, что официальные рапорты, составленные сразу же после арестов, теперь отвергаются, сам по себе вызывает разумное сомнение.

Но судья Вуд был с этим не согласен. «Я не понимаю,— сказал он,— каким образом подслушивающие устройства могли кому-то подсказать, как действовать дальше. Сами по себе они никому ничего не подсказывали. Этот разговор между Хоултином и миссис Хоултин и между нею и женой другого подсудимого... сам по себе мне не подсказал бы, как действовать дальше». Вуд признал, что в ряде случаев «нарки» действительно давали противоречивые показания. «Но это уже компетенция присяжных»,— сказал он, обращаясь к Чагре.

— Но, ваша честь! Ведь все эти противоречивые показания дали *главные* свидетели обвинения! — настаивал Чагра.— Именно на этом и строятся все оправдательные приговоры.

— Разобраться во всем этом должны присяжные,— твердо сказал Вуд и объявил перерыв.

Адвокаты были убеждены, что Вуд уже сделал несколько ошибок, которые могли бы послужить основанием для отмены приговора. Но в данный момент это было слабым утешением: как и его наставник судья Гуинн, Вуд выносил приговоры быстрее, чем их можно было отменить. Обвинение пыталось доказать, что один из агентов, находясь в кафетерии отеля «Шератон», услышал, как Марти и двое его сообщников обсуждали в тот день детали преступного сговора, и что именно поэтому «нарки» и узнали о планируемой операции. В действительности же Марти и те двое говорили о покупке стиральной машины и об установке системы для очистки воды. До судебного процесса ни в одном из рапортов ни разу не упоминалось о том, что агент случайно подслушал этот ставший вдруг таким важным разговор. Защита решила пойти на обдуманный риск и вызвать в качестве своего первого свидетеля ключевую фигуру во всем этом деле — агента Робинсона. Чагра не верил, что тот решится на лжесвидетельство лишь для того, чтобы поддержать версию обвинения. Если бы он на это согласился, обвинение наверняка вызвало бы его в суд в качестве своего главного свидетеля.

Допрос Робинсона Чагра начал с его официального рапорта.

Вопрос: Ну, хорошо. В этом рапорте вы утверждаете, что примерно в 14.30 агент Уэзермен получил информацию о том, что после полудня Хоултин и другие попытаются переправить контрабандный груз марихуаны. После этого агент Уэзермен отправился обратно в Эль-Пасо на заправку. В рапорте так написано?

Ответ: Да, так.

Вопрос: В момент поступления этой информации вы были вместе с мистером Уэзерменом?

Ответ: Мне тогда нужно было находиться вместе с мистером Уэзерменом. Я не помню, чтобы поступала какая-то информация. Я в этом уверен.

Вопрос: Вы согласны с тем, что вы и мистер Уэзермен вылетели из международного аэропорта в Эль-Пасо *именно потому,* что вам позвонили из «Сектора»?

Ответ: Да.

Робинсон сказал, что с «Сектором» разговаривал не он, а Уэзермен, но согласился с Чагрой, что они вылетели в большой спешке и что такой спешки не было бы, если бы им не позвонили из «Сектора». Агент также признал, что черновые записи Уэзермена, на основании которых он составил официальный рапорт, загадочно исчезли. Еще немного — и он обвинил бы кого-нибудь в краже этих записей.

Билли Рэвкайнд задал Робинсону несколько вопросов по поводу утверждения обвинения, будто один из агентов случайно подслушал разговор заговорщиков в кафетерии отеля «Шератон». Правда ли, что до сегодняшнего дня ни Уэзермен, ни Робинсон не знали об этой любопытнейшей информации? Робинсон признался, что не знал.

Вопрос: Позвольте мне спросить: если бы обвинение знало о существовании агента, который мог заявить в суде, что сидел рядом с обвиняемыми и слышал разговор, из которого ему стало ясно, что те собираются провести какую-то операцию, связанную с наркотиками, разве вы усомнились бы в том, что этот человек будет наверняка вызван в суд для дачи показаний перед присяжными?

Ответ: Разумеется, этот человек был бы здесь.

Вопрос: Даже если бы его пришлось приводить силой?

Ответ: Да.

Трудно было доказать более убедительно, что без подслушивающих устройств никаких арестов произведено бы не было. Дело теперь было не за присяжными, а за судьей. Святая обязанность Вуда состояла в том, чтобы разъяснить присяжным, что́ по этому поводу говорит закон. Тот же вместо этого сказал: «Лично я не считаю, что упомянутые подслушивающие устройства имеют какое-то отношение к делу».

Вот так все и обернулось. Защите ничего другого не оставалось, как постараться свести свои потери к минимуму. В противном случае Вуд мог легко упрятать самих адвокатов в тюрьму на десять лет. Чагра хотел было обратиться к судье с просьбой о помиловании, но тот неожиданно вернулся к делу Аполло. Вуд произнес длинную тираду о наркотиках и насилии и о том, что всякий раз, когда он проявлял снисходительность к подсудимому, тот, отбыв наказание, вновь принимался за контрабанду и его непременно убивали. «Так случилось, что это дело оказалось вторым крупным делом о марихуане, с которым мне пришлось столкнуться в своей жизни»,— сказал Вуд. (Первым было дело о «мексиканском связном».) Создавалось впечатление, что Вуд вбил себе в голову, будто Марти и его друзья имеют какое-то отношение к контрабандистам, совершившим убийства в связи с делом Аполло. Чагра заявил решительный протест, сказав, что такой связи не существует, и попросил Вуда вызвать агента Робинсона или любого другого «нарка», которые могли бы подтвердить под присягой, что члены группы «Авиация Коламбуса» ни разу не были замешаны ни в одной истории, связанной с насилием. Нет также никаких оснований опасаться, что они скроются от правосудия. Чагра подчеркнул, что все его подзащитные в настоящее время находятся под надзором и проживают в штате Нью-Мексико. За десять месяцев, прошедших со дня их ареста, они не допустили никаких нарушений закона.

Вуд, казалось, просто не слышал всех этих доводов защитника. «У меня имеется довольно длинный список тех, кто находится в бегах. Я имею в виду лиц, скрывающихся от правосудия. Этот список — самый длинный в Америке»,— сказал Вуд и приговорил всех пятерых подсудимых к максимальному сроку тюремного заключения.

Когда охрана уводила Марти в тюрьму, тот поймал на себе взгляд Робинсона. Агент покачал головой, словно желая сказать, что весьма сожалеет, но так все и должно было закончиться. Марти улыбнулся и сказал: «Я был неосторожен».

Операция «Ночное небо» во многом оказалась поучительной для контрабандистов. Теперь они уже не повторяли ошибок Марти. Агент Робинсон впоследствии вспоминал: «После этого они стали взлетать лишь с наступлением темноты. Они больше не приземлялись, а сбрасывали груз с воздуха. Во Флориде, например, на прошлой неделе кому-то на голову свалилось тридцать килограммов марихуаны». Робинсон слышал, что контрабандисты стали теперь экспериментировать с мешками из толстого нейлона и герметически закрытыми ящиками, обеспечивающими сохранность товара при сбрасывании с воздуха. Операция «Ночное небо» действительно послужила им хорошим уроком.

Чагра и его коллеги оказались правы в оценке решения судьи Вуда. Он действительно отошел от положений закона, касающихся установки подслушивающих устройств. После суда все контрабандисты оказались в тюрьме, но уже через несколько месяцев вышестоящий суд отменил приговоры, вынесенные двум из них: Марти Хоултину и Керли Филлипсу. Поскольку подслушивались лишь их телефоны, апелляционный суд постановил, что решение об отмене приговора не распространяется на остальных контрабандистов. Был назначен новый процесс, и Марти снова предстал перед судьей Вудом. На этот раз Чагра пошел еще на один обдуманный риск и отказался от рассмотрения дела своего подзащитного в суде присяжных. Он хотел, чтобы Вуд рассмотрел дело единолично, поскольку был уверен, что тот вновь совершит ошибку в вопросе о подслушивающих устройствах. Но обвинение избрало теперь новую тактику: оно не стало больше строить свою аргументацию на доказательствах, полученных с помощью подслушивающих устройств, а нашло способ заставить членов группы «Авиация Коламбуса» дать показания против Марти. Разумеется, судья Вуд не мог принудить их к даче таких показаний, но он мог, например, отказаться сократить им сроки. Кроме того, он мог и добавить к ним еще много лет, признав контрабандистов виновными в оскорблении суда. Таким образом, те оказались теперь в весьма щекотливом положении. Но Чагра спас их от неприятной необходимости выступать против своего же вожака, заявив в суде, что все их дальнейшие показания лишь подтвердят то, что было выявлено «нарками» еще на первом процессе. После этого судья признал Марти виновным и отправил его обратно в тюрьму. Чагра был уверен, что приговор снова будет отменен, но на этот раз он ошибся.

Пройдет еще много времени, прежде чем Марти вновь обретет крылья.

9

Джимми, средний брат Ли, причинил немало волнений как самому Ли, так и остальным членам семьи Чагры. «Шалунишка», как называла его в детстве мать, с годами превращался в «большого шалуна». Он ломал, портил и разрушал все, к чему ни прикасался. Из-за него распался их брак с Вивиан: Джимми бросил ее с детьми, не оставив ни цента и даже не объяснившись. Отец с матерью вложили последние сбережения в ковровую лавку и отдали ее Джимми в надежде на то, что это как-то утихомирит его беспокойную натуру, но тот часто забывал о делах, и лавка вскоре обанкротилась. Кое-кто даже утверждал, что по вине Джимми от сердечного приступа умер отец. То он играл в блэк-джек *, то продавал наркотики, то оказывался в Лас-Вегасе, где играл в азартные игры, а проиграв, оплачивал чеками без покрытия в банке. Он постоянно звонил Ли и просил помочь ему выпутаться из очередной неприятной истории, и тот всегда спешил ему на выручку.

Джимми бывал жестоким и эгоистичным. Рассказывали, как в гости к ним приехал однажды кто-то из родственников, лишь недавно лечившийся от алкоголизма. Джимми как ни в чем не бывало спросил: «Эй, старина, ты все еще сидишь на соках?» В другой раз они катались на моторной лодке Джо на озере. Сестра Пэтси весила в ту пору более восьмидесяти килограммов и лишь недавно рискнула надеть купальник. Правда, она надела еще и колготки. Джимми обратил внимание на этот странный наряд и демонстративно разорвал колготки на одной ляжке. «Оттуда вывалился огромный кусок жира,— вспоминала Пэтси.— Ли никогда бы так не поступил, а Джимми потом только и говорил об этом». И все же в семье Чагры любили Джимми и терпимо относились ко всем его выходкам.

Говорили, что у Джимми не было никаких стремлений, что он ничего не хочет. Но это было не так: больше всего в жизни Джимми хотел быть таким, как Ли. Он хотел одеваться, как Ли, и, как он, носить дорогие вещи и драгоценности. Он также хотел, входя в комнату, чувствовать, что его уважают, и если он что-то говорит, то его внимательно слушают. Иногда Джимми «играл» в Ли. Он подписывался его именем и рассказывал его истории, воображая, что те приключились не с Ли, а с ним самим. Они постоянно соперничали друг с другом, и это соперничество, порой острое и непримиримое, до конца осознавалось только ими одними. Ли постоянно опекал и защищал Джимми, но тем самым развивал в нем комплекс неполноценности. Как это ни парадоксально, Ли сам испытывал к нему тайную зависть. Если старшему брату приходилось за все упорно бороться, то младшему все доставалось легко и просто. Трудно сказать почему, но Джимми с большой легкостью

* Азартная карточная игра, похожая на «очко» („Двадцать одно").— *Прим. перев.*

относился к их соперничеству и зачастую умудрялся сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Как-то они все вместе отправились в Лас-Вегас: Джимми — с Вивиан, а Ли — с Джо-Энни. Уже в первые несколько часов Ли проиграл крупную сумму, Джимми же в ту ночь везло, и он играл до самого утра. Ли очень тяжело переживал, что пришлось поменяться с братом ролями, и Вивиан и Джо-Энни бóльшую часть ночи провели в номере, утешая и успокаивая его, словно ребенка, у которого разболелся живот.

Ли Чагра впервые увидел Вивиан, когда той было девятнадцать лет. Она уже успела побывать замужем и теперь работала телефонисткой в отеле «Шератон» в Эль-Пасо. Сам Ли в то время лишь начинал карьеру адвоката. Вместе с друзьями он заходил в отель чуть ли не каждый вечер и играл там в карты. Вивиан приехала в Эль-Пасо лишь несколько месяцев назад и никого еще не знала. Вот почему уже одно то, что этот интересный и щеголеватый молодой адвокат с классическими южными чертами лица и несколько таинственными черными глазами решил познакомиться с нею, польстило самолюбию Вивиан. «Лично я не свободен,— сказал он ей тогда,— но у меня есть братья».

Вивиан была необычайно красива, хотя сама себя такой не считала. У нее были длинные золотисто-каштановые волосы и четко очерченные черты лица, характерные для европейцев, переселившихся в Техас из Северной Англии в конце прошлого века. Глаза ее меняли цвет в зависимости от настроения и становились то чуть зелеными, то карими. К тому же она была высокого роста. Во всем ее облике чувствовалась какая-то внутренняя сила, желание не просто существовать, а добиться чего-то большего. Вивиан выросла на маленькой ферме на севере центральной части Техаса, в семье, где было восемь детей. Из поколения в поколение эта семья испытывала лишь беспросветную нужду и лишения. Одним из немногих удовольствий, остававшихся ее матери в этом мире, было придумывание экзотических имен своим дочерям: Дарлин, Мирлин, Айрин, Грейсин, Чарлин. Грейсин забеременела в пятнадцать лет и вскоре после рождения дочери Синди села в автобус и отправилась в Эль-Пасо, где в это время жила одна из ее сестер. Где-то по дороге она решила изменить свое имя на Вивиан. Эль-Пасо она возненавидела сразу же: обнаженные горы, многочисленные трубы рудного комбината, извергавшие клубы оранжевого дыма, и бесконечные трущобы, где жили люди самых разных национальностей. И все же, приехав в Эль-Пасо, Вивиан почувствовала, как у нее заныло под ложечкой: она осознала, что сделала шаг в неведомое. Когда же через несколько месяцев Вивиан познакомилась с Ли Чагрой, она поняла, что приняла правильное решение.

Ли сдержал обещание и познакомил ее с братьями. Сначала Вивиан встречалась с Джо. Это был вежливый парень с довольно привлекательной наружностью и хорошими манерами. Но он был слишком молод. Джимми же отличался удивительной несерьезностью и даже банальностью, но в каком-то смысле был почти точной копией Ли — старшего брата, который нравился ей больше всех. Ли любил потом повторять: «У Джимми — внешность, у меня — нутро». И это было действительно так. Ли был серьезен, красив и преисполнен гордости от ощущения собственной силы. Джимми же был настоящим баловнем судьбы с гладкими, черными как смоль волосами и сонными, как у Валентино *, глазами. Уже встречаясь с Джимми, Вивиан сблизилась с Ли, став своеобразным дополнением к целому гарему женщин, которые, казалось, постоянно окружали братьев Чагра. В декабре 1967 года Вивиан и Джимми Чагра поженились. Отец с матерью особых восторгов по этому поводу не испытывали, но, как всегда, вмешался Ли. «Я хочу, чтобы ты осталась у нас в семье»,— сказал он Вивиан.

Джимми в то время трудился в «Саад Шахинз импортед раг компани», но эта работа никогда не мешала его настоящему призванию — азартным играм. Некоторое время он проучился в колледже, пытаясь, так сказать, приобщиться к наукам, но получить законченное образование он стремился ничуть не больше, чем постоянную работу. «Все вечера он проводил либо в бильярдной, либо в кегельбане,— жаловалась Вивиан.— Я наблюдала за игрой и за ставками. Суммы приводили меня в ужас. У нас постоянно не было денег, но Джимми ничего не стоило ставить по пять тысяч долларов. Наблюдая за ним, я одновременно испытывала какое-то странное чувство. Джимми играл смело и рискованно. Если везло, он играл до конца». Через шесть месяцев после свадьбы Вивиан забеременела. Первые несколько дней Джимми, казалось, был на седьмом небе от счастья. Подобно всем арабским собратьям, он без удержу говорил, что скоро станет отцом, что у них будет прибавление семейства и что их род станет бессмертным. Но потом все восторги прошли, и Вивиан почти не видела мужа. «Я не могла куда-то ходить с ним по вечерам, а он не хотел оставаться дома,— рассказывала она.— Случалось, его по нескольку дней не было дома».

За два месяца до рождения дочери Кэти Джимми совсем было ушел из дому, но вскоре вернулся, и все опять наладилось. Абду и Джозефин Чагра заложили часть имущества на Сансет-Хайтс и купили Джимми собственную ковровую лавку в надежде на то, что тот наконец образумится и займется делом. Джимми нравились те преимущества, которые давало ему новое дело, равно как и семья. Но выполнять связанные с этим обязанности было выше его сил. «Для него не существовало таких понятий, как дисциплина или терпение,— вспоминала Вивиан.— Бывало, мать звонила из лавки и просила разбудить Джимми, который в

* Известный американский киноактер итальянского происхождения, прославившийся в 20—30-х годах.— *Прим. перев.*

это время безмятежно спал, проиграв где-то всю ночь. Я старалась как-то защищать его, хотела, чтоб он хоть изредка вел себя пристойно и чтобы с ним можно было хоть как-то жить». Когда Вивиан снова забеременела, Джимми опять ушел из дому. «Я просто не могу проходить через все это опять,— объяснил он ей.— Эта роль не для меня». Вивиан уехала к родителям на ферму, но за несколько недель до рождения ребенка туда неожиданно приехал Джимми и потребовал, чтобы жена вернулась с ним в Эль-Пасо. Хотя врач не советовал Вивиан рисковать, отправляясь в столь дальний путь, Джимми решительно настаивал, чтобы его ребенок родился в Эль-Пасо — городе, в котором вот уже целых полвека рождались все члены семьи Чагры. Мать Вивиан спросила: «Думаешь, что-нибудь получится?» Вивиан ответила, что теперь уже *сама* постарается, чтобы непременно получилось. «Дети носили все же фамилию Чагра,— рассказывала она,— и у меня были какие-то обязательства перед семьей. Я знала, что Ли хотел, чтобы все было именно так. Хорошо это или плохо, но я была женой одного из братьев Чагра. А это что-то значило».

Ли чрезвычайно заботливо отнесся к Вивиан и ее детям, и Джимми тоже, видимо, решил для разнообразия добросовестно выполнять обязанности отца и мужа. Когда родился ребенок, Джимми подарил Вивиан золотые часы за триста долларов. Это была первая в ее жизни дорогая вещь. Вивиан вскоре заметила, что кое-кто в семье Чагры не очень-то одобрительно отнесся к этому подарку, но она все равно носила часы. «Я считаю, что заслужила этот подарок»,— говорила она. В ковровой лавке дела шли скверно. Хотя номинальным владельцем по-прежнему оставался Джимми, отец с матерью взяли под контроль все финансовые операции. Джимми продолжал увлекаться азартными играми и спускал на это всю свою долю дохода, а мать время от времени тайком совала деньги Вивиан. Когда было особенно трудно, на выручку, как всегда, приходил Ли. Незадолго до рождества в 1971 году Джимми сбежал в Калифорнию. В Эль-Пасо остались неуплаченные долги, которые теперь должен был погасить Ли, и лавка, которой теперь должны были заниматься родители. Ли был вне себя от ярости. Отец чувствовал себя плохо, а лавка находилась на грани банкротства. Тем не менее, когда по весне Джимми позвонил Вивиан из Калифорнии и попросил дать ему «еще один шанс», Ли велел ей ехать. Вивиан собрала кое-какую мебель и, прихватив детей, отправилась к Джимми в Калифорнию. Но она уже тогда знала, что их брак обречен. Вскоре она застала Джимми с другой женщиной, и это было последней каплей. «Я позвонила Ли и сказала, что беру грузовик и возвращаюсь домой,— вспоминала она.— Он умолял меня подождать хотя бы до приезда матери, которая собралась к нам на побережье. Мать прилетела с тремя сотнями долларов и отдала их Джимми. У меня в банке было тогда всего тридцать шесть долларов. Мать сказала: «Как только кончатся твои

тридцать шесть долларов, прибежишь к нему как миленькая. У меня с Абду такое случалось не раз». Но Вивиан нарушила семейный закон: вернувшись в Эль-Пасо, она подала на развод.

«Мужчины в семье Чагры убили во мне все живое,— вспоминала потом Вивиан.— Я все еще считала себя женой одного из них, но до конца играть свою роль уже не могла. Я не могла бесконечно говорить о своей любви и, затаив дыхание, ловить каждое слово мужа, как это делали другие женщины. Я знала, что причиняю боль Джимми, но еще бóльшую боль я причиняла Ли. Я старалась быть поближе к семье из-за детей и еще потому, что этого хотел Ли. Но потом я поняла, что с меня достаточно. Джимми кое-как помогал мне, остальное делал Ли. С его помощью я постепенно встала на ноги. Я очень предана семье, но скрывать то, что наш брак был просто ужасным, я не могу».

Пока шла подготовка к разводу, с Абду случился сердечный приступ. Не успел Джимми прилететь домой из Калифорнии, как старика Чагры уже не стало. Теперь полноправным главой семьи оказался Ли. Вивиан не смогла заставить себя прийти на похороны свекра, и тогда кое-кто из членов семьи стал требовать, чтобы ей больше не помогали, но Ли и слышать об этом не хотел. «Она же мать детей Джимми»,— урезонивал он их. С помощью Ли и Джимми Вивиан купила себе дом в Антони (штат Нью-Мексико) почти на границе штата в Аппер-Вэлли. Какое-то время она работала в конюшне на ранчо, где выращивали скаковых лошадей. Затем Ли помог ей одолжить денег и открыть собственный бар около отеля «Шератон». Вивиан стала встречаться с другими мужчинами, но братья дали понять, что это им не нравится, и ухажеры быстро сообразили, что лучше оставить ее в покое. Ли никогда не терял надежды, что Вивиан и Джимми опять когда-нибудь сойдутся и будут жить вместе. Но Джимми проявлял к ней интерес лишь тогда, когда она начинала заглядываться на других мужчин. Вивиан знала, что Джимми все свое время отдавал теперь игре в блэк-джек. До нее также дошли слухи, что он якобы занимается и торговлей наркотиками, но этому она не поверила, так как знала точно, что Джимми неодобрительно относится ко всяким наркотическим средствам, и даже к алкоголю, и не раз распространялся на эту тему в ее присутствии.

И все же вокруг происходило что-то непонятное. Семья Чагры тратила теперь огромные деньги на покупку «линкольнов» и золота, а также на поездки в Лас-Вегас. Кому-то, видимо, крупно повезло. Летом 1975 года Джимми позвонил сестре Пэтси из Бостона и попросил встретить в аэропорту Майка Холлидея. Его голос звучал чрезвычайно таинственно, но таким же тоном он мог заказать и порцию мороженого. Когда Пэтси попросила Ли объяснить, что же все-таки происходит, тот сказал лишь, что Джимми, Джек Стриклин, Майк Холлидей и еще кое-кто занимаются чем-то на Восточном побережье. Из самолета

вышел Холлидей. В руках у него был небольшой чемоданчик, и он гримасничал, как сбежавший из больницы псих. Схватив Пэтси за руку, Холлидей бросился к главному выходу. Ясно было, что его интересовал лишь тот багаж, который был у него в руках. В двух-трех метрах от двери он неожиданно споткнулся и упал, увлекая за собой и Пэтси. Чемоданчик открылся — и в течение каких-то нескольких секунд Пэтси могла созерцать целые пачки денег. Такой суммы она в жизни не видела: в чемоданчике было 120 000 долларов.

Прошло четыре года, прежде чем операция, проведенная в то лето с помощью Джимми, была оценена по достоинству: она стала эпохальным событием в истории контрабандной торговли марихуаной. Ни один контрабандист из Эль-Пасо еще не додумывался использовать в этих целях трамп — грузовое судно, не совершающее регулярных рейсов. Если до этого контрабандисты доставляли марихуану из Мексики на самолетах небольшими партиями, вес которых, как правило, не превышал 900 килограммов, то на сей раз они доставили из Колумбии на пароходе более 25 тонн «травки». Контрабандисты из Эль-Пасо впервые осуществили операцию в международном масштабе. Хотя вкусы любителей марихуаны на Юго-Востоке США еще не достигли того уровня, когда курильщики начинают требовать чего-нибудь более экзотического, чем то, что растет на горных склонах Мексики, Джимми быстро понял, что рынок уже образовался. Экзотическая «травка» из Южной Америки на Восточном побережье США шла уже по 400—500 долларов за фунт, в то время как «травка», привезенная в Техас из Мексики, продавалась всего по 80—100 долларов. Джимми узнал, что в Колумбии можно найти людей, которые согласились бы обеспечить и марихуану, и транспортное судно. Это была совершенно новая игра. Речь теперь шла не о сотнях тысяч, а о миллионах долларов.

Идея доставки груза морем в небольшую бухту в северо-западной части залива Массачусетс севернее Бостона была подсказана Джимми его новым партнером Питером Крутчевски — бывшим военным вертолетчиком, служившим когда-то в Эль-Пасо. Ходили слухи, будто Крутчевски, известный также под фамилией Питер Блейк, был связан с бостонской мафией. Третьим партнером был Джек Стриклин — специалист по сбыту и снабжению. Недавно его компания, слившаяся с фирмой Ли Чагры под названием «Би-эйч-эс энтерпрайзис», пережила ряд неудач. К тому же, едва избежав полицейской ловушки в мотеле «Дезерт-инн» в Эль-Пасо, Стриклин неожиданно угодил в другую, гораздо более унизительную и нелепую. Сотрудники управления по охране рыбных запасов и дичи штата Нью-Мексико объезжали с инспекцией свое хозяйство и неожиданно задержали Стриклина на безлюдной проселочной дороге близ Росуэлла. Но вместо браконьерских охотничьих трофеев они обнаружили у него в машине более тонны марихуаны. Теперь

оставалось надеяться лишь на Ли: если ему не удастся помочь Стриклину выпутаться из этой скверной истории, доказав, что обыск был произведен незаконно, тому придется впервые после столь далекой теперь гауптвахты оказаться в тюремной камере. Единственным для него утешением была многомиллионная операция в Бостоне.

Пока Джимми Чагра и Питер Блейк, вылетевшие в Барранкилью (Колумбия), договаривались о грузе и его доставке, Стриклин и его многоопытный помощник Майк Холлидей осматривали на месте бухту Фолиз. Место было идеальным: отдаленным и доступным лишь с моря. Со всех сторон бухту окружали вертикальные гранитные скалы высотой с трехэтажный дом. Вход в бухту был достаточно просторным и глубоким, что позволяло транспортному судну войти в нее и, бросив якорь, надежно спрятаться за скалами. Это обеспечивало полную безопасность разгрузки. Под руководством Холлидея была сколочена небольшая погрузочная платформа из толстой фанеры и прикреплена к одной из скал, где течение было самым слабым. На вершине скалы Холлидей установил лебедку, использовав для ее крепления две яблони. С помощью лебедки и огромной рыболовной сети предполагалось выгружать из трюмов пятисоткилограммовые тюки марихуаны и доставлять их на берег. Под временный склад Стриклин арендовал дом по соседству. Кроме того, он долго изучал морские течения и делал контрольные рейсы на небольших лодках.

В девяносто девяти случаях из ста все крупные операции по контрабанде наркотиков похожи на нелепейшие приключения неудачливых героев из мультфильма. В данном же случае боги, казалось, были благосклонны к контрабандистам. Менее чем через неделю после прибытия Джимми Чагры и Питера Блейка в Барранкилью они встретили торговца марихуаной по имени Хуако. Тот свел их со своим боссом Лионелем Гомесом, которому предстояло в течение нескольких лет быть партнером Чагры. Через несколько недель старенькое грузовое судно медленно вошло в бухту Фолиз. Разгрузка тюков марихуаны и их транспортировка на берег с помощью лебедки заняли три дня. Когда первая партия груза была доставлена на временный склад, начали прибывать грузовики. А уже через неделю каждый килограмм, каждый листик, каждый стебелек и каждое зернышко дурманящей травы были выброшены на рынок. Розничные торговцы заплатили контрабандистам аванс в 500 000 долларов, которые были использованы на покрытие текущих расходов и на оплату услуг водителей грузовиков и экипажа судна. Уладив все эти дела, Джимми Чагра вернулся домой и стал ждать, когда начнут поступать доходы.

Джимми — паршивая овца и проклятье семьи Чагры — за две недели «сделал» больше денег, чем Ли заработал за всю свою жизнь. Он не сказал, *как* он это сделал, но все слышали, как он без конца повторял: «Теперь мы все богаты!»

10

В то лето братья Чагра набросились на Лас-Вегас, как голодная саранча. Деньги от бостонской операции продолжали поступать, и Ли с Джимми тратили их так, словно спешили опередить друг друга. Владельцы казино в Лас-Вегасе считали (и не без основания), что в этом мире их уже ничто удивить не может. Они уже видели все и вся: и армейских полковников из Кентукки, и арабских шейхов, и латиноамериканских диктаторов, и нефтяных магнатов из Хьюстона, и французских промышленников, и даже знаменитую партию в покер между Ником («Греком») Дандолосом и известным профессиональным картежником из Далласа Джонни Моссом, которая длилась целых пять месяцев. Охотник Томпсон рассказывал, как однажды они пристрелили 150-килограммового медведя прямо посреди казино, но никто даже головы не поднял. Но в то лето 1976 года Ли и Джимми Чагра все же удивили владельцев казино в Лас-Вегасе и их завсегдатаев.

Вокруг Ли сразу же собиралась толпа, потому что, входя в казино «Сизарс-палас», он раздавал деньги, спрашивая при этом, сильно ли его здесь любят. «Вы меня любите? Вы действительно любите меня?» — то и дело повторял он. Разумеется, ответ был известен заранее, но ему так хотелось услышать его еще раз. Все расходы оплачивал хозяин. Стоило лишь захотеть, как уже через пять минут за одним из братьев или за обоими посылался «лирджет». Никто из их компании не утруждал себя регистрацией и другими формальностями. Они просто подходили к администратору, и тот давал им ключи от шестикомнатного номера-люкс. Джимми предпочитал двухэтажный номер с белым роялем и винтовой лестницей, где обычно останавливался Фрэнк Синатра. Еда, выпивка и девочки доставлялись туда по первому же требованию.

На нижнем этаже, где размещался игорный зал, братьям Чагра были отведены специальные секции. Охранники отгоняли всякую шваль и пропускали туда лишь наиболее близких друзей и знаменитостей. Обычно, когда за один из семи столов для игры в блэк-джек садился любитель играть по-крупному, ему могли разрешить объявлять максимальную ставку в тысячу долларов. Ли же позволялось поднимать ее до трех тысяч. Он мог бы объявлять и десять, но хозяин не разрешал. «Сизарс-палас» давал ему кредит в 250 000 долларов. Такой же кредит он получил еще в двух казино. Что касается Джимми, то ему со временем разрешили делать максимальную ставку в десять тысяч долларов, а его кредит был практически неограниченным во всех казино Лас-Вегаса. Когда один из братьев приступал к игре, он занимал сразу все семь мест за столом. Ли любил сидеть в центре в окружении вооруженных телохранителей и в компании хотя бы одной очаровательной «кошечки», которая подносила ему зажигалку и была своеобразным талисманом на

счастье. Но карты были для Ли слишком медленной игрой (пока сдадут, пока разложат белые фишки на всех семи секторах), хотя на каждой сдаче на кон ставилась 21 000 долларов.

Наконец наступил час, когда обоим братьям просто наскучило играть в блэк-джек: уж слишком все было медленно. То ли дело крепс. Вот это настоящая игра! «Чтобы бросить пару костей, много времени не нужно,— пояснил один из друзей.— За пять минут можно выиграть и миллион».

Любопытно, что крупная игра выявляла в Джимми все лучшее, а в Ли — все худшее. Когда старшему брату долго не везло и он проигрывал, он бесился, неистовствовал и винил во всем всех, кто попадался под руку. Особенно доставалось Джо-Энни, которая не раз выбегала из зала вся в слезах. Кларк Хьюз вспоминал, как Ли пришел в неописуемую ярость лишь от того, что тот забыл надеть подаренный ему браслет со словом «свобода». Джимми же в такие моменты отличался хладнокровием настоящего игрока, действующего по принципу «пан или пропал».

Никто, кроме них самих, не знал, сколько же они проиграли в то лето. Родственники считали, что и Джимми, наверное, не знал этого. Но Ли знал. Хотя порой он казался чрезвычайно беспечным и бесшабашным человеком, Ли вел подробные записи всех своих выигрышей и проигрышей. Во время предыдущего футбольного сезона Ли выиграл на ставках около 100 000 долларов. Когда же пришла пора финальной игры на суперкубок, он поставил на одну из команд все, что у него имелось в наличии. Более того, он фактически поставил все, что имелось у всей их семьи. Ставка была столь велика, что букмекер, к услугам которого он обычно прибегал, не стал рисковать и передал все дела банде головорезов из Чикаго. Каким-то чудом Ли все же выиграл. Его спас лишь один гол, забитый даласскими «ковбоями», когда защитник Роджер Staубек сделал на последних секундах свой знаменитый пас. Команда встречу не выиграла, но завоевала кубок по общим итогам игр и тем самым спасла семью Чагры от разорения. Кларк Хьюз вспоминал, как они с Ли поехали в Лас-Вегас, где чикагская банда должна была выплатить ему выигрыш. «Мы постучали в дверь люкса отеля «Сизарс»,— рассказывал Кларк,— и вошли в комнату, битком набитую огромными детинами с мрачными лицами, словно они уже давно поджидали нас в темной аллее». У них уже были приготовлены полиэтиленовые пакеты для мусора, в которых было 300 000 долларов. Ли взял деньги, поблагодарил гангстеров и, не сказав больше ни слова, вышел. Все эти деньги Ли спустил в то же лето. Но этим потери далеко не ограничились. По подсчетам Джо, Джимми и Ли проиграли тогда три миллиона долларов, а может быть, и больше.

Ли Чагра целых четыре месяца практически не виделся с братьями. Прилетев как-то из Лас-Вегаса, Ли положил 500 000 долларов на счет их адвокатской конторы, но это был

его единственный вклад в общее дело, хотя и весьма существенный. Джо еще в январе женился на своей секретарше Пэтти Мэлули, но в свадебное путешествие уехать так и не смог, так как Ли часто был в отъезде и ему приходилось самому заниматься всеми делами конторы. В основном это были старые дела: апелляция Марти Хоултина или дело Джека Стриклина, так глупо угодившего в лапы охотничьей инспекции в Нью-Мексико. До того момента, как Ли положил полмиллиона долларов на текущий счет их адвокатской конторы, они были почти полными банкротами. Сэнди Мессер, сестра Пэтти, тем летом тоже устроилась на работу в контору в качестве личной секретарши Ли, но его она практически не видела. Как-то в августе Ли вызвал к себе Сэнди и сказал: «Конец... Это конец». Сэнди никак не могла взять в толк, о чем он говорит. «Ты что, не понимаешь?! — заорал он.— Я только что просадил все деньги!»

Какие-то знаки внимания родне Ли все же оказывал. Так, кому-то из детей он купил новый автомобиль, а другим родственникам подарил драгоценности. Он даже устроил, хотя и с некоторым опозданием, свадебное путешествие для Джо и Пэтти в Сан-Вэлли, где один из его друзей в «Сизарс-палас» предоставил в их распоряжение свои владения. Хотя в семье об этом никто пока не догадывался, в то лето Ли стал приобщаться к кокаину. Джимми и его подружка Лиз Николс и даже младший брат Джо употребляли наркотики и раньше, но до лета 1976 года Ли отказывался даже притрагиваться к любому зелью, хотя и делал деньги на защите торговцев наркотиками.

К началу осени деньги все вышли, и Ли вернулся в Эль-Пасо, чтобы «нацедить деньжат», как он называл теперь свою адвокатскую практику. Он выискивал и брался за любые дела: о возмещении за телесные повреждения, о разводе, о наследстве. Ли практически гонялся теперь за машинами «скорой помощи». «Казалось, он вовсе не пал духом,— рассказывала Донна Джонсон, бухгалтер из его адвокатской конторы.— Он был счастлив оттого, что деньги все кончились и теперь нужно было снова много работать. Ли всегда был намного лучше, когда в кармане у него было пусто и ему приходилось изворачиваться, чтобы заработать на жизнь».

Через несколько недель после того злополучного проигрыша в Лас-Вегасе дела пошли на поправку, и вскоре адвокатская контора Ли добилась такого успеха, какого ей не приходилось видеть с тех самых пор, как более трех лет назад ее хозяин был привлечен к суду в Нашвилле. Начало положили два нашумевших дела. Одно касалось 27-летнего студента-медика из Эль-Пасо по имени Тедди Мапула, который был обвинен в преднамеренном убийстве полицейского из Антони (штат Нью-Мексико). Второе дело было весьма странным и касалось старого агента по борьбе с наркотиками Джорджа Хога, утверждавшего, будто его непосредственный начальник подстроил ему ловушку, чтобы

обвинить в торговле кокаином.

Когда администрация Никсона объявила войну наркотикам, в стране, как и предполагалось, началась довольно широкая, но весьма путаная кампания, в ходе которой охотников часто принимали за тех, на кого охотились. Дело сотрудника Службы таможенного контроля Джорджа Хога показало, что он как раз и стал ее жертвой. Когда Управление по борьбе с наркотиками стало главным правоохранительным органом в этой области, Таможенное управление лишилось возможности производить собственные расследования и содержать сеть осведомителей. Оно, однако, было обязано бороться с наркотиками в пограничной зоне. В ответ на учреждение федерального Управления по борьбе с наркотиками Таможенное управление создало особое подразделение, называвшееся Службой таможенного контроля. С Восточного побережья США и со Среднего Запада в район техасско-мексиканской границы были переброшены многие работники таможни, ранее производившие досмотр в воздушных, морских и речных портах. Новички не имели нужной подготовки для борьбы с контрабандой наркотиков и ничего не знали о традициях и повадках банд, орудовавших вдоль реки. Многие бывшие сотрудники Таможенного управления, которых в свое время перевели в Управление по борьбе с наркотиками, попросились в новую Службу таможенного контроля. Среди них был и Джордж Хог. По его словам, Управление по борьбе с наркотиками и Служба таможенного контроля старались теперь переплюнуть друг друга в таких нарушениях, как незаконная установка подслушивающих устройств, насильственное вторжение в жилище, похищение людей, подбрасывание изобличающих улик, покушение на жизнь и т. д. Соперничавшие учреждения не останавливались ни перед чем в борьбе за пальму первенства в пресечении торговли наркотиками. Хог признался, что лично участвовал во всех этих преступлениях. Он сам стал жертвой этой системы, когда его непосредственный начальник подбросил кокаин в тайник недалеко от аэропорта, а потом, когда Хог пытался завладеть наркотиком, записал все на видеомагнитофон. Именно из-за этого Хог и очутился в приемной Ли Чагры, знаменитого адвоката, специалиста по таким делам.

Ли и Джо Чагра безумно обрадовались неожиданно открывшимся перед ними возможностям и записали на магнитную ленту все, что им поведал Хог о своей службе в системе органов по борьбе с наркотиками. Хог детально описал, как вместе с осведомителем они тайно проникли в дома двух местных торговцев наркотиками и похитили документы и другие ценности; как он пытался похитить другого торговца наркотиками и сдать его в руки мексиканской полиции за вознаграждение в 50 000 песо; как его коллеги выполняли «квоты», подделывая документы, а иногда и воруя партии марихуаны в Мексике, а затем «случайно» обнаруживая их на американском берегу реки; как они пытались обменять служебное оружие на наркотики; как

соперничавшие организации срывали операции друг друга, заранее предупреждая подозреваемых контрабандистов, и как вместе с другим коллегой они заманили в ловушку бизнесмена из Западного Техаса, шантажируя его несуществующим «делом», якобы заведенным на него Налоговым управлением. «Мы предложили ему простую сделку,— сказал Хог,— Мы сказали, что уничтожим его дело, а он за это выдаст нам нескольких своих друзей. Тогда он сказал, что не водит дружбу с торговцами наркотиками и никого не знает, на что мы ответили, что будет лучше, если он их придумает». Хог называл фамилии и даты. У него имелось даже несколько официальных документов, подтверждавших его рассказ.

Наиболее неприятной была та часть магнитофонной записи, где Хог рассказывал, как они с партнером — молодым агентом, лишь недавно перешедшим в управление из береговой охраны,— получили приказ убить известного в Нью-Мексико контрабандиста Джима Френча по прозвищу Француз. «Этот Француз — псих,— сказал один из боссов Хога.— К тому же он вооружен и опасен. Если попадется, выпустите из него кишки». Однажды утром, обнаружив килограммов четыреста марихуаны недалеко от одной из взлетно-посадочных полос контрабандистов в Чиуауанской пустыне, Хог сел в засаду и стал поджидать Француза, держа наготове автоматическую винтовку. Через некоторое время он увидел, как с севера приближается желто-белый «пайпер-ацтек» — самолет Француза. Затем показался второй самолет: видимо, прикрытие. Где-то в том же районе летал и самолет-наблюдатель Хога. По его словам, ему было приказано ликвидировать Француза, не повреждая при этом самолет. Предполагалось перелететь на нем через границу, бросить его там, а затем в удобное время «случайно обнаружить». Вот почему Хог стал ждать, пока Француз посадит самолет и выйдет из кабины. Несколько раз он ловил его на мушку и уже готов был спустить курок, но в последнюю секунду Француз оказывался за фюзеляжем. Когда Хог снова взял на прицел голову контрабандиста, в наушниках что-то щелкнуло и пилот с самолета-наблюдателя сказал: «Его прикрывают с воздуха. Не стреляй!» Хог с коллегой беспомощно наблюдали за тем, как Френч дозаправился и взмыл в воздух. Судя по всему, четыреста килограммов марихуаны принадлежали кому-то другому, поскольку Француз даже не подошел к тайнику. Хог погрузил марихуану в самолет и отвез ее в Эль-Пасо, где спрятал в надежном месте недалеко от моста Америк. Через несколько дней он обнаружил самолет Француза в одном из аэропортов в штате Нью-Мексико. Пока другие агенты засыпали песок в бензобак его самолета, Хог и его напарник рассыпали крошки марихуаны по ковру в салоне, а потом задержали самолет по подозрению в перевозке контрабанды. Ли Чагра хорошо помнил это дело. Француза тогда защищал он, и он же заставил федеральные власти вернуть контрабандисту его самолет.

Теперь, когда Джордж Хог сам попался в коварную сеть, которую плел для других, он был зол, растерян и готов «заложить» любого «нарка». Но чем больше Ли слушал его четырехчасовые излияния, тем яснее ему становилось, что своими показаниями Хог изобличал лишь одного человека — самого себя. Ли знал о расследовании деятельности Управления по борьбе с наркотиками, которое проводилось по инициативе федерального судьи Джеми Бойда, и договорился с Хогом о том, что тот выступит с показаниями перед большим жюри. Разумеется, он не очень-то рассчитывал, что его свидетельства принесут какую-то пользу. Ли, как и Бойд, считал, что это дело замнут. Федеральный прокурор Джон Кларк согласился не предъявлять Хогу обвинений в берглэри, незаконной установке подслушивающих устройств и других противозаконных деяниях, в которых тот признался, но сказал, что ему все же придется предстать перед судом по обвинению в контрабанде кокаина.

Слушать дело должен был судья Джон Вуд. Ли, конечно, понимал, что шансы у его клиента невелики, но процесс давал ему прекрасную возможность высказать всю свою неприязнь к порочной практике применения законов о наркотиках. К тому же всегда можно рассчитывать на понимание и сострадание присяжных. В день, когда должно было начаться судебное разбирательство, Хог по дороге в здание федерального суда неожиданно сказал адвокатам, что передумал и решил отказаться от права на рассмотрение своего дела в суде и признать себя виновным без суда. Адвокаты оторопели, неожиданно осознав, что Хог вел с ними не совсем честную игру. Тогда Ли напомнил клиенту, что уже одно признание в хранении кокаина влечет за собой 15 лет тюрьмы. Но Хог сказал, что ему уже кое-что «обещано». Что обещано? Кем? Хог молчал, сказав лишь, что кто-то из «начальства» обещал ему совсем маленький срок. Более того, ему пообещали, что в тюрьме его защитят от возможной расправы, если кто-либо из заключенных, угодивших туда не без его помощи, захочет свести с ним счеты. «Мы ничего не могли понять,— говорил Джо Чагра.— С одной стороны, Хог смертельно боялся тюрьмы. С другой, верил кому-то «сверху», не имея никаких письменных гарантий. Мы настоятельно советовали ему, пока не поздно, изменить свое решение. Ли сделал даже официальное заявление о том, что Хог признает себя виновным вопреки рекомендации адвокатов». В день вынесения приговора в зале суда не оказалось человека, который пообещал Хогу легкое наказание, и тот был приговорен к 12 годам тюрьмы. Более того, не было никакой гарантии, что в тюрьме к нему будут относиться по-особому. Братья Чагра внесли ходатайство о признании недействительным заявления подсудимого о своей виновности, но судья Вуд отклонил его. Пока Джо Чагра готовил новое ходатайство о пересмотре дела Джорджа Хога, тот куда-то исчез, и с тех пор его больше не видели.

В отличие от дела Хога другое дело, отнявшее у Ли Чагры

столь же много времени, прошло почти незамеченным. По меньшей мере тогда, осенью 1976 года. Его клиентом был Джерри Эдвин Джонсон, уголовник и контрабандист наркотиками, уже успевший побывать в тюрьме. Он был уличен в попытке скрыть от Налогового управления 250 000 долларов, и отбывал теперь наказание в федеральной тюрьме Ла-Туна на границе штата Нью-Мексико неподалеку от Эль-Пасо. Федеральные власти пытались в тот момент доказать, что Джонсон участвовал еще и в нелегальном ввозе из Мексики одного фунта героина.

В то время Ли еще не знал, что Джонсон, как говорится, «продался», став осведомителем, хотя и не очень надежным. Он также не знал, что группа агентов из Управления по борьбе с наркотиками и обвинителей из прокуратуры распорядилась, чтобы Джонсон был незаметно доставлен в один мотель, где состоялась их тайная встреча. Цель этой необычной и сомнительной с точки зрения закона встречи состояла якобы в том, чтобы получить дополнительную информацию по делу другого клиента Ли Чагры — Томми Хайетта. Джонсон рассказал агентам и обвинителям, что однажды они с Хайеттом привезли из Мексики фунт героина. Однако допрашивавшие быстро забыли о Хайетте и сосредоточили все свое внимание на якобы утерянном списке участников этой операции. Джонсон назвал имена по меньшей мере шестидесяти жителей Эль-Пасо, которых считал крупными контрабандистами наркотиками. По его словам, среди них не было настоящего «босса», но если «нарки» настаивают, чтобы он назвал фамилию, то пожалуйста — Ли Чагра.

Допрос был откровенно пристрастным, но агенты сочли полученную информацию настолько неубедительной, что даже не потрудились взять с Джонсона показания под присягой. «Сдается, он говорил то, что мы хотели бы услышать»,— сказал потом агент Робинсон. Протокол допроса на пятидесяти страницах был представлен большому жюри в качестве дополнительных материалов по делу Томми Хайетта, обвиненного в неуплате налогов. В суде этому документу не придали никакого значения, и он не рассматривался в качестве доказательства. По закону протокол допроса должен был оставаться в секрете, и о его существовании полагалось знать лишь небольшой группе агентов и обвинителей, ознакомившихся с ним как материалом для служебного пользования. Однако этот крайне неубедительный и предвзято составленный документ стал потом достоянием гласности и преследовал Ли Чагру и его Немезиду — судью Вуда — до самой их смерти.

11

Хотя близкими друзьями они так и не стали, Ли Чагра подружился с Джеми Бойдом в период, когда тот был федеральным судьей в Эль-Пасо, особенно когда большое жюри расследовало деятельность Управления по борьбе с наркотиками. Бойд

парковал машину рядом с адвокатской конторой Ли напротив здания суда и вскоре стал частенько заходить к нему после работы. Чагра хорошо понимал, что́ в то время творилось в федеральном суде, и если Джеми и назначал слишком большую сумму залога, то происходило это потому, что того требовал судья Эрнест Гуинн. Джеми был всего-навсего добросовестным исполнителем. Ли, Сиб Абрахам и несколько других адвокатов по уголовным делам считали Джеми Бойда умным и целеустремленным политиком, интересы которого более или менее совпадали с их собственными. Когда демократы вновь вернулись в Белый дом, победив на выборах в ноябре 1976 года, сенатор Тейти Сантистбен позвонил кое-кому из своих старых приятелей, включая Ли, Сиба и поручителя по залогам Вика Аподаку, и убедил их в том, что Джеми Бойд — прекрасная кандидатура на пост федерального прокурора. В истории штата не было еще ни одного федерального прокурора из Эль-Пасо — города, который всегда считался задворками Западного округа. Через несколько недель после выборов Сантистбен, Чагра, Абрахам и Аподака явились в офис Трейвиса Джонсона, всесильного босса демократов в Эль-Пасо, и рекомендовали Джеми Бойда на должность федерального прокурора. Через два месяца Бойд принял присягу, а уже на следующий год начал расследование, призванное привлечь троих из этой четверки к судебной ответственности.

Бойд не был ярым приверженцем крестовых походов против того или иного зла, но с одним он ни за что не хотел мириться — с азартными играми. После того как в Эль-Пасо был убит один игрок из Оклахомы как раз в тот период, когда Бойд был окружным прокурором, он стал лютой ненавистью ненавидеть всех, кто увлекался азартными играми. Хотя Ли Чагра добился оправдания убийцы (такого же игрока), убедив присяжных, что тот только защищался, Бойд твердо верил, что «дикси-мафия» * избрала их город для сведения счетов с конкурентами, и приступил к организации нашумевшего потом расследования большим жюри. «Я не сторонник крестовых походов,— вспоминал впоследствии Бойд.— Но азартные игры стали настолько распространенным явлением, что люди могли подумать, будто окружной прокурор либо глуп, либо подкуплен. Меня лично не устраивало ни то, ни другое». В ходе расследования большим жюри в прессу просочились имена некоторых довольно известных представителей делового мира и профессионального спорта. Среди многих граждан, вызванных для дачи показаний, были Ли и Джимми Чагра.

Когда стало ясно, что торговля наркотиками приносит гораздо больший доход, чем азартные игры, Бойд еще сильнее утвердился во мнении, что всем этим заправляет какая-то мафия. Как бы она там ни называлась: «дикси-мафия», «мексиканская

---

* «Дикси» — название южных штатов США.— *Прим. перев.*

мафия» или «сирийская мафия»,— Бойд считал своим долгом ликвидировать ее. Но для этого ему нужен был смелый и решительный прокурор. Выбор пал на Джеймса Керра, одного из помощников федерального прокурора, служивших в прокуратуре еще при республиканской администрации.

Окончив юридический факультет университета, Керр какое-то время работал в министерстве юстиции и участвовал в разработке проекта Закона о борьбе с наркотиками 1970 года. Затем он стал прокурором и вскоре приобрел репутацию сурового и непреклонного обвинителя в судах Дель-Рио, где судьей в то время был Джон Вуд. Они быстро подружились, что побудило многих адвокатов усомниться в беспристрастности Вуда: уж слишком часто судья и прокурор появлялись в обществе вместе. «У Керра была огромная власть в этом маленьком техасском городке,— говорил другой помощник прокурора.— Все адвокаты, защищавшие своих клиентов в суде Вуда, должны были идти на поклон к Джеймсу Керру». Судья и прокурор образовали своеобразный тандем, позволявший им в течение одного судебного заседания рассматривать два, три, а то и четыре дела. В 1975 году Вуд установил даже рекорд, рассмотрев за два дня восемьдесят дел. Именно из-за этой странной дружбы Керра в конце концов перевели из Дель-Рио в другой город. «Судья не может поддерживать с прокурором тех отношений, в каких Вуд находился с Керром, и при этом считать эти отношения нормальными,— сказал Джон Пинкни, в то время старший помощник федерального прокурора.— Джон Эйч (как называли судью его близкие друзья) всегда поддерживал позицию обвинения, и это бросалось в глаза».

У Бойда были свои причины на то, чтобы Керр и Вуд снова оказались вместе. Длительная работа Керра в тесном контакте с агентами Федерального бюро расследований, Налогового управления и Управления по борьбе с наркотиками («клиентами», как он их называл) со временем убедила и его в наличии некоего широкого заговора, во что так свято верил Джими Бойд. Наркотики и азартные игры имели общий корень. Питательной средой для них были отбросы общества. А за ними стояла организованная преступность — мафия. «Дела в Эль-Пасо обстояли из рук вон плохо,— жаловался Бойд.— Откровенно говоря, меня беспокоило то, что многие прокуроры позволяли клиентам Сиба Абрахама слишком легко избегать заслуженного наказания. К тому же Керр был одиноким, и поэтому переезд в Эль-Пасо не был для него связан с какими-то семейными трудностями. Но главной причиной было другое. По натуре своей Керр — созидатель. Куда бы он ни приезжал, он тут же налаживал дело так, как считал наиболее для себя приемлемым. Я знал, что он серьезно займется наркотиками и организованной преступностью».

Хотя Бойд открыто и не говорил об этом (по крайней мере в то время), он считал Ли Чагру главным боссом, «крестным

отцом» организованной преступности в Эль-Пасо. Таким образом, к уже проверенному альянсу между Керром и Вудом Бойд добавил новое звено — Керра и Ли Чагру, хотя, должно быть, и понимал всю взрывоопасность такого сочетания. Трудно было себе представить двух столь разных людей. Керр был щуплым, худосочным малым с болезненно-желтым лицом и тоненьким пронзительным голоском, который, казалось, вот-вот сорвется. Чагра свысока относился ко всем государственным служащим, особенно к прокурорам. Керр был классическим образцом бюрократа, преисполненного чувства собственного достоинства и власти и неукоснительно следовавшего букве закона. Представление Чагры о хорошем времяпрепровождении сводилось к возможности включить приятную музыку, нанюхаться кокаина и забраться в постель с пухленькими и хорошо пахнущими девицами. Керр же предпочитал послушать фуги Баха в тускло освещенной пресвитерианской церкви или сходить на концерт симфонической музыки. Вот почему Ли Чагра стал сразу же презирать Керра, а тот в свою очередь платил ему тем же. Керр считал Чагру недалеким и невоспитанным человеком, а тот делал все, чтобы подтвердить эту репутацию. Он часто, например, незаметно подкрадывался к Керру сзади и шептал тому на ухо такое, от чего бедный прокурор густо краснел. Сыграв одну партию в кости, Чагра мог выиграть или проиграть больше, чем Керр зарабатывал за целый год. Прокурор утверждал, что деньги для него ничего не значат и что его миссия состоит в том, чтобы «энергично и эффективно» доказывать вину всех правонарушителей, с которыми ему приходится иметь дело. Уже одно то, что его противник так сильно любил деньги и все, что связано с богатством, должно было вызывать в нем чувство негодования.

Вот почему Джеймс Керр вскоре набросился на Ли Чагру, как мангуста на змею.

12

Лето 1977 года было самым бурным периодом в жизни Джимми Чагры. Для Ли же оно стало началом его конца. Джимми, окрыленный большой удачей в Массачусетсе, пускался теперь в одну авантюру за другой, используя свои старые контакты в Колумбии. Казалось, он вот-вот сломает себе шею, но ему всякий раз удавалось приземляться на обе ноги. Ли же, напротив, все дальше скатывался в пропасть. Когда-то он с удовольствием мерился силами с такими судьями и прокурорами, как Вуд и Керр. Теперь же все это превратилось в скучнейшее занятие. Адвокатская работа представлялась ему грязной и недостойной и, что хуже всего, казалась беспросветно серой по сравнению с яркой, полной приключений жизнью Джимми. «Не знаю, чего я добивался все это время»,— говорил Ли друзьям. Ему казалось, что он вообще сделал неправильный выбор в

жизни. До массачусетского дела Ли лишь брезгливо морщился, когда слышал о контрабандистских операциях брата. Теперь же он был готов и сам к нему присоединиться.

Но летом 1977 года в совершенно разных местах произошли два полных драматизма события, которые ознаменовали начало нового, бурного и трагического периода в жизни Ли Чагры. Первым таким событием был нашумевший арест контрабандистов в Ардморе (штат Оклахома), когда несколько человек из банды Джимми Чагры, включая пилота Джерри Уилсона, были пойманы с поличным — с семью с половиной тоннами первоклассной колумбийской марихуаны. Вторым событием, случившимся через семь месяцев после первого, было крушение самолета «ДС-6» в Колумбии. Джерри Уилсон и еще несколько человек остались в живых, а вот второй пилот, нанятый Джимми Чагрой специально для этой операции, скончался от ожогов.

Джерри Уилсон был старым другом семьи Чагры. Профессиональный пилот, он работал в чартерной компании «Джет-авиа», обслуживавшей богатых туристов, посещающих Лас-Вегас, и не раз доставлял Ли, Джимми и почти всех их родственников из Эль-Пасо в Лас-Вегас и обратно. Последние месяцы он стал делать «левые» рейсы для Джимми Чагры. Уилсон был как две капли воды похож на телевизионную звезду Гейба Каплана — те же коротко подстриженные усы, чуть язвительный юмор и насмешливая улыбка. Отец четверых детей, он мечтал заняться чем-то большим, чем надоевшая перевозка любителей азартных игр в Лас-Вегас и обратно. Такую возможность предоставил ему Джимми Чагра. «Нарки» держали контрабандистов под наблюдением еще с июля 1976 года, когда самолет Таможенного управления США заметил, как двухмоторный «бич Д-18» Уилсона пересек мексиканскую границу близ городка Антилоп-Уэллс (штат Нью-Мексико). Радары таможенников потеряли самолет из виду, но через некоторое время агенты обнаружили его в аэропорту округа Кочайс (штат Аризона). Они сообщили, что в салоне самолета все еще ощущается «сильный запах» марихуаны, что все сиденья в нем сняты, а на полу лежит щит из органического стекла, который обычно кладется вниз при перевозке тяжелых грузов. Под чисто формальным предлогом (он не прошел таможенного досмотра) Уилсон был арестован, а его самолет — задержан. Однако у властей не было достаточно веских оснований для предъявления ему обвинения в контрабанде наркотиков.

Все лето и осень 1976 года «нарки» не спускали глаз с Джерри Уилсона и другого пилота — Дика Джойса из Канзас-Сити, который частенько работал с ним в паре. След неизменно тянулся к Джимми Чагре. «Нарки» подозревали также, что одним из главарей банды контрабандистов был Джек Стриклин, хотя в это время он и отбывал наказание в тюрьме Ла-Туна. Джимми Чагра, Джерри Уилсон и кое-кто из старой банды Стриклина подолгу совещались, закрывшись в адвокатской

конторе Ли Чагры. «Нарки», должно быть, почуяли, что напали наконец на след главарей банды. Они часто видели, как Джимми Чагра быстро выходил из конторы брата и спешил к телефону-автомату на углу недалеко от здания суда. При этом он всегда носил полотняный мешочек с разменной монетой. В ноябре агенты Таможенного управления уговорили судью разрешить им установить миниатюрный передатчик на двухмоторном самолете Дика Джойса «локхид-лоудстар». Сразу же после Дня благодарения* они арестовали и Дика Джойса, и Джерри Уилсона в аэропорту Кочайса, опять-таки воспользовавшись чисто формальным предлогом, заявив, что пилоты нарушили навигационные правила. На полу самолета и на сей раз были обнаружены крошки марихуаны, но не в том количестве, чтобы можно было предъявлять обвинение.

В декабре 1976 года «наркам» наконец повезло. Один из осведомителей сообщил, что контрабандисты пользуются теперь заброшенной взлетно-посадочной полосой около Ардмора (штат Оклахома). «Нарки» узнали, что оба пилота летают на новых самолетах. Джерри Уилсон приобрел «дуглас ДС-4», а Джойс летал на желто-белой «цессне-310». Были расставлены сети и оповещены все, кто только мог оказать содействие в поимке контрабандистов. Сюда входили Управление по борьбе с наркотиками, Таможенное управление, агенты по борьбе с наркотиками в штатах Луизиана, Техас, Оклахома и Нью-Мексико, Федеральное авиационное управление и авиационные диспетчерские службы в четырех штатах.

Холодной ясной ночью 30 декабря 1976 года оперативная группа агентов приняла первый сигнал тревоги, когда самолет Дика Джойса «цессна-310» приземлился в Новом Орлеане и прошел обычный таможенный досмотр. Джойс сказал таможенникам, что вылетел с одного из Больших Каймановых островов в Карибском море, который находится чуть ли не в двух с половиной тысячах километров от Нового Орлеана, и направляется в Оклахома-Сити. Таможенники видели, что самолет действительно полетел в северо-западном направлении.

Примерно через три часа после этого в небольшом городке Лонгвью в Восточном Техасе произошел любопытный инцидент, который чуть было не остался незамеченным. Авиадиспетчер местного аэропорта принял сообщение от пилота находившегося где-то поблизости «ДС-4», который назвал себя «Росс-109» и спросил, имеется ли в Лонгвью круглосуточная заправка: он, видимо, сбился с курса. Пилот сказал, что знает, что находится где-то над Восточным Техасом, но не уверен, где именно. Он видел какие-то огни вдали, но не мог определить, какой это город: Тайлер, Килгор, Маршалл или Лонгвью. Пилот, вероятно, впервые оказался в этих краях. Диспетчер связался с коллегой в

* Официальный праздник в США в память первых колонистов Массачусетса. Отмечается в четвертый четверг ноября.— *Прим. перев.*

соседнем городе Маршалле, и они стали выводить самолет на посадку, попеременно включая и выключая огни на диспетчерской вышке. Совершив посадку в Лонгвью, где имелось горючее, «Росс-109» поблагодарил диспетчера и добавил:

— Только не говорите об этом моему начальству.

— А вы — моему,— послышалось с вышки в ответ.

На такое дружеское расположение Джерри Уилсон и рассчитывал. Стараясь как можно точнее имитировать голос Гейба Каплана, он сказал диспетчеру:

— Э-э, мы совершаем полет по заданию Комиссии по атомной энергии. У нас на борту, э-э, радиоактивные отходы, поэтому мы хотели бы поставить самолет подальше от подъездных путей, э-э, метрах в ста пятидесяти, не меньше.

— Вас понял,— ответили с вышки.— Нет проблем. Куда летите?

— Летим в Тонопа, штат Невада,— ответил «Росс-109».

Джерри Уилсон знал о существовании маленьких отдаленных посадочных площадок в пустыне штата Невада, которые иногда действительно использовались самолетами Комиссии по атомной энергии. Он также знал названия авиационных транспортных компаний, обслуживавших комиссию. Именно поэтому он и назвался «Россом». Диспетчер направил самолет «Росс-109» в южную часть аэропорта, разрешив остановиться метрах в трехстах от подъездных путей, где не было освещения. Как только самолет остановился, Джерри Уилсон выключил все, что только можно. Авиадиспетчер едва различал теперь контуры самолета в свете фар заправщика, но эта операция не вызвала у него никаких подозрений. Он знал, что воздушные такси фирмы «Росс» часто перевозили радиоактивные отходы для Комиссии по атомной энергии и всегда останавливались подальше от подъездных путей. Правда, фирма, как правило, использовала в этих целях самолеты типа «де-хэвилленд-туин-оттерс», но в тот момент авиадиспетчер об этом просто не подумал.

Через несколько минут после того, как «ДС-4» дозаправился и взлетел, диспетчер в Лонгвью принял радиосообщение от начальника диспетчерской службы в Форт-Уэрте, который сказал, что они разыскивают «цессну» Дика Джойса.

— Я видел лишь один самолет — «ДС-4». Он только что взлетел,— передал он в Форт-Уэрт.

Вдали еще видны были блики хвостовых огней «Росса-109», направлявшегося на запад. Диспетчер вдруг увидел еще один, меньший самолет, который, видимо, все это время кружил над ними. Лонгвью попытался было связаться с «Россом-109» на нескольких частотах, но тот не отвечал. Тогда Форт-Уэрт посоветовал Лонгвью настроиться на частоту 122,9. В течение нескольких секунд Лонгвью слышал, как переговариваются два пилота. Кто-то назвал имя Джерри и сказал: «Лучше перейдем на другую частоту». После этого сигнал пропал. Через несколько минут на экране радара в Форт-Уэрте появились две точки, расположенные совсем близко друг от друга и двигавшиеся параллельным курсом на север.

— Странно,— заметил Лонгвью.— Кажется, второй самолет дожидался, пока взлетит первый, не правда ли?

— Совершенно верно,— ответил Форт-Уэрт.— Так оно и было.

Диспетчер из Лонгвью стал было рассказывать о том, что это «ДС-4» из транспортной компании «Росс» с радиоактивными отходами на борту, как вдруг его осенило: эта фирма такими самолетами не пользовалась.

К тому времени к операции по обнаружению двух самолетов уже подключились радарные службы Форт-Уэрта, Хьюстона, Нового Орлеана и Батон-Ружа, а также пилот пассажирского самолета «ДС-10» авиакомпании «Континентал эйрлайнс», который случайно слышал все радиопереговоры. В воздух поднялся и самолет Управления по борьбе с наркотиками, дожидавшийся сигнала в Оклахома-Сити. Таможенники из Нового Орлеана сообщили, что марихуана — на борту «ДС-4», но операторы на радарах не могли отличить один самолет от другого.

— Нам трудно следить за ним,— сообщили из Форт-Уэрта.— Он то появляется, то исчезает. Наверное, все время меняет высоту.

Таможенники в Новом Орлеане предупредили агента Джеймса Бердсонга из Бюро по борьбе с наркотиками в Оклахоме, и тот собрал внушительную армию полицейских, которые заняли исходные позиции в Ардморе и стали ждать дальнейших распоряжений. Конечно, не было никаких гарантий, что контрабандисты действительно совершат посадку в Ардморе, но те летели именно в этом направлении. Теперь уже было ясно, что те прибегли к старому, испытанному приему, когда два самолета летят так близко друг от друга, что на экранах радаров сливаются в одну точку. Самолет с грузом потом приземляется, а другой продолжает полет, отвлекая радар на себя и обеспечивая безопасную посадку первому самолету.

— У нас здесь дела плохи,— сообщили из Форт-Уэрта, подтвердив очевидное.— Эти двое не такие уж дураки. Теперь они летят в четырех километрах друг от друга, а я все равно не знаю, кто из них кто. Они летят на северо-запад.

Где-то между Лонгвью и Ардмором у «ДС-4» вышел из строя один из моторов, и лишь мастерство и опыт Джерри Уилсона позволили ему благополучно приземлиться. «Цессна» Дика Джойса должна была лететь далее на север и совершить посадку близ Оклахома-Сити, но по каким-то непонятным причинам Джойс решил тоже приземлиться в Ардморе. Когда светящиеся точки исчезли с экрана радара, был подан сигнал тревоги и армия агента Бердсонга бросилась в сторону аэропорта, раскинувшегося среди холмов в одиннадцати километрах от Ардмора.

К тому времени, когда Бердсонг и его люди добрались до цели, 276 джутовых мешков с марихуаной были выгружены с

«ДС-4», а четыре грузовика с «травкой» уже выехали на шоссе. Из всей шайки контрабандистов осталось лишь десять человек, остальные разбежались. Дорожная полиция остановила грузовики и произвела обыск. Две арендованные автомашины, в которых ехали пилоты и несколько человек из группы наземного обеспечения, были тоже остановлены и все пассажиры арестованы. Когда настала пора подвести итоги операции, «нарки» поняли, что полного успеха они не добились. Марихуану они, конечно, перехватили и даже арестовали десятерых «мулов» *, но вот ключевую фигуру — Джимми Чагру — они все же упустили. Они даже не могли теперь доказать, когда и каким образом были доставлены эти семь с половиной тонн марихуаны. Даже если предположить, что досмотр грузовиков был произведен на законном основании, власти могли достоверно доказать лишь то, что четверо арестованных водителей грузовиков перевозили груз марихуаны в коммерческом объеме.

Слух об аресте контрабандистов в Ардморе моментально докатился до Эль-Пасо и имел эффект разорвавшейся бомбы. Уже к середине следующего дня эта новость стала главной в городе. Джек Стриклин услышал обо всем по радио в камере тюрьмы Ла-Туна. Хотя имя Джимми Чагры официально и не упоминалось, пятеро из десяти обвиняемых заявили, что они из Эль-Пасо, и теперь весь город считал это дело своим. Пройдет еще немного времени — и арест контрабандистов будет назван самой крупной операцией за всю историю Эль-Пасо.

Суд был назначен на 7 июля 1977 года. Но еще до суда произошло событие, взбудоражившее всех жителей Эль-Пасо и представителей средств массовой информации. В Санта-Марте (Колумбия) были арестованы Джимми Чагра и весь экипаж «лирджета», принадлежавшего авиакомпании «Джет-авиа». Судя по первым, весьма отрывочным сведениям, с самолетом «ДС-6» произошла катастрофа, за которой последовала операция по спасению пилота, получившего сильные ожоги. Фамилия пострадавшего была Джерри Уилсон. Никаких официальных обвинений никому предъявлено не было, но Чагра и пять других американцев были задержаны колумбийскими властями.

Первые несколько дней семья Чагры, как и средства массовой информации, не знала практически никаких подробностей. Ли позвонил Кларку Хьюзу, который имел своих людей в Мексике, а у тех, возможно, были связи в Колумбии. Затем он позвонил Крису Карамоносу, одному из владельцев компании «Джет-авиа». Тот был одним из крупнейших бизнесменов в Лас-Вегасе и членом правления Университета штата Невада. Карамонос знал Ли уже несколько лет, и они оставались хорошими друзьями. Джимми же он знал лишь понаслышке. Компания «Джет-авиа» имела три собственных реактивных самолета, а шесть других арендовала. У нее были контракты с казино «Сизарс-палас» и со службой срочной медицинской помощи под названием «Мэрси-эмбьюленс». По некоторым сообщениям, ФБР и другие федеральные органы заинтересовались деятельностью «Джет-авиа», узнав, что компания финансировалась Элланом Гликом — бизнесменом из Лас-Вегаса, подозревавшимся в связях с известным мафиози Антони Спилотро по прозвищу Тони-муравей. Деятельность самого Карамоноса не была объектом расследования.

* Контрабандисты, занимающиеся лишь транспортировкой и доставкой груза по адресу.— *Прим. перев.*

Карамонос сообщил Ли, что 14 июня ему звонил Джимми из Атланты и просил помочь. По его словам, за два дня до этого в Санта-Марте произошла автомобильная катастрофа, в которой пострадал Джерри Уилсон, получивший ожоги первой степени на 70% кожи. Джимми хотел, чтобы «Джет-авиа» направила в Колумбию самолет с двумя медиками из «Мэрси-эмбьюленс». Карамонос знал и любил Джерри Уилсона: до недавнего времени тот работал у него, но потом сказал, что уходит к Джимми Чагре и будет помогать ему в сбыте какого-то спортивного инвентаря. На самом же деле (и Ли это прекрасно знал) Джимми, Джерри Уилсон и еще несколько человек улетели в Колумбию на только что приобретенном «ДС-6». Они хотели привезти оттуда марихуану, которая компенсировала бы потери в результате захвата полицией груза марихуаны в Ардморе. Джимми до сих пор не расплатился со своим колумбийским поставщиком Лионелем Гомесом за груз, который они так бездарно потеряли в Ардморе. Конечно, вполне могло случиться, что Джерри Уилсон действительно получил ожоги в результате автомобильной катастрофы, но вероятнее все же было другое: они, видимо, слишком перегрузили «ДС-6», и тот упал при взлете. Более искусного пилота, чем Джерри Уилсон, Ли еще не встречал, но, учитывая создавшееся положение, можно было легко предположить, что кто-то из их компании из-за алчности перегрузил самолет. Если все было так (а именно так и случилось), Джимми Чагра влип в прескверпейшую историю: он попал в руки колумбийских властей и к тому же задолжал теперь Гомесу уже за *две* партии марихуаны.

Прежде всего нужно было спасать жизнь Джерри Уилсона. Крис Карамонос направил в Колумбию самолет, но тот вынужден был сделать три промежуточные посадки: сначала в Эль-Пасо, чтобы захватить заграничный паспорт Джимми Чагры, затем в Атланте, чтобы подобрать самого Джимми, а потом в Майами, где пришлось задержаться на ночь, чтобы дать возможность двум медикам из «Мэрси-эмбьюленс» купить специальную мазь от ожогов, рекомендованную врачами из специализированного центра при военном госпитале Брукса. Карамонос получил разрешение на этот рейс от Федерального авиационного управления и государственного департамента и договорился о том, чтобы пострадавшего сразу же доставили в центр по лечению от ожогов в Сан-Антонио.

Перед приземлением в Санта-Марте Джимми Чагра неожиданно обратился к двум пилотам и медикам со странной просьбой: он хотел, чтобы те сказали властям, что Джерри Уилсон находился на борту самолета, когда они вылетали из Лас-Вегаса. Старший из медиков, Джефф Эллис, ничего не понимал: ведь цель их полета как раз и состояла в том, чтобы оказать неотложную помощь Джерри Уилсону. Но через час после посадки Эллис понял, что Чагра от них что-то скрывал.

Как только они приземлились, Чагра куда-то исчез, предоставив Эллису и другим самим разбираться с таможней. Вскоре к зданию таможни подъехала «скорая помощь». К этому времени вокруг уже было полно полицейских из Управления административной безопасности Колумбии (ДАС). Эллису и другому медику разрешили лишь полминуты осматривать пострадавшего прямо на носилках в карете «скорой помощи», запретив выносить его и даже оказывать первую помощь. Ожоги были более серьезными, чем предполагал Эллис. Пострадавший испытывал невыносимую боль и, судя по всему, умирал. Пока медики старались хоть чем-то помочь больному в салоне «скорой помощи», сотрудники ДАС произвели досмотр самолета. Затем они арестовали и пилотов, и медиков и доставили их в штаб-квартиру ДАС в центре города. Вскоре туда же прибыли Джимми Чагра и настоящий Джерри Уилсон. Выяснилось, что пострадавшим оказался второй пилот — Брюс Аллен, для которого это была первая и последняя операция с контрабандой. Уилсону и его спутникам удалось выпрыгнуть из горевшего «ДС-6» еще до взрыва, но Аллен сделать этого не успел и получил сильные ожоги. «Легенда» была, видимо, придумана для того, чтобы дать Уилсону возможность улететь вместе со всеми в Соединенные Штаты. Но вскоре стало ясно, что никто никуда не летит.

Оказавшись за решеткой, Джимми Чагра постарался сделать все, чтобы арестованные испытывали как можно меньше неудобств. Это была нелегкая задача, учитывая, что он и сам был узником. И все же Чагре удалось подкупить охрану и получить хорошую еду и одеяла. Себе он раздобыл немного местной «травки» и даже договорился с одним сотрудником ДАС о том, чтобы Брюсу Аллену дали что-нибудь болеутоляющее (через пять дней тот скончался).

На следующее утро всех шестерых американцев перевезли в столицу Колумбии Боготу и развели по одиночкам. В течение последующих семи дней их допрашивали, а затем вновь отвезли в Санта-Марту и продержали за решеткой еще две недели, не предъявив никаких обвинений. Из тех отрывочных сведений, которые доходили до Эль-Пасо, можно было сделать вывод, что аресты были связаны с контрабандой наркотиков, что вскоре и подтвердили сердства массовой информации. Находившиеся в Санта-Марте агенты из Управления по борьбе с наркотиками приняли участие в проводимом ДАС расследовании, но ни обломков разбившегося «ДС-6», ни наркотиков им найти не удалось. Они обнаружили лишь болеутоляющие средства и мазь от ожогов на борту зафрахтованного самолета. Крис Карамонос и родственники Чагры связались с американским посольством в Боготе, но никто из дипломатов помочь не спешил. Ли и Джо Чагра наняли адвоката в Санта-Марте и перевели Джимми 10 000 долларов, но вскоре узнали, что он и без того уже контролирует ситуацию. Воспользовавшись связями в Колумбии, он договорился о собственном освобождении и об освобождении Уилсона. Всех остальных отпустили после того, как Карамонос заплатил кому-то 150 000 долларов. Медик Джефф Эллис вспоминал потом, как адвокат Чагры встретил их у ворот тюрьмы и отвез в «Порта-Галлеон», отель на окраине Санта-Марты. Двое явно чем-то недовольных колумбийцев ушли с Чагрой в комнату в глубине их люкса. Через какое-то время к ним присоединились еще четыре колумбийца. Медик не слышал их разговора, но и так было ясно, что те вряд ли поздравляли Джимми Чагру с последним «успехом». На следующее утро американцев отвезли в Барранкилью и посадили в самолет компании «Авианка», вылетавший в Майами.

Прошло почти два года, прежде чем правительство Колумбии вернуло самолет компании «Джет-авиа». Но к тому времени фирма уже объявила себя банкротом. Через три месяца после того, как Карамонос уплатил выкуп за своих служащих, один из самолетов его компании потерпел аварию недалеко от Палм-Спрингс, в которой погибла мать Фрэнка Синатры. Ровно через четыре минуты после этого произошла катастрофа с другим самолетом его компании: он попал в снежную бурю в штате Миннесота. Потеря трех самолетов за какие-то три месяца доконала авиакомпанию «Джет-авиа».

Интерес публики к приключениям в Колумбии не утихал до самого суда, который начался в Ардморе 7 июля. Кларк Хьюз и несколько других адвокатов, нанятых для защиты «эльпасовской десятки» (как теперь стали называть контрабандистов), беспокоились, как бы сенсационные газетные сообщения не навредили их клиентам. Джерри Уилсон, единственный участник обеих операций, делал все возможное, чтобы как-то затушевать свою причастность к «колумбийскому делу». Но Джимми Чагра не устоял перед неожиданной возможностью завоевать популярность. Стоило кому-то заговорить хотя бы о погоде, как Джимми тут же переводил разговор на другое и начинал вспоминать, как подкупал охранника в тюрьме в Санта-Марте. Джимми не очень-то переживал по поводу смерти Брюса Аллена. Вместе с Джерри Уилсоном они зашли как-то к вдове Аллена, выразили ей соболезнование и дали немного денег. Одним словом, Джимми Чагра был в восторге от своих приключений в Колумбии.

Восторг Джимми лишь усилил охватившую Ли депрессию. Он неделями ходил мрачный, какой-то сам не свой. То, что раньше могло вызывать у него лишь улыбку, теперь раздражало, а то,

что когда-то казалось ему очень важным и серьезным, теперь вызывало смех. Одной из причин этой депрессии было то, что новый прокурор, Джеймс Керр, теперь, казалось, неотступно преследовал его. Тому действительно удалось к этому времени перевернуть весь Эль-Пасо. В городе уже поползли слухи о том, что скоро будет собрано новое большое жюри, которое займется рэкетом. Ли считал, что в данном случае уместнее было бы сказать — «займется охотой на ведьм».

Другой причиной депрессии были семейные неурядицы и проблемы, возникавшие так часто, что Ли давно сбился со счета. Джо-Энни теперь все чаще говорила о разводе, Джо поговаривал о намерении уйти из адвокатской конторы и отказаться от партнерства, а Джимми просто болтал без умолку. Ли изо всех сил старался хоть что-то спасти после последнего провала Джимми, но тот уже замышлял какое-то новое дело. Ли догадывался, что его брат еще до бостонской истории занимался контрабандой, но то были лишь догадки. Он знал, что Джимми устраивал какие-то дела с Джеком Стриклином и другими контрабандистами из Нью-Мексико, в частности Марти Хоултином и Джимом Френчем. Ли слышал также, что между ними возникли трения: кто-то ущемил чье-то самолюбие, кто-то недосчитался денег, а кто-то просто сболтнул лишнее. Он слышал, будто Джим Френч отказался участвовать в какой бы то ни было операции, если к ней будет причастен Джимми. Ли воздерживался от моральной оценки занятий контрабандой, но очень высоко ценил такие понятия, как «честное слово» и «честь». Но даже здесь он не чувствовал себя уверенным, когда разговаривал с Джимми. Более того, случалось, не он, а Джимми читал проповеди о таких отвлеченных понятиях, как «кодекс чести», «кодекс поведения на американском Западе», «кодекс братства». При этом младший брат был похож на неразумное дитя, бездумно повторяющее слова, где-то услышанные, но так до конца и не понятые. По иронии судьбы, «нарки» считали Ли главной фигурой в банде контрабандистов. Ли гневно отвергал это обвинение. То же самое, разумеется, делал и Джимми. Но совсем по другой причине: ему больше всего хотелось, чтобы «боссом» считали его, а не Ли.

Ли пристрастился к кокаину и теперь принимал его в больших дозах. Порошок помогал ему подняться в собственных глазах и считать себя неуязвимым. Но в глубине души он, конечно, сознавал, что это лишь иллюзия. За ней скрывалась все та же хандра, засасывавшая его все глубже и глубже. Он уже не раз заговаривал с Вивиан и другими о смерти. «Не знаю, удастся ли мне вынести все это,— сетовал он.— Сделав шаг вперед, я тут же делаю три шага назад». При этом он имел в виду не только кокаин: казалось, вся жизнь его летела под откос, а сделать он уже ничего не мог.

Суд в Ардморе оказался прекрасным «тоником» для Ли. Кларк Хьюз сказал, что лучшей адвокатской работы он еще в

жизни не видел. Судебный процесс почти в точности повторил то, что призошло три года назад в Сокорро (штат Нью-Мексико), когда местные жители стали просто обожать членов банды «Авиация Коламбуса» и их элегантного и энергичного защитника Ли Чагру. Вот и теперь он с былой легкостью сбегал по лестнице старого здания суда в Ардморе и приветливо помахивал рукой хихикавшим от восторга школьницам, сбежавшим с уроков, чтобы увидеть своего кумира. В эти минуты Ли в обычной своей ковбойской шляпе и с тростью с золотым набалдашником в руке был, казалось, живым воплощением спокойствия и уверенности. Бригада защитников включала еще четырех адвокатов, но Ли, бесспорно, был «звездой». Адвокаты знали, что обвинение настроено весьма решительно. Оно уже отклонило предложение защиты пойти на сделку: освободить шестерых обвиняемых, если четыре водителя грузовиков признают себя виновными. Чагра и Кларк Хьюз еще накануне ночью обсудили сложившуюся ситуацию и были совершенно уверены, что в ходе судебного разбирательства обязательно отыщутся какие-нибудь свидетели из числа официальных лиц, которые покажут под присягой, что собственными глазами *видели*, как контрабандисты выгружали товар из «ДС-4» и загружали им грузовики. Они даже могут показать, что нашли крошки марихуаны под грузовым отсеком самолета. Но адвокаты были столь же уверены, что те не смогут предъявить суду эти крошки в качестве вещественного доказательства, поскольку их там просто не было.

Кларк Хьюз считал, что Ли практически выиграл дело уже тогда, когда обратился к присяжным со вступительной речью. Это был классический пример построения защиты на презумпции невиновности. Для наглядности Чагра использовал предмет, который тоже был его символом статуса — раздвижную указку из чистого золота. Он выдвинул ее на минимальную длину и, улыбаясь, подошел к присяжным. Дотронувшись до тонкого конца указки, он сказал: «Давайте на минутку представим, что этот конец символизирует собой невиновность подсудимых, которые не совершили никаких преступлений. Другой конец символизирует их виновность, не оставляющую разумных сомнений. Допустим, обвинение убедительно изложило доказательства преступления. Допустим, они действительно совершили преступление, обвинение доказало это, и вы, присяжные, теперь убеждены в этом». Ли внимательно посмотрел на присяжных, выждав, пока все только что сказанное дойдет до их сознания. Затем он чуть раздвинул указку и подождал еще несколько секунд, дав им время подумать еще. «Остальная же часть указки,— сказал он уверенным и твердым голосом Уолтера Кронкайта *,— символизирует их *невиновность!*» Произнеся эти магические слова, Ли выдвинул указку на всю длину.

* Популярный ведущий программы новостей американской телевизионной компании Си-би-эс.— *Прим. перев.*

«Еще до того, как дал показания первый свидетель,— вспоминал Кларк Хьюз,— все присяжные были уверены в невиновности подсудимых».

Как и предполагалось, несколько представителей властей показали, что прибыли в аэропорт вовремя и собственными глазами видели, как контрабандисты разгружали самолет. Когда же Ли уличил их во лжи, попросив назвать точное место, с какого они вели наблюдение, некоторые из присяжных прыснули со смеху: указанное место находилось более чем в полутора километрах от действительного места разгрузки. К тому же высокий холм вообще закрывал видимость. Ли повернулся так, чтобы можно было посмеяться вместе с присяжными. Его глаза прямо-таки искрились радостью. Когда один из свидетелей агента Бердсонга сказал, что нашел крошки марихуаны под грузовым отсеком «ДС-4», Ли задал ему очевидный вопрос: почему же тогда свидетель не потрудился собрать эти крошки и представить суду в качестве вещественного доказательства? Один присяжный — старый фермер — так расхохотался, что чуть не свалился со стула. В числе присяжных была и одна хорошенькая женщина, все время строившая глазки Джерри Уилсону.

Было ясно, что обвинение в лучшем случае могло рассчитывать на то, что голоса присяжных разделятся. Если бы оно сразу сосредоточило свое внимание на четырех водителях, то могло бы отправить в тюрьму хотя бы их. Обвинители, однако, решили «засадить» всю десятку, рискуя при этом вообще проиграть дело. После двух дней совещаний присяжные дали знать, что окончательно зашли в тупик: восемь против четырех считали подсудимых невиновными. Судье не оставалось ничего другого, как объявить, что присяжные не смогли вынести единогласного решения, и на этом все закончилось. В тот же вечер был устроен праздничный ужин, на котором присутствовало несколько присяжных, включая и ту, что строила глазки Джерри Уилсону. «Я уверена,— сказала она Ли Чагре,— что они действительно все это сделали. Но ведь этого никто *не доказал!*»

Ли приходилось тратить гораздо больше сил и энергии в некоторых других случаях и добиваться блестящих побед. Но такой победы у него еще не было, если учитывать необычайные обстоятельства дела, большую шумиху вокруг него и поразительные результаты. Разумеется, это еще не было окончательной победой, так как он был уверен, что обвинение предпримет еще одну попытку упрятать в тюрьму «эльпасовскую десятку», но Ли уже не сомневался в исходе и повторного судебного разбирательства. Теперь все они были у него в руках, и это подтверждалось документально. Кто-то передал ему бутылку шампанского, но Ли лишь отмахнулся: оно ему было теперь не нужно. Несколько позже позвонил Джимми и поздравил с успехом. По просьбе брата тот держался на всякий случай подальше от Ардмора. Джимми хотел было переговорить еще с пилотом-асом Джерри Уилсоном, но тот уже исчез куда-то вместе с красоткой-присяжной.

Два месяца спустя состоялся повторный судебный процесс, в ходе которого к старым своим промахам обвинители добавили новые. Чагра не оставил от их доказательств камня на камне. В своем заключительном слове окружной прокурор признал, что расследование велось «с поразительной небрежностью», но он все равно взывает к гражданскому долгу присяжных и их чувству ответственности. «Одно то, что полицейские были небрежны в выполнении своих служебных обязанностей,— сказал он, обращаясь к присяжным,— не должно давать вам оснований для признания подсудимых невиновными». Но этот аргумент в данном случае звучал неубедительно: в том составе присяжные с самого начала были на стороне подсудимых. Но не одни полицейские были повинны в провале дела. К очередной неудаче приложило руку и обвинение. Это случилось еще тогда, когда оно подбирало присяжных, хотя окружной прокурор, видимо, этого так и не понял. Так, по каким-то непонятным причинам обвинение не отклонило кандидатуру старого контрабандиста, в свое время занимавшегося нелегальной торговлей спиртным и отсидевшего за это положенный срок. Заняв место присяжного, он был только рад отомстить судье за годы собственных лишений и страданий. Другой присяжный был явно «хиппи». Невольно возникал вопрос: кто же тогда, по мнению обвинителей, курил всю эту марихуану? Еще одним присяжным была мать молодой девушки, которая лишь недавно предстала перед судом в этом же зале по обвинению в хранении небольшого количества марихуаны.

«О таком судебном процессе любой адвокат мог только мечтать,— вспоминал Ричард Эспер, сменивший в бригаде адвокатов Кларка Хьюза, который к этому времени уже стал судьей.— Присяжные с готовностью делали все, что предусматривалось сценарием. Они вели себя так, словно участвовали в массовке на съемках картины, в которой кинозвездами были подсудимые».

После оправдания «эльпасовской десятки» обвинители и агенты из Управления по борьбе с наркотиками еще долго спорили, стараясь найти виновного. Вернувшись в Эль-Пасо, они свалили все на привычную некомпетентность жалких провинциалов из Оклахомы. Но это было слабым утешением: ведь дело было проиграно. И проиграли они не кому-нибудь, а Ли Чагре.

И тогда Джеми Бойд и Джеймс Керр решили действовать по-другому.

13

Братья Чагра были не единственными адвокатами, не ладившими с Вудом. Вот уже четвертый год сохранялись натянутые отношения между судьей и другим местным адвокатом, Реем

Кабальеро, и напряженность эта непрерывно росла. Летом 1977 года, т. е. примерно в то же время, когда братья Чагра очутились в центре внимания прессы в Ардморе и Колумбии, страсти накалились так, что взрыв был уже неминуем.

Кабальеро, в свое время служивший в Вашингтоне в министерстве юстиции, а позже в федеральной прокуратуре Западного округа штата Техас, имел неопровержимые доказательства, свидетельствующие о расистских наклонностях судьи Вуда. Правда, достоянием гласности он их так и не сделал. А дело было так. Кабальеро и его жена Дороти попытались как-то купить участок земли в Ки-Аллегро — курортном городке неподалеку от Рокпорта, где Вуд любил проводить с семьей уикенды и отпуска. Когда Кабальеро вносил задаток в две тысячи долларов, он еще не знал, что Джон Вуд был членом правления «Ки-Аллегро канал оунерс ассошиэйшн», да если бы и знал, то не придал бы этому никакого значения. Кабальеро был из семьи ранних переселенцев, и вся его родня жила в Эль-Пасо еще с той поры, когда дед спустился туда с гор северной Мексики во время Мексиканской революции. Вот уже более полувека семейство Кабальеро было хорошо известно в деловых кругах города. Когда его просьба о приобретении земельного участка в Ки-Аллегро была отклонена, Кабальеро ушам своим не поверил. Причину отказа он узнал лишь несколько месяцев спустя, ознакомившись со следующим положением местного законодательства: «Ни одна часть вышеназванной недвижимости, равно как и ни одна ее доля, находящаяся в совместном владении, не должна передаваться в собственность, аренду или каким-либо иным образом человеку, не принадлежащему к белой расе. Точно так же ни один человек, не принадлежащий к белой расе, не имеет права занимать какую-то часть указанной недвижимости, за исключением домашней прислуги, проживающей на территории, где она в данное время служит».

Уже то, что этот запрет сохранился в силе до 1977 года, было диким само по себе. Еще более невероятным было то, что запрет этот применил теперь федеральный судья.

Кабальеро уже участвовал в ряде судебных процессов, происходивших под председательством покойного Эрнеста Гуинна, поэтому высокомерие судей было ему не в новинку. Однако уже первое столкновение с судьей Джоном Вудом оказалось для него потрясением, запомнившимся на всю жизнь. Его тогда назначили защищать студента, задержанного на мосту при попытке тайно перенести немного марихуаны, спрятанной в сапоге. Хотя речь шла о сравнительно мелком правонарушении, обвинители разбили его на три пункта, предъявив отдельные обвинения, что влекло за собой пять лет тюрьмы по каждому пункту. Присяжные признали его клиента виновным по всем трем пунктам обвинения. Кабальеро думал, что Вуд разрешит отбывать наказание по трем пунктам одновременно или даже вынесет условный приговор, но тот дал студенту пятнадцать лет.

«Сначала мне даже показалось, что я ослышался,— вспоминал впоследствии Кабальеро.— Я сказал: «Судья, вы действительно приговариваете его к пятнадцати годам?», на что он ответил: «Я дал бы ему намного больше, если бы только мог». За все годы своей работы сначала в качестве прокурора, а затем адвоката Кабальеро не встречал еще столь откровенно жестокого судьи.

Второе серьезное столкновение между судьей Вудом и адвокатом Кабальеро произошло в декабре 1974 года. Гуинн к тому времени уже умер, и Вуд орудовал в суде с таким рвением, словно хотел рассмотреть все скопившиеся дела сразу. Утром 6 декабря 1974 года Кабальеро явился в суд, где ему предстояло выступать в роли защитника по двум отдельным делам. По первому проходил некий Джеймс Горди, который обвинялся в хранении десяти килограммов марихуаны в одном из шкафчиков камеры хранения в Эль-Пасо. Обстоятельства дела были таковы. Администратор камеры хранения, заподозрив неладное, подобрала ключ к шкафчику и обнаружила там марихуану. Она тут же позвонила в полицию, и ей было велено вести наблюдение. Прошло пять дней, но хозяин шкафчика не появлялся. Тогда «травку» изъяли, а на шкафчик повесили новый замок. На другой день пришел Горди, который и был арестован при попытке перекусить дужки полицейского замка кусачками. Ему было предъявлено обвинение по двум пунктам: хранение марихуаны и сговор с целью ее распространения. Все это выглядело довольно странно, учитывая, что никакой марихуаны в шкафчике в момент ареста обнаружено не было. Но Вуд признал законным оба обвинения и, как положено, привел жюри к присяге.

На тот же день было назначено слушание другого дела, по которому проходил некий Диарсе-Эстрада, задержанный при попытке перейти мост с 45 килограммами марихуаны, спрятанными в чемодане с двойным дном. Оба состава присяжных — по делу Диарсе и по делу Горди — приняли присягу одновременно в девять часов утра, хотя дело Диарсе можно было рассматривать лишь после того, как завершится допрос свидетелей по делу Горди.

В тот день судья Вуд был в исключительно плохом настроении, и все в суде это сразу заметили. Список уже рассмотренных им дел был весьма внушительным, и судья, казалось, находился на грани полного изнеможения. Рассмотрение текущих дел уже подходило к концу: был четверг, и все прекрасно знали, что, случись даже наводнение или землетрясение, Вуд не изменит своих планов и в пятницу вечером непременно улетит последним самолетом в Сан-Антонио. Там они с женой сядут в машину и поедут на уикенд в Ки-Аллегро. Все только и молились о том, чтобы судья не опоздал на самолет.

Дело Горди было довольно щекотливым, и Кабальеро сразу же попытался исключить все неясности и двусмысленности. Адвокат слыл специалистом по процедуре доказывания. Как и у

судьи, у него было много публикаций по данному вопросу, но в отличие от Вуда его авторитетное мнение получило широкое признание коллег. Вуд хвастался тем, что за тридцать лет судебной практики рассмотрел три тысячи дел в суде присяжных и все они заканчивались обвинительным приговором. Но местные адвокаты воспринимали это как шутку, потому что если бы это было действительно так, то судье пришлось бы рассматривать с участием присяжных в среднем по два дела каждую неделю. Большинство юристов полагало, что Вуд не считает себя связанным какими-либо рамками закона, и Кабальеро был с ними согласен. Правда, в тот день, когда он пытался объяснить присяжным один довольно тонкий юридический нюанс, это уже не имело никакого значения. Оставив на время обвинение в сговоре, Кабальеро постарался заставить присяжных сконцентрировать свое внимание на другом пункте обвинения и осознать всю его абсурдность: ведь нельзя же, в самом деле, хранить то, чего у тебя нет. Если присяжные поймут это, тогда он задаст другой вопрос: если нельзя хранить то, чего у тебя нет, то как можно обвинять кого-то в сговоре с целью распространения того, чего у него нет?

Вуд не давал адвокату передышки, и к семи вечера присяжные по делу Горди, выслушав заключительные выступления обвинения и защиты, были отпущены на ночь домой. На другое утро они должны были явиться в суд для вынесения вердикта. И обвинение, и защита смертельно устали, проведя в зале суда в общей сложности десять часов. Все стали уже торопливо засовывать бумаги в папки и портфели, мечтая о паре крепких коктейлей на ночь, как вдруг судья Вуд ударил деревянным молотком по столу и объявил... *перерыв на десять минут.* После перерыва, сказал он, суд приступит к рассмотрению дела Диарсе. Кабальеро ушам своим не поверил. Так же реагировали и присяжные по делу Диарсе, торчавшие в суде без дела с раннего утра.

Как только Вуд обратился со вступительными разъяснениями к присяжным, адвокату стало ясно, что рассмотрение дела Диарсе может привести к судебной ошибке. Судья неоднократно выговаривал Кабальеро в присутствии присяжных и позволял обвинению делать неуместные замечания. В десять часов вечера адвокат попытался было уточнить один чисто юридический вопрос, но судья прервал его словами: «Этот вопрос вы можете задать лишь в присутствии свидетеля-эксперта!» Кабальеро напомнил Вуду о позднем часе и сказал, что, если понадобится, его свидетель-эксперт прибудет в суд к началу заседания на следующее утро. Но это уже не имело значения: даже если бы эксперт явился в суд на рассвете, судья Вуд все равно предложил бы сторонам выступить с заключительным словом в тот же вечер.

Когда через год с небольшим вышестоящий суд отменил приговор по делу Диарсе, в его решении было указано на

множество судебных ошибок. В нем, в частности, говорилось: «Помимо отказа удовлетворить просьбу адвоката (о вызове в суд свидетеля-эксперта), судья в присутствии присяжных обвинил его в попытке использовать суд в собственных интересах, а потребовав выступить с заключительной речью до перерыва, совершенно недвусмысленно намекнул, что в противном случае тот будет наказан».

В пятницу утром Кабальеро «насел» на оба состава присяжных одновременно. Присяжные по делу Горди передали несколько записок с просьбой уточнить, что значит «*хранить* марихуану», но Вуд отказался давать какие-либо пояснения. Присяжные по делу Диарсе, все это время хранившие зловещее молчание, к полудню вынесли вердикт «виновен» по обоим пунктам обвинения.

К этому времени уже все в федеральном суде посматривали на часы. Примерно в три часа дня, т. е. через пять часов после того, как присяжные по делу Горди приступили к обсуждению вердикта, Вуд пригласил Кабальеро к себе в кабинет. Судья был настроен необычайно дружелюбно. «Судя по всему,— сказал он, обращаясь к адвокату,— присяжные безнадежно разошлись во мнениях». Странно, подумал Кабальеро. Из комнаты, где совещались присяжные, не поступало ни записок, ни каких-либо иных сообщений, поэтому судить о том, что́ там происходило на самом деле, было невозможно. Несмотря на это, Вуд вызвал присяжных в зал. О дальнейшем развитии событий свидетельствует протокол судебного заседания:

Судья Вуд: Прошу присяжных занять свои места. Господин старшина присяжных, если я вас правильно понял, вы разошлись во мнениях, не так ли? Вы с этим согласны?

Старшина присяжных: По одному пункту да, сэр.

Судья Вуд (явно удивленный таким ответом): Разве вы вынесли вердикт по другому пункту?

Старшина присяжных: Да, сэр.

Судья Вуд: Вы действительно вынесли вердикт по другому пункту обвинения?

Старшина присяжных: Да, вынесли.

Судья Вуд: Хорошо. Передайте вердикт мистеру... Это что, *единогласный* вердикт по другому пункту обвинения? И все двенадцать присяжных пришли к единому мнению?

Старшина присяжных: Да, сэр.

В этот момент судья попросил представителей сторон и старшину присяжных мистера Янеса подойти к нему. Янес объяснил, что присяжные вынесли вердикт «невиновен» по обвинению в сговоре с целью распространения марихуаны. В отношении же второго пункта обвинения (хранение марихуаны) они все еще продолжают совещаться. Пока что голоса разделились поровну: шесть на шесть. Выслушав Янеса, Вуд велел ему вернуться на место. Он принял вердикт присяжных по одному пункту обвинения и поблагодарил их, явно готовясь отпустить

всех домой. Кабальеро вдруг с ужасом осознал, что Вуд собирается объявить о прекращении судебного процесса по второму пункту обвинения — «хранение марихуаны»,— поскольку присяжные *не сумели* прийти по нему к единогласному решению. Но ведь все должны были понимать, что присяжные все еще продолжали совещаться. Они, видимо, никак не могли договориться как раз о том, что пытался доказать Кабальеро: нельзя хранить то, чего у тебя нет. Закон, казалось, был предельно ясен: присяжные должны были установить, что Горди был хозяином шкафчика в тот момент, когда там *действительно хранилась* контрабанда. А именно это чрезвычайно важное обстоятельство обвинение и не потрудилось доказать. Помимо всего прочего, судья отказался разъяснить присяжным, что́ говорит по этому поводу закон. Кабальеро попросил судью разрешить ему изложить свою позицию.

Кабальеро: Я хотел бы, ваша честь, чтобы это было занесено в протокол. Как я уже заявлял в суде, когда присяжные еще раз подняли вопрос о втором пункте обвинения, то есть о хранении...

Судья Вуд: Ах, давайте больше не будем. Я хочу отпустить присяжных домой. Если вы оставите свои придирки, я еще успею на самолет. Еще успею, с вашего позволения. Что там вам еще нужно?

Кабальеро: Ваша честь, я...

Судья Вуд (обращаясь к присяжным): Члены жюри присяжных, вы свободны. Благодарю вас. Помните, все, о чем вы говорили, должно сохраняться в тайне. Не обсуждайте этого ни с кем. Вы свободны.

Когда присяжные ушли, Кабальеро заявил решительный протест. Он сказал, что они официально не объявляли о том, что не смогли прийти к единогласному решению, что судья не имел права заявлять, будто присяжные действительно разошлись во мнениях, и что все это может закончиться лишь тем, что его клиент будет привлечен к судебной ответственности по одному и тому же обвинению дважды. Особенно прискорбно, сказал он, что суд отказался должным образом проинструктировать присяжных о соответствующих положениях закона.

— Протест отклоняется!—отрезал Вуд и поспешно покинул зал.

Прежде чем Горди предстал перед судом во второй раз, прокурору было разрешено изменить формулировку предъявленного обвинения, что делалось лишь в тех редких случаях, когда допускалась описка или опечатка. Кабальеро безуспешно пытался доказать, что его клиент предстал перед судом во второй раз по одному и тому же обвинению. Присяжные признали-таки Горди виновным в хранении марихуаны.

Это был, пожалуй, самый трудный период в адвокатской практике Рея Кабальеро. «Так, как Вуд, со мной еще никто не обращался»,— жаловался он жене Дороти. Адвокат нисколько не сомневался в своей правоте, но он также нисколько не сомневался и в том, что, когда настанет день вынесения приговора, Вуд приговорит его клиента к максимальному сроку. Но вскоре произошло событие, которое буквально потрясло Кабальеро. Как-то им с женой довелось присутствовать на одной вечеринке, устроенной по случаю победы местной баскетбольной команды, и Дороти случайно услышала там, как одна незнакомая женщина рассказывала о процессе по делу Горди, в котором та участвовала как присяжная. Женщина вспоминала, как помощник шерифа все время стучал в дверь их совещательной комнаты и громко напоминал, что судья очень торопится и что ему нужно срочно уезжать. «Черт возьми!— воскликнул Кабальеро, как только вновь обрел дар речи.— Вот это нам и нужно!»

То, что он услышал, могло привести к взрыву и было почти стопроцентным основанием для отмены приговора. Но Кабальеро пока не знал, как решить другой деликатный вопрос: как сказать все это Вуду. Судья очень не любил, когда говорили о его ошибках, какими бы грубыми они ни были. Все юристы в Западном округе штата Техас хорошо знакомы с одним из местных законов, с Правилом № 20, которое запрещает кому бы то ни было обсуждать ход судебного разбирательства с присяжными. Этот закон был принят для того, чтобы лишить юристов и представителей средств массовой информации возможности преследовать присяжных расспросами по окончании судебного процесса, хотя неукоснительное соблюдение этого правила, видимо, противоречит сразу нескольким поправкам к гораздо более авторитетному закону — конституции. Но в данном случае закон этот, видимо, не мог быть применен: ведь Дороти Кабальеро не домогалась информации, а лишь случайно услышала ее. Информация же эта свидетельствовала о серьезном проступке должностного лица в суде. У Кабальеро были, конечно, обязательства перед судом, но у него были обязательства и перед клиентом. Он прекрасно понимал, что судья, конечно, попытается привлечь и его и Дороти к ответственности на основании Правила № 20, и поэтому предупредил ее, что они оба могут оказаться за решеткой.

Кабальеро внес тщательно продуманное ходатайство, в котором просил судью не применять Правило № 20 и опросить присяжных по делу Горди. К ходатайству он приложил письменные показания своей жены, в которых та рассказывала о невольно подслушанном разговоре. При этом адвокат заявил, что в случае, если в нарушении закона обвиняется один из присяжных, обязанность доказать его невиновность возлагается на суд.

17 марта судья Джон Вуд сразу же перешел в наступление. Он сказал, что старшему судье Адриану Спирсу было доложено, что Кабальеро и его супруга нарушили Правило № 20. Всем своим суровым видом судья давал понять, что он крайне негативно относится к этому проступку со стороны Кабальеро.

«Я, разумеется, не спешил и не боялся опоздать на самолет»,— мягко сказал судья. Более того, в тот вечер он *опоздал-таки* на последний рейс в Сан-Антонио. Что же касается сделанного им заявления о том, что присяжные не смогли вынести окончательного решения, то он был вправе это сделать, поскольку те дали знать, что их мнения «безнадежно разошлись». Но суд сейчас интересует не это, заявил Вуд. Его интересует то пренебрежение, с каким адвокат и его супруга отнеслись к Правилу № 20.

В своем ответном выступлении Кабальеро постарался тщательно взвешивать каждое слово. Он повторил ту часть своего ходатайства, где говорилось, что никто не обвиняет судью в предвзятости. Боже упаси! Но несколько человек в здании суда все же знали, что судья спешит уехать из Эль-Пасо. Из разговора, который случайно услышала Дороти, представляется очевидным, что об этом знали и присяжные.

— Мне ничего не остается, как довести это до сведения суда и просить провести соответствующее слушание,— сказал Кабальеро.— Лично мне достоверно известно, что в присутствии присяжных, сидевших вот на этой скамье, судья сказал, что если я не оставлю свои придирки, то он еще успеет на самолет.

Кабальеро подумал при этом: интересно, удосужился ли судья ознакомиться с собственными заявлениями, зафиксированными в протоколе? По тени, которая пробежала по лицу Вуда, адвокат понял, что он это сделал. А может, просто вспомнил?

— Я действительно сказал что-то в этом роде,— признался Вуд.— Но я хотел лишь на время покинуть зал суда и позвонить, чтобы выяснить, можно ли было еще улететь в тот вечер. Но к присяжным это уже не имело никакого отношения, потому что к тому времени они уже вышли из совещательной комнаты и сказали, что разошлись во мнениях.

Наконец Вуд разрешил Дороти Кабальеро занять место для дачи показаний и повторить то, что она случайно услышала на вечеринке. Но, узнав, что та не может назвать фамилию той женщины, судья отказался слушать ее дальше.

— Это будут показания с чужих слов,— сказал он.

В самом конце судебного заседания Вуд спросил у Дороти Кабальеро, знакома ли она с содержанием Правила № 20. Та ответила, что даже не догадывалась о его существовании. Вуд зачитал ей это правило, а затем спросил:

— Если бы вы знали о существовании этого правила, вы вступили бы в разговор с этой присяжной?

Миссис Кабальеро: Ваша честь, я совершенно искренне не понимаю, каким образом это правило относится ко мне.

Судья Вуд: Иными словами, вы можете сделать за вашего мужа то, чего он не может сделать сам? Вы это хотите сказать суду?

Миссис Кабальеро: Нет, ваша честь, потому что я лично не задавала вопросов этой свидетельнице.

Судья Вуд: Она разговаривала с вами о деле, в котором ваш муж участвовал в качестве адвоката. И вы спокойно говорили с ней об этом деле, несмотря на предусмотренный Правилом № 20 запрет, потому что считали, что он распространяется на вашего мужа, но не на вас. Вы это хотите сказать суду?

Миссис Кабальеро: Нет, ваша честь, поскольку я не знала...

Судья Вуд: Все. Вы свободны.

Вуд отклонил ходатайство о допросе присяжных, а затем приговорил Горди к пяти годам тюремного заключения и пяти годам условного осуждения, сопровождаемого специальным надзором, т. е. вынес максимальный приговор. Освобождение под залог исключалось.

29 января 1976 года суд вышестоящей инстанции отменил приговор, и Горди был освобожден. Но семь месяцев ему все-так пришлось просидеть в тюрьме. Джона Вуда между тем это нисколько не трогало. Апелляционный суд отменял один его приговор за другим, всякий раз отмечая серьезные отступления от закона, предвзятость судьи, его явную склонность оказывать давление на присяжных путем открытых нападок на адвокатов или откровенной к ним враждебности.

Окончательный разрыв между Кабальеро и Вудом произошел летом 1977 года. К тому времени адвокат уже решил отказываться от дел, которые должны были рассматриваться в федеральном суде. Но в том конкретном случае он этого сделать не мог, так как был назначен одним из федеральных судей. Его клиенту сначала было предъявлено обвинение из трех пунктов: хранение марихуаны, хранение кокаина и хранение огнестрельного оружия. Поскольку кокаин фигурировал в деле лишь в небольшом количестве, обвинение предложило защите сделку: в обмен на признание себя виновным в хранении марихуаны подсудимому не будет предъявлено обвинение по двум другим пунктам. Кабальеро согласился. Но когда наступил день судебного разбирательства, он узнал, что дело будет слушаться судьей Вудом. По словам Джеми Бойда, который лишь недавно был назначен на должность федерального прокурора, Вуд лично попросил, чтобы обвинителем на процессе выступал Джеймс Керр.

«Когда наш клиент попытался признать себя виновным по одному пункту,— вспоминал Кабальеро,— Керр сказал, что сделка отменяется: он, мол, не считает себя связанным обязательствами, данными другим обвинителем. Но никакая сила в мире не могла уже заставить меня стать на колени и молить пощады у Джеймса Керра».

На этой поздней стадии возможности Кабальеро были, однако, весьма ограниченны. Керр грозился вновь предъявить обвинение в хранении кокаина, а это попахивало тридцатью годами тюрьмы. Если же учесть, что дело рассматривал Джон-максимум, такой приговор был практически предопределен.

Кабальеро понял, что иного выбора у него нет. «Я сказал

Керру, что согласен на судебное разбирательство, но буду бороться до конца».

Процесс был отложен до октября. Тем временем Кабальеро выяснил некоторые неприглядные факты из прошлого главного свидетеля обвинения — агента-провокатора. Адвокату стало известно, что в свое время тот был уволен за растрату казенных денег и уличен в даче ложных показаний.

В самом начале процесса Вуд попросил Кабальеро напомнить потом суду, что нужно зачитать документы, свидетельствующие о том, что осведомитель дал ложные показания под присягой. Однако во время перекрестного допроса судья не позволил ему выяснить, где в свое время работал осведомитель и почему он ушел тогда с этой работы.

— Не будем отходить от существа вопроса,— сказал Вуд.— Перейдем лучше непосредственно к делу.

— Я не собираюсь обвинять его в ранее совершенном правонарушении,— объяснил Кабальеро Вуду.— Но ведь этот человек солгал под присягой! Я могу доказать, что он давал исключающие друг друга показания...

— Ваша честь,— прервал его Керр.— Я бы не хотел слушать выступление мистера Кабальеро в качестве свидетеля.

— Я бы тоже,— согласился судья.

Когда Кабальеро напомнил Вуду о его собственной просьбе зачитать ложные показания осведомителя в присутствии присяжных, судья вновь прервал его и предложил перейти к следующему вопросу. Кабальеро почувствовал, что начинает выходить из себя, но справиться с собой уже не мог.

— Судья!— взорвался он.— Данный суд поручил мне защищать здесь этого клиента, и я буду его защищать!

Вуд поспешно распорядился, чтобы присяжные покинули зал заседаний, и сурово отчитал адвоката за то, что тот сообщил присяжным, что его назначил суд.

— Мистер Кабальеро,— сказал судья.— Вам прекрасно известно, что это против правил.

Против каких правил? Таких правил нет. И Вуд должен был это прекрасно знать. Кабальеро понимал, что на протяжении всего судебного разбирательства Вуд пытался оскорбить его в присутствии присяжных. Он вдруг почувствовал неукротимое желание отомстить ему.

Судья Вуд: Я хочу знать, почему вы так поступили.

Кабальеро: Вы действительно хотите, чтобы я ответил на этот вопрос?

Судья Вуд: Да, хочу.

Кабальеро: Хорошо, я отвечу. Только не перебивайте.

Судья Вуд: Мистер Кабальеро! Как официальное лицо в этом суде я хочу предупредить вас, что ваше поведение граничит с оскорблением суда.

Кабальеро не спешил с ответом. Он знал, что́ сейчас произойдет, но ничего с собой поделать уже не мог. Ничто в мире теперь уже не могло остановить его. Теперь уж он скажет все, что думает. Надо только немного подумать и сказать все, как нужно.

— Судья,— проговорил он.— Я не могу оскорбить этот суд. Потому что оскорбить этот суд невозможно. Вы *понятия не имеете,* что такое справедливое судебное разбирательство. Вы *понятия не имеете,* как должен вести себя судья. Я говорю вам об этом прямо в лицо, без присяжных в зале. Меня назначили адвокатом по делу этого человека. Я несу ответственность перед ним, а не перед вами. А вы при этом говорите мне, что я не могу подвергать сомнению правдивость показаний человека, который, как мне доподлинно известно, есть не кто иной, как лжец, и я могу это доказать. Вы хотите, чтобы я, приняв присягу, стоял перед вами и молча выслушивал все это? Выслушивал от вас оскорбления в присутствии присяжных, оскорбления, которые я не позволяю делать *никому.* Ни один судья в мире еще не относился ни к кому так, как вы относитесь ко мне. Мне наплевать, если вы теперь засадите меня в тюрьму на всю жизнь. Я открыто заявляю вам: вы не судья!

Вуд был так ошарашен, что даже не перебивал адвоката. Когда Кабальеро закончил свою тираду, судья какое-то время боролся с собой, а затем объявил голосом, готовым вот-вот сорваться:

— Хорошо. Налагаю на вас штраф в пятьсот долларов.

Подзащитный Кабальеро был оправдан по обвинению в хранении кокаина и признан виновным по обвинению в хранении марихуаны и огнестрельного оружия. Федеральный прокурор Джеми Бойд и несколько других юристов обратились к Вуду с ходатайством отменить наложенный штраф в пятьсот долларов, но судья не только не сделал этого, но и обратился с ходатайством, в котором потребовал, чтобы Кабальеро доказал, что имеет право продолжать заниматься адвокатской практикой и что соответствующее разрешение должно оставаться при нем. Кабальеро в свою очередь разослал всем судьям в округе копии протокола судебного процесса и обратился с собственным ходатайством, в котором заявил, что его клиент был лишен права на справедливое судебное разбирательство. В ответ на это Вуд обвинил Кабальеро в том, что тот уже давно неуважительно относится к суду и имеет репутацию возмутителя спокойствия. Кабальеро отказался платить штраф или извиняться. Вуд в свою очередь отказался снять обвинение в оскорблении суда. Обмен оскорбительными эпитетами и обвинениями мог бы продолжаться бесконечно, если бы не добрые услуги Джеми Бойда, который взял на себя роль миротворца. Десятки адвокатов в Западном округе Техаса и за его пределами вызвались уплатить штраф вместо Кабальеро, но тот в конце концов уплатил его сам. Друзья Кабальеро тревожились, сможет ли он побороть в себе обиду и продолжать адвокатскую работу. Время показало, что он смог сделать и то и другое. Друзья же Вуда тревожились,

не заходит ли он слишком далеко. Джон Пинкни, который, перед тем как вернуться в Сан-Антонио и заняться там частной практикой, занимал должность старшего помощника федерального окружного прокурора, предупредил Вуда, что его поведение ставит под угрозу всю систему отправления правосудия, а возможно, и его собственную жизнь.

14

В апреле 1977 года Джеймс Керр тайно отправился в Нашвилл, чтобы ознакомиться с материалами по делу Ли Чагры и Джека Стриклина за 1973 год. Конечно, уже много лет никто не занимался этим делом, но Керр и Бойд хотели с его помощью заставить Стриклина дать показания против Ли Чагры. Они намеревались пригрозить ему новым обвинением на основании довольно туманно сформулированного положения Закона о контроле над наркотиками 1970 года, в котором речь шла о «продолжительной преступной деятельности». Закон этот был известен как «закон о главаре банды». Бойд теперь уже не сомневался, что этим главарем был Ли Чагра.

За семь с небольшим лет, прошедших со дня принятия этого закона, лишь немногие удосуживались внимательно вчитаться именно в этот его раздел. Но Керр лично участвовал в его разработке и поэтому знал закон наизусть. Язык документа был несколько неопределенным, но смысл его сводился к тому, что главарем банды считался тот, кто 1) неоднократно нарушал закон о контроле над наркотиками вместе с «пятью и более лицами, по отношению к которым такой человек выступает в качестве организатора, руководителя или управляющего», и 2) получал в результате таких нарушений закона «значительный доход или капитал». Закон мог толковаться довольно широко и был, казалось, специально принят для такого ревностного законника, как Джеймс Керр.

Закон, в частности, обязывал банки сообщать Налоговому управлению обо всех денежных операциях, сумма которых составляла 10 000 долларов и более. Но юристы знали, что некоторые директора банков находились на полном содержании контрабандистов и все их функции ограничивались лишь тем, чтобы сведения о крупных денежных операциях никогда не доходили до Налогового управления. Больше всего «нарки» жаловались на то, что Налоговое управление вообще отказывалось сотрудничать с Управлением по борьбе с наркотиками. Лишь после того, как на него было оказано давление сверху, оно стало более сговорчивым. Закон содержал также положение, согласно которому власти могли конфисковывать собственность, приобретенную на доходы от продажи наркотиков. Разумеется, им предстояло еще доказать, что доходы получены Ли Чагрой незаконным путем, хотя простой здравый смысл подсказывал, что, какие бы гонорары он ни получал, жить так, как он жил, он

все равно не мог бы. Но самым важным в законе было другое: он предусматривал весьма широкий диапазон приговоров, и это делало его значительно строже любого другого известного в стране федерального закона, включая законы об изнасиловании, убийстве или похищении людей. Минимальный приговор был десять лет, максимальный — пожизненное тюремное заключение. И это еще не все. Подсудимые, признанные виновными в нарушении этого закона, лишались права на условно-досрочное освобождение. Ни больше ни меньше.

Знакомясь в архивах Среднего округа штата Теннесси со старыми материалами по делу о преступном сговоре, Керр, должно быть, испытывал сочувствие к прокурору Ирвину Килкризу. Бригада защитников состояла чуть ли не из двадцати адвокатов, а обвинение было представлено в основном беднягой Килкризом. Из материалов дела становилось ясно, что обвинение и Управление по борьбе с наркотиками очень плохо координировали следственную работу. Многие аспекты сговора фактически так и не были исследованы. Керр, конечно, находился в более выгодном положении, поскольку располагал дополнительной информацией, полученной от целого ряда торговцев наркотиками, арестованных после 1973 года. В их число входил и Джерри Эдвин Джонсон, который был клиентом Ли, когда почти год тому назад федеральные агенты увезли его из тюрьмы Ла-Туна и тайно допросили. Совсем недавно другой осведомитель заявил, что лично заплатил Стриклину 500 000 долларов. И все же Керр все время мучился вопросом: почему Килкриз не предъявил тогда обвинение на основании «закона о главаре банды». «Тогда мне это и в голову не пришло,— объяснил тот Керру.— В этом деле нас интересовало лишь то, что имело отношение к преступному сговору». Ну что ж, Керра в этом деле интересовало нечто большее. Изучив все материалы, он пришел к выводу, что здесь налицо все элементы, позволяющие применить «закон о главаре банды»: множество отдельных операций и множество людей, работавших на Стриклина. *Или на Ли Чагру.* Если копнуть дело Стриклина глубже, рассуждал Керр, обязательно докопаешься и до Чагры.

Агент Кен Блемкер, сопровождавший Керра в поездке в Нашвилл, считал, что, если Стриклина как следует припугнуть пожизненным заключением без права на условное освобождение, он «заложит» своего лучшего друга. Но не все «нарки» были с ним согласны. Агент Робинсон сказал, что Ли Чагра — это своего рода «крестный отец» в банде Стриклина, и те даже заказали его портрет в соответствующей позе. Уже одно это обстоятельство говорило о многом. «Они очень преданны ему,— сказал Робинсон.— Ради него они сами пойдут в тюрьму». Но прокурор и его коллеги хотели все же удостовериться в этом сами.

Вскоре после судебного процесса по делу об операции в Ардморе Блемкер и еще один агент посетили Джека Стриклина в

тюрьме Ла-Туна. «Если ты поможешь нам, мы поможем тебе»,— сказал Блемкер Стриклину. Агенты хотели получить от него информацию о том, кто действительно заправлял всеми операциями по контрабанде наркотиков в Эль-Пасо. При этом они назвали четыре фамилии: Ли Чагра, Джимми Чагра, Сиб Абрахам и поручитель Вик Аподака. Если Стриклин согласится сотрудничать с ними, они будут содействовать его скорейшему освобождению, если же откажется, они предъявят ему новое обвинение на основании «закона о главаре банды». При этом «нарки» показали ему ксерокопию соответствующего раздела Закона о контроле над наркотиками 1970 года.

— Теперь твоя судьба в твоих руках,— сказал один из агентов.— Ли Чагру мы и так достанем.

Несколько секунд Стриклин изучал ксерокопию, а затем протянул ее обратно.

— Сложите-ка эту бумаженцию получше и суньте себе в...

Через месяц Джек Стриклин предстал перед судьей Вудом — Джоном-максимумом. Ему грозило пожизненное заключение без права на условное освобождение.

15

Джимми был единственным, кто не заметил, что летом 1977 года над семьей Чагры стали сгущаться тучи. Джо, его жена Пэтти и особенно Ли советовали ему на какое-то время уехать из Эль-Пасо. Налоговое управление уже давно наседало на Джимми. То же делали и его кредиторы. Он так и не расплатился со своим поставщиком в Колумбии за тонны марихуаны, потерянные в Ардморе и в авиационной катастрофе, когда погиб Брюс Аллен. Пока два федеральных агента не навестили Джека Стриклина в тюрьме Ла-Туна, никто даже не подозревал, что Управление по борьбе с наркотиками напало на след Джимми. Теперь же в этом уже никто не сомневался. Джимми ни о чем им не рассказывал, но родственники знали, что он связан с уголовником по имени Генри Уоллес, который занимался контрабандой из Нью-Мексико. В последние годы Джимми также сошелся с Марти Хоултином, Джимом Френчем и другими матерыми конрабандистами.

В июле Джо и Пэтти убедили Джимми в необходимости уехать на время в Канаду. Ли уже сказал всем своим, что Джимми — полный банкрот, поэтому Джо продал часть мебели и дал Джимми немного денег на дорогу и свой «блейзер» *. Позже выяснилось, что Джимми уехал с 50 000 долларов. Прихватив Лиз Николс, свою новую подругу, Джимми действительно уехал из Эль-Пасо, но не в Канаду. Они решили, что лучше отправиться в какое-нибудь более интересное место. За короткое время

* Марка автомобиля.— *Прим. перев.*

они побывали в Калифорнии, на озере Тахо * и в Нью-Йорке. «Лиз приезжала в Эль-Пасо лишь однажды,— вспоминала Пэтти Чагра.— Да и то только потому, что им нужны были деньги. Потом мы о них ничего не слышали. Джимми позвонил лишь в октябре или ноябре и сказал, что они живут теперь во Флориде».

Вскоре после этого Ли вылетел в Форт-Лодердейл, чтобы учредить там подставную компанию для Джимми. Она называлась «Кэпитал эквизишн» и предназначалась для того, чтобы через несколько банков в Мексике переправлять деньги Джимми для финансирования его новой крупной операции. Никто не может с уверенностью сказать, когда именно Ли Чагра переступил ту грань, которая отделяет жизнь человека в рамках закона от жизни за их пределами, но к тому времени все в семье Чагры уже знали, что отношения Ли с братом Джимми и Джеком Стриклином уже не ограничивались традиционными рамками взаимоотношений между адвокатом и его клиентом. Однако у федеральных властей все еще не было никаких доказательств преступной деятельности Ли Чагры. Все пока сводилось к пустым разговорам и догадкам. До сих пор Ли ни разу не позволял связывать свое имя с какой-либо незаконной операцией или сделкой. Но на этот раз все было по-другому. Задуманная во Флориде операция могла принести миллионы, но могла закончиться и провалом. Если федеральным агентам удастся схватить хотя бы одного участника преступного сговора и склонить его к сотрудничеству, рухнет вся организация. А вместе с ней и Ли. Учредив компанию на имя Джимми, Ли впервые в своей жизни сделал себя уязвимым.

Узнав об этом, Джо Чагра сказал, что Ли — дурак.

— Нет,— ответил Ли.— Ошибаешься. Я *был* дураком.

Джо Чагра не испытывал к брату ни ненависти, ни злобы, но к концу августа вдруг понял, что больше терпеть не может. По сравнению с другими братьями Джо был более спокоен и уравновешен и даже склонен к размышлению. Азартные игры ему быстро надоедали. Он считал, что хорошо провести время — это прийти домой к жене и новорожденному сыну Джозефу, немного повозиться со стереосистемой или просмолить дно катера, а может быть, поплавать или позаниматься гантелями. С тех пор как несколько месяцев тому назад ему стало дурно от кокаина прямо в зале суда, Джо не притрагивался к наркотикам и отдавал все силы работе. Он был хорошим, надежным и квалифицированным юристом, но не испытывал свойственной Ли тяги к громким и скандальным делам. В самом начале их совместной деятельности Джо договорился с Ли, что они будут поровну делить все доходы и расходы. Но тогда Джо и в голову не приходило, что ему придется расплачиваться за карточные и иные долги Ли. «Каждое утро,— говорил он Пэтти,— когда я еду

* Фешенебельный курорт на границе штатов Калифорния и Невада.— *Прим. перев.*

в контору, у меня начинает сосать под ложечкой, потому что я никогда не знаю, сколько у нас на счету: пятьдесят тысяч или пятьдесят центов». Вместе с Ли он участвовал не в одной судебной баталии, и это ему нравилось, поскольку они боролись вместе. Но в последнее время Ли стал увиливать от дел, и Джо объявил, что намерен учредить собственную адвокатскую контору.

В это же самое время Джо-Энни подала на развод. Как и всегда, когда речь заходила об очередной таинственной операции или каком-то шаге одного из членов семьи Чагры, тут же выдвигалось множество догадок относительно их истинных причин и мотивов. Вполне возможно, это была лишь юридическая уловка, которая не позволила бы Налоговому управлению конфисковать совместно нажитое имущество. Донна Джонсон, служащая, занимавшаяся практически всеми документами, необходимыми для оформления развода, была уверена, что дело обстояло именно так: она знала, что в случае обоюдного согласия на развод все документы, подтверждавшие право на собственность, переводились на имя Джо-Энни. Друзья же семьи считали, что Ли согласится на развод лишь тогда, когда дети вырастут и уйдут из родительского дома. Другие, однако, сомневались. Ли открыто ухаживал за своей новой секретаршей Сэнди Мессер, сестрой Пэтти. Эта блондинка с чуть насмешливыми глазами была столь же красива, как и ее сестра, и Джо-Энни была уверена, что у нее с мужем роман. Учитывая, что через Ли прошла уже целая армия секретарш, этот роман вполне мог оказаться последней каплей, переполнившей чашу терпения Джо-Энни. Через несколько месяцев после подачи заявления о разводе Сиб Абрахам позвонил окружному судье Генри Пине и спросил, сможет ли тот председательствовать на судебном заседании по делу о разводе у себя в кабинете. Сиб сказал Пине, что спора об имуществе не возникает, что обе стороны пришли к полюбовному согласию по всем вопросам и хотят лишь оформить развод юридически. Пина согласился и назначил заседание на тот же день, но ни одна из сторон в суд не явилась. Позже судья узнал, что весь полдень Ли и Джо-Энни провели в машине на площадке перед зданием суда и о чем-то разговаривали. Его это ничуть не удивило. «Я отлично понимал,— сказал судья Пина,— что, как только они войдут в кабинет, Джо-Энни начнет говорить, каким прекрасным мужем и отцом был Ли. Я знал, что они никогда не разведутся».

Сейчас трудно сказать, остались бы они мужем и женой или нет. Этого не знает никто. Но одно было ясно уже тогда: семья Чагры начала разваливаться.

16

31 августа 1977 года Ли Чагра представил Вуду ходатайство, в котором просил судью, обязать обвинение передать ему для

ознакомления все доклады и рапорты Управления по контролю над наркотиками и Таможенного управления, материалы слушаний большим жюри и все другие документы, которые указывали бы, когда именно Стриклин стал заниматься «продолжительной преступной деятельностью». Чагра утверждал, что предъявление Стриклину нового обвинения означает повторное привлечение к суду за одно и то же преступление, но доказать это он может лишь тогда, когда власти представят ему конкретные материалы.

В ответ на это Керр заявил, что обвинение считает Стриклина причастным к «бесчисленному множеству преступных сговоров», но передавать документы, касающиеся продолжающегося расследования, он не будет, так как это нанесло бы вред интересам общества. Тогда Чагра сказал, что Верховный суд уже установил правило, согласно которому в случае утверждения обвиняемого о том, что его привлекают к ответственности вторично за одно и то же преступление, его протест должен быть рассмотрен *до* начала нового судебного разбирательства. Излагая свою позицию, Чагра внимательно следил за выражением лица Вуда. Судья, видимо, не очень-то понимал, о чем идет спор. Впервые в жизни он должен был признать, что не знает, что́ говорит закон по поводу «продолжительной преступной деятельности».

— Я рассмотрел три тысячи всевозможных апелляций,— сказал Вуд,— но все они касались гражданских дел. Я, конечно, слышал о «продолжительной преступной деятельности», но подобного дела в своей практике я что-то не припоминаю.

— Не многие судьи могут это припомнить,— ответил Чагра.— Дело в том, что это положение еще ни разу не применялось в деле о марихуане.

— Я тоже думаю, что оно не применялось в деле о веществах, распространение которых запрещено законом,— согласился судья.

— Кроме героина, ваша честь.

— Только не в моем суде.

— В нашем округе такие дела не рассматривались. Никогда,— сказал Чагра.

Вуд, видимо, с трудом понимал, о чем шла речь.

— Во всем этом мне непонятно одно: если сговор существовал еще в то время, когда дело рассматривалось в Теннесси, почему тогда его нельзя пересмотреть сейчас в Техасе, Калифорнии или...

— Можно,— перебил его Чагра.— Если бы речь шла о *сговоре*. Но мы сейчас говорим совершенно о другом.

— Ничего не понимаю,— сказал судья, глядя то на прокурора, то на адвоката.— Какое же дело возбуждает прокурор: дело о сговоре или дело о продолжительной преступной деятельности?

И адвокат, и прокурор заверили судью, что данное дело подпадает под «закон о главаре банды». Керр признал при этом,

что положение этого закона, о котором они говорили в самом начале, пока еще не нашло широкого применения. «Министерство юстиции,— сказал он,— по-видимому, не применяло его потому, что подобного правонарушения еще не совершалось». Керр также признал, что не разработана еще и соответствующая процедура. «Мне кажется,— сказал он,— что наше дело как раз и будет способствовать ее разработке». Вуду это, видимо, понравилось. Чагра понял, что его наихудшие опасения подтверждаются: Керр запускал пробные шары, пытаясь выяснить, насколько далеко он может зайти, а Вуд этому не препятствовал.

В письменном ответе на ходатайство Чагры, представленном через неделю, Керр напомнил суду, что, хотя Ли Чагра и не фигурирует в данном деле, он был причастен к делу, рассматривавшемуся в Теннесси. «Истребование материалов,— говорилось далее в ответе Керра,— представляет собой открытую попытку со стороны адвоката... получить служебные доклады и документы, касающиеся его самого». Иными словами, касающиеся *Ли Чагры.* «Обвинение сомневается в добросовестности мотивов такого запроса»,— говорилось в заключение.

В значительной мере повторяя слова и формулировки Керра, Вуд с ним полностью согласился, написав в своем заключении: «Данный вопрос представляется попыткой адвоката получить отчеты о ходе расследования, касающегося его лично. Такой шаг позволяет суду сделать вывод о том, что апелляция подсудимого относительно повторного привлечения его к суду по одному и тому же делу не является добросовестной и что тот скорее хочет узнать, какими именно доказательствами против него располагает обвинение».

Ответ Керра и заключение Вуда сначала ошеломили Чагру, а затем привели в ярость. *Какое еще* «расследование, касающееся его лично»? О чем они говорят? Ведь судят не его — Чагру, а Стриклина! Ли уже обвиняли во многом, но еще никто ни разу не обвинял его в том, что он представляет в суде не своего клиента, а самого себя. До того дня средства массовой информации относились к новым обвинениям против Стриклина как к чему-то обычному и не заслуживающему внимания. Но заключение Вуда придало всему этому делу новый и весьма странный оборот. Вскоре в федеральном суде стали появляться репортеры, желавшие собственными глазами посмотреть, что там происходит.

21 октября, когда Чагра стоял перед судьей Вудом и возмущался тем, что тот набросился на него с личными выпадами, утверждая, что для этого не было никаких оснований и что муссирование всего этого в печати причинило большой ущерб не только Стриклину, но и самому Ли Чагре, судья неожиданно прервал его и нанес смертельный удар.

— Мне кажется, ни для кого не секрет в здешних краях, что по делу, возбужденному в Теннесси, вы тоже были объектом

расследования большого жюри,— сказал Вуд.— Разве это секрет?

— Ну, знаете,— возмутился Ли.— *Мне* лично об этом ничего не известно!

Ли был просто ошеломлен. Он знал, что агенты из Управления по борьбе с наркотиками следят за ним, но быть объектом расследования *большого жюри* — это уж слишком. Но даже если бы это было и так, Вуд все равно не должен был разглашать эти сведения в ходе открытого судебного заседания, и поэтому его поступок был возмутителен.

Судья сказал, что «часов восемь или десять» читал показания Джерри Эдвина Джонсона большому жюри в 1976 году. По всей видимости, Вуд спутал показания большому жюри с тайными показаниями Джерри, запись которых занимала полсотни страниц. И с формальной, и с юридической точки зрения запись показаний, данных без принятия присяги, не должна была фигурировать в официальном протоколе слушаний большого жюри. Ни одно слово из этой записи не рассматривалось в открытом судебном заседании в качестве доказательства. И какое отношение эта запись имеет вообще к делу Джека Стриклина? Вуд, однако, настаивал на своем, заявив, что расследование большим жюри касалось не только Ли Чагры и Стриклина, но и Сиба Абрахама. Краем глаза Ли видел, как репортеры яростно начали строчить что-то в своих блокнотах. В его разгоряченной голове тут же всплыли картины фиаско в Нашвилле в 1973 году, когда чуть было не закончилась его адвокатская карьера.

— Ваша честь,— обратился Ли к судье.— Я никогда *не видел* этих показаний. К тому же я уверен, что замечания, только что сделанные судом, появятся уже в вечерних газетах и у всех сложится впечатление, будто проводится еще какое-то расследование. Я никогда не слышал ни от Джерри Джонсона, ни от кого-либо другого, что мое имя когда-либо упоминалось...

Вуд посмотрел на Керра. Тот, однако, выжидал и пока не хотел вступать в перепалку.

— Я полагаю,— сказал судья,— что, учитывая обстоятельства, мне, возможно, и следовало бы ознакомить вас с ними. Может быть, я заблуждался. Мне казалось, что вы достаточно четко отдавали себе отчет, что в какой-то мере тоже были объектом расследования.

— Ваша честь, это просто невероятно! Я впервые... К тому же вы упомянули еще и фамилию мистера *Абрахама*?

— А разве он не был объектом расследования?

— Понятия не имею.

Слово «невероятно» было в данном случае слишком мягким. Любой первокурсник, доведись ему быть судьей, воздержался бы от разглашения деталей тайного расследования большим жюри в открытом судебном заседании. Вуд же говорил не только о большом жюри, но и о показаниях, данных заключен-

ным без принятия присяги и по принуждению федеральных агентов. Чагра попытался было переключить внимание на то, из-за чего все они собрались в суде, т. е. на выдвинутые против Джека Стриклина новые обвинения, но у Вуда на уме было что-то другое. Он сказал, что Чагра, видимо, считает, будто судья действует под диктовку Джеймса Керра, будто прокурор проник в суд через заднюю дверь и оказал на судью недозволенное давление.

— Я хочу сразу же пресечь это,— твердо сказал Вуд.— Моя репутация в таких делах хорошо известна, мистер Чагра.

Ли продолжал возражать. Он заявил, что Вуд должен дать себе отвод и отказаться от дальнейшего рассмотрения дела Стриклина.

— Я не могу с вами работать,— сказал он Вуду.— К тому же, как мне кажется, вы вряд ли честно признаетесь, что не можете относиться справедливо ни ко мне, ни к моему клиенту в любом суде.

Теперь уже судье пришлось брать себя в руки, и он решил пойти на попятный.

— Вы не дали мне закончить,— сказал он примирительным тоном.— Ничего предосудительного в материалах расследования большим жюри я не нашел. Вот почему я собираюсь передать их вам для ознакомления... Именно это я и хотел вам сказать. Я не вижу причин, по которым должен отказываться от рассмотрения данного дела.

Судья затем добавил, что он, на его взгляд, оказывает Чагре услугу. Ведь, в конце концов, он дает ему возможность обратиться в апелляционный суд с ходатайством о незаконности его повторного привлечения к суду за одно и то же преступление, хотя в принципе мог бы заставить всех немедленно перейти к рассмотрению данного дела, как он и предполагал ранее.

Дело с Джерри Эдвином Джонсоном на этом, однако, не закончилось. Джонсон, который к этому времени уже был освобожден условно, на другое же утро позвонил Керру и сказал, что Ли Чагра грозил расправиться с ним. Керр тут же внес целую серию ходатайств, в которых утверждал, что «свидетель обвинения» Джерри Джонсон подвергается опасности физического насилия или даже смерти от руки Ли Чагры, и требовал взять его под особую защиту как «федерального свидетеля». Чагра не угрожал Джонсону. Он лишь позвонил ему и спросил, что именно тот рассказал федеральным агентам. Джонсон ответил, что не говорил им ничего. Предвидя, что Джонсон сообщит обо всем Керру, Чагра записал их разговор на магнитофон. На одном из судебных заседаний в середине декабря Чагра предложил прослушать эту запись. А еще лучше, сказал тогда Чагра, было бы вызвать Джонсона в суд в качестве свидетеля. «Если обвинение решило сослаться на него и на его показания,— сказал Чагра, обращаясь к Вуду,— то в таком случае я прошу, чтобы он повторил все под присягой [в суде]».

Чагра и тогда не знал, что именно Джонсон сказал агентам, но был уверен, что это было сплошное вранье. Вуд отклонил ходатайство Чагры, но заявил, что тому будет позволено ознакомиться с протоколом допроса, после чего его запечатают в конверт и спрячут подальше от любопытных глаз репортеров.

Вуд, должно быть, хорошо понимал, что его распоряжение запечатать протокол допроса было слишком незначительным и запоздалым шагом, потому что к тому времени в газетах уже было полным-полно всевозможных догадок и предположений. Вскоре в суд пришел Сиб Абрахам и попросил Вуда дать себе отвод по другому делу о наркотиках, в котором фигурировали два клиента Сиба. Старший судья Адриан Спирс отклонил ходатайство на том основании, что, хотя судья Вуд и назвал фамилию какого-то «мистера Абрахама» в ходе открытого судебного заседания, это еще не доказывало, что Вуд имел в виду мистера Сиба Абрахама — официального адвоката по указанному делу. В то же время Вуд заверил Абрахама, что злополучный протокол надежно упрятан в сейф делопроизводителем федерального суда.

— Протокол находится в сейфе,— сказал Вуд,— и будет лежать там, как в склепе... Он будет храниться там, словно прах. Он умрет навсегда... Поэтому, если умру я или вы или случится так, что здесь уже никого из нас не будет, протокол все равно останется там...

Несмотря на эту траурную речь судьи Вуда, «прах» все же восстал: не прошло и нескольких месяцев, как почти все местные репортеры имели на руках копию допроса. В большинстве своем показания Джонсона были смехотворны, а порой оказывались и просто клеветой и поэтому обнародованию не подлежали. Однако распространившиеся слухи о том, что в протоколе приводился какой-то большой список людей, причастных к организованной преступности в Эль-Пасо, принесли гораздо больший вред Ли Чагре, чем действительное его содержание. В документе были названы шестьдесят фамилий. Впоследствии один из местных репортеров назвал его списком «шестидесяти подонков Эль-Пасо».

Трудно подсчитать, какой именно урон нанесла эта губительная огласка карьере Сиба Абрахама и его коллег. Несомненным, однако, было то, что грубейшая ошибка Вуда нанесла сокрушительный, а возможно, и смертельный удар по и без того пошатнувшейся репутации Ли Чагры. С тех пор он так и не смог поправить дела своей адвокатской конторы. Весь трагизм ситуации для него заключался в том, что всего этого могло и не произойти: прежде чем апелляционный суд рассмотрел ходатайство о незаконности повторного привлечения к судебной ответственности по одному и тому же обвинению, Джеми Бойд решил прекратить дело Джека Стриклина по обвинению в «продолжительной преступной деятельности».

17

В один из уикендов после фиаско в суде Вуда Ли Чагра сделал то, что делал всегда, когда чувствовал, что все вокруг рушится: он позвонил Кларку Хьюзу и предложил слетать в Лас-Вегас. Хьюз знал, что его друг переживает трудные времена. Чагра и Вуд к этому времени вступили на путь конфронтации, которая неминуемо должна была завершиться трагедией.

Джимми и его новый партнер Генри Уоллес находились в это время во Флориде, дожидаясь первой партии марихуаны из Колумбии. Судя по информации, доходившей до Ли, все предвещало провал и этой операции. Финансовое положение Ли было плачевным, но ему все же удалось одолжить 25 000 долларов — «на развод», как он говорил. К тому же в Лас-Вегасе у него был большой кредит, и теперь уже никакая сила в мире не могла остановить его. «Они еще напишут об этом в газете,— сказал он Хьюзу.— Я разнесу казино в пух и прах».

Управляющий «Сизарс-палас» послал за ними «лирджет», и менее чем через два часа они уже подкатывали на лимузине к казино. По пути в номер Ли раздал двести долларов на чаевые. Он всегда испытывал нервное возбуждение, стоило лишь окунуться в шумную, пронизанную азартом атмосферу казино. Но на этот раз он был, казалось, на особом подъеме. «Таким его я еще никогда не видел»,— вспоминал потом Хьюз. Он знал, что пройдет еще несколько часов, и Ли доведет себя до нужной кондиции. Прежде чем спуститься вниз в игорный зал, тот совершал настоящий ритуал. Сначала он делал с десяток телефонных звонков. Кларк Хьюз никогда не знал, кому звонил его друг и с какой целью. Жизнь Чагры была похожа на осиное гнездо с тысячами изолированных ячеек. Ни одному человеку, каким бы близким другом он ему ни был, не позволялось знать, что происходит в нескольких ячейках одновременно. Казалось, сам акт общения по телефону вселял в него уверенность. После телефонных разговоров Ли не спеша приступал к туалету, на что обычно отводилось часа два, а то и больше. Он принимал ванну, брился, причесывался и облачался в специально предназначенный для таких случаев черный наряд. Стоя перед зеркалом, он надевал сначала ковбойскую рубаху в красную клетку, не спеша застегивал на ней перламутровые пуговицы, а затем влезал в черный ковбойский костюм техасского покроя. После этого он надевал пояс, прикреплял к нему массивную пряжку из чистого золота, инкрустированную бриллиантами, и натягивал черные ковбойские сапоги из крокодиловой кожи. Затем он еще раз внимательно осматривал себя в зеркало, после чего начинал прилаживать черную ковбойскую шляпу с золотым тиснением на полях: «Ли Чагра» и «Свобода». Установив надлежащий наклон, он брал в руки трость из слоновой кости с золотым набалдашником в форме головы сатира и начинал осматривать себя со всех сторон под разными ракурсами до полного удовлетворения. Это

было прелюбопытнейшее зрелище: прямо у вас на глазах адвокат Ли Чагра превращался в «черного громилу» — грозу всех казино Лас-Вегаса.

Кларк Хьюз спускался в казино первым и быстренько просаживал свои «несчастные три-четыре сотни». Он не знал, почему Ли любил брать его с собой, но почти всегда соглашался сопровождать его. Ли был другом Кларка, возможно, его лучшим другом, хотя последнее время его не покидало какое-то странное, едва ощутимое чувство, будто их дружба медленно, но верно разваливается. Он знал, что Ли пристрастился к кокаину, но, с тех пор как Кларка назначили судьей, особенно это не афишировал. И дело было вовсе не в кокаине, а в том, что́ он символизировал. Они, казалось, подошли к перепутью, и Ли пошел по другой дороге.

«Черный громила» появился в игорном зале казино чуть ли не в полночь. Он сразу же направился к столу для игры в крепс в глубине зала и попросил администратора освободить его. Тот щелкнул пальцами и жестом приказал охранникам принести бархатное ограждение. «Господа,— обратился он к игравшей за столом публике,— этот стол заказан для частной игры. Будьте так добры, перейдите за любой другой стол в нашем казино». Игравшие «на мелочишку», как стадо послушных баранов, тут же разошлись. Одновременно в зале почувствовалось какое-то возбуждение, и к огражденному месту стали подходить посетители, желавшие хотя бы одним глазом посмотреть на настоящую игру. Протягивая руку к игральным костям, Ли произнес краткую речь, которая тоже была частью ритуального обряда. «Ты только посмотри на них,— сказал он, обращаясь с улыбкой к администратору.— Тебе следовало бы платить мне полторы тысячи долларов в час уже за то, что я развлекаю твоих клиентов. Ну-с, с чего начнем? Посмотрим, на что вы здесь способны». Администратор, уже не раз слышавший это, лишь снисходительно улыбнулся и стал отсчитывать фишки по 500 долларов каждая.

Примерно через час Ли проиграл 90 000 долларов. Не выказывая никаких признаков расстройства, он поднялся с Кларком в номер.

На другой день вскоре после полудня Ли позвонил ему и сказал: «Девяносто тысяч — ничто для настоящего игрока. Пойдем-ка вниз и зададим им как следует». Кларк сказал, что сейчас оденется и встретится с Ли в казино.

Зал в это время был почти пуст. Любители гольфа еще доигрывали свои утренние партии, пьяницы пока отсыпались, а прислуга вытряхивала напольные пепельницы, наполняя их свежим песком, и убирала туалеты. В тот момент, когда в зале появился Кларк, Ли успел уже проиграть еще 80 000 долларов и теперь орал на администратора, грозившего закрыть кредит. «Интересно, черт возьми, получается! — кричал он так громко, что его голос можно было слышать на другом конце казино в

кафетерии.— Когда я выигрываю, вы позволяете мне делать все, что хочу. Стоит же только начать проигрывать, как вы тут же прекращаете игру!»

Готовясь в тот вечер к очередному сеансу, Ли сказал, что намерен теперь попытать счастья в другой игре. Теперь он будет играть не в крепс, а в баккара*. Кларк не сказал ни слова, поскольку прекрасно знал, что все серьезные игроки были почему-то глубоко суеверны. Так, например, он сам видел, как однажды Ли разъярился лишь потому, что к его столу подошел китаец. «Я подумал,— вспоминал Кларк,— что, возможно, сам приношу ему несчастье, и решил удалиться на некоторое время в соседний «Хилтон». Когда примерно в девять вечера Кларк вернулся в казино, Ли уже исчерпал практически весь свой кредит. За двадцать четыре часа, с тех пор как они приехали в Лас-Вегас, Ли проиграл в общей сложности 240 000 долларов.

В тот же вечер они выехали из отеля «Сизарс-палас» и перебрались в другое казино — «Аладдин», где у Ли тоже был кредит на 250 000 долларов. Он вновь поднялся в номер и совершил весь положенный ритуал. Когда через несколько часов он появился в игорном зале казино в своем одеянии «черного громилы», какая-то женщина спросила у Кларка, не кинозвезда ли это. Администратор и здесь разогнал «мелюзгу», сидевшую за столом, облюбованным Ли. В отличие от коллег во многих других казино Лас-Вегаса владельцы «Аладдина» позволяли своим клиентам делать двойные ставки на проигрыш, т. е. в случае проигрыша платить в два раза больше, чем в случае выигрыша. Это позволяло и выигрывать, и проигрывать в два раза быстрее. Менее чем за 15 минут Ли выиграл 90 000 долларов. Кларк подумал было, что теперь Ли поспешит в «Сизарс-палас», чтобы выплатить хотя бы часть проигрыша. Но это в планы Ли не входило, хотя в тот вечер он и прекратил игру. Кое-кто считал, что Ли Чагра не знает, когда следует остановиться. Но это было не совсем так. Когда он *выигрывал,* он это знал прекрасно. Кларк безумно устал и тут же бросился в постель. Как провел остаток ночи Ли, он не знал, хотя был уверен, что в ту ночь Ли больше не играл.

На другой день Кларк стал свидетелем такого фантастического проигрыша, какого ему в жизни не приходилось видеть. За один короткий сеанс в казино «Аладдин» Ли проиграл почти 190 000 долларов. У него еще оставался кредит на 150 000 долларов. Вечером в тот же день он проиграл еще 70 000 долларов.

В понедельник утром они должны были вылететь в Эль-Пасо. Спустившись с чемоданом вниз, Кларк с изумлением увидел, что за одним из столов для игры в блэк-джек сидит Ли и отчаянно спорит о чем-то с человеком, который, судя по всему, распоряжался кредитом в казино. Ли велел принести фишки по 5000 долларов, но ему было отказано. «Послушай, Ли,— говорил ему человек,— я больше повторять не буду: *твой кредит исчерпан!»*

* Азартная карточная игра.— *Прим. перев.*

Ли не стал сопротивляться, когда к нему подошел Кларк и увел к лимузину, поджидавшему их у входа. Вид у Ли был такой, словно он не спал три ночи кряду. Воцарилось мрачное молчание. Ли тупо смотрел из окна машины на холодный свет неоновых огней. Его ковбойская шляпа была надвинута чуть ли не на нос. Слипшиеся сосульки седеющих волос ниспадали до ворота. Ни тот ни другой еще не знал, что это была их последняя совместная поездка в Лас-Вегас. После длинной паузы Кларк сказал:

— Ты проиграл им около полумиллиона. Как же ты, сукин сын, собираешься с ними расплачиваться?

— Не знаю,— буркнул Ли.

После еще одной паузы Ли глубоко затянулся и сжал локоть Кларка.

— В свое время,— сказал он уже с привычной улыбкой на лице,— Тедди Рузвельт* любил повторять: *пытаться* никогда не поздно. Лучше разбить башку, пытаясь что-то сделать, отдышаться и снова получить по морде, чем прозябать всю жизнь, как все эти мерзкие людишки.

18

Длительная полоса невезения, начавшаяся еще в 1976 году, продолжалась и весь следующий год, захватив затем и 1978-й — последний год жизни Ли Чагры. Неприятности, следовавшие одна за другой с возрастающей скоростью, напоминали теперь старый товарняк, который, потеряв управление, с грохотом мчится навстречу неминуемой катастрофе. За исключением нескольких старых клиентов, таких, как Джек Стриклин, в адвокатскую контору Ли уже никто не обращался, и дела у него шли из ряда вон плохо. Родственники, казалось, ничего не замечали и продолжали строить грандиозные планы на будущее и сорить деньгами, будто это были семена, которые непременно прорастут, стоит лишь посеять их.

Джо все еще носился с планами вложить 100 000 долларов в модную дискотеку, хотя Ли и отверг эту идею. Планы самого Ли наладить производство и сбыт наисовременнейших телевизионных антенн, которые могли бы принимать передачи со всего мира (даже из Новой Зеландии), потерпели фиаско, обернувшись потерей многих тысяч долларов. Мать отправилась в очередное путешествие, а Пэтси продолжала неистово скупать драгоценности, хотя их у нее было уже столько, что хватило бы на балласт для целого линкора. Всего несколько лет назад женщины из семьи Чагры одевались скромно, если не сказать старомодно,

* Теодор Рузвельт — президент Соединенных Штатов Америки с 1905 по 1909 гг.— *Прим. перев.*

что лишь подчеркивало их естественную грацию, красоту и верность традициям. Теперь же они стали походить на жен каких-нибудь нуворишей, собравшихся на благотворительном бале. Одна женщина-адвокат из Эль-Пасо рассказывала, что видела одну из них в вычурном платье с блестками и в туфлях с прозрачными пластмассовыми каблуками, внутри которых плавали маленькие золотые рыбки. Другую женщину из семьи Чагры видели в норковом жакете и гетрах в жаркий летний день, когда на улице было более тридцати градусов. Муж Пэтси, Рик де ла Торре, все еще служил вице-президентом «Ферст стейт бэнк», где девять лет назад работал посыльным. Но Ли знал, что параллельно с этим тот участвует в подготовке весьма сомнительной операции по контрабанде наркотиков вместе с Майком Холлидеем и Джо Рентерией — певцом из местного ночного клуба, которому вот уже несколько лет протежировал Ли. Джимми и его новый приятель Генри Уоллес продолжали заниматься контрабандой в Форт-Лодердейле. Несмотря на то что всего несколько недель назад береговая охрана задержала одно из его судов с контрабандой, Джимми продолжал бездумно сорить деньгами. Он позвонил по телефону и сказал, что все в порядке, что пограничники не смогли установить принадлежность судна, что еще до того, как они успели засечь его, Джимми с товарищами удалось выгрузить одиннадцать тонн марихуаны. Через полтора месяца должно прибыть другое судно, сказал он, а пока он отправляет в Эль-Пасо Генри Уоллеса с мешком денег для мамочки.

В январе 1978 года все семейство, за исключением Пэтси и Джо, который должен был остаться в Эль-Пасо и разобраться с несколькими срочными делами, вылетело во Флориду на свадьбу Джимми. К этому времени Джимми и его подруга Лиз Николс ожидали прибавления. Если Джимми был склонен буйствовать лишь временами, то Лиз была настоящей бомбой замедленного действия. Дочь кадрового офицера, Лиз с четырнадцати лет общалась с богемной публикой гораздо старше себя по возрасту. Дружбу она водила в основном с бизнесменами и людьми из театра. В шестнадцать лет она сошлась с 53-летним писателем, актером и безнесменом по имени Шарль Шове, который мечтал стать голливудской кинозвездой и продюсером и уговорил Лиз сбежать вместе с ним в Калифорнию. Знаменитостью он не стал, но кое-какую известность все же приобрел, когда был арестован при попытке продать кокаин одному актеришке, который оказался агентом из Управления по борьбе с наркотиками. Некоторое время Лиз пришлось провести в колонии для несовершеннолетних. Ли был адвокатом Лиз и ее любовника. Вот так они и познакомились. А вскоре Лиз стала членом семьи Чагры. Джимми влюбился в нее с первого взгляда. Лиз, возможно, была одной из любовниц Ли, но именно это обстоятельство и влекло к ней Джимми, хотя никому в этом он никогда бы не признался. До своей свадьбы в январе они уже прожили вместе несколько

лет. Темпераментная девушка с довольно острым язычком, Лиз иногда впадала в глубокую меланхолию и пыталась даже наложить на себя руки. Незадолго до переезда во Флориду она как-то надела бледно-лиловое шелковое платье, погасила свет, включила тихую музыку и проглотила столько таблеток снотворного, что их хватило бы на пятерых. Но это самоубийство в голливудском стиле было предотвращено случайным телефонным звонком одного торговца наркотиками, который разыскивал Джимми.

Гости были поражены великолепием огромного дома, купленного Джимми и Лиз в Форт-Лодердейле. Он стоял в глубине большого участка, как и дом Ли на Фронтера-роуд в Эль-Пасо. Как и дом Ли, он был окружен высокой стеной и имел сложную систему сигнализации с множеством электронных запоров и камерами внутреннего телевидения. При доме имелась конюшня и плавательный бассейн — такой же большой, как и у Ли. Джимми сказал старшему брату, что после очередной крупной операции он переедет в Лас-Вегас и отгрохает себе такой дом, что этот будет казаться приютом для бродячих собак.

Рано утром 2 марта оперативная группа до зубов вооруженных агентов из Управления по борьбе с наркотиками и Бюро по алкогольным напиткам, табачным изделиям и огнестрельному оружию арестовала трех контрабандистов, членов банды Джо Рентерии, в международном аэропорту Эль-Пасо. Сам Рентерия находился в это время в Мехико. Узнав об аресте, он куда-то исчез. Рика де ла Торре — зятя Ли — среди арестованных в аэропорту не было, однако несколько недель спустя Рика, а также его друга из Лос-Анджелеса Бена Гарсию привлекли к суду вместе с другими участниками предполагавшегося преступного сговора. Наркотиков при аресте обнаружено не было. Да они и не могли быть обнаружены, потому что с самого начала вся эта затея была ловушкой, устроенной властями. Агентом-провокатором был бывший уличный торговец наркотиками из Эль-Пасо по фамилии Ричард Гросс. Заведуя теперь лечебницей для страдающих ожирением около Сан-Хосе (штат Калифорния), он решил пощекотать себе нервы, согласившись, повинуясь гражданскому долгу, сотрудничать с Управлением по борьбе с наркотиками.

Хотя Рентерия, Холлидей и другие уже несколько месяцев говорили об операции с контрабандой марихуаны, дальше разговоров дело не шло. У них не было ни пилота, ни самолета, ни даже поставщика. «В тот момент все казалось довольно безобидным», — вспоминал впоследствии Рик де ла Торре. Но затем, через две недели после рождества, Бен Гарсия случайно встретился с Ричардом Гроссом, которого когда-то знал. Тот стал рассказывать о невероятных приключениях, связанных с тайной перевозкой кокаина и марихуаны из Перу в Мексику. Уже через пять минут они «вступили в сговор». Гарсия рассказал об этом

Джо Рентерии, а тот оповестил всех остальных. В течение последующих нескольких недель Рентерия несколько раз встречался с Гроссом и одним пилотом по имени Майк Моран, который в действительности был агентом из Управления по борьбе с наркотиками. Все началось с отработки плана контрабандной доставки восьми тонн «травки» из Колумбии: Рентерия когда-то был на гастролях в Колумбии и теперь хвастался, что у него там есть какие-то связи, хотя на самом деле это было лишь плодом его воображения. Гроссу удалось убедить его в том, что, коль скоро они собираются заняться контрабандой марихуаны, почему бы не попробовать переправить и немного кокаина. Всякий раз, когда незадачливые контрабандисты сталкивались с очередной неразрешимой проблемой (где найти пилота, самолет, место для дозаправки, посадочную полосу в Колумбии, Мексике или Техасе) и когда их планы, казалось, должны были вот-вот провалиться, агент-провокатор и сотрудник Управления по борьбе с наркотиками непременно находили выход из положения. Рентерия совершил несколько поездок в Мексику и Колумбию, оставляя за собой длинный след в виде всевозможных регистрационных записей в аэропортах, отелях и на телефонных узлах, т. е. все то, что было так необходимо «наркам» для предъявления в суде в качестве вещественных доказательств. Певец из ночного клуба придумал даже множество кодов для использования в ходе предстоящей операции: клички ее участникам, телефонные и радиокоды. У него хватило ума записать все это собственной рукой и передать Гроссу, который в свою очередь отдал коды агенту Морану, а тот запечатал их в конверт как вещественное доказательство. Рентерия так уверовал в свои возможности, что порой его уже стало заносить. Однажды он стал хвастаться, будто был организатором знаменитой операции в Ардморе. Когда Управление по борьбе с наркотиками увидело, что улик уже вполне достаточно, оно решило действовать. К сожалению, Джо Рентерия избежал ареста и стал лицом, скрывающимся от правосудия, как и Майк Холлидей. В сети к «наркам» попала лишь мелкая рыбешка: де ла Торре, Гарсия и уголовник-рецидивист Фред Белла.

Когда Ли и Джо Чагра ознакомились с материалами дела своего зятя, они поняли, что у Управления по борьбе с наркотиками почти нет веских доказательств. Рик де ла Торре действительно присутствовал на двух-трех «встречах», где были и Гросс, и Моран. Рентерия в самом деле приезжал в Эль-Пасо на автомашине Рика и Пэтси. Кроме того, Рентерия представил Рика своим «банкиром», что было действительно так только теоретически, но не так, как это представляли сотрудники управления. По мнению Ли, самое худшее, что грозило Рику, был приговор к пяти годам тюрьмы, да и то с отсрочкой исполнения.

Но когда было предъявлено официальное обвинение, братья оторопели от изумления. Джеймсу Керру удалось разбить обвинение в так называемом преступном сговоре на четыре пункта: 1) сговор с целью незаконного ввоза марихуаны; 2) сговор с целью хранения марихуаны; 3) сговор с целью незаконного ввоза кокаина; 4) сговор с целью хранения кокаина. Таким образом, прокурор явно надеялся упрятать Рика в тюрьму на сорок лет. Керр стал специалистом по части дробления обвинения в преступном сговоре на несколько пунктов. Различные апелляционные суды разошлись во мнениях относительно конституционности подобного подхода. Судьи двух апелляционных судов постановили: если прокурор требует «наказания за два составных элемента одного и того же сговора», то это, по существу, является привлечением к судебной ответственности дважды за одно и то же деяние. Судьи двух других апелляционных судов придерживались иного мнения. Как бы там ни было, Джеймс Керр твердо решил предъявить обвинение из четырех пунктов, а судья Джон Вуд был готов председательствовать на соответствующем судебном разбирательстве. Ли предстояло в первый и последний раз после дела Джека Стриклина столкнуться с Керром и Вудом в суде.

Поскольку Рик де ла Торре и Бен Гарсия к суду привлекались впервые, было решено рассматривать их дела вместе. Фред Белла — третий участник преступного сговора — имел давний и весьма внушительный список судимостей, поэтому он должен был предстать перед судом отдельно. Ли и Джо Чагра избрали довольно простую тактику защиты: де ла Торре и Гарсия должны были отрицать всякое преднамеренное, сознательное и добровольное участие в сговоре. Вся причастность Гарсии сводилась лишь к одному разговору с Гроссом и парочке телефонных звонков. Рик признал, что действительно находился в машине с федеральными агентами во время их восьмиминутной поездки в аэропорт и что Джо Рентерия представил его как своего «банкира». Однако он отрицал, что вел какие-либо переговоры относительно контрабанды марихуаны. Он также решительно отверг утверждение Гросса, будто он, Рик де ла Торре, приписывал себе организацию операции в Ардморе. Гросс, видимо, путал его с Джо Рентерией.

Присяжные признали де ла Торре и Гарсию невиновными по первым трем пунктам обвинения и виновными по последнему пункту: сговор с целью незаконного ввоза марихуаны. Судя по всему, это было компромиссным решением. Вуд вынес каждому максимальный приговор: пять лет тюремного заключения с последующими десятью годами условного освобождения под специальным надзором и штраф в 15 000 долларов. Хотя приговор, казалось, был более или менее справедливым, Керр сильно расстроился. Когда присяжные трижды произнесли: «не виновен», Джо Чагра заметил у него на глазах слезы. Позже Керр утверждал, что присяжные все же признали справедливость его обвинений. «Присяжные сказали, что де ла Торре был крупным контрабандистом наркотиками. А это означает, что я выиграл

дело». Но кое-кто все же считал, что прокурор воспринял приговор как личное поражение — первое в суде под председательством Вуда в Эль-Пасо. Возможно, Керра расстроило просто то, что он проиграл дело братьям Чагра, а возможно, он действительно считал, что зять Ли и Джо заслуживал сорокалетнего тюремного заключения. Какими бы мотивами он ни руководствовался, Керр предпринял еще один шаг, шокировавший почти всех, включая его собственного босса Джеми Бойда. Он составил список всех ответов де ла Торре под присягой и подготовил новое обвинение, на сей раз — в неоднократной даче ложных показаний. За каждое такое показание обвиняемому грозило пятилетнее тюремное заключение.

Первоначальный список ложных показаний, составленный Керром, был в конечном итоге сокращен министерством юстиции до пяти пунктов. Рик де ла Торре был признан виновным в даче ложных показаний в одном случае и отбыл за это наказание. Но, как это ни парадоксально, наказание за участие в преступном сговоре ему отбывать так и не пришлось.

В начале лета Ли и Джо Чагра поехали к своему брату Джимми в Форт-Лодердейл. Несколько месяцев назад было разгружено судно с самой крупной партией марихуаны, и Джимми теперь буквально купался в деньгах, пребывая в отменнейшем настроении. Но в течение последних нескольких недель был произведен целый ряд арестов, и Джимми уже готовился свернуть дела и перебраться в Лас-Вегас.

Однажды вечером, когда братья Чагра хвастались друг перед другом и сплетничали под теплым небом Флориды, Ли произнес длиннейшую и несколько бессвязную тираду о судье Вуде и прокуроре Джеймсе Керре. До того памятного вечера эти две фамилии были для Джимми пустым звуком. Судья и прокурор представлялись ему просто злодеями из мелодрамы, разыгрывавшейся где-то очень далеко. Он еще не понимал, какое зло причинили эти люди его близким и друзьям и как люто ненавидел их Ли. Джо Чагра рассказал о том, как эти двое расправились с Риком де ла Торре и что они собирались сделать с Рентерией. Трудно было подыскать подходящие слова, чтобы описать всю ту ненависть, с какой Ли и Джо относились к федеральным властям в Эль-Пасо, с самодовольной наглостью, как они считали, прибегавшим к самым грязным приемам. Джимми молча слушал братьев. Словно поменявшись с ними ролями, он был теперь весь внимание.

В августе Ли и Джо отправились в Бостон, где встретились с адвокатами Джозефом Отери и Мартином Уайнбергером. Ли хотел возбудить дело против Джеймса Керра и Управления по борьбе с наркотиками. Для этого он составил длинный перечень случаев, когда, по его мнению, агенты управления вымогали информацию и заставляли свидетелей давать ложные показания. Было решено, что Отери и Уайнбергер проведут собственное расследование, в ходе которого их люди возьмут письменные

показания у Джека Стриклина, Джерри Джонсона и некоторых других заключенных, утверждавших, будто агенты из Управления по борьбе с наркотиками угрожали им или что-то обещали в обмен на нужные им показания.

Через двенадцать дней после поездки в Бостон братья Чагра узнали, что полиция в Палм-Спрингс (штат Калифорния) арестовала Джо Рентерию и теперь выжимает из него информацию о Ли и Джимми. Один из агентов сказал Рентерии, что его мать умирает, и грозил бросить старушку в тюрьму, поскольку та прятала человека, скрывавшегося от правосудия. Рентерия признался, что действительно участвовал в сговоре с целью контрабанды наркотиков, но решительно утверждал, что не может сказать ничего предосудительного о братьях Чагра. Джо Чагра вылетел в Калифорнию, чтобы лично переговорить с Рентерией, и тот рассказал ему, что тайком записал на магнитофон свой первый разговор с Ричардом Гроссом. Прослушав дома пленку, Джо сказал брату: «Лучшего доказательства подстроенной ловушки у меня в жизни еще не было».

Сообщение об аресте Джо Рентерии вызвало бурную радость в конторе федерального прокурора в Сан-Антонио. Этот певец из ночного клуба был давнишним знакомым Джеми Бойда. Но он также был очень близок и к семье Чагры. С годами Рентерия превратился чуть ли не в члена этого семейства, и поэтому Джеми Бойд вовсе не удивился, что этот некогда пай-мальчик попал в такую скверную историю. Федеральный прокурор считал, что, как только Рентерия осознает всю серьезность своего положения (а ему грозило сорокалетнее тюремное заключение), он сразу же выдаст Ли Чагру. Но Бойд ошибся Рентерия упорно повторял, что его заманил в ловушку Ричард Гросс и что в Колумбию он ездил лишь для того, чтобы договориться о доставке партии кофе. Обвинителями по его делу выступали одновременно Джеми Бойд и Джеймс Керр. Магнитофонная запись, которая, по мнению защиты, могла бы доказать, что подсудимого обманным путем заманили в ловушку, была украдена перед самым началом процесса, и Рентерия был признан виновным по всем пунктам обвинения. До самого вынесения приговора Джеми Бойд продолжал надеяться, что Рентерия передумает и назовет главарем банды Ли Чагру. Но вечером за день до вынесения судьей Вудом приговора случилось нечто такое, что поставило окончательный крест на судьбе Джо Рентерии: тот согласился на телевизионное интервью из своей камеры в тюрьме Ла-Туна (он находился там, поскольку судья установил залог в целый миллион долларов). В ходе интервью Рентерия произнес небольшую патетическую речь, в которой советовал всем молодым людям, сидящим сейчас у экранов телевизоров, не связываться, как это сделал он, с крупными контрабандистами. Эта трогательная речь должна была бы понравиться Джеми Бойду. Но вместо этого тот страшно разгневался. «Рентерия,— негодовал он,— сначала рас-

сказал нам в суде эту смехотворную историю о кофе, а затем на глазах у всех телезрителей ясно и недвусмысленно признал себя виновным! Если бы я был судьей и выносил приговор, это, несомненно, повлияло бы на мое решение». Бойд запросил видеозапись этого интервью и показал ее судье Вуду, и тот приговорил Рентерию к тридцати годам тюремного заключения с последующим условным освобождением под специальным надзором в течение еще тридцати лет. Суровость приговора удивила даже Джеми Бойда. Позже он сказал: «Мне кажется, судья Вуд хотел лишь припугнуть его и заставить говорить. Потом он, конечно, сократил бы срок». Но узнать это доподлинно так никому и не пришлось: прежде чем судья Вуд успел сократить срок, его убили.

В то время не многие знали об этом, но, кроме Рентерии, у федерального прокурора была еще одна козырная карта — Генри Уоллес, партнер Джимми Чагры. Он был задержан сначала в Новом Орлеане, а затем в Денвере. Теперь, когда Управление по борьбе с наркотиками поддало жару, Уоллес запел как соловей. Каких-либо доказательств преступной деятельности Ли Чагры у него не было, но он подтвердил, что тот учреждал фиктивные компании для «отмывания» денег. Вместе с тем Уоллес согласился назвать главарем банды Джимми Чагру. План Бойда состоял в том, чтобы привлечь к ответственности Джимми, предъявив ему целый ряд обвинений, а затем ждать, пока тот не «расколется». Бойд верил, что так или иначе через Джимми он доберется и до Ли.

Трудно сказать, знал ли все это Ли, но о масштабах надвигавшейся катастрофы он догадывался. В течение 1978 года охватившая его паранойя стала усиливаться. Он все время говорил теперь, что его хотят убить. Даже любимая его шутка о том, что он возбудил дело против правительства Соединенных Штатов, звучала теперь как-то жалко. Кларк Хьюз нашел где-то плакат, на котором изображалась мышь, передразнивавшая пикировавшего на нее орла. Внизу стояла подпись: «Последний акт великого неповиновения». Сэнди Мессер, секретарша Ли, вставила плакат в рамку и повесила на стену. Кларк под изображением орла написал: «Вуд», а под изображением мыши — «Чагра». Когла Ли увидел плакат, он сказал. «Нет, не так. Вы все перепутали. Орел — это *я!*» Но Сэнди видела, что в глазах у него стояли слезы.

Единственным признаком того, что Ли ожидал перемен к лучшему, была его активная деятельность по перестройке дома на Миза-стрит, где должна была разместиться его новая контора. Дом находился на самом краю центральной части города, между шоссе № 10 и собором св. Патрика, где в свое время все мальчики из семьи Чагры пели в хоре. Пока дом перестраивался, Ли разместил свой офис в одном из зданий на Монтана-стрит, которое принадлежало его другу и коллеге Мики Эсперу — родственнику Джо-Энни. Именно тогда Ли и познакомился с Лу Эспером, горе-дядюшкой Мики. Это был жалкий сириец с бледным крысиным лицом, который бóльшую часть из прожитых им пятидесяти лет провел в разных тюрьмах. Дядюшка Лу, лишь недавно освобожденный условно после отсидки в калифорнийской тюрьме, пристрастился к наркотикам, а деньги для этого добывал с помощью небольшой воровской шайки, состоявшей в основном из молодых чернокожих солдат из Форт-Блисса: они промышляли мелкими квартирными кражами и ограблениями. Лу Эспер любил приторговывать «спидом» и бóльшую часть времени проводил в компании проституток и игроков в небольшой квартире, которую снимал рядом с новым офисом Ли. Узнав, что тот употребляет кокаин, Эспер нашел хорошего поставщика и стал доставлять ему «пудру» лично. Несколько раз он видел, как Ли вынимал из сапога деньги, когда нужно было платить наличными. Иногда он вертелся поблизости, когда Ли отсчитывал довольно крупные суммы и отдавал их всевозможным сборщикам. Никто из друзей Ли, и прежде всего его жена Джо-Энни, не понимал, чтó заставляло Ли водить дружбу с этим подонком. Но в этом был весь Ли.

Почти ежедневно звонил из своего нового дома в Лас-Вегасе Джимми. Всех в семье очень волновало душевное состояние Ли. Теперь он часто плакал, особенно когда вспоминал о Джимми. Это он покрыл часть огромных расходов, связанных с постройкой нового офиса для Ли, хотя сам он это и не афишировал. Джимми также помогал Ли выплачивать его полумиллионный проигрыш в Лас-Вегасе. В типичном для их отношений стиле Джимми решил еще больше помочь старшему брату. Он как-то заехал к управляющим казино «Сизарс-палас» и предупредил, что, если в их заведении когда-нибудь появится Ли, они должны принимать его как *почетного гостя.* Иначе им не поздоровится. Но это оказалось для Ли последним унижением. Теперь он уже никогда не поедет в Лас-Вегас. Джимми все испортил. Ли всегда страдал, даже не пытаясь скрыть этого, когда Джимми везло, а ему — нет. Но на этот раз все было еще хуже: раньше он никогда не *плакал.* Сэнди и другие родственники начали понимать, что причина была сугубо личной. Казалось, Ли горюет по поводу собственной надвигавшейся смерти. Сестра Пэтси вспоминала: «Когда я видела его таким, мне становилось страшно. Ведь Ли всегда был нашей опорой».

В течение октября и ноября Ли никак не мог отделаться от мысли, что его кто-то преследует. Он сказал Джимми Саломе, что подписал новый страховой полис. А Бобби Джозефа — молодого выпускника юридического колледжа, который недавно поступил к нему на службу,— Ли как-то спросил, чтó тот будет делать, если вдруг обнаружит, что их контору ограбили. Не успел Джозеф ответить, как Ли задал другой, еще более странный вопрос: *«Что ты будешь делать, если вдруг войдешь в контору и увидишь, что меня убили?»*

Эти подозрения не были совершенно необоснованными. В начале осени кто-то проник в контору Мики Эспера и пытался взломать сейф. Вскоре после этого была предпринята попытка ограбить кассу для игры в покер по-крупному в доме Джимми Саломе. Ли и другие игроки слышали, как кто-то чем-то металлическим разбил стеклянную дверь, выходившую во внутренний дворик. К счастью, стекло оказалось безосколочным. Ли схватил старый мушкет — единственное оружие в доме — и погнался за двумя неграми, побежавшими через поле к реке, но тем удалось скрыться. Ли сказал, что все это, как ему кажется, подстроил кто-то из своих. Именно этот «кто-то» и должен был открыть дверь изнутри. «Я думал, что он ошибается,— сказал потом один из игроков.— Но Ли продолжал стоять на своем. И, как выяснилось, оказался прав».

К середине ноября поползли слухи о том, что Джимми Чагру скоро наверняка арестуют. Не многие за пределами федеральной прокуратуры в Эль-Пасо знали, что Генри Уоллес к тому времени уже подробно рассказывал о контрабандистских операциях во Флориде и что было арестовано еще несколько участников преступного сговора, изъявивших желание вступить с властями в сделку. Не проходило и дня, чтобы в местных газетах не появлялось какое-нибудь сообщение, связывавшее братьев Чагра с расследованием, проводившимся большим жюри.

Рано утром 21 ноября Джеймс Керр выехал из гаража на своем «линкольне» и направился по тенистой улице к зданию федерального суда. Он жил в Аламо-хайтс — фешенебельном районе Сан-Антонио. На пересечении с Бродвеем дорогу неожиданно перегородил какой-то зеленый фургон. Керр хотел было объехать его, но в фургоне вдруг открылись обе задние двери, и двое вооруженных людей открыли стрельбу. Капот, левое крыло и ветровое стекло «линкольна» были изрешечены крупной шрапнелью и пулями 30-го калибра. Позже полиция насчитала девятнадцать пробоин.

По каким-то непонятным причинам трое налетчиков (третий был за рулем) сразу же уехали, не удосужившись пройти два-три метра, чтобы удостовериться, что Керр убит. Если бы они это сделали, то, конечно, увидели бы маленькую дрожащую фигурку, забившуюся под приборную доску. Просторный отсек для двигателя с множеством всевозможных устройств и приспособлений защитил Керра от пуль. Если не считать легкого шока и порезов от разбитого стекла, прокурор практически не пострадал. Он описал потом фургон, с которого стреляли, и на следующий день его нашли брошенным недалеко от места происшествия. Вскоре выяснилось, что фургон угнали в Остине всего за несколько часов до покушения. Керр изучил также фотографии всех «Бандидос» и кое-какие отобрал. Но и через пять лет никто не был арестован в связи в неудавшимся покушением, несмотря на одно из самых тщательных расследований за всю историю ФБР.

Когда Ли и Джо Чагра узнали о случившемся в Сан-Антонио, они с изумлением посмотрели друг на друга. Ни тот ни другой не был готов сказать то, во что просто не хотелось верить. Но Джо тут же вспомнил о той вечерней беседе, которую все трое вели прошлым летом во Флориде. Ли, наверное, тоже о ней вспомнил.

19

Когда в тот день накануне рождества Донна Джонсон пришла в офис, Ли был уже там. Она работала у него делопроизводителем и была одной из тех немногих женщин в конторе, которые были приняты на работу без всяких задних мыслей со стороны Ли. Он с самого начала не хотел делать из нее свою любовницу. И случилось это не потому, что Донна была дурнушкой, а потому, что их взаимоотношения строились на чем-то большем, чем простое физическое влечение. В каком-то смысле Ли был ее спасителем. Несколько лет назад Донна встречалась с одним приезжим, которого считала гангстером с Восточного побережья. Но тот оказался обыкновенным агентом-провокатором, состоявшим на службе в Управлении по борьбе с наркотиками. Уже через несколько недель после знакомства «возлюбленный» Донны уговорил ее передать кому-то немного кокаина, за что она и была арестована. Ей грозило 45-летнее тюремное заключение. В качестве адвоката друзья наняли Ли Чагру, о котором Донна до этого даже не слышала. Агент из Управления по борьбе с наркотиками предупредил ее, что Чагра — «адвокат, связанный с организованной преступностью», и грозил упечь ее в тюрьму на все 45 лет, если только она посмеет заговорить с ним. Донна поклялась, что делать этого не будет. Агенты пообещали отпустить ее под залог и сохранять факт ее ареста в тайне. Однако в то же утро на предварительном судебном заседании под председательством федерального судьи Джеми Бойда она вдруг с изумлением услышала, что агенты называют ее крупным поставщиком кокаина из Аляски. «Я готова была закричать,— вспоминала Донна.— Я три ночи проторчала в тюрьме, выслушивая всякие их обещания. Агенты хотели, чтобы я ходила по барам и подбивала посетителей купить или продать наркотики. Они знали, что я никогда не имела дела с наркотиками, и вдруг они заявляют судье, будто я крупный поставщик кокаина из Аляски. В тот момент я готова была наложить на себя руки. И тогда ко мне подошел Ли. Он обнял меня за плечи и спросил: «Ты можешь потерпеть еще одну ночь?» Я сказала, что могу». Дело Донны должен был рассматривать судья Джон Вуд, поэтому Ли не стал ее обнадеживать, сказав, что, скорее всего, она получит пять лет тюрьмы. Но ему удалось добиться большего — ее освобождения. Такой исход был предрешен, когда Ли включил для прослушивания магнитофонную запись беседы,

в ходе которой агент-провокатор хвастался, что сам подстроил эту ловушку и что уже не раз проделывал это и с другими женщинами в разных городах. Через несколько недель Ли разыскал девушку и взял к себе делопроизводителем. Она стала потом самым преданным его работником, и Ли доверял ей больше, чем всем другим.

В то первое и последнее утро в своем новом офисе с лица Ли не сходила привычная улыбка человека, завоевавшего весь мир. Он без умолку рассказывал об одержанной накануне победе в Таксоне. Таким счастливым Донна не видела его уже несколько месяцев. Ли вернулся в Эль-Пасо ранним утром и привез подарки всем своим сотрудницам. На нем теперь были ковбойские сапоги, джинсы и такое количество драгоценностей, что их хватило бы на балласт водолазу. Донна сразу же поняла, что никакой работы сегодня не будет.

Хотя все в офисе активно чем-то занимались, к их служебным обязанностям это не имело никакого отношения. Друзья, родственники и какие-то незнакомые люди один за другим приходили в контору, словно это был не офис, а какой-то музей. Новое здание включало в себя не только множество хорошо спланированных и обставленных служебных помещений, но и оснащенную всем необходимым кухню, богатую библиотеку юридической литературы и полностью обставленные жилые апартаменты с двумя спальнями. Ли никогда не говорил сослуживцам, зачем ему понадобились эти апартаменты в дальнем крыле здания, но слухи доходили и до них. Все были в курсе, что по вечерам Ли регулярно встречался с исполнительницей стриптиза из ночного клуба «Лэмплайтер». Но мало кто придавал этому особое значение и считал, что Ли может и в самом деле бросить Джо-Энни и детей.

Донна сварила кофе и объяснила Ли принцип работы новой телефонной системы. Словно дитя, радующееся новой игрушке, он показывал Донне и Сэнди тайники со скрытыми сейфами. Девушки знали лишь о сейфе, вмонтированном в пол ванной, но теперь оказалось, что в доме были и другие тайники: один — под ковром у камина в гостиной, другой — в большой спальне.

Как всегда, когда он бывал в хорошем настроении, Ли сидел, положив ноги на стол, и без конца рассказывал о своих судебных баталиях, раздавая при этом деньги. За несколько дней до этого в офис было доставлено чуть ли не 150 граммов кокаина, так что праздничное настроение было гарантировано. Ли подарил Джеку Стриклину тысячу долларов. Кое-что перепало и другим его друзьям. Телевизионная камера, установленная у входа, поймала изображение какого-то человека, которого все называли Ковбоем. Донна видела его в первый раз, но Ли, нажав кнопку, впустил этого человека и дал ему 10 000 долларов. Все сразу догадались, что Ковбой был сборщиком денег у какого-то букмекера.

Ли аккуратно записывал все свои ставки, но, кроме него,

никто понятия не имел, какие именно суммы он ставил и у каких букмекеров. В пятницу он позвонил Сэнди из Таксона и сказал, что в контору скоро придет женщина по имени Бутч. К ее приходу Сэнди должна взять деньги из тайника под раковиной в ванной и отсчитать 20 000 долларов. Ничего необычного в этой просьбе не было: лишь за неделю до этого Ли дал Сэнди 50 000 долларов и попросил положить себе в сумку (для надежности, как он объяснил). Донна помогла Сэнди отсчитать 20 000 долларов. Они не пересчитывали всех пачек, спрятанных в тайнике в ванной, но денег там было столько, сколько они в жизни не видели: может быть, 450 000, может, больше. Все эти деньги в начале недели привезли Джимми Чагра и его друг Питер Блейк. Когда они их пересчитывали, к двери подошел Бобби Джозеф, их новый клерк, и хотел войти в ванную. «Я пыталась было придержать дверь,— вспоминала потом Донна,— но он все-таки приоткрыл ее достаточно широко и видел деньги».

Вскоре после полудня служащие конторы и посетители закончили предрождественскую встречу и разошлись по домам. В перерыве футбольного матча позвонила со стадиона Джо-Энни, но Ли сказал, что задержится в конторе, так как надо разобрать бумаги. Джо-Энни не догадывалась, что ее муж в это время находился в жилой части офиса и наблюдал за игрой по телевизору вместе со своим приятелем Моряком Робертсом — букмекером, задержанным полицией в ходе начатой Джеймсом Керром кампании по борьбе с организованной преступностью. Джо-Энни не любила Моряка, считая его человеком, который всегда норовил поживиться за чужой счет. Он всех только использовал, и Ли в том числе, а те получали от него одни неприятности.

Джо-Энни ушла со стадиона до окончания матча и решила заехать к мужу в контору. У самых ворот она столкнулась с Робертсом. «Я специально подождал вас, чтобы лично пожелать вам и детям веселого рождества»,— сказал он. Но та пропустила эти слова мимо ушей, сочтя их за обычную болтовню Моряка. Джо-Энни ни на секунду не сомневалась, что ради того, чтобы пожелать ей что-то, он ни за что не стал бы ее дожидаться.

Ли был чем-то явно озабочен и вел себя так, словно куда-то опаздывал и хотел, чтобы Джо-Энни поскорее ушла. Он сказал, что через пару часов будет дома и тогда они обо всем поговорят. В 14.30 Ли позвонил брату Джо и сказал, что заедет к нему по дороге домой. Джо тоже показалось, что Ли кого-то ждет. Немного поразмыслив, Джо подумал, что Ли, наверное, поджидает подружку из ночного клуба.

Джо-Энни позвонила в контору еще раз, теперь уже из дома матери на Рим-роуд. Это было примерно в 15.30. Ли снова разговаривал с ней так, будто его мысли были в это время где-то далеко. Так он обычно говорил, когда подсчитывал деньги или складывал столбики цифр,— безучастно, думая о чем-то другом.

«Мне надо идти,— сказал он жене.— Там внизу дожидается клиент». Джо-Энни попыталась снова представить себе человека, звонившего накануне им домой, а теперь дожидавшегося у ворот конторы.

Ли переключил монитор на камеру, установленную над воротами перед подъездной аллеей. На экране появилось изображение высокого мускулистого негра, которому на вид было чуть больше двадцати. С ним был еще какой-то человек, но в поле зрения камеры он не попадал. «Меня зовут Дэвид Лонг»,— сказал негр. Нажатием кнопки Ли открыл ворота. Оставив деньги на кровати, он вышел из спальни, закрыв за собой дверь. Затем он прошел через гостиную и закрыл другую дверь, ведущую в жилые помещения. Подойдя к лестнице, он увидел внизу двух негров. В руках у них были пистолеты.

Примерно в 16.00 в контору вернулся Бобби Джозеф, ездивший за покупками в Хуарес. Входную дверь он открыл ключом, полученным от Ли накануне утром. Затем он поднялся по лестнице к себе в кабинет. В конторе стояла необычайная тишина.

Первое, что бросилось в глаза Джозефу, был железный шкаф для папок. Все ящики были выдвинуты, а на полу валялись бумаги. Оставив шляпу и ключи на диване, Джозеф направился через холл к кабинету Ли. Дверь была приоткрыта, но в кабинете, по-видимому, не было никого. Осмотревшись, Джозеф понял, что кто-то перерыл все бумаги Ли. Он почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Рядом с письменным столом Ли стояли два тяжелых кресла. Они были приставлены друг к другу и загораживали проход. На углу письменного стола валялась открытая капсула с кокаином, принадлежавшая Ли. Таких улик Ли Чагра не оставлял за собой никогда. Джозеф обошел письменный стол сзади и набрал номер домашнего телефона Ли.

Дожидаясь ответа, Джозеф какое-то время смотрел на пустую стену слева от письменного стола. Затем его взгляд медленно пополз вниз, и он вдруг увидел сапоги Ли, стоявшие в углу у балконной двери. Затем он разглядел и следы крови на стене. Когда в трубке раздался голос одной из дочерей Ли, Джозеф увидел тело своего босса. Он тут же бросил трубку. Ли лежал на полу лицом вверх. Изо рта все еще сочилась тоненькая струйка крови. Глаза были широко открыты, но по всему было видно, что он умирает.

20

Позже Джо Чагра вспоминал, что сначала ничего не чувствовал. Он просто не замечал ни декабрьского холода на улице, ни жары от ярких ламп в помещении, ни вкуса подсунутого кем-то горячего кофе. Он лишь мысленно повторял: «Ничего. Все будет хорошо. Скоро приедет Ли, и все образуется». Затем он снова смотрел на пол, и видел там чье-то тело, и ничего не понимал. Где он? Кто это?

Как только Джо увидел машину «скорой помощи», стоявшую в конце подъездной аллеи, он тут же понял, что случилось нечто ужасное. У конторы в беспорядке стояло штук семь полицейских машин. У нескольких все еще были открыты дверцы. У входной двери стоял полицейский, который не пустил Джо в дом и велел дожидаться на улице. Джо подошел к другому полицейскому и спросил, что с Ли. Он пострадал? Тот утвердительно кивнул. «Какого же черта вы не кладете его в «скорую»?— заорал он. Полицейский не ответил. Джо бросился к телефону-автомату на углу напротив больницы и позвонил Джимми в Лас-Вегас. «Случилось несчастье,— сказал он брату.— Кажется, Ли больше нет». Последовала пауза. Затем Джимми сказал, что немедленно вылетает.

Джо увидел старого друга, детектива Джерри Лэттимера, который провел его в дом и далее по лестнице в кабинет брата. Ли лежал на полу по другую сторону письменного стола, уставившись, словно в забытьи, в потолок. У рта и носа видны были запекшиеся струйки крови. Джо подумал сначала, что у брата произошло кровоизлияние. Он еще не видел небольшой ранки под правым предплечьем, куда вошла пуля, и большого пятна на стене от крови, хлынувшей из легких. Никто пока не знал мотива преступления. Все драгоценности Ли были при нем. Джо знал, что Ли обычно прятал деньги в сапоги, которые сейчас были сняты. Но сам этот факт еще ни о чем не говорил. Тогда Джо вспомнил о холщовой сумке с деньгами, спрятанной в ванной Ли. Он открыл дверь ванной и вошел. Сумки там не было.

Часа через два в Эль-Пасо специальным рейсом прилетел Джимми. В аэропорту его встретил Джек Стриклин и доставил в контору. К этому времени там уже были Сиб Абрахам и другие старые друзья и члены семьи Чагры. Кто-то поехал за Джо-Энни, которая, услышав о случившемся, потеряла сознание, но теперь хотела быть рядом с Ли вместе с другими родственниками. Пэтси услышала колокольный звон со стороны собора св. Патрика в соседнем квартале и вспомнила о матери. В это время та, видимо, возвращалась с мессы домой и шла в сторону конторы Ли, еще не подозревая, что случилось. Пэтси выбежала через черный ход и бросилась к собору. Джимми стал на колени рядом с пластмассовым мешком, в котором теперь находились останки старшего брата, и стал громко голосить. Джо неожиданно для себя заметил, как они похожи, и испугался: их легко можно было принять за близнецов. Оцепенение постепенно проходило, и Джо теперь чувствовал, как острая боль медленно пронзает все его тело и сковывает ноги, а по щекам текут слезы.

Когда подъехала Джо-Энни, Джо предложил отогнать машину Ли домой. Тот ездил на службу не на новом, недавно подаренном женой «линкольне», а на старом. Открыв дверцу со

стороны водителя, Джо вдруг увидел холщовую сумку на заднем сиденье и обомлел. Мгновенно пронеслась мысль о пропавших деньгах и о том, что будет, если эта сумма попадет в руки полиции. Прикрывая сумку собственным телом, он прижал ее к груди и поспешил к собственной машине. Однако детектив Джордж Дреннан заметил, как Джо открывает багажник. Он подошел к нему и спросил, что в сумке. Джо ответил, что там служебная документация по делу, которое недавно слушалось в Таксоне. Видно было, что Дреннан не поверил ему, но трюк все же сработал. Приехав домой, Джо открыл сумку и с изумлением увидел, что там действительно были бумаги по процессу в Таксоне. Но что же тогда приключилось с деньгами? Куда подевались 450 000 долларов?

Не просыпаются только мертвые... Когда в ту мучительно длинную ночь родственники пытались как-то объяснить случившееся, печаль и горе, охватившие всех поначалу, перешли в злость, затем в отчаяние, а потом в ту особую форму ненависти, которая порождается отчаянием. Никто не знал, кого надо ненавидеть. В те первые часы, когда мир казался каким-то нереальным, когда все были охвачены и страхом, и яростью одновременно, им казалось, что они попали в сети какого-то заговора, что все они были потенциальными жертвами, что убийца или убийцы притаились где-то рядом, выбирая лишь момент, когда можно будет нанести неожиданный удар. Все мужчины в семье Чагры приготовили оружие. Женщины были охвачены ужасом и теперь в страхе жались друг к другу. Джимми неистово ругался, размахивая пистолетом и почти не контролируя себя. Джек Стриклин считал, что все это — дело рук Управления по борьбе с наркотиками. Так же думал и Джимми. Это, наверное, пришло в голову каждому. Но почему? Кто-то назвал имя Лу Эспера, уголовника с крысиной мордой, который постоянно крутился поблизости. Когда несколько месяцев назад кто-то пытался обокрасть контору Мики Эспера, подозрения пали в первую очередь на дядюшку Лу. Джо-Энни подумала еще об одной родственнице — тетушке, набросившейся на Ли за то, что тот отказался увеличить сумму компенсации по делу о полученных ею телесных повреждениях. А этот новый клерк, Бобби Джозеф? Когда в контору позвонила оперативная группа, он сказал, что у него якобы нет ключа от входной двери и поэтому он встретит их у черного хода. Разве он забыл, что всего несколько минут назад собственным ключом открыл входную дверь и вошел в контору через нее? Когда прибыла оперативная группа, Джозеф каким-то образом умудрился запереть себя внутри гаража рядом с подъездной аллеей, и пожарным пришлось пускать в ход топоры, чтобы проникнуть в помещение.

А как объяснить загадочный телефонный звонок от Дэвида Лонга? Возможно ли, чтобы в самый канун рождества Ли принимал незнакомого черного клиента, пожелавшего обсудить

какое-то дело о наследстве? Мог ли Ли позволить такому человеку спокойно войти в свое убежище, свою крепость? Конечно, иногда Ли делал довольно странные вещи. Возможно, дело было настолько выгодное, что он просто не мог от него отказаться. Сиб Абрахам, как никто другой знавший Ли как юриста, заметил, что дела о наследстве могут быть весьма выгодными для адвокатов. Если этому человеку удалось убедить Ли, что речь идет о наследстве в миллион долларов, тот мог пригласить его не только к себе в офис, но и домой на рождественский ужин.

В Ли стреляли один раз из пистолета малого калибра — возможно 22-го. Пуля, скорее всего, была полой, подпиленной с конца. Это обычно делается для того, чтобы при входе в тело она дробилась на мелкие части и разрывала внутренние органы. Судя по тому, под каким углом пуля вошла в тело, Ли, видно, поднял руки вверх. Около тела были найдены зажигалка и окровавленная сигарета. Ли вряд ли сопротивлялся бы грабителям. Убийца, видимо, просто неправильно истолковал какой-то его жест или движение. Возможно, Ли чуть повернулся, чтобы закурить сигарету, а убийца подумал, что тот хотел выхватить оружие. Пистолет 38-го калибра, который Ли хранил в левом верхнем ящике письменного стола, исчез, как и пистолет 22-го калибра, который он носил теперь с собой в визитке. Просто так Ли пистолет не носил бы. С другой стороны, если бы он действительно подозревал что-то неладное, то вряд ли открыл бы входную дверь. Вполне возможно, убийца был чем-то напуган в процессе ограбления и в панике выстрелил. Он сделал лишь один выстрел. И такой удачный. Или очень неудачный.

Можно было предположить и другое: убийца все давно продумал и пришел с единственной целью — убить Ли. Постепенно все склонялись к тому, что убийцу, кем бы он ни был, подослал кто-то другой — человек, знавший, что деньги находятся в конторе, и пользовавшийся доверием Ли. Либо этот человек сам хотел, чтобы Ли убили, либо судьба Ли была ему совершенно безразлична. Но кто этот человек? И почему он так поступил? Пэтси сказала: «Но почему *Ли?* Ведь он всем помогал. Он бы и так отдал деньги. Кому нужно было убивать именно его? Был бы это Джимми — куда ни шло. Но Ли... Почему *он?*» Возможно, это было связано с карточным или другим долгом. Но Ли годами жил с такими долгами. Все знали, что в этом отношении к нему трудно было придраться. К тому же игроков моральные принципы не интересуют. Их интересуют лишь деньги, а долги Ли отдавал всегда. Никто не был настолько глуп, чтобы предположить, что убийцей был ревнивый муж. Простой здравый смысл отвергал это. Ведь, если это было сделано из-за ревности, тут же возникал вопрос: почему нужно было делать это *сейчас,* а не раньше?

Средства массовой информации (а значит, и значительная

часть публики) считали само собой разумеющимся, что убийство было связано с наркотиками и, по всей видимости, с мафией.

21

За день до похорон Ли Джимми и Джо Чагра случайно узнали о факте, который, казалось, наводил на верный след преступника. Они выяснили, что незадолго до убийства Ли его разыскивал какой-то сборщик долгов, которого все звали Индейцем. Джимми и Джо поручили братьям Джонни и Джимми Миллиорн — двум головорезам, отличавшимся чрезвычайной жестокостью,— во что бы то ни стало разыскать Индейца, и те вскоре нашли его. При нем был пистолет 22-го калибра, а на кожаном пиджаке остались следы крови. Братья Миллиорн доставили Индейца братьям Чагра, и те отвели его в гараж для допроса. Индеец клялся, что не имеет никакого отношения к убийству Ли, и предложил помочь отыскать настоящего убийцу. Что же касается крови на пиджаке, так это следы драки, которая произошла еще несколько недель назад. Ну а пистолетов 22-го калибра в Эль-Пасо десятки тысяч. Братья Чагра готовы были поверить ему, но все же решили передать на экспертизу в ФБР и пистолет, и пиджак с пятнами крови. Вскоре выяснилось, что обе улики не имеют отношения к убийству. Братья Чагра позже узнали, что федеральный прокурор Джеми Бойд хотел было предъявить им обвинение в похищении человека, но затем передумал, узнав, что Индеец наотрез отказался давать показания в суде.

В похоронах Ли Чагры как в капле воды отражались все те крайности, которые он так любил. Собор св. Патрика был переполнен. А напротив стояла машина ФБР, из которой агенты фотографировали всех, кто пришел проститься с покойным.

Похоронную процессию возглавил сенатор штата Тейти Сэнтистбен, знавший Ли Чагру бóльшую часть своей жизни. Окружной прокурор, несколько окружных судей и бывший мэр стояли в одной компании с Моряком Робертсом, Амарильо Слимом и по меньшей мере дюжиной других матерых контрабандистов наркотиками. Джо-Энни с огромным самообладанием расхаживала среди всей этой разношерстной публики. Те, кто стоял ближе к гробу, даже чуть наклонились, пытаясь расслышать последние слова, которые Джо-Энни прошептала на ухо покойному мужу, но никто так ничего и не услышал.

Затем к гробу подошли четыре дочери Ли: Тереза-Линн, Тина-Мария, Лесли-Энн и Джо-Анна — и сын Ли Айюб-младший и хором пропели: «Я все отдам — только вернись». Тина сжимала в руках черную ковбойскую шляпу отца, а маленький Ли держал трость с золотым набалдашником — символ статуса отца. Члены семей Айюб, Абуд и Саломе с мрачными и сосредоточенными лицами оплакивали Ли — представителя семей Чагры и Абрахамов. Траурное шествие продолжалось двадцать минут.

В квартале от собора, на Норт-Миза-стрит, там, где кончалась деловая часть города, стоял опустевший новый офис Ли Чагры. Теперь он был закрыт навсегда. На фасаде висела огромная черная лента, на которой кривыми буквами было начертано: «Свобода». Семья Чагры назначила вознаграждение в 25 000 долларов за поимку убийцы и объявила, что черная лента будет снята со здания лишь тогда, когда будет арестован убийца и когда завершится суд над ним. Через год лента на фасаде все еще висела.

Когда близкие Ли возвращались с кладбища домой, Джимми догнал Вивиан и взял ее под руку.

— Я отвезу тебя,— сказал он тихо.— Хочу немного поговорить.

Джимми был так похож теперь на Ли, что Вивиан даже вздрогнула от испуга. Он отпустил такие же усы, а волосы, уже слегка тронутые сединой, были столь же пышными и чуть взлохмаченными — точь-в-точь как у Ли. Но больше всего ее поразила одежда Джимми: он появился на похоронах точно в таком же облачении, в каком ходил Ли,— в костюме «черного громилы». Смысл этого шага был ясен каждому: Джимми давал понять, что теперь *он* заменил старшего брата.

Они ехали молча, направляясь по шоссе на запад в сторону Месилла-Вэлли. С помощью Ли и Джимми Вивиан купила там себе старый фермерский дом у реки и теперь перестраивала его. Она молча смотрела на мелькавшие за окном гранитные скалы гор Орган и ждала, что скажет Джимми.

— Ты спала с Ли? — неожиданно спросил он.

— Что?

— В то утро, когда его убили. Мне сказали, ты заезжала к нему. Я слышал, вы были одни у него в спальне. А двери закрыли.

Прежде чем ответить, Вивиан успела подумать о многом. Все те годы, пока она жила в семье Чагры, она не переставала удивляться той странной любви, которая связывала братьев. Каждый готов был отдать другому все, что у него было, если только не думал, что ему это действительно нужно. Джимми мог бы умереть за Ли. Возможно, и Ли мог бы умереть за Джимми. И все же именно сейчас Джимми мучил лишь один вопрос — вопрос болезненно самовлюбленного человека: забиралась ли она в постель к Ли в то последнее утро? Страшно подумать; одно лживое слово могло привести в движение силы, которые побуждали бы этого человека мстить всю свою жизнь. Слева от дороги в живописной долине показалась Ла-Туна — федеральная тюрьма, в которой уже побывали и Джек Стриклин, и многие другие друзья семьи Чагры. Высокие сторожевые вышки и стены с аркадами делали ее похожей на монастырь. Джимми должен был бы думать сейчас о тюрьме: ведь положение у него было и так тяжелым, а после смерти Ли оно могло оказаться и

безнадежным. Но Джимми вновь выжидательно посмотрел на Вивиан. В глазах у него стояла мольба: он *должен* это знать.

— Нет,— проговорила она.— Я не спала с ним. Мы лишь поговорили немного, и он дал мне денег.

Джимми перестал судорожно сжимать руль, сразу же как-то обмяк и уселся поудобней. После паузы он сказал:

— Какой же он все-таки идиот! Я же говорил ему... Я же предупреждал, что это может случиться. Так оно и получилось. То, что должно было случиться, случилось. Если бы он только послушал меня...

Неожиданно Джимми зарыдал, как ребенок. Какое-то время он с трудом справлялся с машиной. Как и все, он понятия не имел, что же произошло на самом деле.

Часть II
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА

22

Джимми Чагра стеснялся потом в этом признаваться, но летом 1977 года, за полтора года до убийства Ли, он был всего лишь «мулом» с громким именем в контрабандистской операции, которую возглавлял «король наркотиков» на американском Юго-Западе Генри Уоллес. То было трудное время для Джимми. Он уже промотал все деньги, вырученные после успешной бостонской операции, причем большую их часть оставил в игорных домах Лас-Вегаса. Но полоса неудач не закончилась за игорными столами казино. Сначала последовал арест в Ардморе и потеря двух самолетов с семью с половиной тоннами марихуаны на борту, потом катастрофа самолета «ДС-6» в Колумбии, а затем и новый арест в ходе неудавшейся попытки спасти груз. Никаких обвинений предъявлено пока не было, но потеря трех самолетов и груза, а также широкая огласка нанесли сокрушительный удар по его так успешно начавшейся «карьере» крупного контрабандиста. Вот почему Джимми Чагре пришлось обратиться за помощью к Генри Уоллесу и начать работать на него.

Уоллес осуществлял свои операции из Берино (штат Нью-Мексико) — небольшого фермерского поселения в Аппер-Вэлли, расположенного прямо напротив Эль-Пасо недалеко от границы штата. Джимми уже больше года был знаком с Толстяком (как иногда называли Уоллеса) и подружился с ним. Теперь они вместе играли, делали ставки, продавали наркотики и обменивались информацией. Джимми долго мучился, прежде чем заставил себя побороть гордыню и попросить Толстяка дать ему какую-нибудь «работу». Но иного пути войти в дело он не видел.

Уоллес был наполовину мексиканцем, наполовину ирландцем, поэтому многие представляли его человеком, в котором легко уживались хитрость и старомодная горячность. Но это впечатление было обманчивым. Толстяк был мозговым центром тонко продуманной организации и считался своего рода королем контрабандистов. Он имел собственный неисчерпаемый источник марихуаны, которую ему поставляли друзья из федеральной полиции на севере Мексики. Полицейские не только охраняли

используемые Уоллесом взлетно-посадочные полосы и поддерживали их в хорошем состоянии, но и сами доставляли туда «травку» и даже грузили ее в самолеты. Субподрядчиками Уоллеса были несколько пилотов, включая Марти Хоултина (командира «Авиации Коламбуса») и Джима Френча — стареющего контрабандиста, который практически ушел на покой и жил теперь на своем ранчо в Джайла-Уилдернес. Уоллес строил свою организацию на тех же принципах, что и ЦРУ или «красные бригады»: ни одно из подразделений не знало, чем занимаются другие. Ричард Янг — музыкант из Сан-Франциско, который зимой 1977 года работал на Уоллеса, а затем стал полноправным участником других контрабандистских операций,— вспоминал впоследствии о том, как он впервые увидел «верхушку айсберга». Янгу платили 2000 долларов за доставку марихуаны на грузовике из Нью-Мексико в Индиану. Он ни разу не видел ни тех, кто пригонял грузовик в Нью-Мексико, ни тех, кто принимал его в Индиане. В его задачу входило лишь «крутить баранку». А чтобы в голову не лезли всякие сумасбродные мысли, за ним все время следовала «машина сопровождения».

Летом 1977 года дружба Джимми с Уоллесом была существенно подорвана, когда Толстяк не смог уплатить ему 150 000 долларов, причитавшихся за доставку груза марихуаны из Мексики. Уоллес созвал «встречу на высшем уровне» в доме некоего Лесли Харриса в Аппер-Вэлли, с тем чтобы обсудить, что же произошло с пропавшей суммой. Встреча была серьезной: почти все участники пришли с оружием. Был момент, когда два бывших головореза из шайки «Бандидос», работавших на Джимми Чагру, грозили даже облить бензином и поджечь собаку Лесли Харриса. Взяв на себя роль миротворца, Уоллес отвел Чагру в сторону и предложил стать партнером в новой операции. Толстяку нужны были связи Чагры в Колумбии, так как становилось все труднее и труднее сбывать низкосортную «травку» из Мексики. Этим частично и объяснялась недоплата. Чагре же, сидевшему без цента, нужны были деньги. Уоллес предложил такой план: сначала они доставят и реализуют пятьдесят килограммов кокаина, а затем на вырученные деньги купят большую партию первосортной марихуаны в Санта-Марте в Колумбии, которая высоко ценится курильщиками и которую можно будет продать по цене, в четыре-пять раз превышающей цену мексиканской «травки». Чагра согласился, и они скрепили новый договор хорошей порцией кокаина.

Уоллес одолжил 15 000 долларов у Ричарда Янга, пообещав ему долю барыша, и еще 60 000 у друзей во Флориде. Во время одной из встреч с Чагрой Уоллес дал ему задаток в виде шести унций кокаина, а еще через какое-то время передал 50 000 долларов из собственных денег. Джимми попросил родственников выслать ему еще немного денег: ведь все в Эль-Пасо знают, чем он занимается, и жить там теперь он не может. Он сказал, что хочет начать новую жизнь в Канаде. Но это была ложь. На самом же деле он намеревался переехать в Форт-Лодердейл во Флориде и учредить там компанию по разгрузке судов, с тем чтобы использовать ее впоследствии для контрабанды марихуаны. Он знал человека, у которого было несколько больших рыболовных судов, пригодных для перевозки «травки».

Прежде всего нужно было найти пилота (после катастрофы в Колумбии Джимми не хотел больше прибегать к услугам Джерри Уилсона) и самолет с такой дальностью полета, которая обеспечивала бы перелет из Флориды в Колумбию и возвращение оттуда с кокаином. Уоллес предложил кандидатуру Джима Френча, но Чагра колебался: он уже не раз надувал Француза и не был уверен, что тот ему все простил. Тем временем Уоллес занялся сбором денег, необходимых для финансирования операции. Его представили агенту из бюро путешествий в Эль-Пасо по имени Дадли Коннелл, который заинтересовался возможностью приобретения высококачественного кокаина по сходной цене. Уоллес пообещал Коннеллу достать минимум килограмм «пудры» за смехотворно низкую цену — 10 000 долларов. У Коннелла и такой суммы с собой не было, но он пообещал связаться со своим другом Полом Тэйлором в Денвере: он уверен, что тот сможет найти деньги.

Вскоре после того, как Джимми и его подруга Лиз Николс уехали из Эль-Пасо во Флориду, Толстяк поехал к Джиму Френчу в Джайла-Уилдернес. Френч сказал, что больше контрабандой не занимается. Но он говорил так всегда, когда был при деньгах. Всего лишь год назад Уоллес лично заплатил Марти Хоултину 5000 долларов за то, что тот уговорил Френча еще раз включиться в дело. Если быть осторожным, его удастся выманить и на этот раз. Толстяк, конечно, и не думал говорить Френчу, что Джимми Чагра тоже участвует в операции. Француз должен знать лишь то, что в предстоящем деле он, Уоллес, и Ричард Янг — равноправные партнеры.

Джима Френча трудно было чем-то удивить, когда речь заходила о контрабанде. Он начал заниматься ею еще в 1946 году, когда товар приходилось доставлять на осликах, переводя их вброд через реку. Во время второй мировой войны он воевал в составе 3-й армии генерала Паттона, попал в плен к немцам, но бежал. Пособие, выплаченное ему как участнику второй мировой войны, Френч истратил на обучение летному делу. Это был представитель старой школы контрабандистов — опытный профессионал, который с презрением относился к большим самолетам и крупным операциям и предпочитал работать в качестве независимого подрядчика, делая на своем одномоторном самолете один-два и лишь изредка три вылета в неделю и получая за это весьма скромную плату. Он никогда не был алчным, слишком болтливым или безрассудно смелым. Френч был надежным партнером, с которым можно было иметь дело в течение многих лет.

Всякий раз, когда Джим Френч вспоминал о том памятном вечере, проведенном два или три года назад в ресторанчике на окраине Силвер-Сити, у него неизменно подступал комок к горлу. Несколько старых друзей-контрабандистов: Ралф Хансен, Вик Ньюмен, Марти и еще кто-то — сидели за столиком и обедали, когда к ним неожиданно подошла официантка с подносом, на котором стояли полные бокалы.

— Это вам от тех двоих,— сказала она.

— А вашему столу — наш кукиш! — сказал Ралф Хансен, и все рассмеялись.

— Дорогая,— обратился Ралф к своей жене.— Ты видишь вон тех двух ублюдков? Они уже лет десять гоняются за нами. А результат? За все это время у них лишь прибавилось годков и поубавилось волос. Вот и все.

— Это «нарки»? — спросила жена Ралфа.

— Одни из лучших. У старого Чарли трое детей успели уже окончить колледж. А Говард — вон тот длинный, что чешет за ухом,— построил даже коттедж у озера недалеко от Элефант-Батт. Так что эти десять годков они прожили не зря.

Когда контрабандисты поднимали бокалы за здоровье «нарков», они даже немного растрогались.

Вскоре после этого Вик Ньюмен заправил до краев баки своего видавшего виды «В-26» и поднялся в воздух с одного из аэродромов Лас-Вегаса. Но не прошло и двадцати минут, как у него взорвался двигатель, и охваченный пламенем самолет рухнул на землю.

Ралфа Хансена смерть настигла в Мексике. «Ему не следовало летать на том двухмоторном «биче»,— сказал потом Френч.— Он намного сложней его старой машины». При взлете Ралф случайно нажал на рычаг управления закрылками вместо рычага для уборки шасси, и в результате самолет полетел не вверх, а вниз. Уже на земле взорвались оба переполненных горючим бака. Ралф скончался по дороге в госпиталь в Торреоне и был похоронен у дороги.

Вскоре после этого неожиданно взорвался двигатель и у «навахо», когда Джим Френч пытался поднять его в воздух. Джима не могли вытащить из обломков в течение восьми часов. При аварии он сломал себе ключицу и несколько ребер. Френч знал, что бояться надо не «нарков», а злой судьбы, рока. Такая уж была у него работа. Ему приходилось пролетать со скоростью 360 километров в час над остроконечными горными грядами на высоте каких-то 15 метров от вершин или лететь вдоль темных ущелий, почти касаясь крыльями их склонов. Затаив дыхание, нужно было вглядываться в темноту и стараться рассмотреть огни грузовиков, которые указывали место безопасной посадки. Самолет могла поразить молния. А могло случиться и так, что, набрав в кромешной тьме полные обороты и разгоняясь для взлета, самолет мог налететь на дикого кабана, решившего как раз в этот момент перебежать взлетную полосу.

Да мало ли откуда могла прийти опасность. Здесь и неожиданные поломки, и неисправности, и ошибочные решения, и невезение, и люди, которым не стоило доверять. Французу было уже далеко за пятьдесят, почти шестьдесят, и бо́льшая часть жизненного пути была уже давно пройдена. На этом этапе уже ничто не могло заставить Джима Френча подключиться к операции, в которой участвовал такой жулик и пустомеля, как Джимми Чагра. Но в тот момент, когда Толстяк предложил ему треть всей выручки и он согласился, Француз понятия не имел, что Чагра тоже причастен к «делу».

К октябрю Чагра и другие контрабандисты уже завершили подготовку операции. Френч и Ричард Янг купили двухмоторный «аэрокоммандер» и доставили его во Флориду. Уоллес отправился в Санта-Марту, чтобы договориться о приобретении кокаина. Но тут возникла первая проблема. Лионель Гомес, давнишний поставщик Чагры, отказался давать товар в кредит, так как до сих пор не получил денег за марихуану, конфискованную в Ардморе, и за ту, что сгорела во время авиационной катастрофы. Изобретательный Уоллес нашел, однако, нового поставщика, согласившегося дать им шесть килограммов кокаина (хотя они рассчитывали на пятьдесят) по цене, в шесть раз превышавшей исходную. У Уоллеса не было иного выбора, и он согласился. Взамен, однако, он должен был остаться в Санта-Марте в роли своеобразного заложника. Все прекрасно понимали, что́ будет с Толстяком, если его друг Джимми Чагра не приедет с деньгами.

Уоллес сидел без гроша, был страшно напуган и уже плохо соображал от слишком частого употребления кокаина. Он позвонил в Эль-Пасо Дадли Коннеллу, агенту из бюро путешествий, и попросил у того денег, но Коннелл сказал, что денег у него нет. В Колумбию все же прилетел партнер Коннелла Пол Тэйлор, бизнесмен из Денвера. Он хотел ознакомиться с деталями операции на месте. Но взаймы Уоллесу он мог дать не больше двух-трех сотен долларов. Коннелл и Тэйлор вызвались лишь помочь продать кокаин, а выручку вложить в приобретение марихуаны.

А во Флориде в это время остальные участники операции занимались лихорадочными поисками денег. Положение усугублялось и тем, что разбушевавшиеся тропические ураганы создали полный хаос на местных авиалиниях. Погода улучшилась лишь к концу октября. Где-то на рассвете 21 октября Чагра позвонил Французу в мотель и сказал: «Летим. Толстяк уже ждет нас с товаром». В последнюю минуту Ричард Янг тоже решил лететь вместе с ними. Они находились в воздухе уже примерно четыре часа, когда Янг неожиданно проснулся от страшного стука в левом моторе. Глянув на приборную доску через плечо Француза, он увидел, что стрелка тахометра переместилась за красную линию, что означало, что двигатели работали на максимальных оборотах. Когда Француз выключил

левый двигатель и поставил винт во флюгерное положение, на его окаменевшее лицо было страшно смотреть. Они быстро теряли высоту. Самолет находился в тот момент над проливом Уиндуард между Кубой и Гаити. По расчетам Френча, они могли продержаться в воздухе еще минут десять. Этого было достаточно, чтобы развернуться и приземлиться в Грейт-Инагуа. Чагра стал выбрасывать из кабины деревянные ящики с пистолетами, а Янг рвать паспорта и списки телефонов. Прежде чем сесть, они придумали «легенду»: они скажут, что летели в казино Пуэрто-Рико. У Янга было около 5000 долларов, которые он на всякий случай разделил на три равные части.

Где-то в полутора тысячах километров от них Толстяк и дюжина федеральных полицейских Колумбии, приставленных к нему, чтобы охранять кокаин и интересы поставщика, стояли в это время на берегу и ждали самолет, которому так и не суждено было прилететь.

Прошло еще две недели, прежде чем Чагре удалось раздобыть новый самолет, который и доставил те шесть килограммов кокаина во Флориду. Уоллес тем временем оставался заложником в Колумбии. Кокаин оказался низкого качества. К тому же ни цента из вырученных денег ни Уоллесу, ни его колумбийским поставщикам послано не было. Коннелл и Тэйлор взяли килограмм кокаина для перепродажи, но денег так и не вернули. Но Уоллес и здесь нашел выход из положения. Он убедил колумбийцев, что деньги скоро прибудут, и заключил новую сделку с другим поставщиком, по имени Хосе Баррос. Тот согласился передать более тринадцати тонн марихуаны и предоставить судно для ее транспортировки, если Чагра внесет аванс в размере 100 000 долларов для подкупа колумбийских чиновников. Чагра прислал с курьером 80 000 долларов, а остальные 20 000 согласился передать жене Барроса, которая в это время отдыхала в Мехико. Уоллес был заложником и не мог покинуть Колумбию, но Чагра позаботился о том, чтобы к нему в Санта-Марту вылетели его жена и младшая дочь.

Уоллес даже не подозревал, что Чагра в это время замышлял собственную операцию, которая в случае успеха могла принести ему огромные барыши. Пока все дожидались груза из Колумбии, Чагра совершал ежедневные облеты акватории Больших Багамских отмелей, разыскивая суда, которые по каким-то причинам не нашли заказчиков и стояли теперь, словно подсадные утки, на рейде. Совать нос в чужие дела было чрезвычайно опасно, но Джимми пораскинул мозгами и решил, что, поскольку суда с грузом уже прибыли и товар можно было направлять на рынок, почему бы ему самому не разгрузить их, а потом уже встретиться с настоящими владельцами и окончательно уладить все финансовые дела.

Джимми повезло: он приехал во Флориду как раз в то время, когда торговля марихуаной достигла пика. К концу 1977 года она стала доминирующей отраслью во Флориде, принося доход,

почти вдвое превышавший поступления от туризма. В одном только округе Дейд прибыль от продажи марихуаны составила, по некоторым оценкам, семь миллиардов долларов. В Колумбии общий доход от торговли марихуаной и кокаином достиг восьми миллиардов долларов, что в пять раз превысило ее государственный бюджет. Каждую неделю в Соединенные Штаты отправлялось два миллиона тонн «травки», и бóльшая ее часть доходила до потребителей. На смену самолету пришло каботажное грузовое судно, способное взять на борт до тридцати пяти тонн груза. В большинстве случаев колумбийцы готовы были поставлять и наркотики, и судно для их перевозки. В одном правительственном докладе говорилось, что по меньшей мере 160 каботажных судов совершали регулярные рейсы из Колумбии. Самое большее, что могло сделать американское правительство,— это задержать одно из таких судов на основании старого законодательного акта времен «сухого закона», в котором говорилось о «подозрительных судах в открытом море». Закон позволял кораблям береговой охраны конфисковывать незаконный груз в открытом море, но не разрешал арестовывать экипаж. Команду отправляли на родину за казенный счет, а суда продавали с аукциона — часто брокерам, представлявшим их первоначальных владельцев. Даже крупнотоннажные суда в большинстве случаев избегали задержания. Как только марихуана перегружалась в одно из тысяч мелких морских рыболовных судов, бороздивших прибрежные воды вдоль и поперек, обнаружить контрабанду становилось практически невозможно. Если же эти суда встречались в открытом море с одним из бесчисленных сигарообразных катеров, на которых товар перевозился затем по сложному лабиринту прибрежных каналов и водных артерий, о всяком задержании контрабанды следовало просто забыть: ни одно судно береговой охраны не могло угнаться за этими быстроходными лодками.

Когда за два дня до рождества в 1977 году Уоллес, все еще сидевший в Колумбии, наблюдал за погрузкой марихуаны на каботажное судно «Донья Петра» в небольшой бухте на полуострове Ла-Гуахира, Джимми Чагра тайком от своих партнеров разгружал два других судна. Накануне он обнаружил стоявшие на рейде на мелководье в Орандж-Кей два судна неизвестной приписки под названием «Мисс Конни» и «Эко Песка IV». Но эти два судна заметил и пилот самолета-наблюдателя береговой охраны. Суда бросили якорь в тридцати милях от ближайшего морского пути, что явно указывало на то, что на борту у них — незаконный груз. Едва группа Чагры перегрузила одиннадцать тонн марихуаны на свое судно и отплыла, как к «Мисс Конни» и «Эко Песка IV» подплыли катера береговой охраны. Пограничники поднялись на борт судов и конфисковали оставшиеся сорок восемь тонн «травки». Хотя капитаны и назвали фамилию Джимми Чагры, это не было еще достаточным основанием для предъявления ему официального обвинения.

Как только отплыла «Донья Петра», Уоллес тоже покинул Колумбию. Вернувшись во Флориду и узнав, что его партнер «откололся» и проворачивает теперь собственную операцию, Уоллес вышел из себя. Он счел это неслыханным нарушением контрабандистских законов, особенно учитывая то, что Чагра, видимо, не собирался брать его в долю. На судне, отплывшем из Колумбии во Флориду, Уоллеса сопровождал поставщик кокаина, требовавший, чтобы с ним немедленно расплатились. Чагра успокоил его, заплатив 40 000 долларов и пообещав, что через неделю Уоллес отдаст все остальное. Тот действительно выплатил всю причитавшуюся сумму, передав вдобавок кое-какое весьма дорогостоящее радионавигационное оборудование для следующего судна.

Джимми так увлекся собственной операцией, что «запорол» разгрузку судна Уоллеса. Через четыре дня после рождества катер береговой охраны обнаружил «Донью Петру», когда та стояла на рейде в пятидесяти пяти милях к востоку от Майами, и к Новому году судно со всем своим грузом было уже пришвартовано к причалу Таможенного управления.

К этому моменту Уоллес и его товарищи уже были по горло сыты выходками Джимми Чагры. Они все еще ни с кем не расплатились, даже с колумбийцами. Им недоставало крупной суммы, и если бы не паранойя, буквально парализовавшая всех после задержания «Доньи Петры», уже одного непростительного легкомыслия, приведшего к потере судна, было бы достаточно для суровой расправы с Джимми Чагрой. Кое у кого из мелких сошек, причастных к операции, уже развязался язык. Среди них был и Джад Майерс, лоцман «командирской лодки» Джимми, которого схватили, когда он пытался продать немного кокаина «нарку». Уоллеса не покидала мысль о том, что Чагра умоет руки и ему придется самому объясняться с колумбийцами. У Джимми в Майами появился новый поставщик, колумбиец по имени Теодоро, и теперь он не очень-то горел желанием возвращать старые долги. Алчность и глупость Чагры поставили под удар всех участников операции.

В начале января Уоллес вылетел в Эль-Пасо на секретное совещание в Хуаресе с Хосе Барросом и еще одним колумбийцем по имени Мехиас. Он дал Барросу 50 000 долларов в качестве частичной компенсации за утрату «Доньи Петры» и такую же сумму Мехиасу как задаток в счет дальнейших сделок. Уоллес прихватил с собой и три килограмма кокаина, переданного контрабандистам колумбийцами в знак полного доверия. По словам Уоллеса, часть кокаина он раздал, но бóльшую часть использовал сам. Через неделю он вернулся во Флориду, чтобы присутствовать на свадьбе Чагры. В то время никому и в голову не приходило, что Уоллес уже вынашивал план исключения Джимми Чагры из организации.

В конце февраля Уоллес созвал в Новом Орлеане секретное совещание, на которое пригласил Джима Френча, Ричарда Янга и почти всех других членов их компании, подчеркнуто проигнорировав Джимми Чагру, судьба которого должна была стать главным предметом разговора. Банда собралась в люксе отеля «Хилтон-инн» неподалеку от международного аэропорта Нового Орлеана. Уоллес, большой любитель спиртного и кокаина, обеспечил горячительное и «пудру» (у него еще оставалось кое-что от тех трех килограммов). Он же был и главным оратором. Он сообщил, что очередная партия марихуаны прибудет не во Флориду, как полагал Чагра, а в Новый Орлеан. Чагра в операции не участвует. Точка! Никто не возражал. «Все мы были безумно злы на Чагру,— вспоминал потом Янг, который был направлен в город заранее, чтобы найти подходящие помещения для штаб-квартиры и складов.— Мы использовали его во Флориде только потому, что у нас некому было разгружать суда. От него больше ничего и не требовалось. Но он все равно запорол дело». Уоллес уже продумал планы новых операций, включая использование судов, которые принадлежали его приятелю, помогавшему финансировать флоридское дело. У Уоллеса оставалось еще 114 000 долларов наличными. Кроме того, кое-кто из первоначальных «финансистов» обещал дать еще.

Уже почти стемнело, когда Уоллес, одуревший от спиртного и наркотиков, выполз из «Хилтона» и, шатаясь, направился к месту, где стояла арендованная им машина. Но не прошло и нескольких секунд, как он врезался в бок длиннющего лимузина для авиационного персонала. Полиция подъехала как раз в тот момент, когда он пытался... купить разбитую машину. Это было началом их конца.

Полиция тут же передала Уоллеса сотрудникам Управления по борьбе с наркотиками. При обыске у него была обнаружена лишь небольшая щепотка кокаина. Но 114 000 долларов наличными и репутация одного из крупнейших контрабандистов кокаином были достаточным основанием, чтобы сделать вывод, что в город он приехал не для ознакомления с его достопримечательностями. Во время допроса Уоллес признался, что знает Джимми Чагру и Джима Френча, и согласился сотрудничать с агентами из Управления по борьбе с наркотиками, если ему вернут его 114 000 долларов. Агенты быстро согласились. Через несколько дней Уоллес вернулся во Флориду и сказал товарищам, что был задержан полицией за управление машиной в нетрезвом виде. О беседе с агентами из Управления по борьбе с наркотиками он не сказал ни слова. Уоллес понимал, что рано или поздно «нарки» предъявят ему счет, но это не было достаточно веской причиной для отказа от новой партии марихуаны. За несколько дней до пасхи Уоллес с изумлением узнал, что капитан все перепутал и направляется с грузом не в Новый Орлеан, а во Флориду, как планировалось раньше. Уоллес, разумеется, не сказал федеральным агентам ни слова об этой операции. Зато он сообщил им, что в Майами находится

колумбиец по имени Рауль Руис. Уоллес все еще должен был ему более двух миллионов долларов и теперь, видимо, решил, что лучшей возможности «расплатиться» с колумбийцем может и не представиться. (Если Руис окажется в тюрьме, думал Уоллес, некому будет требовать долг. Но тот, однако, улизнул от агентов и вернулся в Колумбию, где был убит в перестрелке, не имевшей отношения ни к Уоллесу, ни к Чагре.)

Джимми Чагра знал лишь, что операция проходит нормально. Около 23 тонн марихуаны были уже на подходе, и в марте 1978 года их можно будет выбросить на рынок. Они с женой так увлеклись переездом в Лас-Вегас, что следить за дальнейшей судьбой участников старой операции Джимми было просто некогда. А их тем временем арестовывали одного за другим. Ричарда Янга «замели» через день после пасхи в Окале (штат Флорида). Случилось так, что его фургон с марихуаной сломался, и он поставил его на ремонт как раз в тот гараж, куда часто наведывались машины дорожной полиции. Дадли Коннелл и Пол Тэйлор были схвачены в ходе арестов по другому делу. В июне Уоллес был вновь арестован, на этот раз в Денвере. За исключением Джима Френча, у всех мало-мальски информированных членов банды очень скоро развязались языки. И все они рассказывали федеральным агентам об одном человеке — Джимми Чагре.

23

В то время как по всей территории страны, от одного побережья до другого, продолжались аресты участников преступного сговора, к которому был причастен и Джимми Чагра, в его карманы непрерывным потоком текли деньги, вырученные после удачной операции во Флориде. Это был его звездный час. Практически каждый игрок, контрабандист, уголовник или федеральный агент в западной половине Соединенных Штатов слышал о похождениях Джимми Чагры в Лас-Вегасе летом и осенью 1978 года. Контрабандисты наркотиками и дельцы, занимавшиеся другим нелегальным бизнесом, уже много лет использовали казино Лас-Вегаса для «отстирывания» грязных денег. Но тогда происходило нечто новое: Джимми не «отстирывал» деньги, а прожигал их.

Джимми, разумеется, не был новичком в казино «Сизарс-палас», но в тот год его владельцы носились с ним так, что сам король Фарук* открыл бы рот от изумления. Для Чагры все было бесплатно, включая новый «линкольн», который казино подарило Лиз. Пока Джимми и Лиз подыскивали себе подходящий особняк, их разместили в роскошном люксе Фрэнка Синатры с роялем и винтовой лестницей, где они и жили теперь в окружении дежуривших круглосуточно телохранителей, личных секретарш и курьеров, ежедневно привозивших деньги. Как-то раз Джимми заказал «лирджет» лишь для того, чтобы слетать в Форт-Лодердейл за пакетом с деньгами.

У Джимми была кредитная карточка казино «Сизарс-палас» еще с 1969 года. Размер кредита неуклонно повышался: с 500 долларов до 50 000, затем до 100 000 и наконец до 200 000. Осенью 1978 года общая сумма кредита была удвоена и составляла 400 000 долларов. Кроме того, Джимми разрешалось иметь кредитные карточки казино на имя Джима Гарсии и Джима Льюиса. Каждая такая карточка с псевдонимом позволяла ему пользоваться дополнительным кредитом в 200 000 долларов. Учитывая, что и другие казино предоставляли ему кредит, Джимми Чагра был не просто «привилегированным» клиентом, а, может быть, самым крупным игроком в городе. Когда другие игроки говорили о «крупных ставках», они обычно не имели в виду Джимми Чагру: он относился к особой категории. «Пожалуй, он был самым опасным игроком за всю историю Лас-Вегаса,— говорил Джо Чагра,— потому, что ему было наплевать, сколько он проигрывает». В бухгалтерских книгах «Сизарс-палас» значилось, что за период с 28 сентября по 21 декабря 1978 года Джимми выиграл 2 568 800, а проиграл 4 761 300 долларов. Согласно документам Налогового управления, объявленные им доходы от азартных игр составили 1 800 000 долларов. Но эта цифра давала лишь поверхностное представление о всей картине.

Несмотря на практически неограниченный кредит, Джимми расплачивался, как правило, наличными. Джеральд Дженглер, босс одного из игорных залов «Сизарс-палас», назвал Чагру «одним из самых серьезных игроков» за последнее десятилетие. Дженглер не раз сам видел, как тот выигрывал более 50 000 долларов, а однажды за один только вечер Чагра выиграл 300 000 долларов. Дженглер также помнил, как однажды в октябре Чагре фантастически не везло и за какие-то четыре часа он проиграл 915 000 долларов. Дженглер не знал тогда, что и делать. «Когда он встал из-за стола,— вспоминал он,— я пошел вместе с ним, чтобы подписать долговое обязательство. Но он решил заплатить наличными. Мы поднялись к нему в номер, где дежурило несколько телохранителей. Чагра вынес небольшой сундучок и вывалил деньги на пол. Там было много пачек: купюрами по одному, пять, десять, двадцать и сто долларов. В каждой пачке было по пять тысяч. Банкноты были стянуты резинками или банковскими лентами нашего казино. Чагра пересчитал деньги, но их оказалось недостаточно. Тогда он прошел в другую комнату и вынес еще целую кучу. Денег все равно не хватало. Он еще раз зашел в заднюю комнату и только тогда набрал всю сумму полностью, выплатив все 915 000 долларов».

Деньги не были для Чагры самоцелью. Пока они у него

* Бывший правитель Египта, свергнутый в результате победы Июльской революции 1953 года и бежавший на Запад, где «прославился» шумными кутежами и оргиями.— *Прим. перев.*

имелись, он их демонстративно транжирил. Джимми разрешал Лиз скупать все попадавшиеся на глаза драгоценности, если только они ей нравились. Он требовал, чтобы она всегда носила с собой 10 000 долларов. Как-то, сидя вечером в ресторане, он дал такую же сумму (две пачки по пятьдесят стодолларовых бумажек) официантке «на чай» только за то, что та принесла ему родниковой воды.

Если не считать нескольких чисто деловых поездок в Лас-Вегас, Ли в ту осень старался там не появляться. Он так и не оправился от потрясения, которое пережил за год до этого, проиграв там огромную сумму, не говоря уже об унижении, которое он испытал, узнав, что Джимми ходил к боссам казино «Сизарс-палас» и просил их относиться к своему брату как к почетному гостю. В конце сентября Ли приехал в Лас-Вегас, чтобы осмотреть несколько домов, предложенных Джимми и Лиз агентом по продаже недвижимости Мэри Бродер. Но Ли мог бы и не ездить, так как Джимми уже решил приобрести просторный особняк в испанском стиле в Парадайз-Вэлли. В проспекте указывалась цена 245 000 долларов, но Джимми не хотелось торговаться. «Этот дом мне нравится,— сказал он Ли.— Заплати ей». Ли отвел брата в сторону и сказал, что так не делается: если поторговаться, дом можно купить гораздо дешевле. «Я не хочу заниматься всей этой ерундой: бумагами о кредитоспособности, роде занятий и прочее»,— сказал Джимми, напомнив Ли еще раз, что они тратят *его* деньги. Через несколько дней Мэри Бродер встретилась с Джимми у кассы казино «Сизарс-палас» и получила задаток в размере 75 000 долларов.

В течение последующих нескольких месяцев Джимми и Лиз истратили 500 000 долларов на всевозможные переделки и достройку дома. Джимми хотел иметь такой же, как и у Ли в Эль-Пасо, плавательный бассейн или даже больше. Гараж и стоянка для машин были расширены, с тем чтобы можно было разместить минимум двенадцать автомобилей. Обширный двор был огорожен стеной и превращен в нечто, похожее на детский парк: там были и журчащий ручей, и узорчатые чугунные скамейки, и маленькие мостики, и крохотные водопады. Все комнаты в доме были перестроены. Джимми хотел, чтобы у него был такой же бар, как и в номере-люкс Фрэнка Синатры. Он установил золотые краны и другую фурнитуру, а также золотые решетки на вентиляционные отверстия системы кондиционирования воздуха.

Но венцом их творения была большая спальня площадью в три обычные комнаты. Все стены, потолок и даже пол были облицованы зеркальными панелями, поэтому, когда туда входил даже один человек, создавалось впечатление, будто в комнате находится целая толпа. Все ящики и шкафы были утоплены в стены и имели зеркальную облицовку Единственной мебелью была огромная двуспальная кровать, стоявшая строго по центру на четырех столбиках под балдахином. Ее корпус был сделан исключительно из зеркал и тонких хромированных полосок металла. В изголовье была вмонтирована панель со всевозможными кнопками, с помощью которых можно было управлять многочисленными хитроумными приспособлениями. Достаточно было нажать на одну из них, чтобы раздвинулись зеркальные панели и появился огромный, шириной чуть ли не два метра, телевизионный экран. С помощью другой можно было привести в действие камин, в котором горели не поленья, а красные лампочки, многократно отражавшиеся в зеркалах. Рядом со спальней находилась ванная, размером чуть ли не с зал для игры в гандбол. В утопленной в пол гранитной ванне мог свободно разместиться весь кордебалет из ночного клуба. В углу уборной размещалась похожая на сауну камера с искусственным климатом. По желанию вы могли подставить тело под тропический ливень, теплый весенний дождик, палящее солнце пустыни, душный зной джунглей или студеный северный ветер. Единственным цветовым пятном в спальне были бледно-лиловые занавеси, на которых настояла Лиз.

Джимми все это время мечтал лишь о том, чтобы показать свой сказочный дом Ли, но этой мечте так и не суждено было сбыться: Ли убили до того, как он смог увидеть дом младшего брата.

24

После убийства Ли Чагры полиция опечатала его адвокатскую контору и в течение пяти суток подробнейшим образом знакомилась с содержимым его папок с конфиденциальными документами. Представители городской полиции Эль-Пасо, окружной прокуратуры, ФБР, Управление по борьбе с наркотиками и Налоговое управление в процессе «непрерывного расследования», длившегося 119 часов, перерыли все его бумаги. Папки Ли Чагры оказались настоящей «золотой жилой секретной информации», как выразился потом один полицейский чиновник. Адвокаты, конечно, стали громко протестовать, но федеральные агенты уже давно привыкли к таким крикам. С некоторых строго конфиденциальных документов, подпавших под закон о неразглашении сведений, полученных адвокатом от своего клиента, были сняты копии на личной ксерокопировальной машине Ли. Другие документы были попросту изъяты, и куда они потом делись, никто не знал. Исчезли все записи Ли о его выигрышах и проигрышах в казино, а также кассеты с магнитофонными записями бесед с клиентами и людьми, которых он считал агентами-провокаторами. Были изъяты папки с бумагами по делу Джо Рентерии: с них, по-видимому, были сняты потом копии. Бесследно исчезла также магнитофонная запись первой беседы Рентерии с агентами федеральных служб, которая наверняка могла доказать, что тому была подстроена ловушка. Хотя к тому

времени Рентерия был уже осужден и приговорен к тюремному заключению, Джо Чагра надеялся, что этой записью можно будет воспользоваться для пересмотра его дела. Теперь эта надежда была похоронена.

Полиция утверждала, что каждый документ в папках Ли был потенциальной уликой по делу об убийстве. Но не многие верили, что полиция действительно хочет разыскать преступника. Убийца, судя по всему, снял с Ли сапоги, полагая, что там спрятаны деньги. Но полиция не удосужилась даже снять с сапог отпечатки пальцев. Правда, были использованы специально обученные собаки, с помощью которых полиция надеялась найти наркотики, но те ничего не нашли.

Через два месяца после убийства Ли полиция Эль-Пасо призналась, что у нее нет ни единой зацепки. «Когда имеешь дело с таким человеком, как Ли Чагра, который был замешан в стольких делах, можно выдвигать бесконечное множество версий,— сказал лейтенант Джон Лэнехен.— Возможно, это была месть со стороны обманутого клиента, которому не понравилось, как велось его дело. Не исключено, что на него случайно наткнулся обыкновенный вор. Но то, что контора перевернута вверх дном, еще ничего не доказывает. Возможно, кто-то постарался обставить дело так, чтобы другие поверили, будто там действительно побывал взломщик». Сотни людей звонили в полицию, а также родственникам Чагры (им, видно, очень хотелось получить назначенное вознаграждение в 25 000 долларов). Но все эти звонки не привели ни к одной сколько-нибудь правдоподобной версии. Федеральные агенты потратили тысячи часов на расследование мельчайших подробностей жизни Ли Чагры, но и после этого они понятия не имели, кто его убил и зачем. То обстоятельство, что убийца не снял с Ли золотые драгоценности стоимостью в несколько тысяч долларов, по-прежнему оставалось загадкой, которая существенно подрывала версию об ограблении. Конечно, многие поговаривали о сумке с деньгами, однако достоверно об этом знали лишь родственники Ли да сам убийца. Ходили также слухи о том, будто полиция обнаружила стопки стодолларовых купюр около конвертов с адресами людей, от которых Ли Чагра по неизвестным причинам «откупался». По другим слухам, в конторе было найдено более двух миллионов долларов наличными. При этом намекалось, что деньги принадлежали всей банде. При вскрытии тела было обнаружено незначительное количество кокаина в крови, что породило новую версию, будто убийство было совершено из-за сорвавшейся сделки с торговцем наркотиками.

Но полицию и федеральных агентов больше все же интересовали не поиски убийцы Ли Чагры, а кое-что другое, более существенное. Во-первых, они до сих пор не выяснили, кто пытался убить прокурора Джеймса Керра. Во-вторых, операции контрабандистов приобрели уже такой размах, что нужно было принимать срочные меры. В-третьих, ознакомление с содержимым папок Ли выявило множество совершенно новых объектов расследования.

Жителям Сан-Антонио трудно было не заметить, что зимой 1978 и весной 1979 годов акты насилия приобрели особенно широкий размах. Было убито несколько полицейских, а торговцы наркотиками открыто расправлялись друг с другом, словно вернулись времена «сухого закона». В апреле, когда во время традиционной фиесты в городе устраивалось множество балов и парадов, какой-то человек открыл пальбу по толпе людей, наблюдавших за парадом цветов близ Аламо-плаза. В этом живописном, чуть ленивом городе с множеством старинных зданий, испанских церквушек и красивых набережных, по которым до сих пор разгуливали бродячие музыканты, разрасталась злокачественная опухоль падения нравов. Никто пока еще не осознавал этого до конца, и ни о каких профилактических мерах речи не было. Сан-Антонио — один из самых быстрорастущих городов в Америке. По темпам роста он опережает даже Хьюстон. Менее чем за десять лет численность его населения возросла на 20 процентов, и он перепрыгнул с пятнадцатого на десятое место среди самых больших городов в США. Но Сан-Антонио и один из самых бедных городов в стране: каждый шестой его житель находится за чертой бедности, и каждый четвертый нуждается в жилье. В то время в Сан-Антонио насчитывалось почти полмиллиона американцев мексиканского происхождения. Такой концентрации этой категории населения не было больше нигде, кроме Мехико и Лос-Анджелеса. Несмотря на то что они составляли большинство среди жителей города, эти люди до недавнего времени не имели почти никакой политической власти. По числу наркоманов город занимал седьмое место в стране, однако официальные данные об уровне преступности были настолько занижены, что это не могло не вызвать подозрений (согласно одному документу, Сан-Антонио якобы стоял на восемнадцатом месте в штате по этому показателю). Заниженный уровень преступности отражал нежелание властей считаться с жизненными реальностями, хотя те, казалось, все громче заявляли о себе. Это отражало также и некоторое смещение приоритетов (по крайней мере в позиции федеральной прокуратуры). Несмотря на то что федеральные власти развернули широкое наступление на западную окраину округа Эль-Пасо, лишь немногие прокуроры изъявили желание «ворошить грязь» в родном городе. Один федеральный прокурор заметил, что в Эль-Пасо в том году рассматривалось в три раза больше уголовных дел, чем в Сан-Антонио — городе несравненно большем. «Прокуратура в Сан-Антонио,— сказал он,— это просто смех». Причину столь необычного внимания к такой окраине, как Эль-Пасо, можно было объяснить одним словом — Чагра.

Местные средства массовой информации в Сан-Антонио уже давно славились безудержной тягой к сенсациям, поэтому смещение акцента на контрабанду было бы весьма необычным,

если вообще возможным. Тамошние газеты обычно пестрели такими заголовками: «ДЕВУШКА СЪЕЛА ОТЦА, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ» или «В МУСОРНОЙ КУЧЕ НАЙДЕН ЖИВОЙ НОВОРОЖДЕННЫЙ!» Причем зачастую они набирались аршинными красными буквами. В телевизионных новостях, как правило, крупным планом показывались лужи крови или пожарные, выносившие из разрушенных жилых домов обуглившиеся, безжизненные тела детей. На фоне таких жутких репортажей сообщения о какой-то контрабанде наркотиков или организованной преступности приобретали ту же социальную значимость, что и, скажем, реклама собачьих консервов или кроссворды в газетах. Однако зимой 1978 года и весной следующего года все изменилось.

В ноябре, после неудавшегося покушения на прокурора Джеймса Керра, федеральный прокурор Джеми Бойд лично возглавил проводившееся большим жюри расследование рэкета, игорного бизнеса, контрабанды наркотиков и, конечно, убийств по найму. Теперь уже не одно, а целых три жюри (два в Эль-Пасо и одно в Сан-Антонио) действовали одновременно. За ходом расследования пристально наблюдали оперативная группа из министерства юстиции США, обосновавшаяся в Лас-Вегасе, и федеральная прокуратура в Сиэтле. После неудавшегося покушения на его жизнь Керр был переведен с уголовных дел на гражданские. Несмотря на это, он все же продолжал заниматься старыми делами, и в этом ему помогали помощники федерального прокурора и целая армия федеральных агентов.

Джимми, разумеется, уже несколько лет интересовал агентов из Управления по борьбе с наркотиками, но конкретные доказательства его преступной деятельности стали поступать к ним лишь в течение последних нескольких месяцев. Начало было положено арестом Генри Уоллеса год назад в Новом Орлеане. Судя по всему, документы, обнаруженные при обыске конторы Ли, ничего нового к имевшимся у властей материалам о контрабандистской деятельности Джимми (да и самого Ли) не добавили. Убийство, однако, приковало теперь внимание федеральных властей к Джимми. Они почувствовали, что наступило время действовать.

В конце февраля, через два дня после того, как судья Вуд приговорил Джо Рентерию к тридцати годам тюремного заключения, федеральное большое жюри Мидленда — одного из центров нефтедобычи в Западном Техасе — предъявило Джимми Чагре официальное обвинение из пяти пунктов в сговоре с целью приобретения и распространения наркотиков. Хотя Чагра и заявил, что добровольно сдастся властям, Джеми Бойд предпочел иной, более драматичный способ его ареста. В день вынесения приговора Рентерии на первой полосе «Эль-Пасо таймс» появилась фотография растрепанного Джимми Чагры в наручниках, которого уводили в окружную тюрьму Эль-Пасо в сопровождении целого отряда вооруженных полицейских. Каких-то явных причин, заставлявших федеральные власти предъявлять ему обвинение именно в Мидленде, не было, за исключением одного немаловажного обстоятельства: все уголовные дела в Мидленде находились под исключительной юрисдикцией судьи Джона Вуда. Если бы Чагра был привлечен к суду в Эль-Пасо, вероятность рассмотрения его дела Вудом равнялась бы одному шансу из четырех. Судья объявил залог в один миллион долларов, и родственники Джимми оказались не в состоянии внести эту сумму.

За несколько недель до ареста Джимми нанял известного в Лас-Вегасе адвоката по уголовным делам Оскара Гудмена. Сразу же после ареста Гудмен и Джо Чагра внесли ходатайство, требуя сократить сумму залога. Рассмотрение этого ходатайства в суде должно было состояться через несколько дней в Мидленде. В тот момент ни один из адвокатов Джимми не имел ни малейшего представления о характере и объеме доказательств, которыми располагали власти. Тогда они еще не знали, что Генри Уоллес превратился в главного свидетеля Джеми Бойда.

Вечером накануне рассмотрения ходатайства о снижении суммы залога Бойд, его жена Сузи и три агента из Управления по борьбе с наркотиками ехали в стареньком «шеви» прокурора, весьма довольные развитием событий. Генри Уоллес сидел на заднем сиденье буквально на коленях у одного из агентов. Бойд лично «натаскивал» Уоллеса, готовя его к перипетиям судебного процесса, и Толстяк оказался весьма прилежным учеником. Все шутили и смеялись. Уоллес сказал: «Только подумайте, всего год назад я был жалким контрабандистом и продавал «марафет». А сейчас вот разъезжаю с федеральными агентами и прокурором и пью их виски». Джеми Бойд не скрывал: старина Генри очень ему нравился.

На другое утро состоялось судебное заседание, на котором федеральный прокурор решил больше не намекать, что может и не ограничиться лишь этим обвинением из пяти пунктов. Он решил пока не применять своего самого грозного оружия — «закона о главаре банды». Это, однако, не означало, что он вовсе от него отказался. Бойд готов был предложить сначала сделку: пятнадцать лет тюрьмы за признание себя виновным. Если Джимми откажется от этого предложения (а прокурор полагал, что именно так тот и поступит), власти всегда смогут предъявить ему новое обвинение на основании этого более строгого закона. А тем временем власти намеревались показать, что действительно считают Джимми «птицей высокого полета». В ходе слушаний по ходатайству защиты обвинение утверждало, что Джимми связан с Сальваторе Микаэлом Каруаной, который, как известно, действовал вкупе с Реймондом Патриаркой — главарем организованной преступности в Новой Англии. Вопреки протестам адвокатов Джо Чагры и Оскара Гудмена в протокол были занесены имена нескольких лиц, подозревавшихся в связях

с организованной преступностью. И хотя обвинение не предъявило никаких доказательств, которые свидетельствовали бы о прямых связях Джимми Чагры с мафией, высказанные в этой связи подозрения стали достоянием гласности, а это значительно снизило его шансы на справедливое судебное разбирательство. Рассмотрение ходатайства защиты закончилось тем, что Джеймс Керр заявил о своем согласии с адвокатами в том, что сумма залога в один миллион долларов действительно не соответствует характеру рассматриваемого дела, а посему он просит суд увеличить ее до полутора миллионов долларов. Но судья Ли Хадспет предложил все же снизить сумму залога до четырехсот тысяч долларов при условии, что Джимми Чагра сдаст заграничный паспорт и будет каждую неделю отмечаться у соответствующего должностного лица. 12 марта Джимми был освобожден под залог. Суд был назначен на 2 апреля.

25

Примерно в то же время, когда Джимми собирал деньги на залог, произошли некоторые другие события, неожиданно позволившие найти ключ к разгадке тайны убийства Ли Чагры. Объяснение оказалось столь невероятным, что большинству жителей Эль-Пасо, включая семью Чагры, понадобилось несколько месяцев, прежде чем они смогли смириться с правдой.

До первой недели марта 1979 года единственной сколько-нибудь полезной информацией было тайное сообщение Дуга Холта, одного из постоянных игроков в покер в доме Джимми Саломе. Холт слышал от кого-то, что к попыткам взломать сейф в конторе Мики Эспера и ограбить кассу в доме Джимми Саломе причастен Лу Эспер. Именно это в свое время и утвердило Ли Чагру в подозрении, что за ним кто-то охотится. Но существовало и другое немаловажное обстоятельство, о котором знали лишь немногие в семье Чагры: в течение нескольких дней до его убийства Эспер приносил Ли кокаин. Эспер не мог знать о сумке с деньгами, но ему было хорошо известно, что Ли обычно имел при себе крупные суммы наличными. Братья Чагра поручили братьям Миллиорн следить за квартирой Эспера, но тех через некоторое время арестовала полиция, обнаружив у них оружие. Затем Эспера на какое-то время забыли. Но в конце февраля стало известно, что Эспер купил себе новый «кадиллак» и зачастил в казино и игорные дома. «Джимми мы об этом не сказали,— вспоминала Пэтси.— Мы боялись, что он тут же отправится в Лас-Вегас и убьет его». Примерно 2 марта Джо Чагре позвонил какой-то солдат из Форт-Блисса и спросил, получит ли он вознаграждение, если сообщит что-то важное об убийстве.

«Он предложил мне встретиться на автомобильной стоянке на Дайер-стрит недалеко от Форт-Блисса,— рассказывал Джо,— предупредив, чтобы я был один. Я очень испугался, но решил все же пойти на встречу, прихватив пистолет. Что-то в его голосе подсказывало мне, что он действительно может знать нечто важное. Я пришел в указанное место, и он рассказал мне о другом черном парне из их казармы — солдате по фамилии Уайт. Он сказал, что однажды вечером накануне рождества тот пришел с сумкой, полной денег. Когда солдат подробно описал ее, я понял, что это была именно та сумка из офиса Ли. Он сказал, что такого количества денег в жизни еще не видел и что пачки были перетянуты резинками. Я буквально остолбенел. Да, это была та самая сумка!»

Солдат, звонивший Джо Чагре, позвонил также и в полицию, и в то же утро она арестовала Дона Уайта — солдата-негра из Ричмонда (штат Калифорния), который должен был менее чем через месяц демобилизоваться. Уайт сознался в ограблении (но не в убийстве) и назвал соучастников: Лу Эспера и еще одного солдата — Дэвида Лиона Уоллеса. На другой день Уоллес был арестован в родном городе Комптоне (штат Калифорния), а Эспер — в одном из мотелей Лас-Вегаса. Дон Уайт и Дэвид Лион Уоллес во всем признались и подписали показания, в которых назвали Эспера организатором преступного сговора, а себя — соучастниками ограбления. Их признания были почти идентичны, если не считать того, что каждый обвинял другого в фактическом применении оружия. Обоим было предъявлено обвинение в убийстве, караемом смертной казнью. Что же касается Эспера, то прокурор пока не решил, какое именно обвинение предъявлять ему, хотя ясно было, что именно Эспер организовал все это «дело», снабдил солдат автомашиной для бегства и двумя пистолетами и завладел большей частью денег. Удалось установить, что оба пистолета (один — дешевый, никелированный, 22-го калибра; другой — еще более дешевый — 32-го калибра, с отваливавшимся барабаном) были приобретены в одном из ломбардов Эль-Пасо, хозяин которого опознал Эспера. Любопытно, что и Уайт, и Уоллес показали, что пистолет 22-го калибра, выстрелом из которого было совершено убийство, принадлежал Уайту.

Из обоих признаний также стало ясно, что Дон Уайт присоединился к участникам сговора позже. Он впервые встретился с Эспером лишь в день ограбления и убийства. Уоллес, однако, знал Эспера с августа месяца и уже успел совершить с ним несколько краж со взломом и грабежей. По словам Уоллеса, он познакомился с Эспером в баре «Плеймейт» в центре города напротив Эль-Пасо-плаза. Полиция установила, что это один из притонов для проституток и уголовных элементов, у которых всегда находятся общие интересы с такими типами, как Лу Эспер. Однажды тот предложил Уоллесу ворваться в дом Ли Чагры на Фронтера-роуд и ограбить его под дулом пистолета. Этого они не сделали, но Уоллес признался, что участвовал в неудачной попытке ограбить игроков в покер, собравшихся в

доме Саломе рядом с домом Чагры. Вскоре после этого Эспер задумал другой план ограбления — офиса Ли Чагры на Монтана-стрит. В его осуществлении должны были принять участие Уоллес и другие. Но этот план тоже не был реализован.

По словам Уоллеса, 22 декабря 1978 года Эспер позвонил ему по телефону в «Плеймейт», и они пошли на квартиру Эспера в жилом комплексе «Уоррен-хаус» на Норт-Миза-стрит, где тот и изложил подробности плана ограбления Ли Чагры на следующий день. Моряк Робертс, живший в том же комплексе, накануне рассказал Эсперу, что Чагра подготовил для него крупную сумму денег.

«Он сказал мне, что после часа Ли Чагра будет в офисе один,— сказал Уоллес на допросе.— Но он не сказал, откуда знает это. Лу Эспер либо сам устроил так, чтобы нас пропустили в офис, либо поручил это кому-то еще. Он сказал, что Моряк [Робертс] собирается зайти к Чагре в офис и взять деньги, которые тот приготовил для него. Он сказал, что в конторе будет около семидесяти пяти тысяч».

Эспер приказал Уоллесу называть себя Дэвидом Лонгом. Он придумал для него историю с завещанием и велел утром позвонить Чагре домой, чтобы знать наверняка, что тот будет у себя в офисе. По словам Уоллеса, Лу Эспер зарядил оба пистолета и дал их ему. Он также передал ему ключи от старого «олдсмобиля», купленного недавно у торговца подержанными автомашинами в Нью-Мексико, и сказал, где бросить его, после того как «дело» будет сделано. Эспер пытался уговорить Уоллеса действовать одному, но тот решил подключить к этому своего друга Дона Уайта.

В субботу днем Дэвид Уоллес заехал за Уайтом в казарму, и они направились сначала к Монтана-стрит, а затем в центр города. Уоллес остановил желтый «олдсмобиль» прямо за офисом Ли Чагры. По его словам, пистолет 22-го калибра он отдал Уайту, а другой — 32-го калибра с отваливавшимся барабаном — взял себе. Уоллес нажал кнопку звонка у ворот и тут же услышал в динамике голос: «Это Дэвид Лонг?» Затем они вошли в офис и прошли за Ли Чагрой в его кабинет.

С этого момента показания черных солдат разошлись.

Уоллес рассказал полицейским следующее:

«Мы выхватили пистолеты и приказали Ли Чагре не двигаться. Мы сказали, что не тронем его и что нам нужны только деньги. Ли Чагра стал медленно поднимать руки вверх и говорить, что отдаст нам все, лишь бы мы не стреляли. Уайт выругался и приказал ему пошевеливаться или что-то в этом роде. Но тот вдруг начал опускать руки, и я сказал, чтобы он этого не делал. Но он продолжал опускать их, и тогда я услышал выстрел, а может, два. Стрелял Дон Уайт, у которого был пистолет 22-го калибра. Я совершенно уверен, что это Дон Уайт стрелял и убил Ли Чагру. Когда Ли Чагра упал, я подошел к нему, бормоча его имя, и даже сказал, что мне жаль, что так

случилось. Он был еще жив и смотрел на меня. Тогда Дон Уайт сказал: «Да плюнь ты на этого фраера!»

У Дона Уайта была другая версия:

«Дэвид Уоллес спросил у Ли Чагры, где деньги. К этому моменту мы уже выхватили пистолеты. Ли Чагра ответил: «Можете взять все, что хотите». Затем Ли Чагра подошел к окну, а когда повернулся, то в руках у него уже был пистолет. Дэвид Уоллес выстрелил один раз... Ли Чагра упал на пол у окна... Я увидел, как изо рта у него потекла кровь. Я подошел к Ли Чагре, и мне показалось, что он уже мертв. Тогда Дэвид Уоллес стал шарить у него по карманам...»

Лишь сами убийцы могли точно знать, выхватил Ли пистолет или нет, но тщательный анализ событий заставляет все же думать, что это было маловероятно. На Чагре были джинсы и спортивная рубаха, забранная под пояс. Если бы он был вооружен, негры обязательно заметили бы пистолет, как только вошли в кабинет. И тогда они, конечно же, постарались бы сначала обезоружить его.

Что же касается последующих событий, то показания Уоллеса и Уайта в значительной мере совпали. Сначала они проверили карманы Чагры, а затем сняли с него сапоги. Уоллес помнил, как Лу Эспер говорил ему: «Семь дней в неделю у него [Чагры] минимум десять косых в сапогах». Денег они не нашли, но зато обнаружили связку ключей и стали лихорадочно обыскивать всю контору. Через десять минут они добрались до жилых помещений в глубине здания. Там-то они и нашли коричневую теннисную сумку, набитую двадцатками и сотенными. Еще много пачек было разбросано на кровати.

«Почти все деньги мы бросили в чемодан,— рассказывал Уоллес.— Помню еще, как уронил на пол две двадцатидолларовые бумажки и Уайт хотел было их поднять, но я сказал: «Брось! Надо поскорее сматываться».

По дороге Уайт прихватил два пистолета, лежавшие в ящике письменного стола Чагры, наручники и магнитофон. Эспер велел Уоллесу не трогать драгоценностей Чагры, потому что их слишком легко можно будет опознать.

Согласно плану, солдаты должны были встретиться с Эспером у него на квартире, но, побоявшись засады, решили остановиться в мотеле на Норт-Миза-стрит и позвонить Эсперу оттуда. По словам Уоллеса, Эспер не очень-то горевал, услышав, что в ходе операции Ли Чагра был убит. «Забудь о нем»,— сказал Эспер. (Многие считали, что убийство Ли Чагры было частью задуманного им плана и что Эспер и не собирался оставлять своей жертве шанс для ответного удара.)

Лу Эспер приехал в мотель чуть позже, и они принялись подсчитывать деньги. Эспер, видимо, делал это главным образом сам, потому что ни Уоллес, ни Уайт так и не узнали, сколько же денег было в сумке. Им он сказал, что там было 150 000 долларов. Полиция так и не выяснила, какую же сумму Эспер дал

каждому из них, поскольку показания солдат были противоречивы. По свидетельству Уоллеса, они получили по 20 000 долларов, а Уайт сказал, что по 7000. Остальное взял себе Эспер. На другой день солдаты собирались уехать на рождественские каникулы в Калифорнию, но Эспер к тому времени уже исчез. Денег больше никто не видел.

Дон Уайт признал себя виновным по менее тяжкому обвинению в убийстве, не караемом смертной казнью, и был приговорен к 60 годам тюремного заключения. Уоллес отказался признавать себя виновным и предстал перед судом по обвинению в совершении тяжкого убийства, караемого смертной казнью. Его адвокат Майк Гибсон пытался убедить присяжных в том, что Уайт и Уоллес вполне могли прийти к Ли Чагре с пятью килограммами кокаина и что убийство совершено в результате ссоры из-за наркотиков. А такое преступление смертной казнью не карается. Присяжные, однако, на это не клюнули, и Уоллеса приговорили к смертной казни, хотя впоследствии апелляционный суд штата заменил этот приговор на пожизненное заключение. Лу Эспер был признан виновным по обвинению в преступном сговоре с целью совершения ограбления при отягчающих обстоятельствах и приговорен к пятнадцати годам тюрьмы. Все трое в настоящее время отбывают наказание в исправительной тюрьме штата Техас.

26

Арест и признания убийц Ли, а также его собственный арест и предъявленное обвинение потрясли Джимми Чагру. Он был уверен, что все это сплошной обман, обыкновенная уловка, и по-прежнему считал, что в смерти его брата повинны федеральные агенты. По каким-то даже ему непонятным причинам Джимми был также убежден, что за всем этим стоит судья Вуд. Смерть Ли повергла его в шоковое состояние, которое лишь усугублялось переживаниями в связи с его собственными проблемами с властями.

В суде под председательством Вуда признание подсудимого виновным и приговор к длительному тюремному заключению были почти гарантированы. И Джимми знал это. Еще несколько месяцев назад, когда впервые поползли слухи о привлечении его к суду и когда владельцы «Сизарс-палас» распорядились, чтобы он освободил номер-люкс Фрэнка Синатры, заявив, что больше не желают иметь с ним дела, Джимми держался надменно и вызывающе. Ведь Ли заверил его тогда, что судья Вуд обязательно «наломает дров», и ему легко удастся добиться отмены приговора. Но теперь, когда Ли уже не было в живых, надменность Джимми как ветром сдуло. Он как-то сказал секретарше своей жены Синди Коут: «Я слышал, Вуд приговорил кого-то к семи годам только за то, что бедняга подстрелил орла. Представляешь, что он сделает со мной!»

После того как Джимми был освобожден под залог и вернулся к себе в новый дом в Лас-Вегас, к нему несколько раз приезжал Джо со своей женой Пэтти. Джо изо всех сил старался убедить себя, что Джимми начинает трезво смотреть на вещи и понимает всю серьезность своего положения, но ему это не всегда удавалось. Казалось, Джимми продолжал жить в другом измерении. Он соорудил себе огромный сейф, который, как правило, был до отказа набит деньгами. Теперь, когда из «Сизарс-палас» его вышвырнули, единственным казино, согласившимся принимать от него немыслимые ставки (а он мог играть только по-крупному), было «Бинионс хорс-шу» *. Джимми ходил туда каждый вечер, и на столе перед ним частенько лежала парочка миллионов.

Судья Вуд перенес суд на 14 мая, и теперь настало время трудных решений. Адвокаты Джимми внесли ходатайство об отводе кандидатуры Вуда в качестве судьи на предстоящем процессе. Учитывая это обстоятельство, прокурор Джеми Бойд счел целесообразным окончательно отстранить от этого дела Джеймса Керра. Тот на это внешне никак не прореагировал, но Бойд знал, что его коллега вздохнул с облегчением. Через несколько недель Керр тайно поселился в другом городе, где прожил много месяцев, появляясь в Сан-Антонио лишь тогда, когда это было необходимо. Прокурору предстояло предъявить Джимми Чагре новое обвинение (на этот раз в Эль-Пасо), прибавив к старым пяти пунктам еще один, подпадающий под «закон о главаре банды». Кое у кого могли в этой связи возникнуть вопросы, по меньшей мере семантического характера. Если главарем банды был Ли, то как тогда можно считать таковым и Джимми? На это, конечно, можно было сказать, что в банде может быть и два главаря. Однако, учитывая, что в данном случае речь шла о братьях, которых обвиняли в одном и том же преступлении, концы, мягко говоря, не сходились. Гораздо логичнее было бы открыть дело на Генри Уоллеса, главного свидетеля Джеми Бойда, на том основании, что именно он был фактическим главарем банды. Ведь это он, Уоллес, а не Джимми Чагра продумывал все детали контрабандистских операций и в большинстве случаев договаривался с другими участниками преступного сговора.

Но все объяснялось одной причиной чисто практического свойства: Генри Уоллес готов был пойти на сделку с властями. Джеми Бойду нужны были доказательства, и у Уоллеса они были. Бойд признавал, что за это придется платить слишком высокую цену: ведь Уоллес мог дать сто очков вперед любому контрабандисту, известному прокурору, и, получив свидетельский иммунитет от преследований со стороны властей и почувствовав себя в безопасности, он почти наверняка тут же займется своим старым ремеслом. «Но если говорить откровен-

* Хорс-шу (horseshoe) — по-английски «подкова».— *Прим. перев.*

но,— сказал Бойд,— Чагра и его легионы, на мой взгляд, стоили этого». Бойд, однако, не уточнил, что или кого он имел в виду под словом «легионы». Ведь за исключением пилота Джима Френча, который по неизвестным пока причинам не был назван участником преступного сговора, «легионеры» Джимми Чагры все до единого стали теперь свидетелями обвинения, а потому находились под защитой закона. Таким образом, выходило, что Бойд обменивал практически всех участников преступного сговора на одного человека, который (если верить результатам проводившегося все эти годы расследования) не был даже их боссом. Необходимо было внести во все это хоть какое-то рациональное зерно. Вот почему обвинение сначала предложило Джимми Чагре сделку, изъявив готовность снять с него обвинение на основании «закона о главаре банды», если он признает себя виновным по пункту о кокаине, что влекло за собой пятнадцатилетнее тюремное заключение. Тогда адвокаты Джимми предложили встречную сделку: их клиент признает себя виновным по двум пунктам о марихуане, которые предусматривали лишь пять лет тюрьмы. После этого обвинение почувствовало, что руки у него окончательно развязаны. «Наши клиенты,— сказал Бойд,— Управление по борьбе с наркотиками и общественность сочтут себя — и вполне справедливо — обманутыми, если один из главных контрабандистов наркотиками отделается пятью годами». И Бойд решил тогда применить «закон о главаре банды». Таким образом, в мае 1979 года для Джимми Чагры стала реальной перспектива предстать перед судьей Джоном Вудом и получить пожизненное заключение без права на условное освобождение.

За месяц до убийства судьи Вуда в центре Лас-Вегаса царило необычайное оживление, вызванное подготовкой к мировому чемпионату по покеру, который ежегодно проводится в казино «Бинионс хорс-шу». Толпы женщин в летних майках и мужчин в ковбойских шляпах до отказа заполнили всю Фримонт-стрит с ее многочисленными ломбардами, лавками с дешевой одеждой, сувенирами. Особенно много народу толпилось у казино «Минт» и «Голден-наггет», где обычно собирались местные жители и пенсионеры. Но теперь им пришлось потесниться. Весь этот людской поток упирался в гигантскую двухметровую подкову стоимостью в один миллион долларов, установленную у входа в казино «Бинионс хорс-шу». За пуленепробиваемым стеклом этого сооружения на всеобщее обозрение было выставлено сто настоящих купюр достоинством 10 000 долларов каждая. Толпа зевак, толкая друг друга, старалась протиснуться внутрь и хотя бы краешком глаза посмотреть на игроков, сидевших за специальным ограждением.

Среди всего этого неимовернейшего сплетения телевизионных кабелей и разношерстной толпы репортеров, служителей казино и зевак Джимми Чагра был довольно заметной фигурой.

Столь же заметными были и многочисленные представители уголовного мира, приехавшие сюда, чтобы повидаться с ним. Мировой чемпионат по покеру стал для завсегдатаев казино Лас-Вегаса чем-то вроде поездки на недельку в гости к родным. Но присутствие Чагры придавало всему этому особый смысл.

Однажды вечером, когда Джимми протискивался сквозь толпу к столику для игры в крепс, он вдруг увидел знакомое лицо. Это была Джо-Энн Старр, некогда служившая в одном из казино Лас-Вегаса подавальщицей карт играющим в блэк-джек. Несколько лет назад Джо-Энн и ее тогдашний дружок Пит Кей играли с Джимми в Эль-Пасо. Случилось так, что Пит Кей — представительный мужчина с седеющей бородкой — однажды выхватил пистолет и стал требовать, чтобы Чагра вернул ему карточный долг, иначе тому не поздоровится. После этого всякие отношения между ними прекратились. Джимми прекрасно понимал, с кем имел тогда дело: он лично присутствовал на процессе по делу Кея в Оклахоме. Тому тогда было предъявлено обвинение в убийстве, и Ли успешно защитил его. На сей раз Джо-Энн была с Роном Коллером, игроком и продавцом автомобилей, который лишь недавно доставил «линкольн», подаренный хозяевами казино Лиз Чагре. Вместе с ними был еще один незнакомый Джимми человек с рыжеватыми волосами, которого Джо-Энн представила как Чарлза Харрелсона, своего нового мужа. Харрелсон сказал, что давно уже не наведывался в Лас-Вегас, хотя иногда и сам не прочь поиграть. А произошло это потому, что все это время он был в отсидке в Ливенуортской тюрьме за убийство. Сказав это, он улыбнулся так, словно только что признался, что он капитан команды игроков в поло Принстонского университета. Несмотря на некоторую тюремную бледность, Харрелсон имел впечатляющую внешность крепкого и уверенного в себе человека и был похож на хорошего боксера среднего веса. Джо-Энн сказала, что страшно расстроилась, когда прочла в газетах сообщение об убийстве брата Джимми, а Харрелсон как-то неопределенно поинтересовался, что́ тот собирается делать по этому поводу. (Как раз в тот момент убийцы Ли — Уайт, Уоллес и Эспер — ожидали суда. Эспер уже вовсю торговался с властями по поводу предстоящего признания. То же собирался делать и Уайт.) Джимми сказал, что у него у самого проблемы с судом и что все дела, связанные с убийством брата, он забросил.

Харрелсон и его друг Хемптон Робинсон пошли за Чагрой к столу для игры в крепс. Робинсон, сын богатого врача в Хьюстоне, вспоминал, что Джимми попросил Харрелсона сыграть с ним и тот сразу же проиграл 50 000 долларов, но потом очень быстро отыгрался, выиграв в конечном итоге 350 000 долларов.

Через несколько дней Чагра, Рон Коллер и еще кто-то обедали в ресторане «Сомбреро-рум» в казино «Бинионс хорс-шу». К их столу подошел Харрелсон, как всегда криво улыба

ясь. Коллер вспоминал, что Харрелсон сказал, будто начисто проигрался и теперь возвращается в Техас.

— Если тебя упекут за решетку,— сказал он Чагре,— и если тебе понадобится моя помощь, можешь на меня рассчитывать.

— Если я окажусь в Ливенуорте, мне позволят иметь в камере телевизор? — спросил Чагра.

— Нет, не позволят.

— А если я куплю по телевизору всем заключенным? — спросил Джимми.

Все так и грохнули. Но Джимми, казалось, не понимал, что здесь смешного. Его наивный вопрос долго потом муссировался во всех казино Лас-Вегаса, вызывая повсюду хохот. Когда Харрелсон ушел, Чагра спросил у Рона Коллера, что он думает об этом человеке. Коллер мало что мог добавить к тому, что тот сам о себе рассказывал. Да и вряд ли можно было ожидать, что человек с репутацией Харрелсона будет открыто афишировать свои «подвиги».

Вскоре после этого Чагра позвонил Питу Кею в Техас и навел дополнительные справки о Харрелсоне. Кей знал его хорошо. Они вместе выросли в Хантсвилле, где их отцы обслуживали находящуюся там тюрьму штата. Кей знал, что Харрелсон был дважды судим как наемный убийца. Ему также было известно и его отношение к человеческой жизни. «Для него голова человека — это арбуз с волосами, не больше»,— сказал Кей. Однажды Харрелсон хвастался перед Хемптоном Робинсоном, что ему больше всего нравится убивать и не попадаться. Конечно, в тех компаниях, где бывал Пит Кей, много болтали и хвастались. И все же мало кто мог сравниться с Чарлзом Харрелсоном в готовности пойти на любое грязное дело.

— Этот тип, Харрелсон, он как, в порядке? — спросил Джимми со свойственной ему загадочностью в голосе.

Кей не знал, что и сказать. Ему, конечно, не было известно, что произошло между Чагрой и Харрелсоном за последние несколько дней. Но он знал, что, когда Харрелсон и Хемптон Робинсон уезжали из Техаса, они намеревались завлечь Чагру в карточную игру и как следует «нагреть». Харрелсон был первоклассным карточным шулером. За многие месяцы отсидки в одиночной камере он довел искусство подтасовки карт до совершенства. В качестве дополнительной меры предосторожности он одолжил у Кея специально сконструированный стол для игры в карты, в котором был тайник для лишних карт. Харрелсону так и не удалось заманить Чагру в ловушку, но в тот момент Кей об этом ничего не знал.

— Он действительно ничего? — переспросил Чагра.

— Да, конечно,— ответил Кей. А что еще он мог сказать?

Примерно в то же время несколько старых дружков Харрелсона приступили к операции, призванной «раздеть Джимми Чагру». В основном это были любители играть по-крупному из Сан-Антонио или Хьюстона, завсегдатаи игорных домов Лас-Вегаса. Один техасец, называвший себя Слагго, предложил Джимми сыграть с ним партию в гольф на большие деньги. Джимми и не подозревал, что дружки Слагго (они окрестили Чагру «мистером Банкнотом») переоделись в спецодежду обслуживающего персонала и вооружились портативными радиопередатчиками. Всякий раз, когда Джимми наносил удар по мячу, «обслуга» устраивала так, что тот оказывался за деревом. Мячик же Слагго, как правило, «приземлялся» рядом с лункой. В тот день «мистер Банкнот» проиграл 580 000 долларов. Все в казино слышали, как он долго потом ругался и причитал, что такого невезения у него в жизни еще не было. Когда Джимми попросил дать ему отыграться, шулеры предложили сыграть в карты, а потом в кости. И в том и в другом случае его, разумеется, надули. В результате Джимми потерял более миллиона долларов.

27

Над плато Эдвардс к западу от Сан-Антонио сгущались грозовые тучи, но солнце еще светило вовсю. На юго-востоке небо было лишь чуть затянуто весьма безобидными перистыми облаками. Джон и Кэтрин Вуд, направлявшиеся в свой загородный дом в Ки-Аллегро на побережье Мексиканского залива, смотрели из окна автомашины на покрытые кустарником равнины, местами изрезанные рекой Ньюсис и ее притоками, и на раскинувшиеся вдали зеленые пшеничные и кукурузные поля. Где-то на горизонте виднелись игрушечные поселения немцев и чехов, создававшие как бы задний план всей этой картины. Постепенно поля переходили в бескрайние пастбища, уходившие далеко за горизонт. Именно там, на этих пастбищах, 150 лет назад прапрадед Вуда основал свою животноводческую империю. Был четверг 24 мая — начало длинного уикенда, совпадавшего с Днем памяти погибших в войнах. Прошло уже девять месяцев, с тех пор как судья в последний раз выбирался на своей лодке порыбачить за пределами залива, и вот теперь он с нетерпением дожидался того часа, когда сможет испытать свой новый мотор. Если клева не будет (а впрочем, если и будет), у него еще останется время сыграть несколько партий в теннис. Когда-то Вуд был капитаном теннисной команды университета штата Техас, но и сейчас, в свои 63 года, он еще мог потягаться с мужчинами вдвое его моложе.

Джону Вуду очень нравилось бывать здесь, на техасском побережье. Сан-Антонио он считал родным городом, но здесь был его родной дом. Он родился и вырос среди этих солончаков и отмелей, среди вечно изменяющихся песчаных дюн и истерзанных океанскими ветрами деревьев, среди всего этого безмолвия, где единственными звуками были свист ветра, грохот накатывавшейся волны и крики морских птиц. Вуд был крупным мужчиной: почти под метр девяносто. Он всегда находил общий язык с рыбаками, собиравшимися потолковать о житье-бытье на палу-

бах траулеров, пришвартованных к крохотной пристани. Джимми Чагра, Эль-Пасо, контрабандисты — все это, казалось, было теперь за тысячу километров отсюда. Да что там казалось, так оно и было на самом деле. Суд неоднократно откладывался, сначала на 14, затем на 29 мая, а потом (всего неделю назад) на 24 июля. Неожиданно для всех Вуд перенес судебный процесс в Остин. Несмотря на объявленный им запрет обсуждать предстоящий процесс с кем бы то ни было, Джимми Чагра — весьма заметная фигура на мировом чемпионате по покеру в Лас-Вегасе — вел себя так, словно его это не касалось. Когда один репортер спросил, как он расценивает свои шансы на оправдание, тот ответил вопросом на вопрос:

— Если судьей будет Вуд? О, тогда пятьдесят на пятьдесят.

— А если будет другой судья?

— Шансов тогда будет больше. Гораздо больше.

Одна из газет в Эль-Пасо сообщила, что на той же неделе в контору Вуда в Сан-Антонио пришло письмо с угрозой расправы над самим судьей и его семьей. Сообщалось также, что другое федеральное должностное лицо получило аналогичное письмо, написанное «почти в тех же выражениях». После покушения на Джеймса Керра Вуд и другие федеральные судьи в округе находились под постоянной охраной целой армии полицейских. Охранялись также Джеми Бойд и некоторые другие прокуроры. Вуд, однако, относился к таким угрозам как убежденный фаталист: вот уже несколько дней, как он отказался от личной охраны, считая такое круглосуточное дежурство напрасной тратой времени и денег и ущемлением его личной свободы. К тому же он весьма сомневался, что это действительно защитит его. «В меня стреляли во время второй мировой войны,— сказал он своему клерку,— и мне это очень не нравилось. Но что я мог поделать? Чему быть, того не миновать: если тебе суждено быть убитым, тебя убьют. А работу делать надо. Так не лучше ли заняться ею и ни о чем не думать?» Вуд даже чуть гордился этими угрозами. Как-то он сказал своему спутнику на рыбалке: «Должно быть, я им здорово насолил. Иначе зачем им лезть из кожи вон, чтобы со мной расправиться?»

Вуд прекрасно провел уикенд в Ки-Аллегро. За исключением нескольких досадных мелочей, ничего существенного не произошло. В субботу рано утром он отправился на лодке через залив в сторону Аранзас-Пасса, но новый мотор вскоре забарахлил, а потом и вовсе заглох. Пока судья пытался отремонтировать его, лодку, чуть покачивавшуюся в сероватых водах Мексиканского залива, тихо относило течением. Увидев, что мотор отремонтировать не удастся, Вуд подозвал проходивший мимо катер, и тот отбуксировал лодку обратно в гавань Ки-Аллегро. Утром в понедельник Вуд пошел в хозяйственный магазин, находившийся у дороги на Рокпорт, и встретился там со старым другом — биржевым маклером Джоном Диксом. Поговорили немного о рыбалке. Вуд сказал, что поймал всего несколько рыбешек, а Дикс посетовал, что и вовсе ничего не поймал. С рыбой стало плохо. Одни рыболовы-любители утверждали, что морского окуня и пятнистой форели поубавилось из-за слишком интенсивного лова промысловыми судами. Другие винили в этом чрезвычайно засушливую погоду или сваливали все на плотины в верховьях рек, на загрязнение среды промышленными предприятиями и на чрезмерное увлечение рытьем каналов через отмели. Джон Вуд же считал, что всему виной — все эти многочисленные прогулочные катера и лодки, из-за которых залив стал теперь похож на Хьюстон в часы пик.

В то же утро Вуд с женой отправились обратно в Сан-Антонио, и судья по дороге заметил, что их фургон нуждается в ремонте: уже почти отваливался глушитель, и к тому же необходимо было проверить тормоза и сделать балансировку колес. Домой они вернулись в полдень. Вуд поставил машину на стоянку у их дома из темно-красного кирпича — роскошного здания, входившего в жилой комплекс под названием «Шато-Дижон». Этот фешенебельный массив находился в Аламо-хайтс в роще из гигантских дубов и ореховых деревьев прямо напротив Бродвея. Покушение на Джеймса Керра было совершено в каких-то полутора километрах отсюда. Здание федерального суда находилось на Америка-плаза в районе Хемисфир-граундс, примерно в пятнадцати минутах езды от дома Вуда.

Во вторник 29 мая судья, как обычно, проснулся рано. Хотя дело Чагры было отложено, Вуду предстояло присутствовать при отборе присяжных для нескольких других дел. В 8.20 Кэтрин Вуд позвонила в ремонтную мастерскую «Эй-энд-Би эксл», где они обычно ремонтировали свою машину, и сказала управляющему Джину Пилгрему, что «через пару минут» выезжает к нему на фургоне, который хочет оставить в мастерской на ремонт. Судья хотел ехать следом на собственном седане, чтобы подбросить ее затем в центр. Кэтрин Вуд села в фургон, намереваясь выехать со стоянки, как вдруг заметила, что одно из задних колес спущено.

Примерно в 8.30 Вуд вышел из дому и направился к седану. Обычно судья оставлял машину за углом на стоянке, где сейчас находился фургон, но почему-то именно в тот день он припарковал седан прямо напротив их дома. Вуд бросил чемоданчик на переднее сиденье и открыл дверцу со стороны водителя.

В квартире напротив того места, где стояла машина Вуда, как раз в это время пили кофе 28-летний биржевой маклер Джеймс Спирс, его брат Монро, сестра Кэрол, мать и один их друг. Это была семья Адриана Спирса, главного судьи федерального Западного округа штата Техас, который развелся с женой и теперь больше не жил в «Шато-Дижоне». Федеральный судья был уже в предпенсионном возрасте, и через несколько месяцев Джон Вуд должен был сменить его на посту главного судьи округа.

Джеймс Спирс и его сестра Кэрол, которая проживала в

Далласе и знала о судье Джоне Вуде лишь понаслышке, случайно выглянула в окно на кухне как раз в тот момент, когда Вуд садился в машину. Вот тогда-то они и услышали этот странный звук. «Нам показалось, что это громкий обратный удар в двигателе,— вспоминал потом Джеймс Спирс.— *Очень громкий удар*». Кэрол Спирс рассказывала: «Я увидела, как человек, который собирался сесть в машину, сделал шаг назад. Я даже не поняла, что в него стреляли: не было ни крови, ничего. Затем он повернулся и упал на спину». В этот момент Кэрол Спирс сообразила, что громкий звук — это выстрел. И тогда она громко крикнула, чтобы все отошли от окна.

Джеймс Спирс тут же позвонил в полицию и побежал вниз через дорогу к судье, который лежал рядом с открытой дверцей седана. «Вокруг никого не было,— вспоминал он,— совершенно никого. Ни проезжавших машин, ни людей. После выстрела не раздалось ни звука». Глаза у Вуда были открыты. Он молчал и не шевелился. Спирс не видел ни крови, ни маленькой ранки от винтовочной пули, вошедшей в тело судьи под лопаткой и разорвавшейся внутри на десятки мельчайших осколков. Он нащупал шейную артерию, но пульс не прощупывался.

Когда раздался выстрел, Кэтрин Вуд разговаривала по телефону с дочерью. Должно быть, ее охватил инстинктивный страх, потому что тут же, бросив трубку, она выбежала из дому, устремившись к тому месту, где уже умирал муж. Кэтрин обняла его голову руками, еще не зная, жив он или мертв, и спросила: «Кто стрелял, Джон?» Она развязала ему галстук и расстегнула ремень, моля бога, чтобы он был жив. Затем Кэтрин бросилась к телефону и крикнула дочери: «Повесь трубку! Мне нужно вызвать «скорую». Кто-то стрелял в отца». Вызвав «скорую», Кэтрин вернулась к судье с подушкой и холодным компрессом. Машина приехала минут через пять или шесть. Пока они дожидались ее, Кэтрин Вуд и Джеймс Спирс уложили судью поудобнее, но, судя по всему, спасти его было уже невозможно. Джон Вуд умер по дороге в больницу.

Убийца же бесследно исчез в утренней сутолоке людей и машин на Бродвее. Выстрел был поразительно метким. Увидев, как Вуд замер на какую-то долю секунды, повернулся и рухнул на землю, убийца тут же скрылся.

Уже через несколько минут началось одно из самых тщательных и дорогостоящих расследований в истории США. Городская полиция и агенты ФБР оцепили жилой комплекс «Шато-Дижон» и приступили к допросу соседей. Элизабет Садрон, квартира которой находилась метрах в пятидесяти от того места, где был убит Вуд, сказала, что слышала, как кто-то пробежал по крыше через несколько секунд после выстрела. Но полиция, взобравшись на крышу, никого там не обнаружила. Было отдано распоряжение срочно задержать две машины, которые были замечены поблизости, но это тоже не дало никаких результатов. Ни следов, ни улик преступник не оставил. Полицейские

высказали предположение, что спущенная шина у фургона — дело рук убийцы. Но какие бы предположения ни выдвигались, ясно было одно: убийца действовал четко, профессионально и стрелял наверняка. «Стрелять мог кто угодно,— заметил Мэрион Тэлберт, детектив из Сан-Антонио, который проводил предварительное расследование до того, как этим занялось ФБР.— Это мог быть и родственник одного из тех, кого судья упрятал в тюрьму на слишком долгий срок, и кто-то из мира организованной преступности, и один из «Бандидос». Большинство торгашей наркотиками не рискнуло бы стрелять. Мне лично кажется, что это было сделано, чтобы запугать кого-то или отомстить. Как бы там ни было, расследование затянется надолго».

Не так часто убийство вызывает гнев и негодование такого большого числа высокопоставленных чиновников и даже повергает их в шок. В истории Америки уже были убийства президентов и крупных политических и религиозных деятелей — людей, смерть которых потрясала миллионы и серьезно подрывала их веру. Но ни один американец не припоминал, чтобы в их стране убивали федерального судью. По крайней мере в XX веке такого в США еще не было. Убийство Вуда заставило политических деятелей вновь громко заговорить о святости и неприкосновенности федеральной судебной системы и явственно осознать, что на авансцену вышел новый тип преступника, бросившего вызов всей этой системе. Да, Джона Вуда никто не выбирал: его назначила уже опозоренная к тому времени администрация. Но это трагическое событие воспринималось всеми не как убийство Вуда-человека или даже Вуда-судьи, а как посягательство на них самих.

Джон Коннелли*, который сам в свое время пострадал от злодейской пули, назвал убийство судьи «террористическим актом». Член палаты представителей Генри Гонсалес, уже не раз выступавший в конгрессе США с речами о «ее величестве Преступности», назвал это убийство «преступлением века» (позже это выражение было подхвачено агентами ФБР). Бывший президент США Никсон выразил негодование и призвал как можно скорее арестовать и наказать виновных. Президент Картер охарактеризовал случившееся как «покушение на саму нашу систему правосудия» и заверил журналистов, что вместе с ним «все американцы осуждают это гнусное преступление». Министр юстиции Гриффин Белл, который в свое время сам был федеральным судьей, назвал день убийства Вуда «черным днем» в истории страны и поклялся, что ФБР «перевернет все» и разыщет преступника.

Больше всех были потрясены политические деятели и юри-

* Бывший губернатор штата Техас, находившийся в одной машине с президентом США Джоном Ф. Кеннеди, когда 22 ноября 1963 года тот был убит в Далласе.— *Прим. перев.*

сты, знавшие Вуда и работавшие с ним. Чаще всего произносилось слово «невероятно». Бывший председатель одной из комиссий законодательного собрания штата Гленда Саттон сказала: «Он погиб при исполнении служебных обязанностей во имя родины. Он погиб так, как погибают на войне. Потому что сейчас действительно идет война».

Джон Пинкни, бывший федеральный прокурор и ярый республиканец, вызвал, однако, небольшое смятение, когда заметил в беседе с группой корреспондентов, включая одного из «Уолл-стрит джорнэл»: «После первоначального шока я быстро оправился. Такой поворот событий меня не удивил». Пинкни сказал далее, что лично предупреждал Вуда об опасности открыто занимать сторону обвинения. «Мне кажется, ему самому нравилось пользоваться репутацией «Джона-максимума». Лично меня никогда не покидала мысль, что когда-нибудь кому-то из осужденных очень не понравится его приговор».

Большую часть ночи накануне убийства Джона Вуда Джимми Чагра проиграл в карты. Говорят, когда ему сообщили об этом, он страшно побледнел. «Меня чуть не стошнило,— сказал он позже.— Этого не должно было произойти».

Примерно через месяц после убийства миловидная молодая блондинка с длинными распущенными волосами стояла у одного из игральных автоматов в казино «Фремонт» рядом с многочисленными телефонными будками и делала вид, будто играет. Хотя в этот час в казино почти никого не было, девушка заметно нервничала. Когда неожиданно зазвонил один из телефонов-автоматов, она вздрогнула, быстро огляделась и сняла трубку. После короткой паузы девушка что-то буркнула и повесила трубку. Взяв такси, она доехала до отеля «Жокей-клаб», поднялась к себе в номер, уложила вещи и стала ждать. Через полчаса в дверь постучали. Вошла женщина с длинными каштановыми волосами. В руках у нее был маленький чемоданчик. Женщина, видимо, была на седьмом месяце беременности. Подойдя к дивану, она бросила чемоданчик и вышла, не сказав ни слова. Красавица-блондинка открыла чемоданчик и увидела там какую-то коробку, завернутую в коричневую бумагу. Она вытащила ее, но открыть не рискнула. Это было то, за чем она приехала. А через несколько часов она была уже в самолете, направлявшемся в Корпус-Кристи (штат Техас).

28

Судья Уильям Сешнс сидел прямой как палка, совершенно не реагируя на августовский зной, разморивший всех, кто пришел в тот день в зал федерального суда в Остине. Этот высокий человек с суровым лицом и тонкими губами, напоминавший чем-то директора английской школы времен королевы Виктории, сидел так прямо и неподвижно, что, казалось, под его черной

судейской мантией был корсет из китового уса. Скорее, однако, это был не корсет, а пуленепробиваемый жилет: после убийства Вуда большинство судей и прокуроров в округе предпочитали носить именно этот предмет туалета.

Сешнс, которому вскоре должно было исполниться пятьдесят, в свое время служил федеральным прокурором, а в 1974 году тогдашний президент Джеральд Форд назначил его на пост федерального судьи. Теперь он был первым на очереди в списке претендентов на пост главного судьи округа (этой чести должен был быть удостоен Вуд) и считался судьей, бесспорно подходящим для ведения дела Чагры. Сешнс был одним из тех, кто нес гроб с телом Вуда и даже произнес траурную речь на похоронах, но ни с кем из семьи Чагры он прежде не сталкивался и в их дела посвящен не был. Лишь однажды он вошел в какой-то контакт с одним из членов этого семейства, да и то из простого сострадания: несколько лет назад Джо Чагра потерял сознание прямо в зале суда, и Сешнс позже позвонил ему домой, чтобы справиться о самочувствии.

Даже при самом благоприятном стечении обстоятельств (а в данном случае они были, пожалуй, самыми неблагоприятными) процесс по делу Джимми Чагры обещал быть затяжным и запутанным. Расследование обстоятельств убийства Вуда, которое продолжалось вот уже три месяца и считалось самым тщательным после убийства Джона Кеннеди, уже обошлось правительству почти в миллион долларов, а практических результатов пока не было. Пристальное внимание средств массовой информации к семейству Чагры, контрабанде наркотиков и организованной преступности, чрезвычайные меры безопасности при проведении судебных заседаний и шум, поднятый ФБР в связи с этим, как они стали говорить, «убийством века», не могли не повлиять на ход судебного разбирательства, равно как и циничные замечания некоторых представителей прессы, будто расследование ведется только для видимости.

Помимо проблем, связанных с шумихой в прессе и на телевидении, дело Чагры ставило целый ряд чисто юридических проблем. Никто, казалось, толком не знал, как применять «закон о главаре банды» практически, поскольку его формулировка была безнадежно туманной. Перед обвинением стояло две задачи: 1) доказать, что обвиняемый был главарем банды контрабандистов, а не просто одним из ее членов и 2) показать, что Чагра получал существенную часть своих доходов именно от контрабанды наркотиков, а не, скажем, от азартных игр — занятия, которое он квалифицировал как свою «профессию». Чтобы доказать все это, обвинение предоставило свидетельский иммунитет почти всем участникам преступного сговора.

Адвокаты Джимми Чагры стремились убедить присяжных в том, что обвиняемый — всего лишь «очень ловкий и удачливый игрок», ставший жертвой «показаний подкупленных свидетелей обвинения». Чагра продолжал утверждать, что федеральные

агенты затеяли вендетту против всей их семьи. Главным объектом охоты был, конечно, Ли. Джимми же отводилась роль «утешительного приза». Объективно федеральный прокурор Джеми Бойд мог стать свидетелем защиты. Ведь это он в свое время утверждал, что агенты Управления по борьбе с наркотиками лгут, подтасовывают факты и совершают другие преступления во имя достижения корыстных целей. Все это было сказано Бойдом шесть лет назад в защиту своего друга из федерального Таможенного управления, который стал жертвой политической борьбы между Управлением по борьбе с наркотиками и другими правительственными учреждениями. Сказанного не воротишь. К тому же эти его слова были занесены в официальные протоколы. Сейчас, разумеется, все обстояло иначе. Бойд руководил теперь расследованием обстоятельств убийства Вуда. И хотя и обвинение, и защита заранее договорились, что в ходе судебного разбирательства они ни в коем случае не будут упоминать об убийстве судьи, это не помешало присяжным быть в курсе развернутой Бойдом кампании. Но и это не подрывало версии защиты: проводимое прокурором расследование лишь подтвердит теорию вендетты.

Как ни крути, убийство Вуда неизбежно должно было повлиять на исход судебного процесса в Остине. Джо Чагра, который вместе с адвокатом Оскаром Гудменом из Лас-Вегаса собирался вести защиту, заявил репортерам: «Я не буду притворяться, будто очень любил судью Вуда. Но мне не нравится, когда кого-то убивают. Я ненавижу это. Я только что пережил трагедию, потеряв родного брата. Но больше всего мне жалко другого брата — Джимми. Суд над ним назначили как раз на тот день, когда был убит Вуд. Всего за неделю до этого суд был отложен, но об этом многие не знали. Многие наверняка теперь думают, что Джимми ко всему причастен, хотя это всего лишь трагическое для него стечение обстоятельств. Ни один судья и ни один присяжный просто не смогут закрыть на это глаза».

Судья Сешнс сам неоднократно упоминал об убийстве судьи Вуда при отборе кандидатов в присяжные, хотя он, конечно, знал о той шумихе, которая была поднята вокруг этого дела. По меньшей мере одна телекомпания (Эй-би-си) показала накануне программу, посвященную «войне» между семейством Чагры и судьей Вудом. В течение последних нескольких недель в американской и даже международной прессе появилось множество сообщений на эту тему. Эй-би-си уже рассказывала о злоключениях семьи Чагры в своей программе «20/20». А совсем недавно объективы ее телекамер были направлены на «Бандидос». Телекомпания воспользовалась этим случаем, чтобы еще раз напомнить о Керре, Вуде, братьях Чагра и сложном клубке их взаимоотношений. За полтора месяца до начала суда директор Управления по борьбе с наркотиками Питер Бенсинджер произнес страстную речь перед группой сотрудников своего ведомства, приехавших на совещание в Даллас. Отметив, что

«преступный мир ведет себя все более нагло», Бенсинджер сказал: «Деятельность преступных элементов достигла того уровня, когда их уже не сдерживает ни высокая цена человеческой жизни, ни страх перед общенациональным розыском».

Защита провела в Остине социологическое исследование, которое показало, что «весьма высокий процент» среди возможных кандидатов в присяжные имел информацию или придерживался взглядов, которые могли повлиять на исход дела. Среди прочего в ходе опроса выяснилось, что 28 процентов потенциальных присяжных «помнили, что имя Чагры упоминалось в связи с убийством судьи Вуда»; 22 процента считали, что Чагра, наверное, виновен во всем, в чем его обвиняло большое жюри; 56 процентов полагали, что убийство Вуда связано с «делом о наркотиках». В отчете о результатах опроса делался следующий вывод: «Отобрать жюри из двенадцати непредвзятых присяжных будет очень трудно или вообще невозможно». Приложив копию этого документа, защита внесла ходатайство о перенесении места слушаний в какой-нибудь другой город за пределами Западного округа. Судья Сешнс отклонил ходатайство без каких-либо комментариев. Он также отклонил и другое ходатайство защиты — об индивидуальном опросе кандидатов в присяжные: адвокаты хотели выяснить не только степень их знакомства с материалами, распространяемыми средствами массовой информации, но и их отношение к наркотикам и азартным играм. Сешнс был непреклонен в своем решении начать судебный процесс в намеченный срок.

Имея в своем распоряжении лишь фамилии, адреса и род занятий кандидатов в присяжные, а также фамилии и род занятий их жен или мужей, обвинение и защита составили список из двенадцати присяжных — безликий и аморфный, как список погибших. В основном это были мелкие служащие — люди, привыкшие подчиняться. Четверо присяжных либо еще работали в государственных учреждениях штата, либо уже ушли на покой с административных должностей. Две из восьми женщин-присяжных были замужем за чиновниками. Один присяжный служил бухгалтером в университете штата Техас, а другой периодически работал контролером Налогового управления. Трое жили в небольших сельских поселках в 40 километрах и далее от Остина. Хотя в таком составе они и не подтверждали репутацию Остина как города жизнелюбов, они все же достойно представляли основные слои городского населения. Ведь Остин — столица штата и административный центр, в котором центральное место занимают юридические учреждения и высшие учебные заведения.

В городе, где находятся законодательные учреждения штата, преступления стали обычным явлением. Причем не только в гетто в восточной части Остина, но и там, где обитают самые образованные, самые богатые и самые могущественные. Незадолго до суда несколько окружных прокуроров из Северного

Техаса были задержаны в ночном заведении сомнительной репутации. Один окружной прокурор из Восточного Техаса был арестован в момент гомосексуальной связи в одной из боковых комнат притона, где стояли автоматы с порнографическими фильмами. Фрэнк Эрвин, председатель правления университета штата Техас, неоднократно задерживался за то, что ездил в своем оранжево-белом «кадиллаке», напившись до одурения. Несколько законодателей штата, тоже любивших прикладываться к рюмочке, отнеслись к председателю с сочувствием и объединились в борьбе за сохранение весьма либеральных законов об управлении транспортом в нетрезвом состоянии. Два бывших спикера законодательного собрания штата были привлечены к судебной ответственности за взяточничество, и один из них был осужден. Бывший губернатор штата и его бывший заместитель едва избежали аналогичных обвинений. Один законодатель из Западного Техаса был признан виновным в краже почтовых марок на несколько тысяч долларов, которые он затем использовал для покупки пикапа. А один сенатор, которого «застукали», когда он принимал кокаин с каким-то лоббистом, сослался в свое оправдание на Товлулу Бэнкхед *, которая как-то изрекла: «Я знаю, что к этому [употреблению кокаина] не привыкаешь, потому что сама делаю это каждый день вот уже полгода». В Остине очень любили все раскладывать по полочкам и строго классифицировать все преступления. Эта классификация включала: преступления без пострадавших, преступления «белых воротничков», организованную преступность, преступления, совершенные в порыве ревности, преступления по незнанию, «классовые» преступления, преступления из сострадания и преступления, которые вовсе и не являются таковыми. Местные политические деятели любили повторять: «Вы в полной безопасности до тех пор, пока вас не застали в постели с мертвой женщиной или живым мужчиной». Таким образом, все в городе считали, что факт преступления имеет место только в том случае, если вас поймали с поличным.

Суд над Джимми Чагрой начался в среду 1 августа. Стояла изнуряющая жара, столь характерная для Остина в это время года. Столбик термометра подскочил чуть ли не до 38 градусов, а влажность составляла почти 100 процентов. В строгом здании суда, построенном еще в 40-х годах, были кондиционеры, но этого не чувствовалось: в зале было так жарко и душно, что, казалось, плавилась кожа на ботинках. Присяжные обмахивались бумажными бланками и отчаянно боролись с дремотой. Единственным человеком в зале, сохранявшим бодрость духа, был судья Сешнс, который по каким-то непонятным причинам распорядился, чтобы все мужчины были в пиджаках.

Джимми Чагра пришел на суд преображенным. Вместе с

* Известная американская актриса театра и кино 30-х—40-х гг.— *Прим. перев.*

усами а-ля Запата* исчезла и значительная часть пышной черной шевелюры. На нем был строгий деловой костюм, который был велик по меньшей мере на один размер, и минимальное количество украшений. Он выглядел теперь моложе, меньше ростом и безобиднее. Его основной адвокат Оскар Гудмен был в клетчатом спортивном пиджаке, что делало его похожим на ведущего телевикторины. Лишь немногие из присяжных знали, что репутацию умелого адвоката Гудмен приобрел в основном на процессах по делам разных «донов» из мафии. Несмотря на это, его кандидатура отнюдь не была лучшей для ведения этого дела. Его быстрая речь филадельфийского сноба вряд ли могла вызвать симпатии у жюри, состоявшего из мелких служащих. Тщательно причесанный и напомаженный, Джо Чагра в своем роскошном летнем костюме выгодно отличался и от обвиняемого, и от коллеги по защите. В таком виде он предстал не случайно: Джо хотел выглядеть симпатичным, опрятным и серьезным человеком. И именно эти качества, по замыслу защиты, присяжные должны были разглядеть и в его брате Джимми. Джо Чагра был лишь помощником Оскара Гудмена, поэтому в течение всего процесса практически и рта не открывал. Но уже одно его присутствие за столом защиты всех успокаивало. Особенно если учесть, что в зале сидели женщины из семьи Чагры, увешанные драгоценностями и в дорогих платьях от модных модельеров.

Джеми Бойд должен был участвовать в процессе в качестве свидетеля защиты, и это обстоятельство не позволяло ему активно подключиться к работе обвинения, чему он втайне был рад: федеральный прокурор предпочитал контролировать ход событий, оставаясь в тени. Парадом командовал он, что бы там ни говорили непосвященные. Джеми Бойд уже давно ждал момента, когда можно будет окончательно разделаться с кем-нибудь из семьи Чагры. И вот этот момент настал. Больше того, он получил беспрецедентную возможность применить в отношении Джимми Чагры «закон о главаре банды». Вот уже несколько дней прокурор лично натаскивал своего главного свидетеля Генри Уоллеса, которому уже удалось во многом убедить самих обвинителей. Теперь же, когда Уоллес начнет красочно описывать свои крупные контрабандистские операции присяжным, те тоже быстро поймут, что уже давно понял Бойд: что бы ни натворил сам Уоллес, его деяния не шли ни в какое сравнение с преступлениями Джимми Чагры.

К концу первого дня дачи показаний Уоллесу удалось заложить прочный фундамент, на котором обвинение могло теперь спокойно строить запроектированное здание. Уоллес был похож на неуклюжего мишку из мультфильма, без запинки

* Эмилиано Запата (1873—1919)—мексиканский национальный герой, руководитель крестьянского революционного движения.— *Прим. перев.*

рассказывавшего о тоннах марихуаны, миллионах долларов и о том, как Джимми Чагра, их босс, всех их «надувал». Присяжные верили каждому его слову. Джимми же слушал показания Уоллеса со снисходительной улыбкой, а иногда и просто смеялся. Судья Сешнс не раз вынужден был предупреждать обвиняемого, что судебный процесс — не балаган. Уоллес сказал, что познакомился с Джимми Чагрой летом 1977 года в доме Лесли Харриса, где несколько контрабандистов и дилеров выяснили, куда подевались деньги, вырученные от продажи партии марихуаны.

Карл Пирс — прокурор, назначенный Джеми Бойдом для изложения обстоятельств дела обвинением,— тут же воспользовался предоставленной ему возможностью поставить точку над «i».

Пирс: Когда вы впервые познакомились с мистером Чагрой... что вы ему сказали?

Уоллес: Прежде всего я спросил у него: «Вы босс? Вас зовут Джимми Чагра?»

Пирс: И что же он ответил?

Уоллес: Он ответил «да».

Карл Пирс так же хорошо разбирался в тонкостях «закона о главаре банды», как и его предшественник Джеймс Керр. Это он уговорил Сешнса разрешить добавить к уже предъявленным обвинениям еще и обвинение, подпадающее под этот закон. Прокурор объяснил судье, что обвинение в «продолжительной преступной деятельности» не было предъявлено прежде всего потому, что тогда у них не было главного свидетеля. А теперь он у них есть. Сешнс отклонил ходатайство защиты с требованием назвать фамилию этого нового свидетеля. Она не была названа и в самом конце судебного разбирательства (кто знает, может быть, его вообще не было).

Участники преступного сговора по очереди рассказывали жуткие истории, и все называли Джимми Чагру «боссом». Некоторые показания противоречили друг другу, но в целом звучали весьма впечатляюще, тем более что никто из присяжных никогда еще не слышал признаний матерых торговцев наркотиками.

Защите удалось установить несколько важных моментов. Так, она акцентировала внимание присяжных на том, что все свидетели обвинения пользовались иммунитетом. Кроме того, даже если предположить, что все они говорили правду, многое в их показаниях свидетельствовало о том, что Джимми Чагра не получал «существенных» доходов, а напротив, терпел колоссальные убытки. Единственными, кто остался в барышах от продажи партии кокаина, были как раз свидетели обвинения Генри Уоллес, Дадли Коннелл и Пол Тэйлор. У Чагры действительно было много денег, когда он переехал в Лас-Вегас, но это не противоречило утверждению защиты о том, что он был просто ловким и удачливым профессиональным игроком. Защита подчеркнула, что сейчас, когда свидетели обвинения дают показания, пользуясь правом иммунитета, они действуют исключительно по указке властей. Так, был момент, когда в ходе перекрестного допроса Ричард Янг вдруг брякнул: «Я все забыл!» Во время перерыва обвинители и агент из Управления по борьбе с наркотиками отвели Янга в сторону и, видимо, хорошенько объяснили, что с ним произойдет, если он еще раз все забудет.

В течение следующих нескольких дней обвинение вызывало в суд множество государственных служащих, офицеров береговой охраны и клерков, которые лишь подтверждали показания других свидетелей. Офицеры с катера «Стедфаст» рассказали, как поднялись на борт «Мисс Конни» и «Эко-песка IV» и задержали контрабанду. Командир корабля береговой охраны «Кейп Шоулуотер» рассказал, как задержал судно «Донья Петра». Никто из офицеров не представил прямых доказательств, которые указывали бы на причастность Джимми Чагры к этим трем судам (их экипажи уже давно исчезли), но присяжные помнили показания Генри Уоллеса, который сказал, что Джимми Чагра имел к ним прямое отношение. Вес захваченного груза впечатлял: около 2400 тюков по 22 килограмма каждый. Обвинение попросило судью разрешить продемонстрировать эти тюки всем присутствовавшим, но Сешнс отклонил просьбу, опасаясь, что жара и едкий запах травы могут парализовать работу. В ходе разбирательства были представлены выписки из журналов телефонных станций, протоколы американских и багамских таможенных служб, выписки из книг регистрации гостей в отелях и пассажиров в аэропортах и десятки других документов. И все это делалось для того, чтобы доказать, что контрабандисты действительно занимались контрабандой и именно в то время, какое было указано обвинением.

Пока Оскар Гудмен вел перекрестный допрос последнего свидетеля обвинения, Джо Чагра сидел и думал о Джиме Френче. Где он сейчас? Почему его нет на скамье подсудимых? Незадолго до процесса Джо Чагра разыскал Френча в Руидосе (штат Нью-Мексико) и спросил в лоб, какую сделку он заключил с властями. Френч ответил, что никакой сделки не заключал. Судебные власти даже не допросили его. А ведь не секрет, что Управление по борьбе с наркотиками уже давно охотилось за Французом. Может быть, они хотят арестовать его и судить отдельно, не предоставляя ему свидетельского иммунитета, поскольку у обвинения и так доказательств предостаточно? Защита хотела было вызвать Френча в суд в качестве собственного свидетеля, но потом передумала: слишком рискованно. Как потом выяснилось, это был один из грубейших промахов адвокатов. Почти год спустя, в августе 1980 года, в ходе отдельного процесса по делу Френча тот показал, что боссом был не Джимми Чагра, а Генри Уоллес. И Ричард Янг это подтвердил. Не Чагра, а Уоллес разыскал тогда Френча и уговорил присоединиться к участникам сговора. Именно Уоллес

нанял Ричарда Янга и убедил его раздобыть пятнадцать тысяч долларов на покупку нового самолета. На процессе по делу Джимми Чагры Уоллес умолчал, что Янг *уже* состоял в его организации. Именно Уоллес договорился о регистрации самолета «аэрокоммандер» на имя Янга. Это он поставил новые топливные баки и раздобыл 60 000 долларов, одолжив их во Флориде у человека, с которым имел какие-то финансовые дела и раньше.

«Практически вся операция была задумана и осуществлена Уоллесом,— сказал Френч.— Он достал деньги, продумал все детали и отправился в Колумбию. Джимми оказался нужным лишь потому, что знал людей, которые могли выгрузить марихуану. Всем явно заправлял Уоллес, а не Джимми. Никто из здравомыслящих людей не стал бы работать на Чагру. Ведь он обманщик и вор. *Никто* в нашем бизнесе ему не доверял». Янг сказал, что всегда считал Чагру «фраером». Но почему тогда Янг не сказал об этом на судебном процессе по делу Джимми? «Меня никто об этом не спрашивал»,— ответил он. Одной из причин столь неудачной защиты Джимми Чагры Оскаром Гудменом и Джо Чагрой было то, что так называемый «главарь банды» сам слишком мало знал о роли Генри Уоллеса во всей этой операции.

Второй серьезной ошибкой адвокатов было то, что они не сумели глубоко продумать собственную линию защиты. Какие бы веские доказательства ни предъявило обвинение, у защиты все еще оставалась возможность спустить все на тормозах: она могла сказать, что, даже если их подзащитный и доставил нелегально некоторое количество марихуаны для Генри Уоллеса, он не был замешан в более серьезном преступлении — контрабанде кокаина. Управление по борьбе с наркотиками признало, что у Джимми Чагры не было найдено «ни грамма кокаина». Но дело тут было в другом. Джимми, видимо, хотел совместить две несовместимые вещи. С одной стороны, он хотел, чтобы его признали невиновным, а с другой — страстно желал, чтобы все считали его настоящим боссом. Вот почему он настаивал, чтобы адвокаты продолжали доказывать, будто настоящими преступниками были неразборчивые в средствах агенты из Управления по борьбе с наркотиками и их марионетки — участники преступного сговора. Не послушавшись совета адвокатов, Джимми Чагра решил сам выступить с показаниями. «Нам так хотелось верить, что он справится с этим,— сказал впоследствии Джо Чагра.— Мы знали, что ему могут задать множество вопросов, на которые он просто не сможет ответить. Но в то время нам казалось, что это единственное, что могло бы его спасти».

Выступление Джимми Чагры завершилось полным провалом. Даже тогда, когда вопросы задавал Оскар Гудмен — его собственный адвокат, относившийся к нему с дружеским расположением,— Чагра вел себя с вызывающей наглостью. Когда же за него принялись обвинители, ответы Чагры были столь заносчивы, что даже его друзья в задних рядах восприняли это с негодованием. Джимми заявил, что никогда не занимался контрабандой наркотиков. *Никогда!* Все свои деньги он выиграл. Он даже не подозревал, что его друг Генри Уоллес — торговец наркотиками. Он принял его за простого фермера. Он был едва знаком с Джимом Френчем и думал, что тот тоже занимается чем-то в этом роде. С Ричардом Янгом он встречался лишь однажды, а остальных и в глаза не видел. Рассказ Дадли Коннелла и Пола Тэйлора о том, что они якобы встретились с ним в мотеле в Форт-Лодердейле, где он передал им полкило кокаина,— вранье, как и показания Джада Майера о том, будто он был лоцманом на командирском судне Джимми. Джимми не мог объяснить происхождения документов, представленных обвинением в подтверждение того, что он сотни раз звонил из дома в Форт-Лодердейл, где жили другие участники сговора. Наверное, кто-то воспользовался его телефоном. Что же касается тридцати четырех счетов за международные телефонные разговоры, которые велись из его квартиры с Республикой Колумбией, то, по словам Чагры, это объясняется тем, что у него там живет много «приемных детей». Нет, он не мог вспомнить ни одного детского имени, равно как и объяснить, почему он, как правило, звонил им среди ночи. Зато он вспомнил нечто другое. Он вспомнил, что, когда Уоллес был в Колумбии (он не знал, чем он там занимался), жена Уоллеса Бетти, жила в «Хилтоне» в Форт-Лодердейле. «Она приходила ко мне каждый день... и пользовалась моим телефоном, потому что, по ее словам, они остались без гроша»,— сказал Джимми, предоставив присяжным самим разбираться, как это женщина без гроша в кармане умудрилась в течение двух с половиной месяцев жить в одном из самых роскошных отелей Флориды.

Чагра, конечно, не знал, что у обвинения уже были все сведения, касающиеся обстоятельств выдачи заграничного паспорта Бетти Уоллес, проживания ее в отеле и приобретения билета на самолет. А эти документы неоспоримо доказывали, что она находилась во Флориде ровно три дня перед вылетом в Колумбию для встречи с мужем. Он также не догадывался, что Бетти была готова лично показать в суде, что едва знакома с Джимми Чагрой, а в доме у него вообще никогда не бывала.

Несмотря на то что судья Сешнс еще в самом начале процесса запретил всем его участникам обсуждать ход судебного разбирательства с посторонними, Джимми свободно общался с репортерами во время перерывов. Обычно он говорил о семье: Лиз — его жена — ожидала ребенка, который должен был родиться со дня на день. Несколько позже, когда судебный процесс уже приближался к концу, он рассказал журналистам захватывающую историю о том, как несколько дней назад случайно столкнулся с Генри Уоллесом в одном баре. Уоллес был с Ричардом Янгом и двумя проститутками. Он явно

«нагрузился», так как только что опрокинул пятнадцать рюмок водки. Джимми немало удивился, когда увидел, что главный свидетель обвинения спокойненько разгуливает по городу. Он думал, что Уоллес сидит в тюрьме или по меньшей мере находится под постоянной охраной полиции. После минуты напряженного молчания Уоллес бросился к Джимми, обнял его и заплакал. Джимми стало жалко Уоллеса, и он дал ему 300 долларов.

— Но это противоречит здравому смыслу,— сказал интервьюировавший его корреспондент «Эль-Пасо таймс» Стивен Питерс.— Зачем давать деньги человеку, который изо всех сил старается засадить вас в тюрьму?

— Если бы вы знали меня получше, то поняли бы, что никакого противоречия здравому смыслу здесь нет,— ответил Джимми, загадочно улыбаясь.— Я всегда раздаю людям деньги. Я могу дать сотню долларов простому чистильщику обуви, если мне скажут, что он с женой и ребенком сидит без денег, как Уоллес.

Остальные детали этой странной истории всплыли несколько позже, когда допрос свидетелей продолжился. По всей вероятности, Чагра действительно случайно столкнулся с Уоллесом в баре, однако дальнейший ход событий излагался ими поразному: Чагра утверждал, что Уоллес занимался вымогательством, а Уоллес — что Чагра пытался всучить ему взятку. По словам Чагры, Уоллес вызвался изменить свои показания и заставить сделать это и Янга за 300 000 долларов. «Уоллес не оставил мне никакого выбора»,— сказал Чагра, обращаясь к присяжным. Уоллес сказал, что если Чагра откажется, то он поможет агентам из Управления по борьбе с наркотиками сфабриковать новое дело, в котором Джимми будет уже обвиняться в убийстве судьи Джона Вуда. (Это был один из тех редких случаев, когда имя Вуда вообще упоминалось в присутствии присяжных.) Затем место для дачи показаний занял Уоллес, который подтвердил факт их случайной встречи, но сказал, что это Чагра пытался всучить ему взятку. Он отрицал все, что касалось заговора агентов из Управления по борьбе с наркотиками, но признал, что получил от Джимми 1000 долларов, которые затем передал обвинению.

Присяжным понадобилось менее двух часов, чтобы признать Чагру виновным в «продолжительной преступной деятельности», а также по всем другим пунктам обвинения. Судья Сешнс освободил Джимми под залог в 400 000 долларов, объявив, что вынесение приговора состоится 5 сентября. Но выслушивать приговор в намерения Чагры не входило. Через неделю после суда он бесследно исчез. Пошли слухи, будто Джимми и Лиз сбежали в Мексику, а возможно, и в Колумбию, где их взяли под защиту торговцы наркотиками. Все считали, что в прошлый раз в Лас-Вегасе Джимми проиграл бо́льшую часть своих денег (хотя, конечно, не все), потому что в противном случае он мог бы внести один миллион долларов — сумму залога, объявленного весной прошлого года Вудом. Новый залог в 400 000 долларов был внесен его поручителем Виком Аподакой после того, как Джимми предъявил ему бриллианты на сумму в один миллион долларов.

К январю ФБР уже поместило фотографию Джимми Чагры на плакат с изображением десяти самых опасных преступников, разыскиваемых полицией. Под фотографией указывалось, что преступник вооружен и опасен. Хотя точная сумма и не называлась, агенты ФБР и Управления по борьбе с наркотиками намекнули всем осведомителям, особенно в Лас-Вегасе, что за информацию, которая приведет к аресту Чагры, будет выплачено крупное вознаграждение. Кое-кто из агентов верил, что рано или поздно Джимми обязательно появится в Лас-Вегасе, что и случилось в действительности. В конце февраля Джимми, Лиз и их двое детей, разъезжавшие по стране в домике на колесах, незаметно приехали в Лас-Вегас и поселились в номере дешевенького мотеля на Стрипе. Джимми связался с одним знакомым официантом из казино и попросил его купить несколько париков. Но тот побежал не в лавку, а к Джозефу Капале, исполнявшему обязанности начальника местного отделения Управления по борьбе с наркотиками. Капале, еще один агент из управления и несколько местных полицейских окружили мотель. Вскоре оттуда вышел Джимми и сел в белый «шевроле», который за несколько дней до этого видели перед его домом в Парадайз-Вэлли. Чагра пополнел и отрастил бороду, уже тронутую сединой, но агенты его тут же узнали. «Когда я увидел, как Чагра выходит из мотеля,— вспоминал потом Капале,— я подпрыгнул от радости метра на два». Агенты догнали «шевроле» и прижали его к бровке. Джимми вышел с поднятыми руками и отчаянно закричал, что у него нет оружия. В коробке из-под бумажных салфеток, лежавшей на переднем сиденье, они нашли 187 000 долларов наличными. Зачем Чагре понадобилось возвращаться в Лас-Вегас? Никто не мог с уверенностью ответить на этот вопрос. Говорили, будто он приехал делать пластическую операцию (в Лас-Вегасе был хирург, который изменял внешность всяким темным личностям), но в последний момент передумал. Сам же Джимми утверждал, что приехал в Лас-Вегас исключительно для того, чтобы добровольно сдаться властям.

На ближайшем судебном заседании судья Сешнс приговорил Джимми к тридцати годам тюремного заключения без права на условно-досрочное освобождение, и в апреле 1980 года за 35-летним Джимми Чагрой надолго закрылись ворота федеральной тюрьмы в Ливенуорте.

29

1980 год был годом президентских выборов, и Джеми Бойд сознавал это лучше других. Подобно некоторым животным,

способным предчувствовать грозящую им опасность по малейшим атмосферным изменениям или едва уловимым вздрагиваниям земли, федеральный прокурор всем своим нутром чувствовал надвигавшуюся катастрофу. Республиканцы должны были почти наверняка выдвинуть на пост президента Рональда Рейгана. Но даже если этого и не произойдет, Джимми Картер, а вместе с ним и его партия наверняка лишатся власти. Бойду нужно было протянуть на государственной службе всего пару лет, чтобы можно было уйти на покой с полной пенсией. Но если политическое чутье не обманывало его, то уже в январе он мог лишиться должности.

С момента покушения на Джеймса Керра прошло полтора года, а со дня убийства судьи Вуда — год. Уже приближался к концу срок полномочий большого жюри, а проводимое им расследование не дало практически никаких ощутимых результатов. Осенью прошлого года одно время казалось даже, что работа проходит успешно. Директор ФБР Уильям Уэбстер совершил тогда символическую поездку в Сан-Антонио, чтобы ровно через полгода почтить память Вуда. Он сказал тогда журналистам: «Мы ведем тщательнейшее расследование, и оно продвигается медленно. Это очень трудная работа, поскольку она не дает быстрых результатов. Расследование подобных дел требует терпения». Хотя большое жюри и допросило множество темных личностей, включая известного в преступном мире Бостона Сальваторе Микаэля Каруану и наемного убийцу Чарлза Харрелсона вместе с его супругой Джо-Энн, никого из них нельзя было с полным основанием заподозрить в причастности к этим преступлениям.

Бойд был убежден, что за покушением на Керра и убийством Вуда стояло одно и то же лицо или группа лиц. Он был абсолютно уверен, что во всем этом замешано семейство Чагры, но у прокурора не было никаких доказательств.

Кто-то, конечно, должен был координировать расследование, но ФБР действовало фактически самостоятельно, что, по мнению Бойда, было направлено на подрыв его авторитета и на его дискредитацию. Он считал, что ФБР просто завидует ему, и это заставляло прокурора действовать с еще большей решимостью. По некоторым сведениям, ФБР ввело более 150 000 единиц информации по делам об убийстве Вуда и покушении на Керра в компьютеры Национального центра информации о преступности, но Бойд знал, что у них не было ни одного вещественного доказательства. Произведя экспертизу осколков, извлеченных из тела Вуда, ФБР установило, что выстрел был произведен из мощной винтовки калибра 0,243 — весьма популярной среди охотников на оленей. Но полной уверенности в этом не было, так как существовало по меньшей мере еще три типа винтовок такого же калибра. ФБР составило также шесть портретов людей, которые, по сообщениям очевидцев, находились поблизости в момент убийства судьи Вуда. Имелись также сведения о том, что в этом же районе были замечены две автомашины; красная малолитражка и золотистый седан. Но все это говорило лишь о том, что до верных следов было еще далеко. Если раньше делами об убийстве Вуда и покушении на Керра одновременно занималось пятьдесят агентов, то сейчас эту работу делали лишь двенадцать человек, которым, разумеется, помогали из Вашингтона, а также сорок оперативных работников на местах. Незадолго до этого Вашингтон направил в Сан-Антонио опытнейшего сотрудника ФБР Джека Лоуна, который в свое время вел дело об организованной преступности в Канзас-Сити, а еще раньше участвовал в расследовании убийств Мартина Лютера Кинга и Джона Кеннеди. Хотя назначение Джека Лоуна было воспринято Бойдом как доброе предзнаменование, он по-прежнему относился к ФБР с недоверием, которое порой перерастало в отвращение или даже ненависть. Бойд твердо верил, что если дела об убийстве Вуда и покушении на Керра когда-нибудь и завершатся успешно, то произойдет это лишь благодаря его стараниям и что все упирается теперь в один весьма важный фактор — время.

Но был еще и другой немаловажный фактор — расходы. И с этим фактором приходилось считаться любому политическому деятелю. Средства массовой информации не раз называли проводившееся расследование «самым тщательным» со дня убийства президента Кеннеди. Теперь стало ясно, что оно было и самым дорогостоящим. Точная цифра все время корректировалась, но в ходе недавнего интервью с федеральным шерифом Руди Гансой, выяснилось, что власти уже истратили три миллиона долларов на одну круглосуточную охрану судей и прокуроров в Западном округе штата Техас.

В конце мая 1980 года, за несколько недель до окончания срока полномочий большого жюри, Бойд получил из Вашингтона разрешение сформировать специальное большое жюри с чрезвычайно широкими полномочиями, предусматриваемыми законами о борьбе с организованной преступностью. Это специальное большое жюри могло функционировать в течение трех, а не полутора лет, как обычно. Кроме того, оно могло предоставлять свидетелям обвинения иммунитет. В случае же, если они все равно будут отказываться давать показания, оно могло держать их в тюрьме в течение всего срока своих полномочий.

В августе Джо Чагра отправился в Сан-Антонио со своим клиентом Леоном Николсом, отцом Лиз Чагра. Большое жюри хотело допросить Николса о его возможных встречах или контактах с дочерью Лиз и зятем Джимми, когда тот «был в бегах». Джеми Бойд воспользовался этим для того, чтобы вызвать в суд для дачи показаний большому жюри и Джо Чагру. Это так разозлило Джо, что он обрушился с гневными тирадами в адрес всех участников расследования — как в зале, где заседало большое жюри, так и за его пределами.

В ходе пресс-конференции в тени здания федерального суда

имени Джона Вуда (как оно теперь стало называться) Джо Чагра сказал репортерам: «Людей, которые ненавидели Вуда,— миллион, поэтому убийцу поймать не удастся».

Здесь ему можно было бы и остановиться, но Джо этого не сделал. «Я уже устал наблюдать, как против моего брата фабрикуют одно ложное обвинение за другим,— продолжал он.— Судя по всему, большое жюри уже пришло к выводу, что Вуда убил Джимми. Им лишь осталось собрать необходимые доказательства. Я сказал им: «Послушайте, вы всего лишь орган, проводящий расследование. От вас требуется изучить сначала все имеющиеся доказательства, а затем уже решать, кого можно обвинить в преступлении». Я хотел бы видеть хотя бы намек на доказательство соучастия Джимми в преступлении. Каждый день я беру в руки газету и вижу там одно и то же: «Вуд, Чагра, Вуд, Чагра, Вуд, Чагра!» Джеми Бойд сказал мне: «Такого рода информацию мы прессе не сообщаем». Кто же тогда это делает? Не ветер же».

Узнав об этих замечаниях Джо Чагры, Джеми Бойд, который обычно отказывался комментировать работу большого жюри, решил сделать исключение. В беседе с представителями прессы он заявил: «Меня шокируют злобные и безответственные нападки на принявшего мученическую смерть члена судейской корпорации от члена коллегии адвокатов. Такие ядовитые и полные ненависти высказывания может позволить себе лишь человек с психикой преступника...» Он призвал коллегию адвокатов штата принять против Чагры дисциплинарные меры.

В тот же день Джеми Бойд решил разыграть свою козырную карту.

30

За два года Джо Чагра постарел так, словно прошла целая вечность. Раньше он был похож на беспечного парня, пришедшего по объявлению на пробную съемку для «Вестсайдской истории»: напускная развязность, скрывающая некоторую неуверенность в себе, нарочитое «суперменство», чуть нагловатый взгляд сквозь темные очки от солнца и сигарета, небрежно свисающая с нижней губы, но вместе с тем какая-то первозданная свежесть и чистота. Теперь же, когда Ли уже не было в живых, а Джимми мог просидеть за решеткой до самой смерти, Джо волей-неволей стал главой семьи — нравилось это ему или нет. Он отрастил волосы и стал тщательно за ними ухаживать. Лицо его огрубело, возможно оттого, что он снова стал употреблять кокаин и другие наркотики. Но вместе с тем в нем чувствовалась теперь какая-то зрелость, нечто большее, чем напускная смелость и самодовольство. Впервые в жизни Джо Чагра получил возможность принимать самостоятельные решения. Впрочем, иного выбора у него и не оставалось. Он научился говорить твердым голосом, перестал позировать и стал более

требовательным и суровым. При взгляде на Джо Чагру невольно вспоминался Аль Пачино* в «Крестном отце».

До сих пор Джо не приходилось особо выбирать или привередничать. Семья Чагры жила по установившимся канонам и традициям, и Джо оставалось лишь смириться с судьбой. В свое время он хотел стать врачом, а не адвокатом. Он очень старался хорошо учиться в последних классах школы, но попасть в медицинский колледж ему так и не удалось. Джо послушался совета старшего брата Ли и подал заявление на юридический факультет Хьюстонского университета, куда и был принят. Не последнюю роль в этом сыграли старые друзья Ли, которые кое с кем переговорили и кое на кого нажали. Ли пришлось потом еще раз кое с кем переговорить и кое на кого нажать, чтобы Джо не призвали в армию: сначала он устроил «арест» Джо за незаконное хранение огнестрельного оружия, а затем договорился о прекращении его «дела». К тому времени, когда Джо окончил юридический факультет, Ли уже все решил за него и лишь ознакомил брата с условиями работы в их адвокатской конторе. Все решения принимал Ли, а Джо лишь делал то, что велели.

Если бы у Джо Чагры была собственная адвокатская контора, он вряд ли стал бы заниматься лишь делами клиентов, обвиняемых в преднамеренном убийстве или контрабанде наркотиков в больших размерах. Но так получилось, что первые несколько лет его работы в их конторе были посвящены исключительно такого рода делам.

Ли всегда отводил Джо только второстепенные роли, и Джо с этим мирился, потому что в их семье было так заведено. Во всем соблюдалась своеобразная субординация. Поскольку Пэтси родилась девочкой, ей было положено сначала накрывать на стол, усаживать братьев, а потом уже присаживаться самой. Точно так же и Джо должен был делать то, что полагалось младшему брату, и не более. Такое подчинение сохранялось у их народа веками. Служба, сделки, азартные игры, женщины — все это были дела, касавшиеся всей семьи, в семье же все делалось так, как говорил Ли. Джо на всю жизнь запомнил (хотя и простил потом), как повел себя Ли, когда он признался ему, что впервые в жизни влюбился. Ли тогда не только переспал с его девушкой, но и рассказал ему об этом при первом же удобном случае, как бы подвергая младшего брата самому суровому испытанию на верность семье. Ли пытался даже соблазнить невесту Джо — Пэтти. Та, правда, была уверена, что Ли хотел лишь продемонстрировать, что действительно мог это сделать, что имел на это право.

До убийства Ли Джо был тенью старшего брата. Теперь он стал тенью среднего, покорно смирившись с судьбой, которая

* Американский актер, сыгравший одну из заглавных ролей в этом нашумевшем в США фильме о мафии.— *Прим. перев.*

распорядилась так, чтобы он встал на путь, отнюдь его не устраивавший.

Судьба, оказавшаяся к нему очень несправедливой, поставила его перед лицом надвигавшейся катастрофы. Джо Чагра совершенно не был к этому подготовлен. Лу Эспер — человек, убивший Ли,— получил за это всего пятнадцать лет. Когда он будет разгуливать на свободе, Джимми придется ждать еще лет двадцать пять, прежде чем он сможет подать всего лишь прошение об условном освобождении. Не проходило и недели, чтобы кто-нибудь не звонил Джо или не присылал письма с предложением «прикончить того типа, что убил твоего брата». В последнее время стали предлагать, хотя и завуалированно, убить Генри Уоллеса. Видимо, Джо придется теперь иметь дело и с этими проблемами. Теперь, когда Джимми стал одним из объектов расследования по делу об убийстве Вуда, Джо нужно было тщательно анализировать все предложения, поступавшие от множества темных личностей, которые утверждали, будто имеют информацию об этом преступлении. Когда Джеми Бойд неожиданно вызвал Джо для дачи показаний большому жюри, чувство отчаяния и беспомощности вырвалось наконец наружу. Он понимал, что не должен был говорить всего этого представителям прессы, хотя и не жалел, что излил душу большому жюри. Опыт подсказывал Джо, что он не ошибся в своих подозрениях: похоже, федеральные власти были в панике.

За несколько месяцев до вызова в суд для дачи показаний большому жюри с Джо приключилось нечто совершенно неожиданное, хотя внутренне он был уже готов к этому. Как-то ему позвонил старый друг семьи Билли Кабрера и попросил заехать на минутку: он хотел познакомить его с одним человеком. Им оказался Чарлз Харрелсон. Имя было знакомо, потому что прошлой осенью Харрелсон вместе со всеми давал показания большому жюри. Хотя все подозрения в причастности к убийству Вуда были с него, видимо, сняты, Харрелсон выставил себя в разговоре с Джо эдаким «государственным преступником № 1» или по меньшей мере человеком, на которого падает главное подозрение. «Узнав об убийстве Вуда, я понял, что надо сматываться,— сказал Харрелсон.— Я уже отсидел за мокрое дело и теперь был на свободе». Все знали, что за голову Вуда был назначен выкуп, продолжал Харрелсон. Затем он сказал, что ни разу не встречался с Ли и лишь однажды разговаривал с ним по телефону. Джимми же он знал: их познакомили за несколько недель до убийства. Вот почему Харрелсону было известно, что он находится под подозрением, хотя большое жюри и освободило его от обвинений. У него, конечно, было алиби: семь человек, включая его собственную жену и падчерицу, показали большому жюри, что в то утро, когда был убит Вуд, Харрелсон находился в Далласе. У Джо сложилось впечатление, будто Харрелсону такая популярность даже нравилась. Харрелсон пару раз намекнул, что убийца Вуда ему очень

симпатичен. Когда же он стал говорить о самом убийстве, в его голубых глазах появился стальной блеск. В какой-то момент Джо подумал, что Харрелсон приехал в Эль-Пасо лишь для того, чтобы шантажировать их семью. Но потом выяснилось, что цель его приезда была иная. Два месяца назад Харрелсона арестовали в Хьюстоне за незаконное хранение оружия и наркотиков, и вот теперь он хотел, чтобы Джо стал его адвокатом. Прослышав о высокой репутации Ли в таких делах, Харрелсон решил, что талант старшего брата передался теперь младшему. Но Джо Чагру в тот момент больше всего интересовал не сам Харрелсон, а его кокаин. Джо в то время настолько пристрастился к «пудре», что уже тратил на нее по сто долларов ежедневно. Вот почему он тут же согласился быть адвокатом Харрелсона.

Джо прежде всего усомнился в правомочности ордера на обыск, которым воспользовались для получения вещественных доказательств в момент задержания «линкольна» Харрелсона в феврале месяце. Полицейские и агенты из федерального Бюро по алкогольным напиткам, табачным изделиям и огнестрельному оружию изъяли тогда из машины два пистолета калибра 0,357, кольт 38-го калибра, ружье с нарезным стволом и винтовку «уэзербай» калибра 0,300 с оптическим прицелом. Кроме того, там было обнаружено небольшое количество кокаина и шулерские принадлежности: наполненные свинцом кости, крапленые карты и т. д. Хотя в то время Харрелсон жил с женой Джо-Энн в одном из роскошных домов, принадлежавших жилищному кондоминиуму «Престон-тауэрс» в Далласе, он совершал регулярные поездки в Хьюстон, где играл в азартные игры. Харрелсона часто сопровождал один его старый дружок по имени Хемптон Робинсон — богатый наркоман, пристрастившийся к героину и обожавший «веселую» жизнь, который, судя по всему, и «заложил» его. Перед отлетом в Даллас Харрелсон оставил свой «линкольн» Робинсону. Когда же он вновь прилетел в Хьюстон и сел за руль, его неожиданно остановила полиция и обыскала машину. Ей, видимо, было заранее известно, что в машине спрятано оружие: у полицейских был даже серийный номер одного из пистолетов. Робинсон уже давно был не в ладах с законом: помимо пристрастия к героину, он имел судимость за участие в убийстве одного фермера в Хантсвилле. Но было и еще одно обстоятельство, побудившее его подсунуть такую свинью Харрелсону. Последний сам как-то признался, что крутит любовь с женой Робинсона Джо-Энн. Более того, Харрелсон даже воспользовался ее фамилией как своим очередным псевдонимом, выписав кредитную карточку на имя некоего Джо Робинсона. По понятным причинам уголовнику Харрелсону пришлось столкнуться с серьезными трудностями в Хьюстоне, но они не были непреодолимыми.

В течение нескольких недель после их знакомства в доме Билли Кабреры Джо Чагра и Чарлз Харрелсон встречались еще несколько раз. Харрелсон поступил на службу телохранителем

Вирджинии Фара, подруги Пэтти Чагра и вдовы одного из основателей фирмы «Фара мэньюфекчеринг». Контракт о найме составил Джо. Вирджиния Фара переживала особо трудные времена: в День памяти погибших в войнах в автомобильной катастрофе разбились насмерть ее сын, дочь и внучка. К тому же она вела долгую и изнурительную судебную тяжбу с зятем Уилли Фарой. Харрелсон (или Джо Робинсон, как он ей представился) сразу покорил вдову обходительными манерами. Он был по-мужски красив и держался чрезвычайно независимо. В стиле старомодных обольстителей он все еще открывал женщинам двери и спешил поднести зажигалку. К Вирджинии Харрелсон относился с большим терпением и вниманием и редко допускал даже малейшую грубость в ее присутствии или в присутствии других женщин. Одевался он дорого и со вкусом, был чрезвычайно аккуратен и даже педантичен, пил дорогие сорта виски и изысканные вина и даже читал книги. Летом 1980 года Харрелсон несколько раз приглашал Джо и Пэтти Чагра вместе с детьми в гости к Вирджинии Фара, которая, как он считал, нуждалась в обществе детей. Он развлекал всех всевозможными карточными фокусами, доведенными до совершенства за долгие месяцы отсидки в одиночной камере.

За лето Харрелсон успел рассказать Джо Чагре множество подробностей из своей прошлой жизни и поделиться своими нынешними проблемами. После убийства Вуда они с женой разъехались. Харрелсон вскоре заметил, что стал объектом особого внимания властей. Через две недели после убийства, сказал он, в районе «Престон-тауэрс», где он жил, стал все чаще появляться какой-то автофургон для перевозки мяса. Он был уверен, что агенты ФБР вели из него наблюдение за ним. Он знал также, что в его «линкольне» и в квартире стояли подслушивающие устройства. Это выяснилось после того, как сотрудники одной частной фирмы, занимавшейся установкой систем охраны и сигнализации, проверили по его просьбе квартиру и обнаружили подслушивающее устройство, вмонтированное в телефонный аппарат. Агенты ФБР опросили всех соседей. Они даже встретились с бывшей женой Харрелсона, которая развелась с ним лет двадцать назад, а также с бывшим мужем Джо-Энн, с которым они не виделись вот уже десять лет. Он люто ненавидел всех федеральных агентов, называя их «кровожадными собаками». Харрелсон выдвинул собственную версию обстоятельств убийства судьи Вуда, согласно которой оно было организовано Управлением по борьбе с наркотиками для прикрытия своих же преступлений. Поскольку эта версия очень смахивала на те, что выдвигались когда-то Ли и Джимми, а в последнее время и самим Джо, тот внимательно слушал излияния Харрелсона и даже соглашался с ним. Особенно когда тот доставал кокаин. Хотя сам Джо уже довольно сильно пристрастился к наркотику, проблема Харрелсона была намного серьезней: тот уже вводил кокаин внутривенно. Ему давно мерещились привидения, притаившиеся за деревьями или гаражом, и поэтому он теперь был почти всегда вооружен до зубов. Харрелсон очень быстро «отключался», теряя всякое ощущение реальности. Джо Чагра — тоже. Однажды в беседе с Джо Харрелсон сказал, что может взять на себя вину за убийство судьи Вуда, если это спасет Джимми. В начале их знакомства Джо считал, что Харрелсону ничего об этом убийстве не известно, но потом он изменил это мнение. Ведь за все это время Харрелсон ни разу прямо не сказал, что Вуда убил не он. Джо не знал, чему верить. В глубине души он все еще сомневался. Ему казалось, что Харрелсон попросту пытается шантажировать их семью. Это его несколько успокаивало: ведь были и другие, куда более страшные варианты.

В то лето Джо несколько раз навещал брата в Ливенуортской тюрьме. К этому времени он уже так сильно пристрастился к наркотикам, что практически забыл о Чарлзе Харрелсоне. Но где-то в конце июля в один из периодов просветления он осознал, что Харрелсон не явился на суд, который должен был рассматривать его дело в Хьюстоне. Джо Чагра, конечно, тоже не пришел. Таким образом, Харрелсон теперь официально считался лицом, скрывавшимся от правосудия. Поскольку Джо был одновременно адвокатом и Джимми, и Харрелсона, он неожиданно оказался в центре событий, которые вылились затем в одну из самых ожесточенных судебных схваток за всю историю Америки. Джо неожиданно для себя понял, что сам может стать объектом расследования. И помешать этому он уже не мог. Рано или поздно соучастники преступного сговора, стремясь облегчить свою участь, вынуждены будут пойти на сделку с властями, и тогда им с братом несдобровать. Джо, разумеется, был предан Джимми и готов был защищать его до конца. Помутившимся от наркотиков разумом Джо понял, что ему ничего другого не оставалось, как ждать и надеяться, что все как можно дольше будет оставаться на своих местах, отчего выиграют оба его клиента. Как, впрочем, и он сам. Он сознавал, что надежды на это практически равнялись нулю. Но другого выбора у него не было. А тем временем ему нужно было сделать все возможное, чтобы защитить Джимми.

В конце августа Харрелсон позвонил Джо Чагре и сказал, что он в ужасе: за всеми деревьями у дома Вирджинии Фара прячутся «нарки». Затем он исчез куда-то на несколько дней, а потом снова позвонил из Хьюстона и стал рассказывать еще более ужасные истории: о вертолетах, которые якобы гоняются за ним, и о маленьких человечках, которые просверлили дырки в стене его ванной в мотеле и теперь подсматривают за ним. Харрелсон настаивал на том, чтобы Джо записал на магнитофон его бессвязный, почти бредовый (хотя и не лишенный смысла) монолог, в котором тот отрицал, что они с Джимми Чагрой вступили в сговор с целью убить Вуда или кого-то там еще. В тот момент Джо, конечно, об этом не знал, но Харрелсон

нацарапал еще и «завещание» на настольном календаре в номере мотеля. В нем он просил, чтобы после смерти его кремировали, а пепел развеяли над зданием федерального суда имени Джона Вуда в Сан-Антонио — «этой жалкой пародией на храм правосудия». Далее он написал о своей любви к Вирджинии Фара, а также к другим женщинам, а в заключение, как мог, извинился: «Мне жаль. Не себя, а тех, кому я причинил боль, тех, кто любил меня, и тех, кто любил убитых мною. Но я никогда не убивал никого, кто этого не заслужил».

Через несколько дней после телефонного звонка из Хьюстона Харрелсон вновь позвонил Джо, на этот раз из мотеля в восточной части Эль-Пасо. Это, конечно, была простая случайность, но чуть раньше в тот же вечер и из этого же мотеля ему позвонил еще один человек — Уильям Мэллоу, один из бывших клиентов Ли. Тот только что сбежал из федеральной тюрьмы в Колорадо. Мэллоу уже предупреждал Джо, что готовит побег, но адвокат пропустил тогда это мимо ушей, так как знал, что тому оставалось сидеть менее двух лет. Девяносто процентов уголовников всегда говорят своим адвокатам о возможном побеге. Ли в свое время считал, что пусть лучше они толкуют о побеге, чем занимаются обсуждением более опасных планов. Но в данном случае ситуация принимала весьма интересный оборот: в одном и том же мотеле в Эль-Пасо одновременно находились два человека, скрывавшихся от правосудия, и один из них — Чарлз Харрелсон — был клиентом Джо Чагры. Чуть позже в тот же вечер Джо представил их друг другу, так как Мэллоу хотел раздобыть немного кокаина.

На другое утро Джо Чагра развернул газету — и обомлел: Мэллоу затеял перестрелку с полицейскими Эль-Пасо и теперь находится в больнице в критическом состоянии. Когда федеральные агенты узнают, что Мэллоу и Харрелсон останавливались в одном и том же мотеле (а они наверняка это узнают) и что кое-кто видел, как Джо Чагра говорил и с тем и с другим, они, разумеется, воспримут это как еще одну загадку, хотя в действительности все было простой случайностью, еще одной странностью в целой цепи ложных следов, предположений и мотивов. Но уже через две недели произошло событие, которое стало если и не отгадкой, то по меньшей мере предвестником близкого раскрытия загадочного убийства Вуда.

После того как Харрелсону едва удалось избежать ареста во время перестрелки с полицией в мотеле, он вернулся в дом Вирджинии Фара. Взяв у нее на время «корветт», он отправился на нем в Калифорнию, но очень скоро оказался почему-то на шоссе Ай-10 и теперь мчался в противоположном направлении. По дороге он время от времени делал себе инъекции, проносясь мимо «нарков» с перекошенными физиономиями, которые мерещились ему в каждой тени. Где-то к востоку от Вэн-Хорна он остановился, чтобы заправиться. Мальчик, наполнявший бак бензином, забыл закрутить пробку: видимо, он был целиком

поглощен водителем, который в это время вводил себе в вену кокаин, а также пистолетом 44-го калибра и крупнокалиберной винтовкой, которые лежали рядом с ним на сиденье. Проехав несколько километров, Харрелсон вдруг почувствовал запах бензина и услышал грохот пробитого глушителя. Он остановился, чтобы посмотреть, что с глушителем. Решив, что починить его уже невозможно, Харрелсон попытался было отбить его выстрелом из пистолета, но промахнулся и попал в заднее колесо. Проезжавшие мимо водители наблюдали прелюбопытнейшую картину: какой-то псих в старых, обрезанных до колен джинсах, без рубашки, увешанный золотыми цепочками, в сандалиях и бейсбольной шапочке пытался, облокотившись на белый «корветт», приставить к виску пистолет. Прибывшая вскоре полиция быстро выяснила, что «психом» этим был не кто иной, как Чарлз Харрелсон, скрывавшийся от правосудия. В течение шести часов он не подпускал к себе полицейских, приставив к носу дуло пистолета и бормоча что-то бессвязное. Наконец к месту происшествия была доставлена Вирджиния Фара, которая и уговорила Харрелсона сдаться. Прежде чем полиция доставила его в местную тюрьму в Вэн-Хорне, Чарлз Харрелсон сознался в убийстве Джона Вуда, а заодно и Джона Кеннеди.

31

«Козырной картой» Джеми Бойда был маленький жалкий стукач по имени Роберт Риохас, который мог получить два больших срока: двадцать лет за убийство и торговлю героином по закону штата и еще двадцать пять по федеральному закону за то, что нанял пятерых заключенных в Бексарской окружной тюрьме с целью убийства другого заключенного. Уже через несколько дней после убийства Вуда Риохас сообщил кое-какие сведения одному из агентов, который был, пожалуй, единственным в ФБР, кто верил хотя бы одному его слову. Ясно было, что Риохаса интересовало лишь одно: как бы добиться перевода из окружной тюрьмы в федеральную, где условия были помягче. Даже адвокат Риохаса Ален Браун из Сан-Антонио предупреждал, что его клиенту особо доверять не стоит. «Риохаса нельзя воспринимать всерьез,— говорил Браун.— Он имел обыкновение останавливаться у моего офиса и спрашивать секретаршу, не нужно ли кого прихлопнуть. Сегодня он рассказывает вам историю о том, как убил пятерых мафиози в Нью-Йорке, а завтра говорит уже о тайной доставке партии автоматов. Никто, находясь в здравом уме, Риохасу не поверит».

Но Джеми Бойд потихоньку начинал к нему прислушиваться. Риохасу были известны фамилии многих из составленного прокурором списка подозреваемых и их знакомых — игроков и убийц из «дикси-мафии», как окрестил ее Бойд.

Прокурор решил объявить Риохаса федеральным свидетелем

7*

и тем самым взять его под защиту закона. Он начал относиться к этому коротышке-стукачу чуть ли не с той же симпатией, что и к Генри Уоллесу, а жена прокурора Сузи даже испекла ему домашнее печенье. Но осведомитель требовал от властей много-го: 350 000 долларов наличными и пластическую операцию после суда, чтобы изменить внешность до неузнаваемости. Группа американских граждан собрала 125 000 долларов в качестве награды за поимку и осуждение убийцы Вуда. Федеральные власти, несомненно, могли и сами добавить к этому весьма значительную сумму. Один из следователей, не называя фамилии Риохаса, заявил в интервью корреспонденту далласской «Морнинг ньюс»: «То, что он [свидетель] сказал нам, доказывает все от начала до конца. Немаловажно и то, что никакого вознаграждения до осуждения [убийцы] он не просит». Поначалу Риохас, казалось, не очень-то охотно делился имеющейся у него информацией. Теперь же, когда власти были, видимо, склонны удовлетворить его требования, он стал называть фамилии. Среди них были Джек Страусс, который часто играл с Джимми Чагрой, и Лэрри Калбрет (Малыш) — головорез из Сан-Антонио, который якшался с бандой Тимми Овертона из Остина, а потом угодил в тюрьму за убийство «по контракту»* главаря банды. В тот же день, когда большому жюри давал показания Джо Чагра, в суд был вызван и Риохас. Он заявил, что в день убийства Вуда машину, на которой скрылся убийца, вел боксер из Сан-Антонио по фамилии Бобби Томас. Через несколько недель перед большим жюри предстал сам Томас, известный также под кличкой Смерть-мальчик. Он заявил, что все это — вранье. Выйдя из здания федерального суда, Томас сказал репортерам: «Риохас — обыкновенный идиот. Это знают все. Я сказал им [большому жюри], что он сумасшедший».

Но самым интригующим был рассказ самого Риохаса о двух тайных встречах: одной — незадолго до покушения на Керра, другой — вскоре после этого. На первой встрече Риохасу было сказано, что их банда собирается убить «большую шишку», федерального чиновника. Риохас заявил, что ему было предложено 100 000 долларов и выход на поставщика кокаина в Колумбии, если он добудет оружие для убийства, а затем спрячет его. Риохас, конечно, отказался. Когда его попросили рассказать более подробно об этом поставщике кокаина, Риохас заявил, что знает только одно: выход на него имели те же люди, что планировали убийство. На второй встрече, состоявшейся вскоре после покушения на Керра, все, по словам Риохаса, смеялись и говорили, что «до смерти напугали этого гаденыша» и что теперь Керр хорошенько подумает, прежде чем будет совать нос в чужие дела. Те двое, которые стреляли в прокурора, добавил Риохас, были так загримированы профессиональным гримером, что узнать их было невозможно. На этой же встрече банда обсуждала еще одно дело, «похлеще дела Керра». Позже во время вечеринки у него дома один из их банды сказал Риохасу: «Ты знаешь, на кого мы теперь нацелились? На федерального судью». Риохас даже снабдил ФБР любительскими снимками, сделанными на вечеринке. По ним можно было установить личность кое-кого из тех, кого он подозревал в причастности к убийству. Джеми Бойд, конечно, понимал, что всю эту историю мог легко придумать любой человек, читающий газеты, но Риохас рассказал ему еще кое-что такое, что в конечном итоге вылилось, как считал Джеми Бойд, в веские доказательства. Речь шла о записях в регистрационной книге мотеля «Си-ган», расположенного по другую сторону залива Копано прямо напротив загородной виллы Вуда в Ки-Аллегро.

На основании этих записей было установлено, что Лэрри Калбрет (Малыш) и другие игроки и наемные убийцы останавливались в мотеле в январе 1979 года, но потом быстро уехали, узнав, что полицейские из округа Арканзас готовят облаву. Один из служащих мотеля узнал на показанных ему фотографиях человека, очень похожего на Чарлза Харрелсона. Гости три дня подряд нанимали катер и отправлялись на нем на другую сторону залива в Ки-Аллегро. Капитан катера назвал их «большими транжирами». За несколько дней проживания в мотеле «Си-ган» эти люди около ста раз звонили в другие города, в основном в различные казино Лас-Вегаса. Узнав, что готовится полицейская облава, они тут же исчезли, бросив все свои вещи в номере. Кроме одежды, в номере остались телевизор, авиационные билеты, магнитофонные кассеты, карты и другие предметы для азартных игр, счет за вызов такси и даже бумажный пакет с собачьими консервами. То обстоятельство, что все это произошло за четыре месяца до убийства Вуда, лишь укрепило федерального прокурора во мнении, что убийцы месяцами выслеживали судью.

Все эти рассказы Риохаса не произвели большого впечатления на Джека Лоуна, недавно возглавившего отделение ФБР в Сан-Антонио. Ну и что, говорил он, что какие-то игроки и уголовники использовали номер в мотеле на побережье Мексиканского залива для игры по-крупному? Это еще не значило, что они причастны к убийству Вуда. Такие типы постоянно используют в этих целях курортные гостиницы и мотели, подобные «Си-ган», и Риохас должен был это знать. Он явно хотел выбраться из тюрьмы во что бы то ни стало. Именно поэтому, когда в день убийства Вуда к нему в камеру «случайно» заглянул защитник по назначению и сообщил ему эту новость, Риохас сразу же клюнул на приманку. За полтора года, прошедшие с тех пор, как Риохас впервые заговорил, он не только серьезно затруднил ход расследования убийства Вуда, но и подорвал репутацию целого ряда ни в чем не повинных и уважаемых

* «Контракт» — на жаргоне преступников договоренность об убийстве какого-либо лица за определенную сумму.— *Прим. перев.*

людей. Один из рассказов Риохаса привел к отставке высокопоставленного чиновника в полицейском управлении Сан-Антонио, а другой послужил основанием для отсрочки вступления в должность одного федерального судьи. Но Джека Лоуна в тот момент больше всего интересовал другой человек, подозревавшийся в убийстве судьи. Этим человеком был Чарлз Харрелсон, которого только что арестовали после его безумств близ Вэн-Хорна и которому предстояло теперь держать в суде ответ по такому количеству обвинений, что многолетнее тюремное заключение было ему обеспечено.

Вскоре после ареста Чарлза Харрелсона в Вэн-Хорне один из его хьюстонских адвокатов предложил Джеми Бойду сделку: его клиент признáет себя виновным в убийстве Вуда, но за это судебные власти должны будут выполнить некоторые условия. Во-первых, Харрелсон хотел получить гарантии, что предстанет не перед судом штата, а перед федеральным судом, поскольку законодательство штата предусматривало смертный приговор за убийство. Во-вторых, он не будет давать показаний против других и всю вину от начала и до конца примет на себя. В-третьих, он хотел, чтобы власти не приговаривали его к пожизненному заключению и чтобы наказание он отбывал в Ливенуортской тюрьме. Перси Формен заметил как-то, что самым счастливым для Харрелсона временем были годы, проведенные в Ливенуортской тюрьме. «Видимо, там он пользовался бóльшим уважением, чем где бы то ни было,— сказал Формен.— Этот наемный убийца, наверное, испускает какие-то лучи, воздействующие на окружающих. Я уверен, что он действительно счастлив там, где чувствует свою принадлежность к высшей касте».

Если бы даже министерство юстиции и согласилось пойти на сделку с человеком, убившим федерального судью, Джеми Бойд все равно помешал бы этому, так как считал, что понял, чтó скрывается за этим компромиссным предложением. Во-первых, адвокат из Хьюстона, предложивший сделку от имени Харрелсона, хотел тем самым добиться кое-чего и для себя лично. В частности, он хотел, чтобы с него сняли судимость за незаконное хранение оружия, которая мешала ему заниматься адвокатской практикой в федеральном суде. Во-вторых, легко просматривалось, к чему стремился в данном случае сам Харрелсон. Если он предстанет перед окружными судами в Хьюстоне и Вэн-Хорне, то его могут приговорить к пожизненному заключению в окружной тюрьме. А этого как раз Харрелсон и пытался избежать всю свою жизнь, поскольку условия там были тяжелые и с заключенными обращались очень жестоко. К тому же Джеми Бойд вовсе не был уверен, что Харрелсон имеет прямое отношение к убийству Вуда, хотя и мог знать, кто это сделал. Прокурор все еще шел по окольному пути, указанному Робертом Риохасом.

Когда Харрелсон узнал, что его предложение отвергнуто, он

дал знать федеральному прокурору, что ему известно нечто такое, что может быть известно лишь одному убийце, а именно: одна из шин фургона Вуда была проколота непосредственно перед убийством. В газетах было сказано, что одно колесо у фургона судьи было спущено. Но о том, что шина была кем-то *проколота*, было известно лишь следствию и, как он утверждал, убийце.

Джек Лоун не был уверен, что шину действительно проколол убийца. Это противоречило здравому смыслу. Если убийца уже давно выслеживал Вуда, то ему, конечно, было хорошо известно, что судья всегда ездил на службу не в фургоне, а на «шевроле». Именно на этой машине был служебный судейский «стикер» — наклейка, дававшая ему право парковать машину в любом месте. Никто, кроме самого Вуда и его жены, не знал, что именно в то утро они решили, что она отгонит фургон на ремонт, и что Вуд собирался поехать за ней следом, чтобы затем посадить в «шевроле» и отвезти в центр.

Ознакомившись со всеми материалами по делу Чарлза Харрелсона, Джек Лоун пришел к выводу, что именно он и был убийцей. Не убийцей-фанатиком и не убийцей-психом, получавшим удовольствие от самого процесса, а убийцей, готовым сделать все, абсолютно все за деньги. И даже за скромные. Возможно, всего за одну-две тысячи, т. е. за сумму, которую тот брал еще десять лет назад.

К осени 1980 года Джек Лоун уже знал, что какая-то беременная женщина передала целую сумку денег молодой девушке из Техаса — возможно, одной из любовниц Харрелсона, возможно, даже его падчерице Терезе Старр Джеспар. ФБР не было известно, где именно были переданы деньги (одни называли Корпус-Кристи, другие — Браунсвилл), но полиция знала, что в сумке было примерно 250 000 долларов — сумма пустяковая по стандартам Джимми Чагры, но более чем достаточная по стандартам Чарлза Харрелсона.

32

В отличие от Джо Пэтти Чагра хорошо понимала, что они попали в отчаянное положение. Джо практически не разговаривал ни с ней, ни с другими, а если даже, одурманенный кокаином, и начинал что-то говорить, то скрипел, как заезженная пластинка. Последние недели он ночи напролет нюхал кокаин, а днем отсыпался. В те редкие минуты, когда его помутневшее сознание немного прояснялось, он все равно был озабоченным, растерянным и беспомощным. Адвокатскую работу он забросил почти целиком, если не считать дел Харрелсона и Джимми. Пэтти грозилась уйти. «Женщина, живущая с наркоманом, чувствует себя еще более одинокой, чем та, что живет без мужа»,— говорила она. Но еще страшнее было другое — легкие деньги, пришедшие в семью в результате контрабандистских

операций Джимми. Еще до убийства Ли Джо любил по ночам подсчитывать выручку и нюхать кокаин. На глазах у Пэтти эти деньги перевернули жизнь всей семьи. Драгоценности, дорогие автомобили, чванство и претенциозность — это все их результат. Все они когда-то были простыми, скромными людьми, строго соблюдали установившиеся правила и были верны традициям предков. Теперь же они вели себя, как какие-нибудь зарвавшиеся ливанские торгаши.

Пэтти стала понимать, что деньги были более опасным наркотиком, чем кокаин. Многие из дорогих «игрушек», приобретенных Джимми до того, как его посадили в тюрьму, перешли теперь к Джо, и тот уже не мог без них жить. На деньги Джимми он купил себе новейшую модель «мерседеса», якобы в счет будущего адвокатского «гонорара». Но не машина была ему нужна. Больше всего Джо нужен был символ, что-нибудь такое, что сразу же говорило бы всем, что он тоже один из братьев Чагра и что он тоже может держать марку. У Пэтти была более скромная модель «мерседеса», но и она была куплена на деньги Джимми. Помимо дома в Эль-Пасо и этих двух автомобилей, в их личной собственности была еще, пожалуй, лишь псарня в Аппер-Вэлли. В свое время для внесения первого взноса Пэтти одолжила деньги у матери и теперь с особой гордостью ухаживала за животными и дрессировала их. Она называла свою псарню «курортом для четвероногих друзей», и та действительно была лучшей в Эль-Пасо. В последнее время Джимми говорил, что надо где-то доставать деньги и что придется, видимо, продать теперь все подарки, которыми он в свое время осыпал родственников. Видимо, даже сидя в тюрьме, он кому-то крупно проигрался. Но псарню Пэтти ему не отдаст ни за что.

Пэтти думала и о судьбе собственных детей, Джозефа и Саманты. Что их ожидает здесь, в Эль-Пасо, когда они вырастут? И что здесь может ожидать любого, кто носит фамилию Чагра? Лидер, сын Ли, еще учился в школе, а уже делал ставки, превышавшие годовой доход многих в городе. Говорили, что, когда за год до этого разыгрывался суперкубок, он поставил на одну из команд 20 000 долларов. Кошмар этот, казалось, никогда не кончится. Джимми, Джек Стриклин и их сообщники были привлечены к суду в мае, т. е. за два месяца до истечения срока давности, в связи с неудавшейся массачусетской операцией в 1975 году, и теперь Джимми почти наверняка прибавят еще один срок к тем 30 годам, которые он уже начал отбывать. Вдобавок ко всему Джо ввязался в расследование убийства Вуда.

К осени 1980 года Пэтти уже начала увязывать воедино события, происшедшие минувшим летом: визиты к Вирджинии Фара, перешептывания и тайные разговоры с этой загадочной личностью Чарлзом Харрелсоном и уж слишком часто появлявшийся кокаин. «Происходили какие-то странные вещи,— говорила Пэтти.— Чарлз был таким обаятельным человеком, что поначалу подобное и в голову не могло прийти. Глядя, как он возится с детьми или стрижет газон, я невольно начинала думать, что все эти его разговоры об убийствах — сплошная бравада». Харрелсон никогда не говорил Пэтти, что имеет какое-то отношение к убийству Вуда, но уже по одному его поведению было ясно, что он одобряет случившееся. Он не прочь был потолковать об американской системе и даже имел собственные теории на этот счет. Система, говорил он, окончательно «промыла мозги» обществу. Такие телебоевики, как «Мод-группа» и «Невыполнимое задание», рассчитаны на то, чтобы побуждать людей доносить на друзей и соседей. Хотя в его собственном лексиконе в основном фигурировали такие слова, как «куски» и «штуки», Харрелсон и себя причислял к «обществу», вынужденному вступить в смертельную схватку с «системой».

Чуть ли не ежедневно, а иногда и по нескольку раз на день звонил Джимми из Ливенуортской тюрьмы. Он спрашивал, как продвигается расследование большого жюри, рассказывал, о чем говорят в тюрьме, и выяснял, какие сейчас ставки на стадионе. Джимми играл в джин по-крупному с одним из заключенных по имени Трейвис Эрвин, который в свое время состоял в гангстерской банде Тимми Овертона в Остине. Джимми не знал, что за Эрвином стоит один крупный шулер из Лас-Вегаса, который платил тому проценты за то, чтобы даже здесь, в тюрьме, Эрвин продолжал игру с Чагрой. Джимми задолжал старому мошеннику десятки тысяч долларов и теперь хотел отыграться, но в октябре Трейвиса Эрвина неожиданно нашли мертвым в своей камере. Судя по всему, он умер от сердечного приступа, хотя в Ливенуорте ни в чем нельзя было быть уверенным до конца: «сердечные приступы» легко можно было «организовать».

11 октября Джимми позвонил Джо, чтобы рассказать, что стряслось с Трейвисом Эрвином, а также узнать последние новости.

— Ну, как дела, брат? Ты меня вытащишь отсюда?

— Конечно, брат. Скоро выйдешь,— заверил его Джо.— Очень скоро. Я в этом не сомневаюсь.

— Я *должен* выйти отсюда, брат.

— Что стряслось с Трейвисом?

— Он умер, старина. Умер, не получив с меня. Послушай, брат. Вытащи меня из этой проклятой тюрьмы! Прошу тебя.

За те полгода, которые Джимми уже просидел в тюрьме, тема их разговора практически не менялась. Джимми твердил, что не сможет отсидеть такой длинный срок, а Джо уверял, что того скоро освободят, хотя сам, конечно, знал, что это не так. Через несколько дней Джимми позвонил Лиз и сказал, чтобы та приготовила деньги и встретилась в тот же вечер с женой одного из его товарищей по отсидке, которая прилетает в международный аэропорт Эль-Пасо.

— Дай ей четыре, три, пять,— сказал он, имея в виду 43 500

долларов.— Это мой долг Трейвису.

Лиз код поняла.

— Да будет земля ему пухом,— сказала она Джимми.

Ей, конечно, не нравилось, что муж в тюрьме продолжает заниматься азартными играми, но, как и Джо, Лиз считала своим долгом всячески ублажать Джимми и по возможности облегчать его страдания, по крайней мере в эти первые месяцы тюремного заключения. Лиз стала во всем себя ограничивать, но заставить экономить и Джимми она не смогла. «Ты уже истратил более половины того, на что я хотела прожить весь год»,— мягко укорила она его на очередном свидании. Джимми сказал, что уже договорился о норковой пелерине, если, конечно, она ее интересует. Доставку может организовать его новый друг и защитник Джерри Рей Джеймс. Кстати, за его долгом Трейвису приедет жена Джеймса.

Джерри Рей Джеймс — отпетый головорез, известный во всех судах и тюрьмах американского Юго-Запада как современный вариант Диллинджера или «Автоматчика» Келли *,— был переведен в Ливенуортскую тюрьму в июне после кровавого бунта заключенных, практически разгромивших окружную тюрьму в Санта-Фе (штат Нью-Мексико). Власти считали, что бунт был организован Джеймсом, отбывавшим в Санта-Фе два пожизненных срока. Пока ремонтировалась окружная тюрьма, заключенных развезли по нескольким федеральным тюрьмам. Джеймса, в частности, перевели в Ливенуорт, где он уже успел побывать три раза.

Уже через несколько дней после прибытия в Ливенуортскую тюрьму Джерри Рей Джеймс ухитрился встретиться с Джимми Чагрой, и они быстро подружились. Их познакомил Трейвис Эрвин. Джеймс, казалось, знал всех гангстеров в Техасе: Эрвина, Лерри (Малыша) Калбрета, Тимми и Чарли Овертонов. Ходили слухи, будто когда-то он входил в банду Овертонов, но, согласно бюллетеню ФБР, братья Овертоны сами входили в шайку Джеймса. Этот бюллетень появился в 1967 году, когда Джеймс был включен в список десяти самых опасных преступников, разыскиваемых ФБР. В нем, в частности, отмечалось, что Джеймс, «вообразивший себя современным Аль Капоне **, якобы сказал своим сообщникам, что полиции никогда не удастся взять его живым». Но живым его, конечно, брали. И не однажды. В последний раз он был арестован в 1977 году в Росуэлле (штат Нью-Мексико), где ему дали два пожизненных срока как грабителю и рецидивисту. Еще до прибытия в Ливенуорт Джеймс был хорошо известен в тюрьме как жестокий и своенравный головорез, отличавшийся особой беспощадностью к стукачам.

* Гангстеры и грабители, терроризировавшие весь американский Средний Запад в начале 30-х годов.— *Прим. перев.*

** Главарь гангстерского синдиката, терроризировавшего Чикаго в 20-х годах.— *Прим. перев.*

Джеймс был из породы тех заключенных, которые автоматически становились боссами, куда бы ни попадали. Он сразу же взял Чагру под крылышко и даже попросил, чтобы его перевели в блок, где находилась камера Джимми. Джеймс рассказал ему о бунте в тюрьме Санта-Фе, о том, как ему удалось проникнуть в канцелярию и выкрасть из сейфа список всех тюремных стукачей, а также о том, как он лично убил девятерых из них. Организаторы бунта не просто убили доносчиков и охранников, а устроили настоящую резню. Одним словом, если и существовала так называемая «дикси-мафия», Джерри Рей Джеймс был, несомненно, ее «крестным отцом».

Джимми уже несколько недель ждал свидания с женой и матерью и поэтому, когда в конце октября те приехали в Ливенуорт, был нервным и раздражительным. Он не переставая сетовал на то, что те тратят слишком много денег, *его* денег. «Разве можно проматывать пять тысяч долларов в месяц?» — говорил он с возмущением Лиз. Сестру Пэтси он назвал «сучкой» и сказал, что та «тратит денег больше, чем Картер на лекарства». Матери Джимми напомнил, что это он купил ей «кадиллак» за 20 000 долларов, а не Ли, как та сказала репортерам.

— Послушай, что я тебе скажу, Джимми,— ответила на это мать.— Не суди других!

— Когда я выйду отсюда, у меня гроша ломаного не будет! — завопил Джимми.

— Как будто мы сами не хотим, чтобы ты вышел отсюда,— сказала Лиз.

— А что потом? Опять браться за работу?

— Совсем не обязательно. Послушай, Джимми, успокойся. У тебя будут деньги.

— С тех пор как меня сюда упекли, я уже потерял целый миллион,— напомнил ей Джимми.

— Потому что ты доверил свои деньги брату,— сказала Лиз.— Сам виноват.

Перейдя на арабский язык, понятный лишь Джимми в их семье, мать сказала, что ему не стоит слишком уж расстраиваться по этому поводу. Джимми ответил тоже по-арабски: «Они хотят убить его на этой неделе». Мать ответила: «Пусть они будут прокляты!» Затем Джимми повернулся к Лиз и саркастически заметил: «Ты что, думаешь, деньги с неба падают?» Родня, должно быть, была немало поражена, с какой одержимостью Джимми говорил о деньгах именно сейчас, когда он только начал отбывать тридцатилетний срок и когда ему грозил новый срок по делу об убийстве федерального судьи. Но Джимми, как всегда, надеялся на лучшее. В то время его родственники, конечно, не знали, что он готовил побег. Джимми рассчитывал на помощь Джерри Рея Джеймса и другого заключенного по имени Кэлвин Райт. Джеймса в тот день как раз переводили в блок Джимми, а Райт — темная личность и бывший наемник,

служивший в составе соединения «Эйр Америка» (ЦРУ),— должен был скоро выйти из тюрьмы. А как только он окажется на свободе, Джимми Чагра тоже выйдет из тюрьмы. По крайней мере Джимми сам вбил себе это в голову.

Позже, оказавшись в том же блоке, что и Джимми, Джерри Рей Джеймс завел с ним длинный разговор о Чарлзе Харрелсоне. Джеймс сказал, что точно не помнит, встречались ли они с Харрелсоном в те давние годы, когда вместе сидели в Ливенуортской тюрьме. Он живо заинтересовался подробностями расследования обстоятельств убийства Вуда, ареста Харрелсона в Вэн-Хорне, личными проблемами Джимми и еще множеством событий, о которых Джимми с удовольствием рассказал своему новому другу.

— Он сам сказал, что убил судью Вуда?

— Да, сам,— ответил Джимми.

Тогда Джеймс сказал, что, по словам Кэлвина Райта, Харрелсон оставил записку, в которой признался в убийстве Вуда. Для Джимми это было откровением. Райт сказал также, что Харрелсон как-то говорил и о том, что Вуда будто бы убил Малыш Лэрри Калбрет. Это тоже было новостью для Джимми. Больше всего, сказал Джеймс, его беспокоит то, что, «намарафетившись», Харрелсон может сделать все, что угодно. Властям же нужно лишь одно — «подтверждение».

— Да нет, с ним все в порядке,— сказал Джимми.— Чарли не подведет. Он на пару дней отключается, а потом...

— Но послушай, Джимми. Если этого сукиного сына поволокут в суд, там с ним церемониться не будут и надавят как следует. Уж это я знаю. Но Трейвис говорил, что с ним шутки плохи.

— Это верно. С ним лучше не шутить,— согласился Джимми.

Он хотел было переменить тему и заговорил о ставках на субботний матч, но Джерри Рей Джеймс никак не хотел прекращать разговор о Харрелсоне и об убийстве Вуда. Он оказался удивительно осведомленным, но Джимми, видимо, этого не заметил.

— Где его будут судить? В каком городе?

Джимми сказал, что у его адвоката есть аффидевиты*, в которых говорится, что в день убийства Вуда Харрелсон находился в Хьюстоне.

— Он был в Далласе или каком-то другом городе,— поправил его Джеймс.

Джо, сказал Джимми, сообщил ему, что стукач Риохас рассказал властям о Джеке Страуссе и Лэрри (Малыше) Калбрете. На это Джеймс ответил, что, по словам Трейвиса, Лэрри во время игры в покер хвастался, что знает, кто убил Вуда. Это была очередная новость для Джимми, который вообще не знал, кто такой Калбрет.

---

* Письменное показание или заявление под присягой.— *Прим. перев.*

— Да-да,— сказал Джеймс.— Трейвис рассказывал, что через день после убийства Лэрри допрашивали, потому что он тоже ездил на машине Чарли.

— Неужели? — удивился Джимми.— Я об этом не знал.

— Не знаю, правда это или нет,— сказал Джеймс.

Джимми сказал, что хорошо, что Джеймса перевели в его блок: теперь хоть можно спокойно разговаривать и не бояться, что тебя услышат сразу человек двадцать.

— Черт, может, все это враки, что Чарли уже предъявлено обвинение,— сказал Джерри Рей Джеймс.

Родственники очень волновались за Лиз, которая буквально не находила себе места. Через несколько дней после свидания с Джимми в Ливенуортской тюрьме она потеряла сознание, и ее увезли в больницу. Когда в тот вечер позвонил Джимми, Джо сказал: «С нею произошло что-то вроде инсульта, глаза помутнели, и она потеряла сознание». Джо скрыл, однако, что Лиз вновь стала принимать большие дозы наркотиков. Но Джимми и сам это знал. Джо также не сказал, что, когда Лиз потеряла сознание, у нее в комнате находился какой-то ювелир, с которым они уже где-то встречались. Джимми был почти уверен, что у Лиз есть любовник: ей нравилось все время намекать на что-то и чувствовать его недовольство и беспомощность. Но Джимми понятия не имел, с кем она встречается. Ситуация была особенно неприятной еще и потому, что Джимми договорился с Лиз, что та продаст часть своих драгоценностей, а это объективно побуждало ее часто встречаться с ювелиром. Прежде чем повесить трубку, Джо сказал брату, что получил письмо от «этого типа Харрелсона», которого перевели теперь из местной тюрьмы в Вэн-Хорне в окружную тюрьму графства Харрис в Хьюстоне.

— Он хочет поговорить со мной,— сказал Джо.

— Интересно, что ему нужно.

— Не знаю.

— Он что, идиот?

— Это я и хочу выяснить.

Через пятнадцать минут после этого разговора Джимми вновь позвонил Джо и сказал, что в Ливенуорт прибыли агенты ФБР и приступили к допросу его друга Кэлвина. Видимо, это связано с Харрелсоном. Джимми сказал, что он все больше и больше склоняется к тому, чтобы Джо представлял и Харрелсона. Это даст им возможность быть в курсе.

— Здесь ему нужно помочь,— сказал Джимми.— Кое-кто уже намекает, будто я причастен ко всему этому.

Когда в тот день Джо Чагра вышел за ворота окружной тюрьмы Харриса, направляясь к себе в отель в центре Хьюстона, он вдруг почувствовал такую дрожь, что, казалось, вот-вот потеряет сознание. Конечно, он не мог знать, чем закончится его визит к Чарлзу Харрелсону, но *такого* он никак не ожидал.

Теперь у него уже не было сомнений в том, что судью убил Харрелсон. Тот признался ему в этом в первый же день знакомства, но Джо до сих пор сомневался. О многих деталях убийства Харрелсон тогда не сказал, но одна подробность потом неотступно преследовала Джо. *«Я видел,*—сказал Харрелсон,—*как он вздрогнул, повернулся и упал. Я знал, что это был выстрел без промаха»*. Но теперь Харрелсон рассказал новые подробности: об оружии, которым было совершено убийство. Он зарыл его чуть восточнее Далласа у озера Рей-Хаббард. Единственным человеком, знавшим точное место, была его жена Джо-Энн. Харрелсон мрачно намекнул, что постарается сделать так, чтобы она уже никому не смогла об этом рассказать. Затем он составил карту с указанием места, но она была весьма неточной: местность в районе съезда с шоссе Ай-20 охватывала огромную территорию, включавшую и озеро Рей-Хаббард. Если винтовка действительно зарыта там, то отыскать ее будет непросто: придется перепахать две-три сотни квадратных километров земли. Вернувшись в Эль-Пасо, Джо уничтожил карту, но затем восстановил ее по памяти и запер у себя в сейфе. Позже он узнал, что Харрелсон рассказал о винтовке по меньшей мере еще одному человеку, которого Джо знал. Этот человек сказал, что отыскал винтовку, но побоялся даже дотронуться до нее. Он попросил Джо дать денег на адвокатов для Харрелсона, хотя Чагра и так уже тратил на него свое время как адвокат. Джо рассказал обо всем Пэтти, и она согласилась, что это похоже на ловушку, подстроенную специально затем, чтобы вынудить его отправиться на поиски винтовки и тем самым заставить обнаружить свою причастность к убийству судьи. Через несколько месяцев после этого кто-то тайно проник в контору Джо. Он был уверен, что кто-то из ФБР искал карту.

Менее чем через сутки после этого ошеломившего его разговора с Харрелсоном Джо уже сидел в зале для свиданий в Ливенуортской тюрьме и обсуждал случившееся с Джимми. Самым любопытным во всем этом, сказал он брату, было то, что Харрелсон даже не помнил, что отправлял ему письмо с просьбой о встрече. К счастью, Джо захватил его с собой. Он не верил ни одному слову Харрелсона, но вместе с тем боялся не верить: Харрелсон затеял с Джо какую-то игру, смысл которой был ему пока неясен.

— Они собираются предъявить мне новое обвинение,— мрачно сказал Джимми.

— Нет, они этого не сделают.

— Почему?

— У них слишком мало улик.

— Он сдержит слово?

— Говорит, да. Но я хочу сделать вот что. Я говорил тебе, что он сказал, где спрятал винтовку? Так вот, я хочу разыскать ее. Это единственное, что может...

— Он сказал тебе, где она?

— Он нарисовал карту. Страшно хочется поехать и отыскать ее. Это единственное, что может подтвердить его показания. А если они что-то найдут...

— Я тоже так думаю,—перебил его Джимми.—А как там Чарли? Все такой же сумасшедший?

— Чокнутый какой-то. Да еще с полными штанами.

— Как ты думаешь, он не...

— Не волнуйся. С ним все в порядке. Я имею в виду уговор и все такое. Тут он не подведет.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Точно уверен?

— На все сто,—сказал Джо.—Суд [в Хьюстоне] начнется первого декабря. Если его признают виновным и дадут пожизненное, придется поволноваться, потому что тогда он постарается договориться с прокурором.

— Джо, они уже предлагают ему сделку!

— Нет, они пока еще ничего не предлагают.

— А ты что, действительно переживаешь? Думаю, он все же получит пожизненное.

— Он надеется, что удастся как-то проскочить.

— Если он проскочит,—сказал Джимми,—волноваться придется мне.

— Лично я спокоен. Все может случиться: обыск не по форме или что-нибудь еще.

— Они были здесь и допрашивали Кэлвина. Они знают, что это сделал Харрелсон.

— Они думают, что это сделал он.

— А кого назвал Риохас?

— Он сказал, что это сделал кто-то из Сан-Антонио и что с ними был Джек Страусс. Он ходит с полными штанами. Боится, что может схватить лет тридцать пять. Наверное, постарается как-то выпутаться из всего этого.

— Да, но... Риохас не говорит, что все это сделал я?

— Ну что ты, конечно, нет!

— Он говорит, что это сделал Малыш Лэрри?

— Лэрри тут явно замешан. Зря я ездил к Харрелсону,— сказал Джо.—Только время потерял. Мне он не нравится.

— У этого типа скоро развяжется язык. Он уже болтает.

— Не думаю. Уверен, что это его козырная карта.

— Может быть, старина, ты все-таки съездишь за этой штуковиной, а?

— Я пытался найти какой-нибудь подходящий предлог, чтобы слетать в Даллас,—сказал Джо.—То место как раз рядом с Далласом. Придется лететь в Даллас и взять там напрокат машину. А можно сразу поехать на машине.

— На твоем месте я бы поехал на машине прямо из Эль-Пасо.

— Но предлог какой-нибудь все равно придется придумать.

Надо, наверное, сказать, что мне нужно встретиться в Далласе с адвокатом, который представлял Харрелсона, когда его допрашивало большое жюри. Надо сказать, что мне необходимо ознакомиться с его аффидевитами. Он говорит, что то место находится рядом с Далласом, в тридцати пяти минутах езды. Он говорит, что зарыл ее... Мне будет нужен металлоискатель.

— Это будет для тебя отличной ловушкой.

— Это меня и беспокоит.

— Вирджиния Фара с ним говорила?

— Да. Но теперь уже не будет. Они крепко взялись и за нее. Они хотят проверить ее на «детекторе лжи».

— Она им сказала, что ты ездил к нему?

— Да. Она сказала, что я был у него с Пэтти и детьми. Это так и было.

— Я же говорил тебе, чтобы ты этого не делал. Еще в самом начале. А ты вообразил, что...

— Ну ладно, мы это сделали вместе!—отрубил Джо.

— Ну да, вместе. Ты сам это сделал. А какая мне польза, если и тебя посадят!

— Меня не посадят!

— Парень, проснись. Ты их просто недооцениваешь.

— Кого это я недооцениваю? Я ведь ничего не сделал. Что я сделал, чтобы меня сажать в тюрьму?

— Не знаю. Но они будут клеить это и тебе. Чтобы попасть за решетку, многое делать не надо. Сам знаешь. В этой вонючей тюряге сейчас тридцать тысяч душ. И все они ничего не сделали.

— Они-то как раз кое-что сделали. И теперь сидят за это.

— Ты тоже кое-что сделал, Джо.

— Что я сделал?

— Например, ты знаешь, что судью прихлопнул Харрелсон.

— Не знаю я этого,—сказал Джо и невольно рассмеялся. Своими колкими замечаниями Джимми умел повернуть дело так, что Джо всегда чувствовал себя виноватым. Он вынуждал его брать на себя часть вины, которая целиком и полностью ложилась на самого Джимми. Почти со всеми, кого он знал, Джимми вел себя своенравно и властно, задиристо и хвастливо. Но по отношению к младшему брату он был просто тираном. Джо всегда был склонен потакать Джимми. Порой он сводил все к шутке и обещал поддержать любой его план, каким бы нелепым он ни был. Если бы Джимми предложил взорвать Пентагон, Джо, наверное, согласился бы. Джо засмеялся еще раз. Джимми тоже улыбнулся и сказал:

— Ну ладно. Ты этого не знаешь, стервец.

— Я действительно не знаю, кто это сделал. Может, он, а может, и Малыш Лэрри.

— Послушай, ФБР знает, что это я нанял его для этого? Им это известно? Известно или нет?

— Нет, не известно. Они об этом не знают. Они не могут это доказать.

— Но они могут найти человека, который сможет...

— Разве они поверят на слово отъявленному бандиту?— прервал его Джо, ответив вопросом на вопрос.

— Джо, им ничего не нужно доказывать. Я вот что тебе скажу: они найдут каких-нибудь брехунов и заставят их сказать все, что нужно.

— Что именно?

— Да все, что захотят. Все, что угодно!

— Но это же не какое-нибудь дело о марихуане, Джимми. Это дело об убийстве федерального судьи! В таких случаях обвинение предъявляется лишь тогда, когда имеются веские доказательства. Ты что же, думаешь, они освободят Харрелсона лишь для того, чтобы достать *тебя*?

— Конечно!

— Отпустить того, кто это сделал? Хотел бы я на это посмотреть.

— Хочешь пари, что они это сделают?

— Ладно, посмотрим.

— Джо, я готов поставить жизнь против того, что они действительно это сделают. Они выпустят Чарли, если им удастся пришить мне дело о наемном...

— Не верю... Просто не могу поверить, что присяжные клюнут на это.

— Что за чушь ты несешь! У них будет собственный состав присяжных... Собственный! Им не нужно никого подкупать. Им нужно лишь подобрать правильных людей.

— Ну а что можем сделать мы? Что ты предлагаешь?

Джимми какое-то время наблюдал за молодой девушкой, которая подошла к автомату и нажала на кнопку. Со всех сторон доносились невнятное бормотание, смех, а порой отдельные слова и фразы: это другие заключенные разговаривали с приехавшими на свидание родственниками или адвокатами. Джимми придвинул стул поближе и прошептал:

— Надо прикончить Харрелсона! Прикончить—и дело с концом. Надо только сделать это чисто. В какой он сейчас тюрьме?

— В окружной Харриса,—сухо ответил Джо.

— Он в одиночке?

— Сидит один.

— В одиночке?

— Решая одну проблему, ты создаешь другую.

— Послушай, если это действительно так, тогда ответь мне на вопрос... Ответь мне на такой вопрос...

— Ты думаешь, старина, Джеймс—такой уж верняк? Почему ему можно доверять больше, чем Харрелсону?

— Потому что Джеймс—человек совершенно другой,— ответил Джимми.—Совершенно. Ты что, не веришь? На этого

чертяку можно положиться!

— Веришь, не веришь. Мне не нравится, как ты судишь о людях. Тебе и Генри Уоллес нравился.

— Генри Уоллес мне никогда не нравился,— сказал Джимми, как бы оправдываясь.

— Ну конечно. Тебе и он нравился.

— Он мне никогда не нравился.

— Ты просто обожал его!

— Ты что, с ума сошел?

Джо понял, что спорить бесполезно. Они и раньше спорили о Джеймсе. Это началось практически сразу же после его перевода в Ливенуорт четыре месяца назад. Джо получил письмо от одного заключенного в Ла-Туне, где Джеймс просидел несколько недель до Ливенуорта. В письме черным по белому было написано, что Джеймс — стукач и что он уже договорился «заложить» Джимми Чагру. Учитывая репутацию Джерри Рея Джеймса, все это выглядело маловероятным, но чем больше Джо думал о двух пожизненных сроках Джимми, об обещанной награде за поимку убийцы Вуда и о других возможных поблажках, тем сильнее становилось его недоверие к нему.

Джимми рассказывал Джерри Рею Джеймсу и другим заключенным о своем плане побега из Ливенуортской тюрьмы, а также о намерении нанять кого-нибудь для расправы с Генри Уоллесом — стукачом, который больше всех повинен в том, что Джимми оказался за решеткой. Он слышал, что Уоллес живет теперь в Тексаркане. Однажды вечером, когда Чагра, Джеймс и еще несколько заключенных устроили «пикник» в зоне отдыха в своем блоке, Джеймс снова заговорил об «этом свидетеле из Тексарканы».

— Ты все еще хочешь сделать это? — спросил он у Джимми.

— Да, хочу.

Джеймс — плотно сбитый, осанистый малый, двигавшийся и говоривший не спеша и с большим достоинством,— открыл банку с прохладительным напитком и положил кружок лука на булочку с сосиской. В лучшие годы у него была копна темных вьющихся волос, но теперь бóльшая их часть куда-то подевалась, а то, что осталось, было белым как снег.

— Мы можем это устроить,— сказал он низким голосом.— Попробуй вот этот помидор. Дай мне соль.

— Хорошо,— сказал Джимми.— Посылай своего человека.

Джимми положил дольку помидора на булочку с сосиской и заметил, что было бы неплохо, если бы Уоллес бесследно куда-нибудь «исчез».

— Да, с трупами хлопот не оберешься,— согласился Джеймс.— Если их находят, то... Черт! Ну и спелый же попался! Да, до тех пор пока не найдено тело, они ни черта не сделают.

Джимми перевел разговор на пинокль*: в эту игру Джерри Рей Джеймс выиграл у него семь пачек сигарет. Но в покер и джин он уже выиграл гораздо больше. В этом смысле Джеймс во многом заменил Трейвиса Эрвина, и Джимми был ему за это безмерно благодарен. Джеймс был единственным в их блоке, кто мог безнаказанно посмеяться над Джимми.

Джеймс предложил Джимми еще помидор и сказал, что немного боится, как бы его «кореш», наемный убийца, не «заартачился, когда узнает, какое мокрое дело вам шьют. Он очень осторожен».

— Ну, артачиться — это скорей по части Уоллеса. Этот тип такой.

Затем старый бандит напомнил своему молодому другу (как он делал уже не раз за последние несколько недель), что орудие убийства — это единственная серьезнейшая улика в делах такого рода. Уж в чем-чем, а в этом Джерри Рей Джеймс разбирался хорошо. Он знал, как надо убивать, чтобы все сходило с рук. Для убийства требуется человек особого склада. И для «чистой работы» тоже нужен человек особого склада.

— Тебе, Джимми, надо попробовать найти эту винтовку, будь она проклята.

— Ты что, очумел? — возмутился Джимми.— Я даже не знаю, существует ли она вообще. Я даже не уверен, что это сделал этот тип. Мне кажется, второй твой кореш...

— Малыш Лэрри? — спросил Джеймс, улыбаясь.— У Лэрри кишка тонка, старина.

Джерри Рей Джеймс раздавил пустую банку из-под прохладительного напитка и швырнул ее в мусорный ящик. Затем он грустно покачал головой, сетуя на плачевное состояние современного общества. В его годы, сказал он Чагре, детей сызмальства учили порядочности. Теперь же их учат «стукачеству». И во всем виновата система.

— Теперь тебе об этом говорят еще в школе... Все это отражается на обществе... Все, что они сейчас делают.

— Что верно, то верно,— согласился Джимми Чагра.— У нас здесь действительно много гнилья.

33

В воскресенье 16 ноября 1980 года Джимми в панике позвонил Джо. Агенты ФБР, сказал он, допрашивали Кэлвина еще два дня и проиграли ему магнитофонную пленку с записью разговора между одним мужчиной и двумя женщинами. Кэлвин был уверен, что мужчиной был Харрелсон. К тому времени Джерри Рей Джеймс уже окончательно убедил Джимми в том, что Харрелсон, видимо, записывал все свои разговоры на магнитофон. Джеймс сказал, что его друг из федеральной прокуратуры в Остине рассказал ему, что при обыске дома Вирджинии Фара ФБР конфисковало три коробки с пленками. Мысль об этих пленках теперь окончательно вывела Джимми из равновесия.

* Азартная карточная игра.— *Прим. перев.*

Джо успокоил брата, сказав, что лично присутствовал при обыске дома Вирджинии Фара. Агенты ФБР перерыли все вещи Харрелсона и пытались запугать Вирджинию, все время приговаривая: «Вот рубашка, в которой он ходил» или «Вот пряжка, о которой он нам говорил». Но Джо знал, что все это блеф. Агенты не изъяли ни одного предмета туалета Харрелсона, не говоря уже о пленках. Но Джимми все равно настаивал, чтобы Джо немедленно, в тот же день, приехал в Ливенуорт и переговорил с Кэлвином Райтом, с Джеймсом, с агентами ФБР, со всеми в тюрьме, кто когда-либо говорил об убийстве Вуда.

— Я уже устал выслушивать всякие обвинения и угрозы,— сказал Джимми.— Дело в том, что теперь они хотят пришить дело и тебе.

Джо все это было известно, но в ближайшие дни он никак не мог поехать в Ливенуорт, так как на другое утро были назначены слушания по двум делам в федеральном суде и он должен был выступать там в качестве адвоката.

— Приеду сразу, как только освобожусь,— сказал он Джимми.— Это все, что я могу сейчас сделать, старина.

— Ты живешь в каком-то сказочном мире!— воскликнул Джимми.— Спустись на землю!

Ничего себе сказочный мир. Скорее это был мир кошмаров и ужасов. С момента его последней встречи с Джимми агенты ФБР буквально замучили его. Они приставали теперь с туманными и нелепыми вопросами о его поездках к Чарлзу Харрелсону, о его клиенте Билле Мэллоу (которому в тот момент было предъявлено обвинение в покушении на тяжкое убийство, караемое смертной казнью), о его телефонных разговорах. Один агент намекнул даже, что им, мол, известна *истинная* причина, побудившая Джо «тайно» поехать в Бостон: решил проведать дружков из старой шайки, да? Разве ФБР забыло, что Джо ездил в Бостон для того, чтобы защищать своего брата еще в одном деле о контрабанде? Джо не очень хотелось ехать в Ливенуорт, потому что стоило ему оказаться наедине с Джимми, как его депрессия и паранойя усиливались еще больше. Однажды, когда он должен был идти на очередное свидание с Джимми, Пэтти позвонила ему в мотель в Канзас-Сити и вскоре поняла, что Джо так «намарафетился», что едва мог говорить. К тому же насели и родственники: мать, сестра Пэтси, жена Джимми Лиз. Видимо, они просто не замечали, что происходит с Джо, и настойчиво требовали объяснить, почему тот не может вызволить Джимми из тюрьмы. Объяснить это он не мог, так же как и не мог выполнить требований Джимми. На одном из свиданий Джимми без конца говорил о каких-то деньгах, которые ему должен Джек Стриклин. Что-то около 140 000 долларов. «Послушай, я хочу, чтобы ты сказал Джеку вот что,— просил он Джо.— Скажи, что говоришь это от меня лично. Если через две недели он не отдаст тебе эту сумму, я прикончу его. Так и скажи. Скажи, что я не шучу... Я выпущу из него кишки, из

дряни этакой. Это я обещаю». Что мог ответить Джо на такую тираду? Джимми также потребовал, чтобы Джо лично подкупил кого-нибудь из членов федеральной комиссии по условному освобождению, с тем чтобы его перевели поближе к Эль-Пасо. Несколько раз он говорил Джо о новой контрабандистской операции, которой должен руководить Джо как его заместитель. Да разве есть в мире наркотики, которые могли бы помочь Джо забыться и уйти подальше от всего этого кошмара?

Джо обычно тут же забывал почти все свои обещания Джимми, но о контрабандистской операции все же помнил: отчасти потому, что они все время о ней говорили, а отчасти потому, что она требовала каких-то немедленных действий со стороны Джо. В тюрьме Джимми случайно встретился со своим поставщиком из Колумбии Теодоро, и теперь они разработали новый план выгрузки марихуаны с судна, стоявшего на рейде в районе Каролинских островов. Джимми, разумеется, необходима была помощь Джо. Хотя тот и подозревал, что это очередная ловушка, он все же пообещал позвонить человеку, названному Теодоро. Но сам он звонить не стал, а попросил одного своего друга сделать это вместо него: Джо хотел еще раз проверить Теодоро и лично удостовериться, что это всего лишь ловушка. Однако не успел он опомниться, как из Колумбии позвонил его друг и сказал, что сделка, видимо, настоящая. Что делать дальше?— спросил он. Джо велел просто обо всем забыть. Но как об этом сказать Джимми? Сделать это он никак не решался, и они продолжали обсуждать сделку. Это привело к тому, что вскоре одна партия марихуаны превратилась в несколько, а затем переросла в крупнейшую операцию, которая должна была завершиться поставкой через Мексику партии кокаина на несколько миллионов долларов. Теперь Джо неотступно преследовала мысль, что, как только он снова приедет в Ливенуорт, Джимми тут же спросит, почему же ничего не происходит. Во время их последнего свидания Джо выбрал подходящий момент, поднял вверх руки и сказал: «Хватит, сдаюсь! Не знаю, брат, зачем я это сделал, но больше не могу. Сейчас я тебе все расскажу».

Когда во вторник 18 ноября в зал для свиданий тюрьмы в Ливенуорте вошла Лиз, Джимми уже немного успокоился. Он все еще был уверен, что агенты ФБР действительно изъяли три коробки с магнитофонными лентами у Вирджинии Фара и что записи доказывали вину Харрелсона и всех остальных. Но после тщательного анализа случившегося и восстановления последовательности событий он уже не был столь уверен в том, что и *его* голос не записан на пленку, если, конечно, Харрелсон не был осведомителем ФБР с самого начала и если он не пришел с миниатюрным магнитофоном, спрятанным где-то на теле, еще на их первую встречу (что было маловероятно).

Лиз сказала, что Джо не думает, что Харрелсон «расколется».

— Но сам Чарли считает иначе,— ответил Джимми.— Мне это точно известно. Сейчас они пытаются лишь подтвердить все, что он им рассказывает.

— Они пытаются впутать в это дело и Джо,— сказала Лиз.— Джо говорит, что если они это сделают, то лучшего и быть не может.

— Почему?

— Потому что, ты же знаешь, он здесь ни при чем.

— Чарли раскалывается,— прошептал Джимми.

— Не говори так, Джимми.

— Это так.

— Если это так, то я знать ничего об этом не желаю, понял?

— Понял. Послушай, я хочу кое-что выяснить. Когда ты отправилась платить деньги, ты их кому отдала?

— Одной молодой девице. Очень молодой.

— Она знала, что ты моя жена?

— Да.

— Откуда?

— Она спросила: «Когда родится ребенок?»

— Ну и что?

— Как это «ну и что»? Ты что же думаешь, она решила, что перед ней — твоя любовница на девятом месяце беременности?

— Я не об этом. Я хочу сказать, что ты могла и не знать, за что платила деньги. Им известно лишь, что ты взяла деньги и...

— Если и меня посадят, Джимми, я тебе этого не прощу. Не прощу никогда!

— Никто тебя не посадит, успокойся.

Затем Джимми прошептал, что у его приятеля Джерри Рея Джеймса есть друзья в федеральной прокуратуре. Они сказали, что агенты ФБР унесли три коробки с магнитофонными лентами. Но, насколько он помнит, его разговоры с Харрелсоном там не записаны. Лиз сдвинула на лоб очки от солнца и вытерла пот на щеках и у глаз. Она не верила Джерри Рею Джеймсу.

— У меня сейчас нет иного выбора,— сказала она,— чем верить только Джо. Вряд ли можно доверять кому-то из тех, кто сидит здесь. Я никому не верю. Разве ты не видишь, что́ они вытворяют?

Джимми пошел к автомату и купил пачку сигарет. Открывая ее, он глянул по сторонам. Была середина недели, поэтому в зале для свиданий было не так многолюдно, как всегда. Джимми закурил еще одну сигарету и снова уселся напротив жены. Он жестом попросил ее наклониться поближе и прошептал:

— У меня есть план побега. Я уже говорил тебе.

Лиз тут же выпрямилась. Кровь так и схлынула с ее лица.

— Ты мне ничего не говорил. Я и слышать об этом не хочу. Не хочу больше ничего знать.

— Ты хотела бы поехать на Восток?

— На Восток? Конечно, хотела бы. Очень даже хотела бы! Я только об этом и...

— Но сейчас я говорю серьезно.

— Серьезно? Ах, сейчас ты говоришь об этом серьезно. Интересно, на сколько же тебя хватит: на день, на два?

— Нет. Навсегда.

И он рассказал ей о плане. Кэлвину понадобится менее двух минут, чтобы посадить во дворе тюрьмы вертолет, взять на борт Джимми и исчезнуть. Еще через семь минут они пересядут в легкий самолет, который доставит их в Мексику. Паспорта там не нужны. Достаточно одних свидетельств о рождении. Когда страсти немного улягутся, они купят какое-нибудь судно и отправятся на нем на Восток. По подсчетам Джимми, им нужен будет один миллион долларов на побег и покупку судна и еще один миллион на организацию нового дела.

— Какого еще нового дела? — спросила Лиз.

— Буду продавать героин, кокаин или что-нибудь в этом роде.

Лиз попыталась было робко протестовать, сказав, что и так уже не может шагу ступить без сопровождения целой своры агентов ФБР. А дети? Ведь их у них трое, и всех надо вырастить и воспитать. Но Джимми ее не слушал и теперь пустился прикидывать, где бы раздобыть деньги. Он уже говорил Джо, что псарня в Аппер-Вэлли фактически принадлежит *ему*, Джимми, и тот не очень сильно протестовал: ведь если разобраться, то все, что у них есть, принадлежит Джимми? Джо лишь заметил, что ему уже тошно слышать об этом. «Джим,— сказал он,— я никогда ничего у тебя не просил. Зачем тогда ты мне ее отдавал?»

Если Джо думал, что этим он как-то пристыдит брата, то ошибался. Лиз уже договаривалась о продаже своих драгоценностей через приятеля из Альбукерке. Если ей это удастся, то можно будет выручить пару миллионов, а может, и больше.

— Я уговорю Джо продать и его драгоценности,— сказала Лиз.

— Нам это необходимо,— согласился Джимми.

— Мы уговорим и маму продать свои драгоценности.

— Придется сделать и это.

— Я уговорю всех продать свои машины.

— Угу.

— Ведь тебе придется платить за все, за все.

— Знаю,— сказал Джимми.

На другое утро Лиз в панике вновь примчалась в Ливенуорт. Она не спала почти всю ночь и все думала о том, что́ ей сказал Джимми. В последний раз тот все время повторял слово «подтвердить». Видимо, оно было подсказано ему Джерри Реем Джеймсом. Джимми имел в виду подтвердить записанное на магнитофонных пленках Харрелсона (если, конечно, они вообще существовали), но Лиз беспокоило другое. Увидев Джимми, она спросила в лоб:

— Что будет, если для подтверждения они вызовут его дочь?

Тогда влипну и я.

— А ты все отрицай,— прошептал Джимми.

— Ты тоже все отрицал, а чем это кончилось? Это ни к черту не годится.

— Да, понимаю, но... А как они узнают, за что ты платила деньги? Ну хорошо, допустим, она скажет, что деньги ей дала ты. Но она же не сможет сказать, что это за убийство Вуда?

— Чего она не сможет сказать?— в ужасе переспросила Лиз. Казалось, ее повергло в шок само упоминание этого имени здесь, в тюрьме.

— Что это деньги за убийство Вуда. Что ты расплачиваешься за убийство Вуда.

— Нет! Только не это!

— Ну ладно, успокойся. Это мог быть карточный долг, что угодно. Ты просто ничего не знаешь, вот и все,— успокаивал ее Джимми. Лиз положила руки на колени, и он видел, как они дрожали.— Почему ты так нервничаешь?

— Нервничаю? Я не нервничаю.

— Почему ты вся трясешься?

— Я всегда трясусь.

— Перестань трястись.

— Не могу, Джимми.

Через две недели в Ливенуорт приехал Джо, и Джимми тут же на него набросился за то, что тот много болтает, особенно с Чарли Харрелсоном. Если у властей есть три коробки с пленками, им нужно лишь «подтверждение», чтобы предъявить обвинение обоим братьям. Джимми все еще переживал, что Джо все не бросил и не приехал в Ливенуорт еще в воскресенье, когда он звонил ему.

Джо не сомневался, что агенты ФБР действительно прокрутили Кэлвину какие-то пленки с записью голоса Харрелсона, но не думал, что там были какие-то улики против Джимми. Агенты ФБР могли, конечно, «подредактировать» записи. Но они пошли бы на это лишь в том случае, если бы были уверены, что это поможет им получить новые доказательства. В суде, однако, они вряд ли будут представлять «подправленные» пленки.

— Ты, наверное, так сильно влюбился в Чарли Харрелсона, что мог бы и жениться на нем, да?— ехидничал Джимми.— Просто не могу поверить, что ты на это не способен. Я же все время предупреждал тебя...

— Но послушай, Джим. Я сделал это... Я поступил так, чтобы помочь тебе выбраться отсюда. Как бы глупо это ни звучало.

— *Но разве это сможет помочь мне выбраться отсюда?*— сказал Джимми тоном человека, который обращается к маленькому ребенку и хочет, чтобы до него дошло каждое слово.

— Не знаю,— мягко сказал Джо.

Когда Джимми немного успокоился, братья стали обсуждать возможные варианты защиты в случае, если один из них или они оба будут привлечены к суду, а также весьма странный план побега и детали новой контрабандистской операции, которая, как надеялся Джимми, даст ему необходимые для организации побега деньги. Как всегда, когда речь шла о деньгах, верховодил Джимми.

— Ты мне отдаешь из расчета пятьдесят за фунт, так?

— Да, пятьдесят за фунт,— подтвердил Джо.

— Хорошо. Тридцать я беру себе, двадцать — тебе. Это не подарок. Ты это заработал.

— Ладно.

— Я мог бы продавать и по четыреста за фунт. Хоть сегодня. Всю партию за день.

— Но как?

— Я скажу, куда везти,— сказал Джимми.

— Но пока в наличии нет ничего,— сказал Джо.— Пока что этим и не пахнет.— Но он тут же поспешил заверить брата, что через две недели после прибытия первой партии поступит еще одна, потом еще и еще. Можно договориться и о кокаине. В любом количестве. Хоть тысячу [унций]. На это Джимми ответил, что уже подумывает о десяти тысячах. И за один рейс!

Джо так увлекся разговором, что чуть было не забыл сообщить брату плохую новость: в газетах написано, что агенты ФБР нашли свидетеля, который может подтвердить, что видел Чарли Харрелсона в Сан-Антонио в день убийства.

— В Сан-Антонио? Или у дома [Вуда]?

— В Сан-Антонио,— сказал Джо.— Не на месте. Не знаю, где он его видел, но он заявил, что может подтвердить, что видел его где-то.

— Интересно, его кто-нибудь видел [у дома Вуда]? Как ты думаешь?

— Черт, откуда я знаю?

— Джо, наверное, нам не нужно было этого делать, а?

— Да.

— Что?

— Да.

— Что «да»?— подзуживал его Джимми, и Джо не смог увильнуть от прямого ответа.

— Нам не нужно было этого делать,— сказал Джо.

— Я бы лучше выстрелил, как ты думаешь?

— Да, конечно.

— Это ты велел сделать это. Ты! Ты! Это тебе было так невтерпеж.

Джо даже не потрудился что-то отрицать, хотя мог бы сказать, что никогда не советовал Джимми убивать Вуда. Если на то пошло, он вообще ни разу не говорил Джимми, что́ нужно делать, а что — нет. Но вместо этого Джо лишь проговорил:

— Мне всегда казалось, что это ты говорил об этом. Никогда не думал, что ты найдешь для этого такого типа.

— Почему?

— Я думал, ты попросишь сделать это кого-нибудь из мафии. Морду, например.

— Я думал об этом,— признался Джимми.— Но какая разница?

— Какая разница? Этот тип — дерьмо,— сказал Джо.— Вот какая разница.

— Все они дерьмо,— ответил Джимми.

34

Большое жюри не заседало с октября месяца. Когда Джеми Бойд готовился созвать его снова, в газеты просочились сведения о том, будто ФБР разыскало свидетелей, видевших Чарлза Харрелсона около дома судьи Вуда в то утро, когда было совершено убийство. Из Хьюстона поступило сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс о том, что «власти, видимо, близки к раскрытию» и что длившееся вот уже семнадцать месяцев расследование скоро завершится. Как всегда, федеральный прокурор отказался комментировать эти сообщения. Но одно было ясно уже тогда: Джеми Бойд не будет больше играть ключевой роли в этом расследовании. На пост президента был избран Рональд Рейган, и через два месяца новая республиканская администрация должна была принять бразды правления.

За сутки до Дня благодарения Бойд организовал самую громкую за всю историю Хьюстона «секретную» процедуру опознания подозреваемого. Вскоре после полудня Чарлзу Харрелсону надели наручники и кандалы и вывели из окружной тюрьмы Харриса под охраной целого отряда полицейских, вооруженных автоматическими винтовками и пистолетами. Полицейский фургон с мотоциклетным эскортом с воющими сиренами доставил Харрелсона сначала в камеру предварительного заключения в полицейском управлении Хьюстона, а затем в специальное помещение на третьем этаже, где свидетели должны были опознать подозреваемого. Это помещение находилось на восьмиметровой высоте от комнаты для прессы. Репортеры знали, что наверху *что-то* происходит, но не знали, что именно. Полицейское начальство распорядилось поставить вокруг комнаты для прессы заграждение и запретило фотокорреспондентам снимать людей, выходивших из помещения для опознания. Чтобы все это получило как можно более широкую огласку, полицейские арестовали даже одну женщину-репортера из хьюстонской «Пост».

Известный в Техасе адвокат Перси Формен, который случайно оказался в тот день в полицейском управлении Хьюстона, высказал предположение, что весь этот маскарад не что иное, как неуклюжая попытка поднять шумиху в надежде на то, что заговорят другие подозреваемые. Формен сказал, что ничего подобного не видел за все пятьдесят лет своей адвокатской

работы. В беседе с корреспондентом «Эль-Пасо таймс» Стивом Питерсом он сказал: «Для обычного опознания нет никакой надобности тащить заключенного через весь город из окружной тюрьмы в полицейское управление. Все необходимое для этой процедуры есть в специально оборудованном помещении в той же тюрьме. Опознание можно произвести там без всякого шума, так как в тюрьме нет комнаты для прессы. Суд, видимо, разрешил им установить множество подслушивающих устройств, и вот теперь они надеются, что все вокруг заговорят. Именно в этом, я думаю, и состоит их общий замысел... Шум не нужен для эффективной работы полиции, если только она сама к этому не стремится. Они, видимо, хотят заставить людей заговорить, записать все на магнитофон, а затем попробовать что-нибудь из этого выудить».

Одновременно с визитами Лиз и Джо Чагры в Ливенуорт в прессу Эль-Пасо просочились сведения, будто Харрелсон был замешан в перестрелке 25 августа в местном мотеле, во время которой был смертельно ранен Билл Мэллоу. Газеты сообщили, что для дачи показаний большому жюри вызваны Пит Кей, а также свидетели, подтвердившие алиби Харрелсона. Джеймс Керр, который скрывался где-то почти два года, тоже должен был дать показания большому жюри. Питер Брок, репортер местной газеты «Геральд пост», сообщил, ссылаясь на правительственные источники, что произведенный несколько месяцев назад арест в международном аэропорту Филадельфии, вероятно, связан с убийством Вуда. Тогда было арестовано три человека, и полиция сначала думала, что это обыкновенные контрабандисты наркотиками. Но потом выяснилось, что среди них был один из телохранителей Джимми Чагры из Лас-Вегаса. При обыске полиция наркотиков не обнаружила, зато нашла полуавтоматическое оружие, сложное оборудование для кодирования, несколько подделанных водительских прав, выданных в Кентукки, и 22 800 долларов наличными. «Это верный след,— заявил анонимный правительственный источник.— Кроме того, у нас есть еще кое-что, имеющее непосредственное отношение к Джимми Чагре».

В пятницу 5 декабря в издающейся в Сан-Антонио газете «Экспресс» появился аршинный заголовок: «ПРЕДСТОЯТ АРЕСТЫ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ВУДА». Сообщение это поступило из Вашингтона, где директор ФБР Уильям Уэбстер заявил репортерам, что к убийству Вуда и неудавшемуся покушению на Джеймса Керра, несомненно, причастен кто-то из организованной преступности. Однако далее Уэбстер пояснил, что он не имел в виду мафию или «Козу ностру». «В этом замешана организованная преступность, но я не имею в виду одну из двадцати шести «семей» мафии»,— сказал директор ФБР. Понятие «организованная преступность» он определил как «любой продолжительный преступный сговор, предполагающий какую-то форму организации с целью получения доходов». Эта

формулировка была почти точным пересказом «закона о главаре банды». Одновременно с выступлением Уэбстера другой правительственный «источник» в Вашингтоне заявил, что «очень скоро» будут произведены аресты по делу об убийстве Вуда.

В тот же вечер Джеми Бойд и его жена Сузи принимали у себя в Сан-Антонио гостя из другого города. Для четы Бойд это был знаменательный вечер, но не столько потому, что Уэбстер выступил с таким важным заявлением на пресс-конференции, сколько потому, что в этот день с них была снята круглосуточная охрана, обеспечивавшаяся им целых два года. Гостя поразила атмосфера страха, которым, казалось, была пронизана вся квартира хозяев. Джеми еще раз подтвердил, что, по его глубокому убеждению, вся семья Чагры причастна к убийству судьи, а Сузи полушутя-полусерьезно сказала, что будет надеяться, что их не убьют этой же ночью в постели. Джеми уже давно испытывал глубокую ненависть к Ли и Джимми Чагра, но в тот вечер весь свой гнев он обрушил на их младшего брата Джо. Гостю еще не приходилось слышать от Джеми в адрес Джо ничего — ни плохого, ни хорошего,— а потому его немало удивило, что хозяин набросился теперь именно на младшего брата, словно тот был мозговым центром и главным организатором убийства судьи. Все это происходило в пятницу вечером. А на другой день, несмотря на то что была суббота, Джеми встал спозаранку и отправился к себе в офис на тайную встречу с одним высокопоставленным человеком из министерства юстиции. Домой он вернулся лишь к полудню, явно чем-то расстроенный. Ничего не объясняя, он лишь сказал загадочно: «Меня освободили. Во многих отношениях».

Через пять дней Чарлза Харрелсона неожиданно навестила его падчерица Тереза Старр Джеспер. Она сказала отчиму, что агенты ФБР сообщили его жене Джо-Энн об их любовной связи, что нисколько не удивило Харрелсона. «Это их стиль, подонки»,— сказал он. Более того, они сказали Хемпу Робинсону, что не он, а Харрелсон отец ребенка, которого ожидает его новая жена. «Это правда?» — спросила Тереза. Но Чарли быстро переменил тему разговора и похвалил ее новый наряд. Тереза сказала человеку по ту сторону металлической решетки, что очень любит его. Харрелсон заметил, что через месяц его, наверное, выпустят, но попросил никому об этом не говорить, особенно Хемпу Робинсону. «Он на него работает»,— сказал Харрелсон. По тюрьме ходило множество слухов, но Харрелсон поверил лишь одному. Он слышал, что уже заключен «контракт» на его жизнь. Тереза засмеялась и сказала, что ФБР и ее предупредило, что убийца уже в городе. «О, черт! — выругался Харрелсон.— Мне так много хочется тебе сказать. Я люблю тебя...» Спустя секунду Харрелсон протянул руку под столом, пытаясь коснуться Терезы, и вдруг наткнулся на крохотный микрофон, прикрепленный снизу клейкой лентой. Такой же

микрофон обнаружила со своей стороны стола и Тереза. Так была раскрыта тайна властей.

Через несколько дней представитель министерства юстиции объявил в Вашингтоне то, что пока было известно лишь одному федеральному прокурору и нескольким его близким друзьям: Джеми Бойд отстранен от дальнейшего расследования убийства Вуда. Бойд знал, что с избранием Рейгана стал неудачником, но все же надеялся, что ему будет позволено оставаться на службе по меньшей мере до официального вступления в должность нового президента. Но те, кто увольнял его, тоже стали неудачниками и теперь хотели как-то удержаться в своих креслах.

Оставаясь добросовестным чиновником и верноподданным слугой, Джеми Бойд отказался комментировать это решение и позволил газетам самим пускаться во всякого рода предположения и домыслы. Согласно одному источнику, неудачники в министерстве юстиции «почувствовали, что пахнет жареным, и быстренько решили приписать себе все заслуги в успешном завершении расследования».

Своим друзьям Джеми сказал, что Вашингтон отстранил его от дела из-за его несогласия с методом ведения расследования. Филип Хейманн, помощник министра юстиции, настаивал на использовании доносчиков, с тем чтобы обманным путем заставлять подозреваемых сознаваться в преступлении, но Джеми был с ним не согласен, считая это слишком рискованным. Такой метод был законным инструментом деятельности правоохранительных органов во времена судебных процессов по делу Джимми Хоффы *, но сейчас подслушивание частных телефонных разговоров людей, ни один из которых об этом не знал и не давал на это согласия, не разрешалось законом. И что хуже всего, Бойд опасался, как бы суд не вынес постановления о том, что обвинение нарушило закон о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату. И на это у него были основания. За несколько часов до того, как Харрелсон и его падчерица обнаружили скрытые микрофоны, к Харрелсону приходил его адвокат Джо Чагра, представлявший его в деле, связанном с арестом в Вэн-Хорне, а возможно, и в других делах. Такие методы были допустимы и широко использовались федеральными властями во времена Джозефа Маккарти и Эдгара Гувера, но ведь сейчас было начало 80-х годов. Джеми опасался, как бы затянувшееся и дорогостоящее расследование не стало жертвой «теории домино»: один ложный шаг — и рушится все.

Джеми Бойду было известно еще кое-что, и это, несомненно, было одной из причин паранойи, которая, как заметил их гость,

* Бывший лидер американского профсоюза водителей грузового транспорта, неоднократно привлекавшийся к судебной ответственности за взятки, вымогательство, подкуп присяжных, незаконную установку подслушивающих устройств, растрату казенных денег и другие преступления в 50-х — начале 60-х годов.— *Прим. перев.*

царила в тот памятный вечер в их доме. Дело в том, что с санкции суда агенты ФБР вели электронное наблюдение не только за Чарлзом Харрелсоном, но и за всеми членами семьи Чагры. Подслушивающие устройства были установлены еще в начале октября. Они стояли на телефонах во всех домах семьи Чагры, в телефоне-автомате в блоке Ливенуортской тюрьмы, где сидел Джимми, в зале для свиданий и даже в камерах, где Джимми вел разговоры с дружками. Что же касается Джерри Рея Джеймса — человека, якобы ненавидевшего всех стукачей;— то он был всего лишь ходячим подслушивающим устройством ФБР. Таким образом, начиная с октября месяца все, что говорил Джимми Чагра, записывалось на магнитофон.

Но существовала еще одна причина, вызвавшая недовольство Вашингтона Джеми Бойдом. Роберт Риохас — главный свидетель обвинения, давший показания большому жюри,— полностью себя дискредитировал. Федеральные власти истратили миллионы долларов только для того, чтобы удостовериться, что идут по ложному следу. В конечном же итоге все это вылилось в потерю доверия к большому жюри. Теперь необходимо было созывать новый состав большого жюри и отрабатывать новую версию обвинения. Как только власти осознали это, они тут же начали действовать. Джеми Бойду было позволено завершить кое-какие дела, начатые старым большим жюри. Так, ему удалось привлечь к суду поручителя по залогам и давнего приятеля братьев Чагра Вика Аподаку, предъявив ему обвинение в подделке документов об уплате подоходного налога. Что же касается Сиба Абрахама, то Бойд не сумел предъявить ему те же обвинения. По завершении всех этих дел Бойд занял прежнюю должность федерального судьи, что позволяло ему рассчитывать на получение пенсии во всем объеме и гарантировало, что он не будет распространяться по поводу своих разногласий с ФБР. Всеми делами, связанными с расследованием обстоятельств убийства Вуда, ведало теперь ФБР. Даже те обвинители, которые должны были работать с новым составом большого жюри, были переданы в ведение ФБР и отныне подчинялись ему.

Часть III
ПАДЕНИЕ ДОМА ЧАГРЫ

35

Своеобразный «брак по расчету» между министерством юстиции и Джерри Реем Джеймсом вызвал всеобщее удивление. По признанию самого ФБР, трудно было представить себе более опасного и неисправимого преступника, чем Джеймс. В своем аффидевите, представленном в окружной суд в Канзасе для получения разрешения на электронное наблюдение, агент ФБР по особым делам Гэри Харт назвал этого главного свидетеля обвинения «профессиональным преступником, который более тридцати раз подвергался аресту за ограбления, берглэри, нападения, кражи, торговлю наркотиками, участие в незаконных азартных играх, воспрепятствование правосудию, незаконное хранение оружия и побеги из-под стражи, был осужден по меньшей мере шесть раз, а начиная примерно с 1977 года отбывал срок за участие в сговоре с целью совершения вооруженного ограбления, а также пожизненное заключение как неисправимый и закоренелый преступник». И несмотря на все это, власти готовы были выпустить Джерри Рея Джеймса на свободу в обмен на его содействие в сборе доказательств, которые позволили бы осудить Джимми Чагру и раскрыть убийство Вуда. С губернатором штата Нью-Мексико Брюсом Кингом уже была заключена сделка, гарантировавшая условное освобождение Джеймса и снимавшая с него вину за организацию бунта заключенных тюрьмы в Санта-Фе. Теперь власти утверждали, что Джеймс помог им подавить этот бунт. Что бы ни натворил Джеймс за годы своей преступной деятельности и какие бы преступления он ни замышлял, федеральное правительство считало, что все это не шло ни в какое сравнение с таким гнусным и отвратительным преступлением, как убийство федерального судьи. Согласно аффидевиту Харта, свое согласие помочь следствию Джеймс мотивировал желанием «спасти семью, начав вести более или менее приличный образ жизни». Харт, конечно, не сказал об этом в своем аффидевите, но у Джеймса был и другой мотив: несколько сот тысяч долларов в качестве награды, обещанной ему властями в случае осуждения Чагры.

По словам Харта, Джеймс впервые предложил ФБР свои услуги 20 августа, через несколько месяцев после перевода в Ливенуортскую тюрьму. Он сказал тогда, что Джимми Чагра признался, что заплатил Чарлзу Харрелсону 200 000 долларов за убийство судьи. В течение последующих нескольких дней Джеймс передал ФБР тщательно подобранную информацию, казалось, доказывавшую участие Чагры не только в убийстве Вуда, но и в нескольких преступных сговорах с целью убить Генри Уоллеса по «контракту», совершить побег из тюрьмы и возобновить прежнюю деятельность в качестве главаря банды. По словам Джеймса, деньги для Чагры не были проблемой: Джимми сказал, что спрятал в надежном месте сорок миллионов долларов. Джеймс убедил агентов ФБР в том, что Чагра относился к нему с уважением и доверял ему, поскольку он, Джеймс, имел «репутацию человека, доводившего все до конца», и поскольку Джимми полагал (явно ошибочно), что Джеймс когда-то был близким другом и партнером Ли Чагры. После нескольких бесед с Джеймсом и серии встреч с сотрудником министерства юстиции Майклом де Фео Харт стал готовить ходатайство о разрешении установить подслушивающие устройства.

В аффидевите Харта в основном излагались все пункты обвинения и имевшиеся у него доказательства по состоянию на сентябрь 1980 года. Следствие располагало следующими сведениями:

— Один из осведомителей федеральных властей, находившийся в 1977 году в тюрьме Ла-Туна, утверждал, что слышал, как Джек Стриклин говорил Трейвису Эрвину, что «Ли Чагра хочет убрать Вуда и Керра» и что «Ли даст тебе все, что ты захочешь, любую сумму, и все организует». На это Трейвис Эрвин якобы ответил: «Когда я выйду отсюда, я постараюсь, чтобы эта мелочишка была у меня в кармане». В документе, однако, указывалось, что в момент убийства Вуда Эрвин находился в тюрьме. Первоначально в ходатайстве содержалась просьба разрешить установить подслушивающее устройство в камере Трейвиса Эрвина, но после его смерти 7 октября эта просьба была снята.

— Другой бывший заключенный тюрьмы Ла-Туна сообщил ФБР, что в 1977 году Джек Стриклин предложил ему 100 000 долларов за убийство судьи Вуда.

— Третий источник сообщил ФБР, что Стриклин и братья Чагра поддерживали преступные связи с различными членами шайки «Бандидос» и что братья Чагра использовали бандитов для «защиты или совершения насильственных действий в связи с собственной незаконной деятельностью, включая торговлю наркотиками». Неоднократные ссылки на «братьев Чагра» недвусмысленно давали понять, что с самого начала ФБР считало Джо Чагру не просто адвокатом Джимми, а лицом, подозреваемым в убийстве судьи. Такая уловка была необходима, поскольку агенты ФБР могли чувствовать себя спокойно лишь тогда, когда Джо будет официально считаться соучастником преступного сговора. В противном случае суд мог постановить, что здесь имеет место нарушение закона о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату.

— Вскоре после покушения прокурор Джеймс Керр опознал водителя автофургона, из которого в него стреляли. Им оказался Стивен Барбур. Анализ волос, найденных в салоне фургона, показал, что по своим характеристикам они были идентичны волосам Майкла Джоунса, одного из членов шайки «Бандидос».

— За несколько недель до убийства Вуда друг семьи Чагры Уильям Роберт Дженик спросил у Джимми, что тот собирается делать в связи с предстоящим судом над ним под председательством Вуда. Чагра ответил: «Судья постарается упрятать меня надолго... Но об этом скоро позаботятся».

— Рональдо Дисекко, один из телохранителей Джимми Чагры в Лас-Вегасе, сказал агентам ФБР, что утром 29 мая 1979 года он отвез Джимми на машине на встречу с чиновником службы по надзору за условно освобожденными (он обязан был являться к нему каждый вторник) и привез Чагру обратно домой. Согласно записям в журнале, эта встреча произошла между 9.30 и 10.30 утра. Не успел Дисекко вернуться домой, как зазвонил телефон, и явно чем-то расстроенный Чагра взволнованно сообщил ему, что «кто-то, видимо, забыл, что суд перенесен. Кто-то убил судью... Теперь они пришьют все это мне». Дисекко тут же поспешил к Чагре домой. Тот «плакал и чувствовал себя прескверно. Его даже стошнило».

— Через шесть месяцев после беседы Дисекко с агентами ФБР они встретились с одной молодой женщиной из Лас-Вегаса по имени Черил Дэвис, показания которой отличались от показаний Дисекко о действиях Чагры в день убийства. По словам Черил Дэвис, она, Чагра и Дисекко играли накануне в различных казино Лас-Вегаса всю ночь напролет. Примерно в шесть утра 29 мая Дэвис, ее подруга Кэти Норак, Чагра и Дисекко позавтракали и вчетвером поехали к девушкам на квартиру, где Дэвис и Чагра остались потом вдвоем. Где-то между 7.00 и 8.00 утра Чагра позвонил домой и узнал от жены, что Вуд убит. Дэвис слышала, как он сказал: «Нет, не может быть... Да... Я знаю, что теперь они постараются пришить это мне». По словам Дэвис, Чагра будто бы сказал, что для него это убийство — «самое худшее, что только могло произойти», и что кто-то, не зная, что суд перенесен, видимо, хотел свалить все это на него.

— Вскоре после убийства Вуда сотрудник ФБР проверил показания Джека Стриклина на «детекторе лжи» и выяснил, что тот лгал, когда говорил, что не знает, кто убил судью.

— Несколько свидетелей видели Джимми Чагру и Чарлза Харрелсона вместе в казино «Бинионс хорс-шу» в начале мая 1979 года. По словам Дисекко, Джимми Чагра не доверял

Харрелсону и попросил его выяснить поточнее, кто он такой и почему пытается с ним сблизиться. Чтобы как-то отделаться от Харрелсона, Джимми дал ему несколько тысяч долларов. Дисекко был уверен, что Чагра и Харрелсон никогда не встречались с глазу на глаз и никогда не беседовали наедине.

— Рональд Кольер, еще один дружок Чагры по Лас-Вегасу, сказал агентам ФБР, что во время чемпионата по покеру в казино «Бинионс хорс-шу» «к Джимми Чагре подходило множество людей с соболезнованиями по поводу гибели его брата» и многие из них предлагали «убить того, кто убил брата». Чагра презирал всех этих типов, сказал Кольер, и часто давал им от одной до двух тысяч долларов, «лишь бы они отвязались». Кольер утверждал, что среди них был и Чарлз Харрелсон и что Чагра сказал тогда: «Этот тип выдает себя за убийцу. Что ты на это скажешь?»

— Согласно гостиничной книге, Чарлз Харрелсон и Хемптон Робинсон с 27 апреля по 8 мая жили в отеле казино «Бинионс хорс-шу».

— 8 мая, т. е. в тот день, когда Харрелсон, как известно, уехал из Лас-Вегаса, из дома Джимми Чагры в Лас-Вегасе звонили домой Питу Кею в Хантсвилл (штат Техас).

— 10 мая в 14.20 из квартиры Харрелсона в Далласе звонили домой Питу Кею в Хантсвилл. Примерно через четыре часа с главного телефона казино «Бинионс хорс-шу» звонили на квартиру Харрелсона в Далласе.

— 11 мая с квартиры Харрелсона звонили на коммутатор казино «Бинионс хорс-шу». Позже в тот же день из телефона-автомата у жилого комплекса «Престон-тауэрс» (из него, как известно, часто звонил Харрелсон) поступил звонок на один из телефонов казино.

— 12 мая несколько раз звонили из квартиры Харрелсона в Далласе на квартиру Хемптона Робинсона в Хьюстоне и Пита Кея в Хантсвилле.

— Давая показания большому жюри, Джо-Энн Стаффорд (ставшая потом Джо-Энн Робинсон) сказала, что то ли 13, то ли 20 мая Харрелсон попросил Хемптона Робинсона встретиться с ним в Остине. Записи на телефонном узле показали, что 13 мая в 14.33 с квартиры Робинсона поступил телефонный звонок на коммутатор гостиницы «Рамада-инн-норт» в Остине. В тот же день в 14.50 из мотеля в Остине, где в то время находился Говард Джонсон, позвонили на квартиру Харрелсона в Далласе. Комната была записана на фамилию Гордона Стоуна, который указал несуществующий адрес. Этот человек заявил, что управлял автомобилем марки «олдсмобил-катласс», аналогичным тому, который был и у Джо-Энн Харрелсон. 13 мая все еще были уверены, что суд над Джимми Чагрой начнется точно в срок, т. е. 29 мая, в Остине.

— 19 мая из квартиры Харрелсона звонили в дом Эрла Райта в Коттедж-Гроув (штат Миннесота). Эрл Райт — отец Кэлвина Райта, который в то время жил в гостинице в Миннеаполисе. На следующий день (20 мая) Кэлвин Райт позвонил Харрелсону. Вопреки собственным показаниям большому жюри Кэлвин Райт познакомился с Харрелсоном еще в Ливенуортской тюрьме. Харрелсон, видимо, знал, что Кэлвин Райт — опытный пилот, умевший управлять и вертолетами, и самолетами. Райт сказал, что Харрелсон пытался «прощупать» его на предмет возможного участия в какой-то нелегальной операции. Райт, вспомнив, как его товарищи по камере говорили, что Харрелсон пользуется репутацией убийцы по «контрактам», отказался тогда от его предложения.

— Согласно записям на телефонной станции, 24 и 25 мая на квартиру Хемпу Робинсону звонили из 1) телефона-автомата в международном аэропорту Сан-Антонио и 2) из ресторана «Суисс-шале» в Сан-Антонио, расположенного примерно в трех километрах от дома, где жил судья Вуд. Робинсон и его подруга Джо-Энн Стаффорд заявили большому жюри, что не помнят этих звонков.

— Документально установлено, что 27 мая Харрелсон и Пит Кей навестили своего товарища в исправительной тюрьме штата Техас в Хантсвилле.

— У ФБР имелись сведения, подтверждавшие, что вечером 28 мая убийца следил за передвижениями судьи. В тот вечер Вуд пользовался машиной супруги. На другое утро машина оказалась неисправной. Жившие по соседству свидетели утверждали, что вечером накануне убийства видели чью-то машину, стоявшую рядом с домом Вуда. В ней сидел какой-то белый человек, переговаривавшийся с кем-то по «уоки-токи» — миниатюрной переносной рации.

— Хотя Харрелсон утверждал, что 28 и 29 мая находился в Далласе, полностью доказать это он не смог. Харрелсон отказался отвечать на вопросы агентов ФБР или проходить проверку на «детекторе лжи». Он отрицал всякую причастность к убийству Вуда, «но заявил, что мечтал это сделать».

— Теоретически Харрелсон мог убить Вуда в Сан-Антонио в 8.40 и оказаться затем в Далласе после 10.00. Квартира Вуда находилась в пяти минутах езды от международного аэропорта в Сан-Антонио. 29 мая самолет компании «Саутвест эйрлайнс» вылетел из Сан-Антонио в 9.08 и приземлился в далласском аэропорту «Лавфилд» в 10.02. Этот аэропорт находится примерно в двадцати минутах езды от того места, которое было названо Харрелсоном в качестве алиби. Кроме того, говорилось далее в аффидевите, из международного аэропорта в Сан-Антонио можно было вылететь и на любом частном самолете, хотя ФБР, видимо, не располагало соответствующими данными. Впрочем, оно не могло даже доказать, что Харрелсон приобрел билет на рейс «Саутвест эйрлайнс».

Самым слабым местом в официальном запросе агента ФБР Харта на установку подслушивающих устройств было отсутствие

прямых улик, которые указывали бы на непосредственную причастность Джо Чагры к убийству Вуда. Харт строил свою гипотезу на том, что в прошлом Джо не раз выполнял «грязную работу» за Джимми (как это произошло, например, во время судебного процесса по делу Джимми в Остине, когда Джо, по свидетельству Генри Уоллеса, пытался путем подкупа заставить того изменить свои показания). Кроме того, Харт особо подчеркивал, что минувшим летом Джо Чагра встречался с Чарлзом Харрелсоном. «Горничные Вирджинии Фара сообщили агенту ФБР, что Джозеф Чагра неоднократно бывал в доме их хозяйки, когда та куда-то отлучалась...» В аффидевите подробно рассказывалось о том, как Джо представил Харрелсона Уильяму Мэллоу незадолго до перестрелки с полицейскими из Эль-Пасо и как Джо записал на магнитофон бессвязную болтовню Харрелсона, когда тот позвонил ему из хьюстонского мотеля (в тот момент Харрелсон был лицом, скрывавшимся от правосудия). ФБР пока еще не обнаружило «завещания», нацарапанного Харрелсоном на фирменном календаре мотеля. Хемп Робинсон нашел этот интереснейший для следствия календарь, но пока еще не передал его агентам ФБР. Полиция, однако, имела на руках другое «завещание» Харрелсона, которое тот составил во время своего шестичасового разговора с полицией в пустыне близ Вэн-Хорна. В нем он просил, чтобы после кремации его пепел был развеян над зданием федерального суда имени Джона Вуда в Сан-Антонио. Позже, когда полиция перевозила Харрелсона из Вэн-Хорна в Хьюстон, тот заметил, что Вуд так сильно терзался по поводу своих слишком суровых приговоров, что решил покончить с собой. Как отметил агент Харт, интересным в этом замечании было то, что нечто аналогичное говорил и Джо Чагра. «Судья Вуд,— сказал он как-то корреспондентам,— не был убит. Еще несколько лет назад началось его самоубийство».

Самым серьезным обвинением, выдвинутым в адрес Джо Чагры в аффидевите Харта и ставшим, пожалуй, решающим доводом для выдачи разрешения на установку подслушивающих устройств, было пространное утверждение о том, что со дня заключения Джимми в тюрьму всеми операциями семьи Чагры по контрабанде наркотиков заправлял Джо. По сведениям, полученным от человека, пожелавшего остаться неизвестным, незадолго до суда в Бостоне он случайно слышал, как Джек Стриклин и Джон Миллиорн обсуждали план дальнейших операций по контрабанде наркотиков. Один из них сказал тогда, что по завершении процесса все, кто связан с группой Чагры, «заживут хорошо». Этот анонимный «источник» утверждал, что «Джозеф Чагра руководит всеми операциями Джимми Чагры в соответствии с его инструкциями и что в настоящее время производится закупка и складирование оборудования и транспортных средств, необходимых для перевозки наркотиков». Поскольку ни Стриклин, ни Миллиорн не располагали достаточными суммами для финансирования крупной контрабандистской операции (по крайней мере так считало ФБР), им нужна была «помощь такого состоятельного человека, как Джимми или Джо Чагра». Стриклин должен был осуществлять общий надзор за ходом новой операции, Миллиорн — отвечать за транспорт, а Джо Чагра — передавать указания Джимми, «а также финансировать операцию, используя средства, полученные братьями Чагра в результате предыдущих операций».

Неоднократное повторение таких словосочетаний, как «группа Чагры» или «братья Чагра», каким бы неправомерным оно ни было, употреблялось, видимо, лишь в связи с просьбой о разрешении установить подслушивающие устройства. Гэри Харт знал, что Джо Чагра был официальным адвокатом своего брата и что, помимо участия в судебном разбирательстве в Бостоне, Джо занимался также ходатайствами в процессе по делу Джимми в Остине. Хотя Харт и не мог указать на какую-то конкретную связь между Джо и убийством Вуда, у него имелись подозрения насчет преступного сговора, связанного с контрабандой наркотиков, и это в какой-то мере развязывало руки агентам ФБР. Харт тщательно проинструктировал операторов мониторов, приказав «приглушать» разговоры, явно подпадавшие под закон о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату. «Приглушить» на жаргоне агентов ФБР означало «временно выключить звукозаписывающие устройства». Однако власти имели полное право записывать все разговоры, касавшиеся прошлой, настоящей или будущей преступной деятельности. По словам Харта, в данном случае им пришлось прибегнуть к «уникальной» методике. Харт уже более ста раз устанавливал подслушивающие устройства, но никогда еще не «отсеивал» такого количества материала, как сейчас. Поскольку в Ливенуортской тюрьме не было надлежащих помещений, агенты ФБР расположились в комнате за воротами тюрьмы. Операторы работали сменными бригадами по четыре-пять человек. Через наушники они прослушивали практически все разговоры, но на пленку записывали лишь то, что непосредственно относилось к преступной деятельности подозреваемых. В конце каждой смены операторы передавали пленки и журналы бригадиру, а тот отдавал все Харту, который затем сам прослушивал все пленки, чтобы лично удостовериться в том, что на них нет незаконно записанного материала. Харт регулярно консультировался также с Майклом де Фео, который работал в министерстве юстиции главным консультантом по подслушивающим устройствам. Он-то и решал окончательно, какой материал вырезать, а какой оставить в качестве официальной записи.

Подслушивание началось 10 октября. После того как 5 ноября был записан разговор, в ходе которого Джо рассказал брату о составленной Харрелсоном карте, ФБР стало по-новому интерпретировать закон о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату. Теперь бюро начало утверждать, что Джо никогда не был адвокатом Харрелсона, по крайней мере в

деле об убийстве Вуда. Что же касается Джо и Джимми, то, как только они заговорили о необходимости разыскать орудие убийства, закон о неразглашении на них уже не распространялся. Возникала, конечно, проблема обоснования этого утверждения в суде. Майкл де Фео признал, что, возможно, кое-кто будет утверждать в суде, что ФБР действовало на грани нарушения закона о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату, а также закона, запрещающего использовать показания одного из супругов против другого (это касалось бесед между Джимми и его женой Лиз). Однако он добавил, что в таком «уникальном» уголовном расследовании этого требовали «интересы общества». Де Фео заверил обвинителей, что обязательно «найдется суд», который признает эти действия законными.

На основании пяти отдельных постановлений суда, подписанных федеральным окружным судьей Канзаса, ФБР получило разрешение установить подслушивающие устройства для записи разговоров двенадцати членов семьи Чагры, включая трех малолетних детей Джимми. К 5 февраля 1981 года, когда подслушивание было прекращено, в руках ФБР оказались магнитофонные записи на более чем тысячу часов звучания.

36

Когда Джо Чагра узнал о подслушивающих устройствах, обнаруженных Харрелсоном и его падчерицей в зале для свиданий окружной тюрьмы Харриса, его охватили противоречивые чувства: гнев и возмущение, с одной стороны, и некоторое облегчение, с другой. Он был уверен, что все эти устройства предназначались для него, так как именно в то утро он должен был навестить Харрелсона в тюрьме, но, к несчастью, вынужден был отменить встречу из-за срочного дела в Эль-Пасо. Джо хорошо знал все предписания закона: если он стал объектом подслушивания, то кто-то должен был сначала предъявить федеральному судье аффидевит, в котором под присягой заявлялось, что Джо Чагра занимается какой-то противозаконной деятельностью. «Если они действительно пошли на это,— сказал он репортерам,— то тот, кто это сделал,— лгун. Можете выделить это слово. Тот, кто это сделал,— лжесвидетель. Мне плевать, о ком именно идет речь: о федеральном прокуроре, агенте ФБР или ком-то еще. Если этот человек заявил под присягой, что я занимаюсь чем-то таким, что дает судье основание разрешить подслушивать мои разговоры, то этот человек — лгун и лжесвидетель».

Джо считал, что неожиданное отстранение Джеми Бойда от расследования убийства Вуда наверняка было связано с установкой подслушивающих устройств. Ослепленный ненавистью к семье Чагры и обуреваемый желанием упрятать всех их за решетку, рассуждал Джо, Бойд, видимо, нагадил в собственном

гнезде, а возможно, даже и сорвал все дело против Харрелсона. Создавшаяся ситуация требовала тщательного анализа на ясную голову. Но этого-то Джо и не мог сделать: вот уже несколько месяцев разум его пребывал в состоянии помутнения. Ему нужно было во что бы то ни стало раздобыть копию аффидевита с просьбой об установке подслушивающих устройств и выяснить, какими доказательствами располагают федеральные власти. Он понимал всю опасность создавшегося положения. Если бы голова у него была чуть яснее, Джо понял бы и другое: устанавливая подслушивающие устройства, власти, конечно, не ограничились одним лишь Чарли Харрелсоном. Но эта мысль не приходила тогда в голову никому из семьи Чагры.

Джимми тем временем был охвачен почти паническим страхом: он боялся, как бы Лиз сама не пошла на сделку с ФБР. Джимми всегда безумно ревновал Лиз. Сейчас же, когда он сидел за решеткой и был совершенно беспомощным, его ревность перешла всякие границы. К счастью, Джимми не знал о ее романе с ювелиром. В противном случае за него трудно было бы поручиться. Джимми «заводился» по любому поводу. Однажды он обвинил Лиз и Пэтти в лесбиянстве только потому, что Пэтти дала Лиз надеть свои колготки. В другой раз еще в Лас-Вегасе он жестоко избил Лиз, а затем принудил признаться, что та была любовницей Джо. В действительности ничего этого не было, но Джимми заставил ее тогда позвонить в номер отеля, в котором остановились Джо и Пэтти, и сказать, что она «рассказала Джимми правду» об их «романе».

Утром 7 января 1981 года охранники Ливенуортской тюрьмы сообщили агентам ФБР, что Лиз Чагра приехала на свидание с мужем. Как только супруги заговорили об убийстве Вуда, дежурные агенты включили записывающие устройства.

Джимми: Ну что, ты уже хочешь сознаться, да?

Лиз: Нет. Но ты сам мне сказал, чтобы я призналась только в...

Джимми: Да, конечно. Может быть, позже.... Но, голубушка, сначала надо все отрицать.

Лиз: Ты же знаешь, что я тоже могу угодить в тюрьму.

Джимми: Можешь, малышка. Но всего на десять-пятнадцать лет.

Лиз: На всю жизнь! [Неразборчиво]... учитывая это убийство судьи.

Джимми: Послушай, ты ничего об этом не знаешь. Они, конечно, постараются тебя запугать. Скажут, что посадят в тюрьму, отберут детей и ты их никогда не увидишь... А поэтому ты должна будешь заложить меня, и тогда тебя выпустят. Ну как, нравится тебе такое предложение? Отвечай: нравится, чертова кукла?

Лиз: Нет... Ну что ты. Но я не хочу садиться в тюрьму. Не хочу! Я отказываюсь идти в тюрьму.

Джимми: Значит, ты все будешь валить на меня?

Лиз: Нет.

Джимми: Почему?

Лиз: Я [неразборчиво] скажу [неразборчиво] сами. [Смеется.]

Джимми: [Смеется.] Фу ты, черт! Ну и напугала же ты меня, дрянь эдакая. Вот чертова девка! И откуда ты взялась?

Лиз: Сам знаешь. Я просто играю.

Джимми: Скажи, ты готова пойти в тюрьму ради меня?

Лиз: Нет, Джимми. Не-е-е! [Смеется.] Ни за что. Мальчик мой, разве я могу бросить детей? Если бы у нас их не было...

Джимми: Радость моя, именно это тебе и скажет ФБР: «Разве вы можете бросить своих детей? Почему бы тогда вам во всем не сознаться?»

Лиз: Как я могу бросить своих детей? Я ни в чем сознаваться не буду, Джимми. Можешь не волноваться, но и в тюрьму не пойду. [Смеется.]

Джимми: Ну а что ты будешь делать, когда придется выбирать: тюрьма или признание?

Лиз: Не знаю.

Джимми: Ну, скажи. Не заставляй меня переживать. Что ты сделаешь тогда?

Лиз: Неужели ты думаешь, я им скажу? Неужели? А что вообще я могу сказать?

Джимми: Ты не скажешь?

Лиз: Нет, не скажу.

Джимми: Даже если тебе придется за это идти в тюрьму?

Лиз: Думаю, этого мне делать не придется.

Джимми: Да, конечно. Ну а все же?

Затем Джимми спросил, не собирается ли Лиз разводиться с ним. Та вновь рассмеялась и сказала, что развод ей ничего не даст. Настроение у них немного улучшилось, когда они перешли к обсуждению Харрелсона, его падчерицы и обнаруженного ими микрофона. Лиз поняла, что не все еще сплетни дошли до Джимми.

Лиз: Джо рассказал тебе, о чем они говорили, когда их записывали?

Джимми: Нет.

Лиз: Ну, ты, наверное, сам знаешь, что он... спал с ней. Со своей падчерицей.

Джимми: Что? Он с ней спал [неразборчиво]?

Лиз: Да, он уже давно с ней спит.

Джимми: Так что же случилось?

Лиз: В тот момент он как раз говорил ей: «Я хочу [неразборчиво] потрогать тебя». Он протянул под стол руку, но нащупал совсем другое — микрофон, через который все записывалось. Так что теперь все это — на пленке.

Джимми: Как? Они записали все на пленку? Послушай, я начинаю волноваться за тебя.

Лиз: Голубчик, не надо за меня волноваться.

Джимми: Ты можешь предать меня.

Лиз: Я тебя не предам, Джимми!

После этой реплики дежурные операторы «приглушили» запись и включили магнитофоны, когда супруги стали вспоминать, как как-то вечером обсуждали в спальне детали убийства Вуда.

Джимми: [Неразборчиво.] Я должен был.

Лиз: Джимми, скажи мне правду.

Джимми: [Неразборчиво.)

Лиз: [Неразборчиво.] Зачем ты сказал мне об этом?

Джимми: Ты хотела знать правду. Ты всегда хочешь все знать, а потом начинаешь раскалываться. Видишь, ты сама настаивала, чтобы я рассказал тебе о... Ну, об этом деле с Вудом.

Лиз: Я не настаивала!

Джимми: Нет, настаивала! Ты все время...

Лиз: Ты сам мне все рассказал!

Джимми: Нет, ты все время... Ну послушай, дорогая. Ты же помнишь. Мы лежали... Я это отчетливо помню.

Лиз: Джимми, я не... [неразборчиво]. Ну хорошо, что?

Джимми: Ты сказала: «Ну пожалуйста, расскажи. Ты мне больше ничего не рассказываешь. Разве ты не хочешь, чтобы и я все знала? Я чувствую себя такой одинокой...» А потом заревела.

Лиз: Джимми, пожалуйста, не... Помнишь, как ты пришел и сказал мне, что встретил этого типа... и что ты не знаешь его? Ты еще спросил, надо это делать или не надо.

Джимми: А ты что ответила?

Лиз: Я сказала: «Да». Но это еще ничего не значит.

Джимми: [Смеется.] Вот видишь, когда начнется суд, я скажу, что все это из-за тебя.

Лиз: Ну конечно, что еще можно ожидать от тебя? [Неразборчиво.]

Джимми: Ну ладно-ладно. Я пошутил. Я никогда им ничего не скажу. Пусть что угодно предлагают: свободу, деньги. Ты это понимаешь?

Через несколько дней после поездки Лиз в Ливенуорт выходящая в Сан-Антонио газета «Экспресс» сообщила, что в ближайшие два месяца будут предъявлены обвинения как по делу об убийстве Вуда, так и по делу о покушении на Керра. В отдельной заметке сообщалось, что в суд был вызван Бенни Бинион, 76-летний владелец казино «Бинионс хорс-шу», которому было предложено представить большому жюри все сведения, касающиеся выигрышей и проигрышей Джимми Чагры. Джо Чагра объяснил этот шаг тем, что власти, видимо, надеялись на основании записей в бухгалтерских книгах казино установить, какую сумму наличными Джимми Чагра передал Чарлзу Харрел-

сону, хотя сам он был уверен, что таких записей просто не существовало.

На той же неделе произошло еще одно, более важное событие, которое заставило Джо Чагру по-новому взглянуть на проблему электронного наблюдения. Во время одного промежуточного судебного заседания, проведенного по просьбе адвокатов Харрелсона, суд хотел было перейти к детальному рассмотрению вопроса о подслушивающих устройствах, как вдруг представительница федерального прокурора неожиданно попросила разрешения сказать что-то судье конфиденциально, заявив, что хочет ознакомить его с копией «постановления федерального суда». Джо догадался (на этот раз правильно), что это постановление разрешало властям подслушивать разговоры не только Харрелсона, но и Чагры. Но тогда он еще не догадывался, что это постановление действовало уже *три месяца*.

Через несколько дней Джо вновь навестил Джимми и сказал, чтобы тот особо не переживал: то, что Харрелсон обнаружил подслушивающее устройство,— «самое лучшее, на что можно только надеяться». Джо считал, что власти не смогут доказать, что подслушивающие устройства были установлены на законном основании.

Джо: Этого просто нельзя делать, старина. Нельзя подслушивать телефонные разговоры адвоката.

Джимми: Кто-то, наверное, сказал, что и ты причастен. Кто бы мог об этом знать?

Джо: Не знаю. С этим мы еще разберемся. Единственное, на что они могут рассчитывать,— это доказать пособничество после совершения убийства.

Джимми: Но это уже твоя вина.

Джо: Да, конечно. Но что сделано — то сделано!

Джимми начал затем очередную фарисейскую тираду о том, что он *говорил,* чтобы Джо держался подальше от Харрелсона, говорил сотни раз, но Джо так и не последовал его совету. А как быть с «орудием убийства»? Что, если ФБР записало на магнитофон и *этот* их разговор? Что, если ФБР уже нашло это «орудие»? Их могла навести Джо-Энн Харрелсон. Если они найдут ружье, то могут считать, что дело у них в кармане. Джо заметил, что на последней встрече с Харрелсоном тот сказал, что о ружье надо забыть. Он также сказал, что собирается прикончить жену, а может, и падчерицу. Он попросил Джо тайно переправить ему в тюрьму пистолет, но Джо не захотел даже говорить об этом. Недавно Джо пришло на ум другое: а что, если кто-то видел, как Харрелсон убивал судью? Что, если там был еще один свидетель, о котором они даже не знают?

Джо: Послушай, что я тебе скажу. Им все известно. Хуже всего сейчас знаешь что?

Джимми: Что?

Джо: Что бы ни случилось, сейчас им уже все известно. Черт, не знаю, как это произошло, как они все разнюхали, но им теперь все известно.

Джимми: Что именно?

Джо: Что ты [неразборчиво] и он убили Вуда. Это все потому, что эта сволочь Таррант [Боб Таррант, хьюстонский адвокат Харрелсона] все им рассказал. Они все знают, старина.

Джимми: Конечно, знают. Теперь я отсюда никогда не выйду.

Через три дня Джимми позвонил Лиз. Та так нервничала, что почти лишилась дара речи. Джимми попробовал ее как-то успокоить, сказав, что именно этого и добиваются власти. Он уже предупреждал ее об этом и теперь снова предупреждает. «Они хотят, чтобы мы перегрызлись и начали топить друг друга,— сказал он.— А ты все время переживаешь и нервничаешь. Ну и что, что они тебя преследуют? К черту все их преследования! Забудь о них, дорогая. Мы ничего дурного не сделали...»

Закончив разговор с Лиз, Джимми тут же позвонил в контору Джо. Тот сказал, что шумиха поднимается теперь и вокруг Лиз. Полиция и ей теперь не дает покоя. Отец Лиз Лион Николс так обеспокоен душевным состоянием дочери, что не рискнул рассказать ей о визите агентов ФБР. Но Лиз об этом узнала и теперь думает, что и отец от нее отвернулся. «Послушай, Лиз принимает какие-то таблетки или что?» — спросил Джимми. Джо сказал, что не знает. Ему известно лишь, что Лиз ужасно переживает. Джо посоветовал ей еще раз поехать в Ливенуорт: может, Джимми ее успокоит.

26 января 1981 года, за день до предполагавшегося приезда Лиз, тюремный капеллан сказал Джимми, что по тюрьме ходят слухи, будто в зале для свиданий установлены подслушивающие устройства. Джимми тут же позвонил Джо и сказал, чтобы тот предупредил Лиз. Теперь им придется передавать друг другу записки, а потом уничтожать. «Будь осторожен,— предупредил Джо брата.— Помни, что теперь все, что ты говоришь, прослушивается».

На свое последнее (как потом выяснилось) свидание с Джимми в Ливенуорте Лиз приехала с младшей дочерью, которой не было и трех лет. Она захватила с собой небольшой блокнот, который спрятала в детской сумочке. Хотя теперь у Джимми и Лиз были все основания полагать, что их беседа записывается на магнитофон, они все равно не всегда могли себя сдержать.

Джимми: Что-то не вижу, чтобы ты чувствовала себя хорошо.

Лиз: Нет-нет, я чувствую себя прекрасно. Просто очень расстроена. Очень. Я ужасно зла на тебя. Просто ужасно... Ты догадываешься почему?

Джимми: Почему?

Лиз: Потому что в то утро... в то утро, когда нужно было платить деньги [неразборчиво)... я была в доме. На улице было

сорок три градуса жары. И я уже носила Синди. А ты играл в гольф во дворе, а потом вошел в дом и сказал: «Лиз, я хочу, чтобы ты съездила [неразборчиво]»... сказала: «Я не хочу, Джимми. Не хочу». Ты помнишь?

Джимми: Погоди.

Лиз: Нет, ты помнишь?

Джимми: Ну постой, успокойся.

Лиз: Нет. Что еще?

Джимми: [Шепот.] Мы пошли в гостиную... прошли в спальню. И там я спросила у тебя: «Кто мог бы отвезти эти деньги [неразборчиво]?» И ты сама вызвалась [неразборчиво].

Лиз: Нет. Я не хотела.

Джимми: Не хотела?

Лиз: Нет, Джимми. И ты это хорошо знаешь. Ты сказал тогда: «Лиз, я могу доверять только тебе». Я не хотела [неразборчиво]. Но меня сейчас волнует не это. Меня волнует то, что ФБР... кто-то из них уже побывал у моего...

Джеки Чагра: Ма!

Лиз: Что, маленькая? Кто-то из ФБР уже побывал у моего... моего [неразборчиво] в Оклахоме. Кто-то уже заговорил, да? Кто-то заговорил. И то, что ты...

Джеки Чагра: Па! Ма!

Джимми: Послушай, ты можешь меня выслушать? Кто-то говорит...

Джеки Чагра: Мама! Мама! Мама!

Лиз: Что именно, голубчик? Я знаю лишь одно... Я все время твержу тебе: я не хотела. Я не хотела [неразборчиво]...

Джимми: Ну хорошо-хорошо, моя радость. Не буду больше спорить. Все, конечно, было не так, но я спорить не буду. Может быть, так оно и было. Хорошо.

Лиз: Я помню, что именно это я и сказала. Я была... Потому что я испугалась до смерти.

Джимми: Нет-нет. Ты сказала мне... ты...

Лиз: Когда я это сделала, Джимми, мне было страшно.

Джимми: Ты знаешь, что нас здесь подслушивают. Вчера я узнал, что здесь спрятаны микрофоны. Давай лучше писать. Для этого я принес вот что... Ну хорошо, послушай...

Лиз: И в это положение я попала из-за человека, которого так сильно люблю. Все из-за тебя...

Джимми: Ну не надо так, радость моя. Не надо, черт возьми, все переворачивать и так со мной разговаривать.

Джеки Чагра: Ма!

Джимми: Ну в какое такое положение я поставил тебя? Дорогая, здесь нас подслушивают. Ты что, этого не понимаешь?

Лиз: Ага, ты хочешь, чтобы я тебе написала [неразборчиво]. Ну говори, что тебе написать?

Джимми: Не хочешь — можешь встать и говорить стоя. Не драться же со мной ты сюда приехала?

Лиз: Нет, я приехала сюда не драться.

Джимми: Ну а зачем тогда? Мне сдается, ты приехала сюда именно для этого. Чтобы драться со мной. Упрекать меня в том, что я впутал тебя во всю эту историю.

Лиз: Да, ты.

Джимми: Я же тебе сказал... С самого начала я не хотел ничего говорить тебе, но ты настаивала и хотела знать все. Правильно я говорю или нет?

Лиз: Да. Да.

Джимми: Так чего же ты теперь злишься?

Лиз: Я злюсь не на тебя. Я злюсь на себя. Злюсь, что была такой дурой. Вот и все.

Джимми: Я знаю, но послушай, голубушка [неразборчиво]. Ты такая красивая.

Джеки Чагра: Я люблю тебя.

Джимми: Я тоже тебя люблю.

Джеки Чагра: Телефон. [Пауза.] Мам, телефон!

Лиз: Да, я слышу. К нему подойдет вон тот дяденька. Возьми, Джеки. Ты же хотела рисовать...

Джеки Чагра: Па, я хочу рисовать...

Джимми: Да-да. Ты хочешь рисовать? Этот блокнот слишком маленький. Возьми вот этот большой лист бумаги. Хорошо? Ну, не плачь.

Джеки Чагра: Да. Па, возьми... Возьми... Па, возьми...

Джимми: [Неразборчиво.] Черт [неразборчиво].

Лиз: Ну что, малышка? Ух ты, как красиво у тебя получается!

Джимми: Так в чем же нас, черт возьми, обвиняют?

Лиз: Не знаю.

Джимми: Джо [шепчет] как пособник и подстрекатель.

Джеки Чагра: Мам, нарисуй мне домик!

Лиз: Послушай, Джимми. Они, черт возьми, очень близки к истине. Неужели тебе это не ясно?

В этом месте Джимми предложил немножко пройтись. Бо́льшую часть дальнейшего разговора разобрать не удалось, поскольку они все время разговаривали шепотом или передавали друг другу записки. Но спор, по-видимому, все еще продолжался. Несколько раз Лиз порывалась выбежать из зала для свиданий, но Джимми удерживал ее. Он пытался успокоить ее и говорил, что ФБР не может забрать у нее детей, а та все время твердила, что может и так и сделает. Время от времени сидевшие за мониторами агенты записывали обрывки фраз или детский лепет Джеки, которая, например, несколько раз повторила: «Я люблю вас, ребята». В какой-то момент Лиз сказала, что ее больше всего пугает то, что, когда ее действительно арестуют и сфотографируют, ее волосы «будут как пакля» и она не сможет «помыться и накраситься».

— Тебя *это* волнует?

— Да. Что будет с моим маникюром?

— Неужели это тебя так волнует?

Лиз сказала, что ее уже тошнит от всей этой мерзости, на что Джимми ответил, что сейчас ей лучше всего отдохнуть в тюрьме. «В тюрьме можно отлично отдохнуть,— сказал он.— Здесь тебе ни о чем думать не надо. Здесь тебе говорят, когда есть, когда спать. Будешь работать и отдыхать. Дети больше не будут плакать и приставать с просьбами. Здесь ты сможешь прекрасно отдохнуть от всего».

Приглушив запись дальнейшей беседы, агенты включили магнитофоны, когда речь вновь зашла об убийстве Вуда.

Лиз: ...Мы лежали в постели, и ты велел мне [неразборчиво] ...встретиться с кем-то. Он мог это сделать, и ты обдумал все детали...

Джимми: [Неразборчиво] мы обсуждали [неразборчиво].

Лиз: А ты сказал: «Тебе решать».

Джимми: И что ты на это ответила?

Лиз: Я сказала: «Хорошо, действуй».

Джимми: [Смеется.] Эй, послушай. Получается, ты убила Вуда.

Когда Лиз собралась уезжать, Джимми напомнил, чтобы она уничтожила все записки, которые они передавали друг другу. Лиз сказала, что бросит их в унитаз и смоет водой или сожжет по дороге домой. После некоторой паузы она посмотрела на Джимми и сказала, что все равно не доверяет его дружку Джерри Рею Джеймсу.

Когда Лиз выходила с Джеки из зала для свиданий, она вдруг увидела, что к ней направляются два агента ФБР. Лиз бросилась в туалет. Сердце стучало так, что готово было выскочить из груди. Лиз разорвала записки в мелкие клочья и бросив их в унитаз, попыталась было спустить воду, но вдруг с ужасом обнаружила, что воды в бачке не было. Она быстро собрала намокшие кусочки бумаги и сунула себе в сумку. Но агенты задержали Лиз и извлекли из сумочки все клочки. Позже они сложили их в первоначальном порядке и среди прочего прочли следующую запись, сделанную рукой Лиз: «Джо говорит, что ФБР знает, что часть денег я отвезла Терезе». К тому моменту это вряд ли было большой новостью для ФБР, но Лиз все равно страшно перепугалась, так как она, разумеется, и не подозревала, что ее разговоры с Джимми прослушивались вот уже несколько месяцев. Ее мучила лишь одна мысль: теперь у ФБР есть неопровержимые улики против нее, да еще написанные ее собственной рукой.

Возвращаясь в тот вечер в Эль-Пасо, Лиз Чагра никак не могла совладать с собой. В Денвере, где она делала пересадку на другой самолет, ее задержали два агента ФБР. Когда же Лиз прилетела в международный аэропорт Эль-Пасо, там ее уже поджидали еще два агента, которые тоже ее допросили. ФБР, видимо, решило, что настало время затянуть гайки потуже. Когда Лиз подъезжала к своему дому, находившемуся рядом с домом Джо и Пэтти, она уже почти билась в истерике. Лиз сказала Джо и Пэтти, что агенты предложили ей сделку: 500 000 долларов и новые документы с изменением внешности. В случае отказа они грозились забрать детей и отправить ее в тюрьму на всю жизнь. «Они дали ей двое суток на размышление»,— вспоминала Пэтти. Лиз обещала «подумать».

Но «думать» ей было, в сущности, не о чем. Агенты ФБР вовсе не собирались выполнять условия сделки, считая, что успех им и без того обеспечен. Власти имели теперь все необходимые доказательства, подтверждавшиеся многочасовыми магнитофонными записями, а также показаниями Джерри Рея Джеймса и других свидетелей.

Через несколько дней после последнего визита Лиз охранники разбудили Джимми среди ночи и велели собирать вещи: его увозят из Ливенуортской тюрьмы. В полной тайне и с соблюдением строжайших мер безопасности его посадили в машину и везли куда-то всю ночь. Незадолго до рассвета Джимми увидел наконец место, где ему предстояло провести бóльшую часть оставшейся жизни. Это была тюрьма особо строгого режима в Мэрионе (штат Иллинойс) в 200 километрах к юго-востоку от Сент-Луиса — самое страшное исправительное учреждение в Америке, новый Алькатрас*. Туда попадали люди, считавшиеся слишком опасными, неисправимыми и жестокими преступниками, которых нельзя было помещать ни в одну другую окружную или федеральную тюрьму страны. Гарольд Миллер, один из надзирателей Мэрионской тюрьмы, как-то заметил: «Судьи заключают преступников в тюрьму, чтобы защитить от них общество. Тюремщики же часто помещают заключенных в Мэрион, чтобы защитить от них других заключенных». В течение нескольких дней ни адвокаты Чагры, ни его родственники не знали, где он находится. Прошло несколько недель, прежде чем Джо Чагре или кому-либо другому было позволено повидаться с Джимми или хотя бы поговорить с ним по телефону.

Вскоре после перевода Джимми в Мэрион агенты ФБР тайно увезли из Ливенуортской тюрьмы и Джерри Рея Джеймса, спрятав его в неизвестном месте. А еще через несколько месяцев губернатор штата Нью-Мексико Брюс Кинг сделал сенсационное заявление о помиловании Джеймса. Сообщение о том, что Джерри Джеймс оказался стукачом, потрясло все тюрьмы, бильярдные и полицейские участки от Альбукерке до Корпус-Кристи. Кто бы мог подумать, что доносами занимался человек, некогда фигурировавший в списке десяти самых опасных преступников, разыскиваемых ФБР, человек, считавшийся самими федеральными агентами «чрезвычайно опасным» и возомнивший себя «современным Аль Капоне». Министерство юстиции

* Федеральная тюрьма на пустынном скалистом острове в заливе Сан-Франциско. Закрыта в 1963 году.— *Прим. перев.*

заявило, что Джеймс особожден «в интересах правосудия», но никто, конечно, с этим не мог согласиться.

Через несколько дней после отъезда Джеймса из Ливенуорта ФБР обратилось к судье Сешнсу за разрешением произвести обыск в домах Джо, Лиз, Пэтси, матери Чагры и отца Лиз Лиона Николса.

27 февраля 1981 года семьдесят агентов ФБР, Управления по борьбе с наркотиками и Налогового управления перекрыли часть Санта-Анита-стрит, расставили в надлежащих местах полицейские фургоны и приступили к обыску. Все предполагалось держать в тайне, но уже через несколько минут средства массовой информации Эль-Пасо знали об этом. Обыск продолжался четырнадцать часов. Агентам удалось обнаружить карту и магнитофонную запись бессвязного лепета Харрелсона, когда тот звонил Джо из Хьюстона. Были также найдены две унции кокаина и более двух килограммов марихуаны. Агенты изъяли все ценности семьи Чагры, включая драгоценности и серебряные монеты на несколько миллионов долларов и много тысяч долларов наличными. Они конфисковали у матери Чагры пять семейных альбомов с фотографиями и вырезками из газет и обручальное кольцо Джо. Агенты сняли с Лиз Чагра наручные часы и забрали даже колечко, подаренное Пэтти Чагра ее родителями, когда та еще ходила в школу. Формально все эти ценности были изъяты на основании права ареста имущества за неуплату Джимми Чагрой 600 000 долларов Налоговому управлению, хотя оно уже и получило 450 000 долларов от продажи дома в Лас-Вегасе и еще 180 000 долларов наличными, изъятых при аресте Джимми, плюс стоимость машины и домика на колесах, который оценивался в 35 000 долларов.

Полиция, перекрывшая весь квартал № 4000 на Санта-Анита-стрит, не пропускала ни одну машину, а агенты бегали в это время от одного дома к другому вместе со своими чемоданчиками, фотоаппаратами и электронным оборудованием. Они сфотографировали все, что было внутри багажника автомобиля, стоявшего перед домом Лиз Чагра, и тщательно осмотрели весь двор, используя металлоискатель. Другие агенты перетаскивали ящики с драгоценностями, деньгами и документами из домов в фургоны. Лион Николс жаловался потом, что агенты проверили каждый конверт, каждый клочок бумаги и даже мешок с картошкой. Один агент сказал репортеру: «Если мы найдем то, что ищем, это даст нам возможность предъявить обвинения. Мы уже очень близки к этому. А после сегодняшнего дня все, возможно, будет решено».

Агенты вели себя чрезвычайно осторожно и следили за тем, чтобы их обычные вопросы и реплики в ходе обыска не воспринимались как «интервью». Согласно официальному рапорту, во время обыска два таких интервью было проведено с Джо Чагрой. Первое имело место в большой спальне рядом с чуланом и проводилось в присутствии его друга — адвоката, который

случайно оказался там в это время.

В рапорте говорилось: «Мистера Чагру спросили, желает ли он пояснить, какова его личная роль в убийстве судьи Вуда и что ему об этом известно... Он сказал, что, как явствует из результатов обыска, ФБР неправильно считает его главным подозреваемым в деле об убийстве Вуда. Он добавил, что, хотя ордер на обыск был, по-видимому, выдан прежде всего с целью определения размеров и наложения ареста на имущество Джимми Чагры, он убежден, что подспудной его целью были поиски доказательств, которые могли бы помочь расследованию обстоятельств убийства Вуда. Мистеру Чагре было сказано, что он является объектом расследования в связи с убийством Вуда...»

Несколько раз Джо говорил агентам, что он не знал заранее о замышлявшемся убийстве и не участвовал в его подготовке, равно как и никоим образом не участвовал в самом преступлении. Более того, он готов ответить на любые вопросы и даже пройти соответствующую проверку на «детекторе лжи». Единственное, что он не будет обсуждать с агентами,— это предмет его разговоров с Чарлзом Харрелсоном и братом после убийства судьи, поскольку это подпадает под закон о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату. Агенты были достаточно осторожны и не сказали, что у них имеются доказательства, опровергающие это утверждение. Правда, они заявили, что придерживаются несколько иного мнения в вопросе о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату.

Второе интервью было проведено через сорок пять минут в одной из детских комнат в глубине дома. Один из агентов спросил у Джо, что тот может сказать по поводу местонахождения орудия убийства. Не говорил ли ему Харрелсон, где он его спрятал.

Джо заметно смутился и сказал агенту, что может ответить на этот вопрос чисто гипотетически.

— Никакого признания в связи с этим я не делаю,— сказал он.— Но чисто гипотетически могу сказать, что, если бы Харрелсон и назвал мне местонахождение какого-то орудия убийства, я все равно отказался бы обсуждать этот вопрос, поскольку считаю, что в данном случае вступает в силу закон о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату.

— Мы придерживаемся иного мнения на этот счет,— заметил один из агентов.— В момент такого разговора, если он состоялся, вы еще не представляли Чарлза Харрелсона. Но даже если вы скажете, что такой разговор подпадает под закон о неразглашении уже потому, что это может негативно сказаться на вашей защите своего брата, то и тогда это утверждение окажется несостоятельным. Ведь закон о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом, то есть Джимми, своему адвокату, то есть вам (если этот закон вообще может быть применен к вашим

отношениям), не распространяется ни на какие уличающие вас беседы с мистером Харрелсоном.

— Хорошо. Тогда давайте допустим другое,— сказал Джо.— Допустим, мне звонит человек и говорит, что зарезал жену, и называет при этом место, куда он спрятал орудие убийства. Как адвокат я не могу обсуждать с вами это признание.

— В вашем гипотетическом случае,— ответил на это один из агентов,— закон о неразглашении вступает в силу (да и то не всегда) лишь в том случае, если этот человек позвонил вам после или в процессе общения с вами как с адвокатом, к которому он обратился за помощью.

— Я не согласен с такой интерпретацией,— сказал Джо.

— Хорошо,— ответил агент.— Тогда ответьте мне на такой вопрос. Вступает ли в силу закон о неразглашении, если этот человек сказал вам, что убил свою жену, указал местонахождение орудия убийства и попросил вас отыскать и избавиться от него, а вы согласились?

— Нет, не думаю,— признался Джо.

Тогда агент задал еще один гипотетический вопрос:

— Если бы убийца имел сообщника, а вы попытались бы помочь этому сообщнику спрятать орудие убийства или избавиться от него, распространялся бы на вас и тогда закон о неразглашении?

Джо понял, что увязает все глубже и глубже. Агенты ФБР знали гораздо больше, чем он предполагал. Теперь все сводилось к следующему: в каком именно качестве Джо разговаривал с Харрелсоном — как адвокат или как брат Джимми Чагры? Джо сам не знал ответа на этот вопрос.

— Теперь я понимаю,— сказал он,— как получилось, что власти, видимо, полностью извратили мою роль во всем этом деле.

— Имеющиеся у нас доказательства ясно показывают, что Харрелсон вступил с вами в связь как с братом Джимми Чагры, а не как с адвокатом.

— Это очень сложный вопрос,— признался Джо.

Один из агентов спросил, говорил ли Джо когда-нибудь с Джимми, а может, с Джимми и Ли об убийстве судьи Вуда. Если да, то распространяется ли, на его взгляд, и на это закон о неразглашении. Джо засмеялся и сказал, что об этом мерзавце Вуде они могли говорить все, что угодно. Но говорить об убийстве и совершать убийство — две разные вещи.

— Могу сказать лишь одно,— повторил он.— Я не знал заранее, что кто-то собирается убивать судью Вуда. Но я чувствую, что меня все дальше и дальше загоняют в угол. Я сознаю, что попал в очень трудное положение, но еще раз заявляю: я ни в чем не виновен. Я не собираюсь сесть за решетку за то, к чему не имею никакого отношения.

Перед отъездом агенты сказали Джо, что им предстоит еще раз с ним встретиться. Может быть, в следующий раз они

«представят более конкретные доказательства». Один из агентов спросил, нанял ли Джо адвоката.

— Думаю, мне он не понадобится,— ответил Джо.— Но если вы действительно захотите встретиться со мной еще раз, я, возможно, и приглашу адвоката.

Джо проводил агента до двери. Уже стемнело, и над вершинами гор появились звезды.

— У вас есть брат? — спросил он.— Если есть, вы поймете, как я оказался замешанным в это.

37

Через две недели после обыска Джо Чагра вылетел в Калифорнию, чтобы пройти там проверку на «детекторе лжи». Он надеялся, что это поможет снять с него подозрения в причастности к убийству судьи Вуда.

Идею эту подсказал ему Оскар Гудмен. К тому моменту Джо Чагра практически уже не мог помешать властям предъявить ему обвинение, и у него оставалась лишь хрупкая надежда убедить большое жюри, что обвинение построено на несостоятельных доказательствах. ФБР и само часто прибегало к «детекторам лжи», но лишь в тех случаях, когда это было ему выгодно. Чтобы обезопасить себя от всяких неожиданностей, Гудмен остановил свой выбор на специалисте по «детекторам лжи» Теде Понтичелли, который пользовался большим уважением среди сотрудников министерства юстиции и ФБР. Эксперт, занимавшийся в то время частной практикой в калифорнийском городке Санта-Ана, задал Джо Чагре четыре следующих вопроса:

1) Вы заранее знали, что в судью Вуда будут стрелять с намерением совершить убийство?

2) Вы сами устроили убийство судьи Вуда?

3) Вы вместе с кем-то замышляли убийство Вуда?

4) Вы сами убили судью Вуда?

На все четыре вопроса Джо Чагра ответил «нет». Копию осциллограммы вместе с расшифровкой Понтичелли отправил в отделение ФБР в Сан-Антонио. В экспертном заключении говорилось: «Мистер Чагра совершенно непричастен к убийству судьи. Он его не организовывал, отношения к нему не имеет и заранее о нем не знал. Я не сомневаюсь, что этот человек совершенно невиновен по данному делу».

Хотя ФБР отказалось комментировать результаты проверки, было и без того ясно, что оно оставит их без внимания. На той же неделе директор ФБР Уильям Уэбстер, выступая на пресс-конференции в Вашингтоне, заявил, что убийство судьи Вуда в основном раскрыто. «Мы уже знаем имена всех участников преступления,— сказал он.— Речь теперь идет лишь о полноте доказательств».

Многие первоклассные адвокаты из таких отдаленных городов и районов, как Бостон и Майами, уже знали о деле и вызвались защищать Джо Чагру. Но большинство запросило огромные гонорары, а Джо был практически полным банкротом. «После ухода агентов ФБР из моего дома в тот вечер,— сказал он,— у меня в кармане осталось ровно два доллара». Одним из немногих солидных адвокатов, изъявивших желание представлять интересы Джо Чагры в суде без гарантированного гонорара, был Билл Рэвкайнд из Далласа, который в свое время защищал Джимми Френча и других крупных контрабандистов в Техасе и Нью-Мексико. Рэвкайнд пользовался репутацией адвоката, способного выигрывать трудные дела. Именно таким в данный момент и представлялось дело Джо Чагры.

«Когда я впервые заговорил об этом с Джо сразу же после обыска,— вспоминал Рэвкайнд,— я даже не думал об убийстве Вуда. Я прочитал в газетах о наркотиках, найденных в его сейфе, и подумал сначала, что все дело сводится именно к этому». Но через несколько дней адвокату позвонили два приятеля из отдела уголовной хроники даласской «Морнинг ньюс», и он узнал кое-что новое для себя. Репортеры Говард Суиндл и Аллен Пусей выяснили из разговора с агентом ФБР в городе Тайлере в Восточном Техасе, что дело Джо Чагры намного серьезнее, чем он думал. В ходе бесед самого Рэвкайнда с Джо Чагрой последний заверил его, что не имеет никакого отношения к убийству Вуда, и адвокат все еще верил в это. У ФБР, однако, были, вероятно, причины думать по-иному. Но какие? Рэвкайнд договорился о встрече с агентом ФБР, который вместе с группой коллег попытался отыскать орудие убийства в уже известном им районе у озера Рей-Хаббард. Тогда-то Рэвкайнд и понял, что агенты изъяли карту из сейфа Чагры. Агент не сказал, что у них есть еще и магнитофонные записи на тысячу часов звучания. Он ограничился лишь тем, что изложил в общих чертах версию ФБР об убийстве судьи, сказав, что Чагра подговорил своего брата нанять для этого Чарлза Харрелсона.

«Агент заверил меня,— вспоминал Рэвкайнд,— что Джо — главный объект расследования. Их версия казалась мне просто невероятной, но я понял, что у них что-то было, какие-то доказательства. Я предложил устроить еще одну встречу, на которой присутствовали бы Джо и агенты ФБР, сказав, что, если они ознакомят нас с имеющимися у них доказательствами, мы, возможно, сумеем все объяснить. Я позвонил Джо в Эль-Пасо, и он вновь заверил меня, что у властей нет ничего, что могло бы доказать его причастность к убийству. У них были лишь две унции кокаина и пять фунтов марихуаны. Вот и все. Правда, уже этого было достаточно, чтобы упрятать Джо в тюрьму на двадцать лет. Если же у них есть еще и доказательства его причастности к убийству, дело может принять весьма серьезный оборот и выиграть его будет крайне сложно».

Джо Чагра согласился с Рэвкайндом: от встречи с агентами ФБР они потеряют очень мало, а выиграть могут много. Адвокат хотел, пока не поздно, не допустить предъявления обвинения. В пятницу 20 марта Рэвкайнд и Чагра вылетели в Сан-Антонио на встречу с представителями ФБР. В ходе пятичасовой беседы они узнали о наличии по меньшей мере одного серьезного доказательства, полученного с помощью электроники. Один из агентов спросил Джо, сообщал ли он кому-нибудь о своем участии — прямом или косвенном — в убийстве Вуда, на что Джо ответил категорическим «нет». Агент недоуменно поднял бровь, а затем прокрутил коротенький отрывок пленки. Джо был потрясен, услышав собственный голос. Это был отрывок из его разговора с братом.

Джимми: Джо, наверное, нам не нужно было этого делать, а?

Джо: Да.

Джимми: Что?

Джо: Да.

Джимми: Что «да»?

Джо: Нам не нужно было этого делать.

В этом месте агенты выключили магнитофон. Джо почувствовал холодное, тошнотворное помутнение в голове: это действовал кокаин. Он беспомощно уставился на Рэвкайнда, не зная, что делать дальше. Тогда адвокат сказал, что хочет переговорить с клиентом с глазу на глаз. «Джо лишь смутно припоминал этот разговор с братом,— рассказывал потом Рэвкайнд.— Джимми всегда говорил сумасбродные вещи. Джо сказал, что уже давно привык постоянно отбиваться от Джимми и говорить все, что угодно, лишь бы он отстал». Еще до встречи с агентами ФБР Джо предупредил, что о брате ничего говорить не будет, поэтому они с Рэвкайндом решили, что дальше говорить будет лишь адвокат. Когда они снова вошли в комнату, Рэвкайнд сказал: «Он все вспомнил. Джимми всегда нес всякую чушь. Джо сказал мне, что ему даже страшно подумать, что брат мог так *шутить*». Агенты лишь улыбнулись: настало время захлопнуть ловушку, и они прокрутили еще один отрывок.

Джимми: Я бы лучше выстрелил, как ты думаешь?

Джо: Да, конечно.

Джимми: Это ты велел сделать это. Ты! Ты! Это тебе было так невтерпеж.

Джо: Мне всегда казалось, что это ты говорил об этом. Никогда не думал, что ты найдешь для этого такого типа.

Джимми: Почему?

Джо: Я думал, что ты попросишь сделать это кого-нибудь из мафии. Морду, например.

Джимми: Я думал об этом. Но какая разница?

Джо: Какая разница? Этот тип — дерьмо. Вот какая разница.

По дороге в аэропорт оба адвоката — один из них был теперь клиентом другого — поняли, что встреча с агентами ФБР была

ошибкой. Те прокрутили им лишь небольшой отрывок на одной катушке. Не исключено, что у них есть и другие записи с еще более губительной для Джо информацией. Оба адвоката понимали, что беседа с агентами ФБР была продуманным риском. Ведь во всех случаях, когда адвоката и его клиента заранее знакомят с каким-нибудь материалом или уликой, те идут на риск, поскольку вынуждены сразу же делать какое-то заявление, а потом все время повторять его, не зная, окажется ли оно состоятельным. Заявление о том, что «Джимми всегда нес всякую чушь», возможно, и окажет воздействие на присяжных, но для ФБР оно было пустым звуком.

«Мы оба были в шоке,— вспоминал Рэвкайнд.— Я полагал, что все сказанное мне Джо — чистая правда. Но теперь оказалось, что он скрыл от меня по меньшей мере один факт. Теперь я знал, что у них имеются пленки, которые потребуют какого-то объяснения». Агенты ФБР заверили и адвоката, и его клиента, что пленок у них множество. Они сказали Джо: «Пора уже прекратить водить нас за нос. На пленках записано предостаточно ваших разговоров о контрабанде наркотиков, о судье Вуде и о других преступлениях. Пора понять, что, помогая нам, вы можете помочь и себе». Но Рэвкайнд был уверен, что Джо вряд ли будет помогать ФБР. Во всяком случае, если это в какой-то мере навредит Джимми. Харрелсон же — совсем другое дело. Джо, вероятно, считал, что всегда выступал в качестве адвоката Харрелсона. Но Рэвкайнд так не думал. ФБР — тоже. Рэвкайнд уже обдумывал возможные варианты защиты. Причем не только по обвинению в хранении и распространении наркотиков, но и по гораздо более тяжкому обвинению в преступном сговоре с целью убийства федерального судьи. Он уже воображал себя героем будущих судебных баталий.

Через несколько недель после поездки в Сан-Антонио Рэвкайнд решил предпринять еще несколько рискованных шагов. Прежде всего он намекнул кое-кому из друзей-газетчиков, что в ходе обыска агенты ФБР изъяли у Джо Чагры карту. Слухи о существовании какой-то карты ходили и раньше, но ни один представитель средств массовой информации не знал, что карту составил Чарлз Харрелсон или что в ней указывалось местонахождение орудия убийства судьи Вуда. Как адвокат, Джо Чагра не мог разглашать сведения, полученные от своего клиента, но Билли Рэвкайнд мог и сделал это.

Как только эта сенсационная новость появилась во всех газетах Техаса, Рэвкайнд сообщил представителям прессы еще одну чрезвычайно важную деталь: он рассказал о пятичасовой встрече с агентами ФБР и о том, что те прокрутили им часть пленки с изобличающими Джо высказываниями, которые он пересказал по памяти. Рэвкайнд изложил также свою теорию об относительной значимости доказательств, полученных с помощью электроники, и заявил, что Джо легко поддавался нажиму со стороны старшего брата и, как правило, всегда

соглашался с любой нелепостью, которая приходила в голову Джимми. Но делал он это не из желания действительно совершить какое-то преступление, а чтобы просто успокоить брата. «Совершенно ясно, что Джо не был участником какого-то преступного сговора,— говорил Рэвкайнд.— Это должно быть понятно любому здравомыслящему человеку. Прокручивая пленку, ФБР выбрало самое невыгодное для него место, вырвав его из общего контекста. Ни один здравомыслящий человек не будет обращаться к мафии с просьбой убить федерального судью. Это абсурдно, и ФБР знает это».

Рэвкайнду уже не раз приходилось иметь дело с обвинениями, построенными в основном на записях подслушанных разговоров. Он считал, что лучшим методом защиты в подобных делах была как можно более быстрая «нейтрализация» таких записей. Для этого нужно было лишь намекнуть на их содержание средствам массовой информации, а также объяснить кое-какие юридические нюансы. «Я хотел, чтобы обвинение знало, что мы не слабаки и готовы бороться и с пленками,— сказал он в частной беседе.— Если федеральные власти почувствуют, что мы можем использовать пленки в собственных целях, они могут вообще воздержаться от предъявления обвинения». Рэвкайнд узнал, что ходом расследования заправляют не обвинители из федеральной прокуратуры, а ФБР. Более того, ему стало известно, что в ФБР произошел даже раскол: одна группа не хотела предъявлять Джо Чагре обвинение в участии в сговоре с целью убийства судьи, а другая, более влиятельная, считала, что у властей нет иного выбора. Все доказательства обвинения против Харрелсона и Джимми Чагры строились исключительно на магнитофонных записях и материалах, изъятых во время обыска. Вот почему, если Джо не будет предъявлено обвинение в участии в преступном сговоре, все эти доказательства могут оказаться в суде бесполезными. Рэвкайнд знал, что оснований для предъявления Джо обвинения у властей более чем достаточно, а большое жюри поступит так, как скажет обвинение. Если Джо будет предъявлено обвинение, суд, несомненно, назначит такой большой залог, что уплатить его будет просто невозможно, и тогда Джо отправится прямо в тюрьму — на многие недели, а может быть, и месяцы. Рэвкайнд был уверен, что судья Сешнс будет настаивать на слушании дела в Сан-Антонио, где сама фамилия Чагры предана анафеме. К тому же заседания будут проходить в здании суда, носящем имя жертвы преступления. «Исход дела в этом случае будет предрешен еще до начала слушаний»,— сказал Рэвкайнд.

Через неделю после встречи с агентами ФБР Рэвкайнд пригласил к себе в офис в центре Далласа представителей средств массовой информации, договорившись заранее, что Джо пройдет еще одну проверку на «детекторе лжи», с результатами которой журналисты будут ознакомлены. Адвокат назвал свою идею «рискованной», но особого риска здесь не было. Как и

следовало ожидать, Джо прошел проверку успешно. Бывший аналитик из полицейского управления в Далласе Дональд Макелрой заявил журналистам: «Ему были заданы вопросы о причастности к убийству Вуда, на которые он дал правдивые ответы. К убийству он не причастен». Как и в случае с первой проверкой в Калифорнии, ее результаты предполагалось направить в отделение ФБР в Сан-Антонио в надежде на то, что они заставят большое жюри воздержаться от предъявления обвинения. «Мы не знали результатов заранее,— сказал Рэвкайнд, обращаясь к журналистам.— У нас не было ни плана *А*, ни плана *Б*. Если бы он не прошел проверку, нам пришлось бы с горя выпрыгнуть из окна». Рэвкайнд сказал несколько слов о теперь уже знаменитой карте. Уже одно то, что карта была у Джо в течение нескольких месяцев и он ею не воспользовался, говорит о его невиновности. Адвокат считал, что ФБР пока не обнаружило орудия убийства, потому что в противном случае агенты не напускали бы столько тумана по поводу имеющихся у них улик.

На той же неделе в Сан-Антонио вместо дискредитировавшего себя старого состава большого жюри, исчезнувшего вместе с Джеми Бойдом, к расследованию обстоятельств убийства Вуда приступило новое жюри. Работа проходила в строгой секретности, и даже вновь назначенному федеральному прокурору Эдварду Прадо, ставленнику президента Рейгана, не сообщалось ни место, ни время очередного заседания. Всеми текущими делами, связанными с работой большого жюри, руководила новая группа обвинителей, возглавлявшаяся помощником федерального прокурора Реем Джаном и его женой Леро́й Джан — лучшими юристами в Сан-Антонио. Но все важные решения принимались Вашингтоном. Многие из свидетелей, в свое время дававших показания прежнему составу большого жюри, были вызваны вновь. Среди них были давнишний приятель Харрелсона Пит Кей и падчерица Харрелсона Тереза Старр (теперь уже разведенная и вновь взявшая девичью фамилию). Светская дама из Эль-Пасо Вирджиния Фара также получила повестку, как и Эрл Макклендон (вскоре он будет приговорен к году тюремного заключения за содействие Джимми Чагре, когда тот скрывался от правосудия). К этому времени судебные власти уже знали, что Тереза Старр получила от Лиз Чагры деньги за убийство, но им не было известно, когда и где. ФБР все еще полагало, что Лиз передала деньги либо в Корпус-Кристи, либо в Браунсвилле, а не в клубе «Жокей» в Лас-Вегасе.

27 марта, на второй день работы нового состава жюри, срок полномочий которого был продлен до полутора лет, Тереза Старр отказалась отвечать на все десять заданных ей вопросов, включая ключевой: «Вам известно, что Чарлз Харрелсон убил судью Вуда?» Поскольку Терезе был предоставлен свидетельский иммунитет, освобождавший ее от ответственности перед законом, отказываться от дачи показаний она не имела права. Окружной федеральный судья Адриан Спирс, давнишний друг

судьи Вуда, обвинил эту 23-летнюю девушку в оскорблении суда и распорядился поместить ее в городскую тюрьму в Ювалде (штат Техас) в 130 километрах к юго-западу от Сан-Антонио до истечения срока полномочий большого жюри или же до тех пор, пока та не передумает и не согласится содействовать расследованию. Тереза сказала судье, что ей, конечно, не хочется отправляться в тюрьму, но еще больше ей не хочется, чтобы из-за нее туда попал кто-нибудь из тех, кого она любит. Например, мама. Или Чарлз Харрелсон. Но власти недвусмысленно дали понять, что отправят в тюрьму каждого, кто откажется отвечать на вопросы большого жюри. Это, разумеется, касалось и матери Терезы Джо-Энн Харрелсон. Власти знали, что Харрелсон не «расколется», поэтому они вознамерились теперь испытать преданность его многочисленных любовниц.

Тем временем у ФБР возникли проблемы с алиби Харрелсона, которое все еще подтверждалось по меньшей мере двумя свидетелями. Даласский парикмахер Ралф Митчелл был уверен, что видел Харрелсона у себя в парикмахерской в то утро, когда было совершено убийство, хотя и не мог вспомнить точное время. Шерил Мендоса, кассир банка «Бэнк энд траст» на Гринвилл-авеню в Далласе, тоже не могла назвать точное время, но утверждала, что хорошо помнит, что примерно в половине двенадцатого 29 мая 1979 года дожидалась в банке человека, который представился как Чарлз Харрелсон. Она вспомнила, что тот получал деньги сразу по нескольким чекам и предъявил в качестве документа, удостоверяющего личность, водительские права, выданные в штате Орегон. Но лучше всего Шерил запомнила другое: вскоре после ухода клиента она вдруг обнаружила, что один из чеков выписан на закрытый счет. Тогда она позвонила Харрелсону и попросила вернуть деньги. «Я была приятно поражена,— сказала она,— когда он пришел в тот же день и вернул деньги сполна».

38

После целого ряда широковещательных заявлений о «скором» предъявлении обвинений никаких действий со стороны властей не последовало. Наступила, а затем и прошла вторая годовщина со дня убийства судьи Вуда, а арестов все не было. Несмотря на колоссальные федеральные затраты, включая 174 970 человеко-часов и более семи миллионов долларов, беспрецедентное количество скрытых микрофонов, целые горы документации, предоставление иммунитета одним свидетелям и заключение в тюрьму других за оскорбление суда, а также помилование опаснейшего преступника Джерри Рея Джеймса, власти все еще были не в состоянии твердо заявить, что «преступление века» окончательно раскрыто.

Вашингтон давления не оказывал. По крайней мере так говорил Джек Лоун, начальник отделения ФБР в Сан-Антонио. «Да, мы знаем, что уже наступила вторая годовщина,— успокаивал он всех.— И тем не менее факт остается фактом: это второе или третье по тяжести преступление за всю историю ФБР. Дело это будет рассматриваться в суде, и мы хотели бы, чтобы были расставлены все точки над *i*...» Незадолго до этого Лоун подписал заявление «комитета в поддержку правосудия», в котором объявлялось, что «несколько человек» уже представили сведения, способствовавшие раскрытию преступления, за что в свое время было назначено вознаграждение в 100 000 долларов, и что впредь такая информация от граждан приниматься не будет. Среди этих «нескольких человек» был, конечно, и Джерри Рей Джеймс.

Многим друзьям, родственникам и бывшим сослуживцам Лиз Чагра, уже вызывавшимся для дачи показаний большому жюри летом 1981 года, неизменно задавался вопрос, известно ли им что-нибудь о возможной поездке Лиз в Корпус-Кристи или Браунсвилл в течение месяца после убийства. Если бы допрашивавшие более тщательно изучили записи подслушанных в Ливенуорте разговоров, они бы нашли то место, где Джимми Чагра говорил Джо, что в тот месяц Лиз Чагра не уезжала из Лас-Вегаса. Единственным человеком, который мог бы пролить свет на обстоятельства передачи денег за убийство, была Тереза Старр, но она по-прежнему находилась в тюрьме и отказывалась давать показания. Правда, Лиз отправилась в клуб «Жокей» в Лас-Вегасе в сопровождении Синди Коут, но та в помещение не заходила. Властям удалось также упрятать в тюрьму Эрла Макклендона и Пита Кея за оскорбление суда, несмотря на, казалось бы, обоснованные опасения Кея (об этом рассказал один из агентов ФБР), что Харрелсон убьет его, если тот что-то скажет большому жюри.

Судебные власти сосредоточили теперь внимание на двух крайне важных обстоятельствах: передаче денег в счет уплаты за убийство и орудии убийства. Если же быть совершенно точными, то сюда же следует отнести и проблему неразглашения сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату, хотя судебные власти и делали вид, будто ее вообще не существует.

Несмотря на тщательнейшие поиски в районе озера Рей-Хаббард — месте, указанном на карте, изъятой из сейфа Джо Чагры,— никакого оружия там найдено не было. В апреле агенты ФБР буквально «прочесали» металлоискателями участок вдоль восточной излучины реки Тринити. Несколько позже оперативная группа из двадцати человек вернулась в район поближе к озеру. Они перетаскали горы песка, соорудив из него чуть ли не двухметровую дамбу через ручей Буффало около опоры моста для объездной дороги. При этом агенты, кроме обычных, использовали две механические лопаты, а также собственными руками разгребали грязь, но так ничего и не обнаружили. Из записанных на пленку разговоров было ясно, что Джо-Энн Харрелсон знала, где зарыта винтовка. К тому времени ее уже четыре или пять раз вызывали для дачи показаний большому жюри, но та упорно отказывалась отвечать на все вопросы. Власти пока еще не были готовы предоставить ей свидетельский иммунитет и тогда пригрозить тюрьмой. В начале августа, когда Чарлз Харрелсон устроил собственное «шоу», объявив голодовку в окружной тюрьме Харриса, Джо-Энн Харрелсон вновь предстала перед большим жюри. На этот раз обвинители потребовали от судьи Сешнса наказать свидетельницу за оскорбление суда в случае отказа от дачи показаний. Ко всеобщему удивлению, делать этого он не стал. Видимо, судью самого теперь беспокоил вопрос: если он принудит свидетельницу давать показания таким образом, не будет ли это нарушением закона, гарантирующего ей право отказываться давать показания против собственного мужа? А возможно, судья знал что-то такое, чего не знали обвинители: может, у ФБР уже имелась информация, позволявшая полностью раскрыть преступление и без показаний Джо-Энн Харрелсон.

Такая информация появилась в самом начале лета, хотя в то время об этом еще никто не догадывался. И поступила она от состоятельного приятеля Харрелсона Хемптона Робинсона, арестованного по обвинению в убийстве одного торговца наркотиками, труп которого был найден на заброшенном мототреке недалеко от Хьюстона. Позже, правда, это обвинение с него сняли. В течение двух лет, прошедших с момента убийства Вуда, было арестовано несколько старых приятелей Харрелсона. Но всем им были предъявлены обвинения, не связанные с убийством судьи. Хотя дружки Харрелсона и выставляли себя эдакими «героями», готовыми скорее принять смерть, чем выдать товарища, агенты ФБР упорно продолжали наседать на них в надежде на то, что кто-нибудь да «расколется».

«Раскололся» Хемп Робинсон. Еще зимой 1980 года он снабдил агентов ФБР сведениями, которые помогли арестовать Харрелсона в Хьюстоне и предъявить ему обвинение в незаконном хранении оружия. Теперь Робинсон сообщил агентам новые сведения. Он сказал, что примерно 13 мая, т. е. за две недели до убийства Вуда, Харрелсон попросил купить ему ружье и привезти в Остин. «Купи мне «пушку», из которой можно было бы стрелять без промаха метров с четырехсот»,— сказал он ему.

Старый приятель Харрелсона Грег Гудрем, которому было предъявлено обвинение в крупной краже и хранении огнестрельного оружия (потом эти обвинения были сняты), вспомнил, что через десять дней после вечеринки по случаю помолвки Хемпа Робинсона Харрелсон показал ему мощную винтовку, спрятанную в багажнике его синего «линкольна». Харрелсон сказал, что это его любимая винтовка — «кадиллак» среди винтовок, как часто называли «уэзербай-марк-V» калибра 0,240. Хотя ФБР вот уже почти два года занималось поисками орудия убийства,

полагая, что в судью Вуда стреляли из винтовки калибра 0,243, они как-то и не подумали, что винтовка «уэзербай» калибра 0,240 стреляет теми же пулями. Вполне могло оказаться, что все эти два года агенты искали совсем не ту винтовку.

Но к тому времени и сами агенты уже начали подозревать, что здесь что-то не так. Они разыскали почти все винтовки калибра 0,243, проданные на территории трех соседних штатов за несколько лет до убийства. Для дачи показаний большому жюри был вызван даже один полицейский из Хьюстона на том лишь основании, что, по имеющимся данным, он был неравнодушен к винтовкам калибра 0,243 и купил себе несколько штук для коллекции. Орудие убийства было, пожалуй, единственным главным вещественным доказательством. Если оно действительно существовало и если Джо-Энн Харрелсон знала, где оно зарыто, надежд, что она укажет его местонахождение, практически не было. Из ее бесед с мужем агентам ФБР стало ясно, что та скорее сядет в тюрьму, чем даст против него показания. Хотя подслушивание разговоров братьев Чагра было прекращено еще в январе, установленные в камере Харрелсона микрофоны не снимались до конца мая. Кроме того, в соседней камере сидел стукач. Харрелсон обещал Джо-Энн, что, как только все эти неприятности останутся позади (а он верил, что это произойдет очень скоро), они отправятся в кругосветное путешествие. Он велел ей всегда помнить четыре магических слова: «Все пройдет, даже это».

Вскоре после второй отчаянной попытки агентов ФБР найти орудие убийства в районе озера Рей-Хаббард два брата, добывавшие себе на пропитание сбором пустых алюминиевых банок, наткнулись на разбухший от влаги ружейный приклад около ручья Буффало. Вся краска уже слезла, и приклад был в довольно плохом состоянии. Но агентам все же удалось установить, что изготовителем была компания в Саут-Гейте (штат Калифорния). Внимательно осмотрев приклад, главный инженер фирмы сказал, что он мог быть от одного из четырех или пяти типов производимых ими винтовок, включая «уэзербай-марк-V» калибра 0,240. По просьбе агентов компания назвала им фамилии дилеров в штатах Невада, Оклахома и Техас, которые продавали винтовки «уэзербай». В списке значилось 250 человек. Предстояли длительные и утомительные поиски, потому что у ФБР не было ствола, на котором обычно выбивают серийный номер винтовки.

Пока несколько групп агентов изучали бухгалтерские книги дилеров и разыскивали покупателей всех винтовок, проданных за три года до убийства, пять водолазов из Панама-Сити (штат Флорида) вели поиск в мутных водах озера Рей-Хаббард к востоку от Далласа. Они извлекли из грязи и ила угнанные мотоцикл и джип, сейф, кабину грузовика и три ружья, но ствола нужной винтовки найти так и не удалось.

В конце августа, когда поиски уже подходили к концу,

агенты, просматривавшие бухгалтерские книги в магазине спортивных товаров в далласском торговом центре «Квадрэнгл», неожиданно обнаружили, что покупатель винтовки «уэзербай-марк-V» калибра 0,240 указал несуществующий номер телефона и адрес, по которому вообще никаких домов не было. Винтовка вместе с оптическим прицелом и коробкой патронов была куплена 17 мая 1979 года, т. е. за двенадцать дней до убийства Джона Вуда, женщиной, назвавшейся Фей Кинг. Анализ отпечатков пальцев, которые были оставлены покупательницей на специальной форме Бюро по алкогольным напиткам, табачным изделиям и огнестрельному оружию, показал, что они принадлежат Джо-Энн Харрелсон. Почерк заполненной формы в точности соответствовал образцам почерка, взятым у миссис Харрелсон несколько недель назад.

1 сентября Джо-Энн Харрелсон была арестована в Хьюстоне по обвинению в использовании чужой фамилии при покупке оружия — федеральное преступление, наказуемое тюремным заключением до пяти лет. Кроме приклада винтовки, из которой, как полагало ФБР, был убит судья Вуд, агентам ничего больше найти не удалось. Но теперь, после 27 месяцев расследования, они установили, что Джо-Энн Харрелсон купила винтовку, которая *могла* быть использована для убийства. *Лучшего* вещественного доказательства у них пока не было.

39

Кэлвин Райт был человеком практичным. Хотя Джимми Чагра и рассчитывал на его помощь в организации побега из Ливенуортской тюрьмы, этот бывший наемник, представ перед большим жюри 2 сентября, заявил адвокату: «Когда дерутся слоны, они затаптывают муравьев. Я не хочу, чтобы меня тоже затоптали». Агенты ФБР признались теперь, что пленки, которые они в свое время проигрывали Кэлвину в Ливенуорте, были сфабрикованы. Джимми Чагра сильно тогда расстроился, так как там был записан голос Харрелсона. Но все эти записи были всего лишь уловкой, призванной выяснить, что будет делать дальше Кэлвин. Тот сразу же позвонил Джо Чагре. Но, как потом выяснилось, Кэлвин ничего не знал об убийстве Вуда. Он даже не ведал о замышлявшемся Джимми плане побега.

В конце лета перед большим жюри предстало несколько «тайных» свидетелей, показания которых выслушивались в обстановке строжайшей секретности. Это делалось в специальной комнате на пятом этаже почтового ведомства в центре города, куда теперь тайком перебирались присяжные из здания федерального суда. Свидетелей с наброшенными на головы пиджаками, как правило, доставляли на автомашинах в подземный гараж, а внутри здания и в его окрестностях в это время патрулировали агенты ФБР с «уоки-токи». Одной из таких «тайных» свидетельниц была Синди Коут, секретарь Лиз Чагра,

сопровождавшая ее в клуб «Жокей» в Лас-Вегасе через месяц после убийства Вуда. Она сказала присяжным, что у Лиз в руках был бежевый чемоданчик и что та сильно нервничала. Больше она ничего не знала. Другой «тайный» свидетель по внешним данным сильно смахивал на Джерри Рея Джеймса: плотный, с лысиной и седыми волосами. На правой руке у него была вытатуирована пантера. Судя по тому, что Джеймс долго не выходил из комнаты, где заседало большое жюри, рассказывать ему было о чем.

Утром 3 октября появилась еще одна «тайная» свидетельница в образе прекрасной блондинки: после семи месяцев тюрьмы дочь Джо-Энн Харрелсон Тереза Старр решила наконец заговорить.

Притихшая и почти болезненно застенчивая, эта 23-летняя девушка «изливала душу» большому жюри почти целый день. Она отказывалась давать показания ранее, потому что боялась за мать и за себя. Обвинители уже знали, что после убийства судьи Джо-Энн Харрелсон дважды пыталась наложить на себя руки. Теперь Тереза добавила, что по меньшей мере в одном случае не обошлось без посторонней помощи. Харрелсон сам пытался убить жену, так как ему, разумеется, было бы лучше, если бы она умерла. Тереза рассказала, как однажды, когда Чарлз и Джо-Энн принимали наркотики у себя на квартире в Далласе, Харрелсон привязал жену к креслу и оставил, в надежде, что она умрет. Обвинители не стали заставлять свидетельницу вспоминать подробности ее романа с отчимом, ограничившись лишь констатацией того, что любовная связь между ними действительно имела место. Тереза сохранила около двадцати любовных писем, написанных ей человеком, который подозревался теперь в убийстве. В одном из них говорилось: «Все пройдет, и мы будем любить друг друга. Ты и я. Вечно». Как и под всеми другими письмами, там стояла подпись: «Паппи».

Тереза сказала, что оказалась втянутой в дело об убийстве Вуда в июне, т. е. через несколько недель после этого трагического события. В то время она жила у родного отца в Аранзас-Пассе близ Корпус-Кристи и дожидалась развода с мужем Майклом Джеспером. Однажды позвонила мать и попросила Терезу встретиться с ней и Чарлзом Харрелсоном в одном из отелей на берегу моря на острове Падре. Там Харрелсон спросил Терезу, не хочет ли та заработать немного денег. Для этого ей нужно всего лишь уехать из города и привезти один пакет. «Если ты сделаешь это, заработаешь сразу несколько тысяч долларов»,— сказал он. Тереза согласилась, и Харрелсон подробно рассказал, что́ нужно делать. Она должна была вылететь в Лас-Вегас, остановиться в клубе «Жокей» и дожидаться звонка по телефону-автомату в одном из трех казино на ее усмотрение. Звонок поступил 24 июня, когда она дожидалась в казино «Фремонт». Харрелсон велел Терезе вернуться к себе в номер в клубе «Жокей» и приготовиться к отъезду. Едва она собрала вещи, как в дверь постучали. Вошла беременная женщина с длинными каштановыми волосами. Она подошла к дивану, положила на него чемоданчик, вытерла отпечатки пальцев бумажной салфеткой и вышла, не сказав ни слова.

— Это была Элизабет Чагра?— спросил обвинитель Рей Джан.

— Не знаю,— ответила Тереза.

Когда женщина ушла, Тереза открыла чемоданчик и увидела там коробку, завернутую в коричневую бумагу. Она не стала ее открывать, а только поднесла к уху и встряхнула. «Мне было просто любопытно»,— объяснила она. На другой день Тереза передала чемоданчик Чарлзу и Джо-Энн Харрелсон, которые встретили ее в аэропорту Корпус-Кристи. «Они были безумно рады,— продолжала Тереза.— Я вытащила чемоданчик из собственного чемодана и положила его на переднее сиденье. По дороге из аэропорта мать открыла коробку, в которой оказалось несколько пачек стодолларовых бумажек. Кто-то из них — не помню, мать или Чарлз — сказал: «Там, наверное, более четверти миллиона». Они были очень довольны». Харрелсон дал Терезе 5000 долларов.

Когда Тереза вернулась домой, отец сказал, что ее разыскивали агенты ФБР. На следующий день они явились снова, но девушка отказалась отвечать на их вопросы. Когда агенты уехали, она позвонила Чарлзу и Джо-Энн. Те спокойно выслушали ее и посоветовали не волноваться. Однако чуть позже Харрелсон велел ей ни с кем этот инцидент не обсуждать и «молчать как могила». Тереза не смогла объяснить, что именно побудило ее ввязаться в это дело. Она сказала лишь, что впервые, сколько она себя помнит, мать попросила ее об одолжении. «Мне хотелось сделать ей приятное»,— добавила она.

Через две недели после тайных показаний Терезы большому жюри и через четырнадцать месяцев после ареста Чарлза Харрелсона на пустынном шоссе близ Вэн-Хорна тот наконец предстал перед судом в Хьюстоне по обвинению в незаконном хранении оружия. В обстановке строжайших мер безопасности репортеры и публика заполнили здание окружного суда, чтобы взглянуть на человека, подозреваемого в убийстве судьи Вуда, а заодно и на его жену и падчерицу, пришедших поддержать его морально.

К этому времени суд присяжных в Далласе уже признал Джо-Энн Харрелсон виновной в совершении преступления, предусмотренного федеральным законодательством,— использовании чужой фамилии для приобретения оружия — и приговорил ее к трем годам тюремного заключения. Но на этом ее несчастья далеко не кончились. Вскоре Джо-Энн Харрелсон была вновь вызвана в суд для дачи показаний большому жюри в связи с делом об убийстве Вуда. Власти решили предоставить ей

так называемый частичный свидетельский иммунитет, что означало, что ее показания не могли быть использованы для привлечения ее к ответственности перед законом по делу об убийстве Вуда, но ей могло быть предъявлено обвинение в воспрепятствовании правосудию. Кроме того, ее предупредили, что, если она не будет правдиво отвечать на четко сформулированные вопросы большого жюри, ей могут предъявить обвинение в лжесвидетельстве. А это считалось одним из тяжких преступлений: каждое ложное показание влекло за собой пять лет тюрьмы дополнительно к уже полученному сроку. Содержание показаний Джо-Энн Харрелсон, которые она дала большому жюри, осталось тайной, но власти, очевидно, было разочарованы ее ответами, так как все закончилось тем, что она была осуждена по пяти пунктам обвинения в лжесвидетельстве.

Боб Таррент, адвокат Харрелсона, начал защиту довольно странно и даже несерьезно. Его клиенту было предъявлено обвинение в незаконном хранении оружия на том основании, что отбывший наказание уголовный преступник не имеет права иметь оружие, в то время как в машине Харрелсона было обнаружено целых пять единиц огнестрельного оружия (власти узнали об этом от его приятеля Хемпа Робинсона). Таррент сделал бесчисленное множество заявлений, внес явно непродуманные ходатайства и выступил со всевозможными опровержениями и возражениями, утверждая, что Харрелсон стал жертвой заговора и что судебный процесс в Хьюстоне незаконен, так как в камере подсудимого власти установили подслушивающие устройства. Судья Путнем Рейтер — человек с огромным терпением — напомнил адвокату, что апелляционный суд штата Техас признал законность установки этих подслушивающих устройств. Кроме того, ходатайства и возражения заявлялись Таррентом в нарушение установленной процедуры. Когда Таррент сказал, что он незнаком с нею, в зале раздался сдавленный смех. «Я плохо учился на юридическом факультете,— признался адвокат Харрелсона,— поэтому не знаю, как правильно формулировать все эти возражения».

Когда судья предложил Тарренту воспользоваться его собственным справочником, Харрелсон в отчаянии закатил глаза и презрительно замотал головой. Обвинители улыбались, откинувшись на спинки стульев.

Показания самого Харрелсона тоже завершились полным провалом. Когда его спросили, почему он не явился в суд еще в июле 1980 года, Харрелсон сказал, что проспал. Почему же тогда он не уведомил об этом суд, когда проснулся? На это Харрелсон ответил, что услышал по радио, будто полицейским в Хьюстоне было приказано стрелять в него без предупреждения.

Хотя максимальное наказание было десять лет тюрьмы и штраф в 5000 долларов, обвинение потребовало увеличить его вдвое, учитывая, что в 1968 году Харрелсон уже был осужден по аналогичному обвинению в незаконном хранении оружия в

Канзас-Сити. Суд присяжных счел это требование обоснованным и приговорил Чарлза Харрелсона к двадцати годам тюремного заключения и штрафу в 10 000 долларов.

Но на этом несчастья Харрелсона далеко не закончились, в окружном суде Хьюстона дожидались своей очереди и другие обвинения против него, включая хранение незаконных атрибутов азартных игр (игральные кости, наполненные свинцом) и хранение наркотиков (кокаина), а также неявку в суд. Обвинители дали понять, что наступит время, и они предъявят ему и эти обвинения. «Кто еще, как не Чарлз Харрелсон, должен предстать перед судом еще раз!» — воскликнул один из обвинителей. К тому же в Вэн-Хорне его ожидало еще обвинение в незаконном хранении оружия и кокаина.

9 декабря 1981 года Чарлз Харрелсон вновь оказался в Вэн-Хорне — городе, откуда пятнадцать месяцев назад потянулась ниточка, позволившая раскрыть убийство судьи Вуда. Он не стал оспаривать ни один из пунктов обвинения, хотя и не признал своей вины, и был приговорен еще к сорока годам тюремного заключения.

40

С того памятного дня, когда агенты ФБР в течение четырнадцати часов обыскивали его дом, прошел уже почти год, а Джо Чагра все еще с трудом верил, что этот кошмар действительно выпал на его долю. Казалось, все это происходило на другой планете с незнакомым ему человеком, случайно носившим его фамилию. Перед глазами Джо все еще суетились бесчисленные агенты, с четкостью роботов вывинчивавшие лампочки из патронов, перелистывавшие поваренные книги и рывшиеся в мешке с детскими пеленками. Он еще слышал, как незнакомый ему человек протестовал его голосом, говорил, что это какая-то ошибка, что он не уголовный преступник, а адвокат по уголовным делам. Разве они не видят разницы? Но такой же аргумент выдвигал в свое время и Ли,— аргумент, который он повторял до самой могилы.

В эти дни Джо много думал о Ли. И о Джимми. Тень Ли, казалось, все время витала теперь в доме на Санта-Анита-стрит — там, где он жил когда-то. Правда, теперь это был уже совсем не тот дом. По распоряжению Джо там появились спортивный зал с огромным зеркалом, бильярдный стол, игральный автомат, телескоп, батут, плавательный бассейн и два «мерседеса»: «его» и «ее». Но все по-прежнему было пронизано духом Ли, который, казалось, поселился там навсегда. Джимми жил поблизости. Только дома его сейчас не было. И не будет до 2010 года. Мать все еще жила чуть дальше на той же улице в квартире с другой стороны дома Пэтси, где некогда обитал и ее покойный муж Абду. Теперь она составляла новый семейный альбом из фотографий и вырезок, тридцатый в этой бесконечной

серии. Пэтси развелась с Риком де ла Торре — последней жертвой судьи Вуда, отправившего его в тюрьму. Джо теперь редко появлялся у себя в адвокатской конторе, а когда приезжал туда, то не знал, что делать, так как делать было особенно нечего. Джо усаживался за большой письменный стол и тупо смотрел на фотографии Абду и Ли, висевшие в рамках на противоположной стене. Фотографии Джимми в конторе не было. Джо иногда шутил по этому поводу, что все хорошие снимки Джимми имеют внизу номера.

Разминаясь во дворе на батуте, Джо иногда видел трех детей Джимми, игравших по соседству. Джимми так еще и не видел самого младшего сына, родившегося, когда он был уже в тюрьме. Джо начинал думать о собственных детях, и тогда на глазах у него появлялись слезы. Однажды он пошел со своим четырехлетним Джозефом в большой супермаркет, и тот где-то затерялся. Мальчишка метался в проходах весь в слезах и вопил: «Папа! Папа!» Увидев наконец отца, он закричал: «Я испугался! Я думал, тебя забрали!»

В последнее время Джо и Пэтти редко виделись с Лиз, женой Джимми. Но и в те редкие моменты она была либо одурманена наркотиками, либо злилась и нервничала, что еще не успела «намарафетиться». Лиз, видимо, восстановила Джимми против родственников. Она винила Джо в том, что куда-то исчезли деньги, которые Джимми хотел использовать на организацию побега: примерно 500 000 долларов. На самом же деле ни Джо, ни Пэтти этих денег никогда и не видели. Когда Джимми был арестован в Лас-Вегасе, отец Лиз доставил деньги обратно в Эль-Пасо, а через несколько месяцев они куда-то исчезли. Джо и Пэтти считали, что Лиз просто промотала их или спрятала куда-то и забыла. Она накупила себе много новой мебели и, наверное, отдала часть денег поручителю, обеспечившему условное освобождение Джимми, выкупив кое-что из драгоценностей, внесенных в свое время под залог. Разговаривая с Джимми, Джо пытался выгородить Лиз или же по меньшей мере молчать, когда тот бушевал по поводу пропавших денег. И вот теперь Джимми, а может быть, и ФБР считали, что Джо потерял деньги или припрятал, чтобы воспользоваться ими позже. На самом же деле Джо уже несколько месяцев сидел без гроша. Он даже пытался продать «мерседес» стоимостью 60 000 долларов, который был подарен ему Джимми в счет будущего адвокатского гонорара.

Джо лишь вскользь упомянул о желании продать «мерседес» в присутствии нескольких федеральных обвинителей и агентов ФБР. Это было в холле суда в Вэн-Хорне в тот день, когда Чарли Харрелсон заявил, что согласен понести наказание, не признав своей вины. Но то, что последовало за этим, окончательно убедило Джо Чагру в его полной беспомощности: он оказался всего лишь маленьким ноликом в некоем страшном уравнении в духе сочинений Оруэлла, и власти могли легко либо использовать его, либо зачеркнуть по собственному усмотрению.

Одной случайно оброненной фразы оказалось достаточно, чтобы агенты ФБР составили соответствующий рапорт, и уже через несколько дней на их псарне, где в то время работала Пэтти, появились агенты из Управления по борьбе с наркотиками и конфисковали автомобиль, заявив, что он использовался в целях контрабанды наркотиков.

К тому времени Джо был уже абсолютно уверен, что независимо от имеющихся у них фактов власти непременно предъявят ему обвинение в причастности к убийству Вуда. На данной стадии расследования лишь несколько чиновников в министерстве юстиции знали о масштабах операции с подслушивающими устройствами в Ливенуорте. Джо прослушал лишь небольшой отрывок магнитофонной записи, где Джимми сказал ему: «Это ты велел сделать это. Ты! Ты!» А Джо в свойственном ему стиле бездумно брякнул тогда, будто думал, что Джимми наймет для убийства кого-нибудь из мафии. Насколько ему было известно, другими доказательствами были лишь показания Джерри Рея Джеймса. Но Джо считал, что присяжные с пониманием отнесутся к склонности Джимми изображать из себя «птицу высокого полета». Они поймут, что брат мог бы похвастаться и убийством Авраама Линкольна, если бы знал, что Джерри Рей Джеймс поверит ему. Билли Рэвкайнд пытался заставить Джо осознать всю серьезность возможного обвинения в хранении наркотиков. «Забудь об убийстве,— не раз говорил он ему.— Подумай лучше о наркотиках, найденных у тебя дома. Для кого ты держал весь этот кокаин? Кто будет отсиживать пятнадцать лет за это?» Джо знал, какое наказание влечет за собой обвинение в хранении наркотиков, но заставить себя переключить свое внимание на это он просто не мог. Ведь лично ему было совершенно ясно (и присяжные тоже это поймут), что наркотики — это всего лишь эпизод в широкомасштабном расследовании убийства Вуда.

В те моменты, когда Джо ясно осознавал, что власти загнали его в угол, он вспоминал, как Джимми почти по-детски умолял помочь ему выбраться из тюрьмы, и тогда он с особой силой понимал то, что может понять лишь любящий брат: что бы ни случилось, какие бы испытания ни выпали на его долю, Джо никогда не будет давать показаний против родного брата или невестки. Но все, к сожалению, развивалось именно в этом направлении.

Джо, например, хорошо помнил один разговор с Джимми, когда тот чуть ли не со слезами на глазах рассказывал ему о замышлявшемся побеге. Джимми сказал тогда: «Когда я хорошенько все продумаю и сбегу, куплю себе судно и поплыву на Восток... На корабле можно идти, где хочешь. Если они вздумают делать обыск, им придется туго. Ты понимаешь, что́ я имею в виду. Они даже знать не будут, что я на этом судне. В такое плавание можно пуститься на корабле минимум восемьдесят футов длиной... Такой кораблик будет стоить где-то четыре-

ста-пятьсот тысяч долларов. Еще сто сорок тысяч понадобится на вертолет и самолет, чтобы выбраться отсюда... Получается, что только на это мне нужно будет почти шестьсот тысяч. Но ведь еще придется и жить на что-то. На Востоке или где-то там еще. Черт, мне нужен минимум миллион долларов. А может, и больше. Но тогда не на что будет жить моей семье. У моих детей ничего не будет до конца жизни. У твоих есть ты, Джо. А у моих нет отца. Он гниет в этой вонючей тюрьме. Мне плевать, что еще двадцать миллионов заключенных вопят, чтобы адвокаты вызволили их отсюда. Я в их число не вхожу. Ведь я твой брат! Я мог бы сказать: ерунда, Джо продаст все эти чертовы кольца и машины и, если нужно, выложит денежки уже на другое утро. Но сейчас я этого сказать не могу. Для чего же тогда я передал тебе все свои деньги? Ты же обещал к ним не притрагиваться. И вот на́ тебе. В один прекрасный день ты заявляешь, что в наличии осталось каких-то четыреста семьдесят [тысяч]. Через неделю ты говоришь, что осталось уже двести двадцать [тысяч]. А я знать не знаю, куда они подевались. Разве это справедливо, Джо? Нет, не справедливо. По отношению ко мне. Ведь ты на свободе, а я — нет. Ты думаешь, мне приятно все это говорить? Но мне не хочется торчать здесь двадцать лет и спокойненько наблюдать, как отклоняется одно твое ходатайство за другим и как они готовят новое обвинение. Я, конечно, пытаюсь как-то тебя спасти, прикрыть от пинков и твой зад. Я хочу, чтобы ты твердо усвоил одно, Джо: я никогда не допущу, чтобы и ты оказался в тюрьме. Если все будет идти к этому, я им просто скажу...»

Скажу что? Что Джо непричастен к убийству Вуда? Они и так это знают, если, конечно, у них хоть немного голова варит. Ведь всем и так ясно, что Джимми мог легко спасти и брата, и жену, если бы только рассказал правду о том, что́ произошло в действительности. Но Джимми делать это не собирался. Это было не в его стиле. И с этим пришлось смириться и Джо, и ФБР.

Где-то в течение второй недели марта 1982 года адвокат Билли Рэвкайнд встретился в Сан-Антонио с агентом ФБР Миком Маккормиком и предложил пообедать вместе с обвинителями — супружеской парой Реем и Леро́й Джан. Рэвкайнд установил хорошие отношения с Маккормиком и четой Джан, настолько хорошие, что коллеги считали, что он, как выразился один из юристов, «ногой открывает дверь в их кабинет». Рэвкайнд же говорил, что делает лишь то, что должен делать любой добросовестный адвокат, — пытается спасти своего клиента. Он убедил представителей ФБР еще раз проверить Джо на «детекторе лжи», но на сей раз их собственным экспертом. Результаты проверки подтвердили правдивость утверждения Джо о непричастности к убийству Вуда, но не подтвердили, что его отношения с Харрелсоном не выходили за рамки отношений между адвокатом и его клиентом. Несмотря на показную

уверенность обвинения, Рэвкайнд знал, что оно опасалось, как бы суд действительно не признал факт нарушения закона о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату. До этого обвинители надеялись предложить целую серию сделок и тем самым завершить затянувшееся расследование без единого судебного процесса, но этим надеждам не суждено было сбыться. Джо был их последним шансом. Если и он будет упущен, то тогда придется проводить процесс в полном объеме. Рэвкайнд знал, что Джо не будет показывать против родного брата, но, если он согласится принести в жертву Чарлза Харрелсона, с ним можно будет договориться. К этому времени Рэвкайнд уже знал, что в беседах с Джо Харрелсон признался в убийстве Вуда. Но возникал вопрос: *когда* это произошло? Рэвкайнд сам не мог на это ответить, но всем своим видом показывал обвинителям, что и это ему известно. Если Харрелсон признался в убийстве на первой же встрече с Джо, т. е. еще до того, как между ними установились отношения клиента и адвоката, то тогда Джо имел полное право рассказать все, что знает, а Рэвкайнд мог заключить с обвинением сделку.

После обеда вся компания отправилась на кофе домой к Джанам, где адвокат вновь поднял вопрос о компромиссной договоренности. Рей Джан — массивный мужчина с обезоруживающим простодушием большого медведя — напомнил Рэвкайнду, что, хотя окончательное решение остается за Вашингтоном, он все же готов рекомендовать властям снять с Джо обвинения в соучастии в убийстве и хранении наркотиков, если тот признает себя виновным по одному пункту — в воспрепятствовании правосудию. Максимальным наказанием в этом случае было пятилетнее тюремное заключение, но со временем (и Джан готов был замолвить словечко комиссии по условно-досрочному освобождению) Джо может оказаться на свободе уже через полтора года. Джан обещал даже благосклонно отнестись к ходатайству восстановить Джо в праве заниматься адвокатской практикой. «Но ответ мне нужно получить сейчас, — предупредил он Рэвкайнда. — У нас уже все готово для предъявления обвинений, хотя мы этого пока не делаем. После предъявления обвинений мы уже ничего сделать не сможем.

На другой день Рэвкайнд вылетел в Эль-Пасо и ознакомил с этим предложением Джо. Тот сразу же запротестовал, сказав, что он ни в чем не виновен.

— Как я могу признать себя виновным в воспрепятствовании правосудию, если я этого не делал? — возмутился Джо.

— Джо, — сказал адвокат, — вопрос об убийстве они вообще не поднимают. Если они захотят, то смогут достать тебя уже по одному пункту о хранении наркотиков. То, что они предлагают, — совсем неплохая сделка.

Джо сказал, что посоветуется с Пэтти и сообщит об окончательном решении позже.

Через несколько дней Джо и Пэтти вылетели в Даллас,

чтобы встретиться в конторе Рэвкайнда с Джанами и агентом ФБР Миком Маккормиком. Рей Джан повторил предложение, сделанное на встрече с адвокатом в Сан-Антонио. Но его интересовало, на какую услугу со стороны Джо они могут рассчитывать. «Он хочет услышать твое контрпредложение,— уточнил Рэвкайнд.— В противном случае обвинению придется покупать кота в мешке». Пока Рэвкайнд и Пэтти прогуливались на улице, Джо Чагра говорил с обвинителями о том, что их интересовало.

Джо вернулся в Эль-Пасо, так и не приняв предложения властей. Он объяснил это тем, что надо еще обо всем хорошенько подумать. Пэтти вспоминала потом: «Через несколько дней к нам снова пришли Билли Рэвкайнд и Мик Маккормик. Агент ФБР сказал, что для Джо это действительно последний шанс. Но Джо просто не мог принять их предложение. Он не видел в этом никакой необходимости, так как был уверен, что властям до него не добраться. Он знал, что у них были магнитофонные записи, но не знал, в каком количестве и насколько они были серьезны. Он действительно даже не предполагал, какими доказательствами располагало обвинение». Перед уходом Маккормик напомнил Джо, как все обстоит на самом деле: через несколько недель власти предъявят Джимми, Лиз, Джо и Чарлзу Харрелсону обвинение в соучастии в убийстве судьи Вуда, а Джо-Энн Харрелсон — в воспрепятствовании правосудию. При этом они собираются установить сумму залога, превышающую один миллион долларов для каждого обвиняемого. А это будет означать, что Джо не выйдет из тюрьмы в течение многих месяцев, а может быть, и лет.

Маккормик ничего не преувеличил. 15 апреля 1982 года, т. е. почти через три года после убийства судьи Джона Вуда, большое жюри предъявило обвинения всем пятерым. Джимми Чагра и Чарлз Харрелсон обвинялись в убийстве, что автоматически влекло за собой пожизненное заключение, Джо и Лиз Чагра обвинялись в преступном сговоре с целью убийства и в воспрепятствовании правосудию (уже одно обвинение в сговоре влекло за собой пожизненное заключение). Джимми и Джо Чагра были также предъявлены обвинения в хранении наркотиков. Джимми, Джо и Лиз Чагра, а также отцу Лиз Лиону Николсу было предъявлено отдельное обвинение в уклонении от уплаты подоходного федерального налога в 1979 году.

Подсудимые, не отбывавшие наказание в момент предъявления обвинений, были в тот же день взяты под стражу и отправлены в тюрьму. Для Джо-Энн Харрелсон был установлен залог 250 000, для Лиз Чагра — 1 100 000 и для Джо Чагры — 1 600 000 долларов.

41

В первую неделю августа начались предварительные слушания по делам пяти обвиняемых, к защите которых была привлечена весьма внушительная армия из лучших адвокатов. Лиз Чагра вновь призвала на помощь знаменитого техасского адвоката Уоррена Бернетта, участвовавшего в процессе год назад, примерно в то же время, когда был произведен обыск в домах семьи Чагры. Бернетт уже изложил в общих чертах линию защиты, которая представлялась весьма надежной. Его позиция сводилась к тому, что Лиз не ведала, что деньги, переданные ею в клубе «Жокей», были платой за убийство Вуда. Она также не знала, что ее муж причастен к этому преступлению, хотя магнитофонные записи свидетельствовали об обратном. Но адвоката это не смущало. Чарлз Харрелсон, Джо-Энн Харрелсон и Джимми Чагра заявили о финансовой несостоятельности и попросили, чтобы суд назначил им адвокатов из числа предложенных ими кандидатур. Харрелсон назвал Тома Шарпа — помощника уже вышедшего на пенсию адвоката Перси Формена, неоднократно защищавшего его на прошлых процессах по обвинению в убийстве по найму. Джимми попросил, чтобы его защищал давнишний его знакомый, адвокат из Лас-Вегаса Оскар Гудмен. Судья Уильям Сешнс удовлетворил их просьбу. Поскольку Джо-Энн Харрелсон не назвала собственной кандидатуры, судья поручил ее защиту опытному адвокату из Сан-Антонио Чарлзу Кэмпиону. Помимо воспрепятствования правосудию в деле об убийстве, ей было предъявлено обвинение из пяти пунктов в даче ложных показаний большому жюри. Дело о лжесвидетельстве Джо-Энн Харрелсон, равно как и дела Джимми, Лиз и Джо Чагра об уклонении от уплаты подоходного налога должны были рассматриваться на отдельных заседаниях.

Билли Рэвкайнд все еще возглавлял бригаду адвокатов Джо Чагры. Свою помощь предложили еще несколько юристов, включая Сиба Абрахама, его нового партнера Чарлза Робертса, а также Эда Моллета и Сэма Гиберсона из Хьюстона. Один из лучших специалистов по конституционному праву в штате Техас Джеральд Голдстайн из Сан-Антонио предложил свои услуги в качестве консультанта. Голдстайн, Моллет и Гиберсон были подключены к бригаде адвокатов Джо Чагры прежде всего для консультаций в такой сравнительно новой с юридической точки зрения области, как электронное наблюдение. Гиберсон был, в сущности, одним из немногих юристов в стране, специализировавшихся в вопросах правовой регламентации доказательств, предъявленных в виде магнитофонных записей.

За три с половиной месяца, прошедших с момента предъявления обвинений и до начала предварительных слушаний, Гиберсон прослушал все 914 катушек с магнитофонными записями на более чем 1000 часов звучания. С помощью опытных лингвистов и электронных машин он составил собственный текст расшифровки записей, который значительно отличался от официальной версии. Методы анализа и оборудование, использованное Гиберсоном, были значительно совершеннее тех, что применялись министерством юстиции, и это тут же сказалось на результатах.

Порой разница в расшифровке сводилась лишь к небольшому смещению акцентов, но в некоторых случаях расхождения были весьма существенны. Например, в одном месте в официальном тексте значилось, будто Джо Чагра сказал: «Убей его, убей!», в то время как в действительности тот сказал: «Бей их, бей!»

Но у защитников не было единой тактики, поскольку у каждого подсудимого были свои проблемы и их интересы не всегда совпадали. Адвокату Чарлзу Кэмпиону, например, предстояло постоянно напоминать присяжным, что его клиентке Джо-Энн Харрелсон предъявлено обвинение не в соучастии в убийстве, а в воспрепятствовании расследованию. Перед обвинением стояла главная задача — доказать, что Джимми Чагра и Чарлз Харрелсон вступили в преступный сговор. Лиз и Джо были для него лишь второстепенными фигурами, хотя без них обвинению было бы трудно доказать факт наличия преступного сговора между Джимми Чагрой и Харрелсоном. Таким образом, интересы адвокатов Джимми Чагры и Чарлза Харрелсона не всегда совпадали с интересами защитников Лиз и Джо.

К концу первой недели предварительных слушаний юристы и репортеры уже называли весь этот процесс «цирком». Улучив момент, Чарлз Харрелсон пожаловался репортерам, что агенты ФБР подложили ему в камеру духи и предметы женского туалета, рассчитывая на то, что их там обнаружит жена. Джимми и Лиз все время обменивались похотливыми взглядами, а Чарлз и Джо-Энн шептались и трогали друг друга так часто, что судебный пристав рассадил их по разные стороны стола защиты. Харрелсон объявил очередную голодовку (вторую или третью менее чем за год), но выглядел подтянутым, энергичным и во всеоружии. До голодовки и помещения в тюремную больницу Чарли работал на хлопковых плантациях недалеко от своего родного городка Лавледи.

Джо Чагра тоже похудел. Бо́льшую часть лета он провел в крохотной камере без кондиционера в местечке Сегуин к северо-востоку от Сан-Антонио. Его ежедневный рацион состоял из сдобной булочки на завтрак и комплексной закуски на обед и ужин. В обычной ситуации Джо поместили бы в просторную и современную тюрьму в Бастропе, но еще до этого власти решили перевести Джимми из Мэрионской тюрьмы особо строгого режима в тюрьму в Бастропе и теперь не хотели, чтобы оба брата находились в одном и том же месте. Обе женщины были помещены в Бексарскую окружную тюрьму в Сан-Антонио. Джо-Энн выглядела посвежевшей и даже похорошевшей в своем розовом платье, Лиз же была похожа на заплывшую жиром девицу из отряда герл-скаутов, напялившую на себя спальный мешок. Тоненькая и стройная, как манекенщица, в момент ареста четыре месяца назад, она теперь растолстела, прибавив в тюрьме более восемнадцати килограммов. Навещавшие их родственники сообщили, что в течение последних нескольких недель Джимми и Лиз обратились к богу. Лиз утверждала, что родилась заново. Джимми так не говорил, но Пэтти Чагра сообщила, что он теперь читает и цитирует Библию. В разговоре с нею он как-то сказал, что несколько лет назад «запродал душу дьяволу» в обмен на богатство (он понимал это буквально, в духе классической трагедии Фауста), но теперь осознал ошибочность избранного пути. Тогда Пэтти спросила в упор: «Ты хочешь сказать, что расскажешь теперь правду и вызволишь из тюрьмы Лиз и Джо?» Но Джимми ответил, что это не в его духе.

Все в семье Чагры гадали, как поведет себя Джимми в создавшейся ситуации: ведь матери его детей грозило длительное тюремное заключение. «Как поступит Джимми?» — спросил один из друзей Пэтти. И та ответила вопросом на вопрос: «Ну а как бы *ты* поступил?» Скорее всего, Джимми придется всю жизнь провести в тюрьме, независимо от исхода очередного процесса. Казалось бы, чего проще: встать и взять всю вину на себя. Но в перевернутом с ног на голову «кодексе» Джимми простых вещей не было. Пока Джо лично не ознакомился с содержанием длиннейшей расшифровки магнитофонных записей и не осознал наконец всю тяжесть собранных против него улик, он, как и почти все, считал, что в своем стремлении убить Вуда Джимми руководствовался сугубо корыстными мотивами. Но магнитофонные записи включали несколько коротких замечаний, выставлявших Джимми Чагру в несколько более выгодном для него свете (правда, никто из присяжных об этом так и не узнал). Как-то вечером, когда Джимми и Джерри Рей Джеймс курили «травку», Джимми признался, что, замышляя убийство судьи, он хотел отомстить за смерть Ли. Именно в этом и состоял, по его словам, главный побудительный мотив. «Я сделал это ради Ли»,— сказал он, и в его голосе слышались слезы.

Несмотря на наличие магнитофонных записей, у обвинения было множество слабых мест. Прежде всего, отсутствовало орудие убийства. У властей имелся лишь приклад одной из десяти тысяч винтовок «уэзербай-марк-V», проданных в стране за несколько последних лет. Ряд свидетелей вспомнили под гипнозом, что утром в день убийства судьи видели Чарлза Харрелсона в жилом комплексе «Дижон», но очевидца рокового выстрела у властей не было. Тереза Старр не могла даже с полной уверенностью опознать ту беременную женщину, которая передала ей деньги. И что хуже всего, у обвинения не было по-настоящему неопровержимых доказательств наличия преступного сговора между Джимми Чагрой и Чарлзом Харрелсоном: недостающим звеном был Джо. Что касается проблемы неразглашения сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату, то здесь предстояла жаркая схватка в суде. Даже если судья Сешнс и примет в этой связи решение, удовлетворяющее обвинение (что было весьма вероятно), в дальнейшем оно могло быть отменено судом вышестоящей инстанции, и федеральные власти хорошо это понимали. Оскар Гудмен, адвокат Джимми Чагры, заявил, представив довольно веские аргументы, что если обвинению

будет дозволено нарушить закон о неразглашении таких сведений, то это перечеркнет четвертую поправку [к конституции].

Судья Сешнс отклонил ходатайство о том, чтобы он дал себе отвод в качестве судьи, несмотря на заявление специалиста-психиатра, утверждавшего, что судья, произнесший надгробную речь на похоронах жертвы преступления и надевающий пуленепробиваемый жилет из боязни возможного покушения, не может выступать в роли беспристрастного арбитра. Судья игнорировал также и угрозу Рэвкайнда вызвать его в качестве свидетеля защиты в том случае, если обвинение поднимет вопрос о попытке подкупить Генри Уоллеса. Защита привела веский довод в пользу перенесения судебного процесса в другой город. Эд Моллет сказал, что дело о «преступлении века» должно рассматриваться в таком городе, где исключалась бы возможность появления «синдрома Джека Руби». «Присяжные могут подумать, что репутация и честь их города поставлены под угрозу»,— сказал он. Особенно если они окажутся в здании федерального суда, носящего имя Джона Вуда. Никто не удивился, когда Сешнс отклонил и это ходатайство. По подсчетам Билли Рэвкайнда, Сешнс отклонил до ста различных ходатайств защиты.

Джо Чагра начал уже впадать в панику. За несколько дней до истечения срока, когда еще можно было заключить сделку между обвинением и защитой о признании им вины в менее тяжком преступлении, Джо Чагра попросил своих адвокатов предпринять еще одну попытку договориться с властями. Рэвкайнд думал, что обвинение тут же ухватится за эту возможность, но, когда он сказал, что его клиент хочет предложить сделку, главный обвинитель Рей Джан сухо спросил: «Неужели?» — и сказал, что надо проконсультироваться с Вашингтоном. Через несколько дней Джан заявил, что Вашингтон согласен разрешить Джо Чагре признать себя виновным в преступном сговоре с целью убийства, за что тот получит всего тридцать лет тюрьмы.

Когда о последнем предложении властей услышала Пэтти Чагра, она в панике позвонила еще одному адвокату — другу Сиба Абрахама по имени Абрахам Казен (Чик), имевшему адвокатскую контору в Остине. Казен был из влиятельной семьи юристов и политических деятелей в Южном Техасе и дружил с четой Джанов. Поскольку Казен и так уже контролировал ход дела по просьбе Сиба Абрахама, фактически он стал еще одним членом бригады защитников. Казен позвонил Билли Рэвкайнду, уже переговорившему со своим другом из ФБР Миком Маккормиком, и поинтересовался подробностями предложения властей. Министерство юстиции, видимо, сделало это предложение, не проконсультировавшись с ФБР, у которого были серьезные сомнения насчет доказуемости возбужденного дела: без показаний Джо Чагры будет практически невозможно установить факт наличия преступного сговора. Чтобы выиграть дело, властям

необходимо будет заставить Джо признаться, что он был его участником. Но это еще не все. Контрпредложение Джо должно было подтвердить версию и доказательства властей. Маккормик сказал Рэвкайнду, что если защита выработает подходящее контрпредложение, то можно будет, как ему кажется, заключить такую сделку, в результате которой Джо Чагре придется отсидеть всего десять лет. Рэвкайнд ознакомил с предложением властей нескольких других адвокатов, включая Оскара Гудмена, защитника Джимми. Все согласились, что в данной ситуации десять лет — разумное и справедливое предложение. У Гудмена, конечно, были корыстные соображения: если Джо согласится пойти на сделку с обвинением, это будет означать, что процесс по делу Джимми будет проводиться отдельно от процесса по делам других участников преступного сговора, поскольку Джо ясно и недвусмысленно заявил, что не будет давать показаний против родного брата. Это также будет означать, что обвинение против Джимми будет в основном строиться на показаниях Джерри Рея Джеймса.

В понедельник 13 сентября в специально выделенной для этого комнате в старом здании федерального суда Эд Моллет и Чик Казен целый день пытались образумить своего клиента Джо Чагру и уговорить его пойти на сделку. Пользуясь испытанным приемом самозащиты, адвокаты решили, что, поскольку контрпредложение властям будет делать сам Билли Рэвкайнд, он не должен присутствовать при обсуждении различных его вариантов с клиентом. Уже сделанное Джо Чагрой заявление ФБР о том, что Харрелсон признался ему в убийстве на первой же их встрече, т. е. еще до того, как между ними установились отношения клиента и адвоката, в какой-то мере решало проблему. Но оставался еще вопрос о магнитофонных записях. С ними приходилось считаться и обвинению, и его свидетелю. Может, Джо что-нибудь забыл? Может, он постарается вспомнить все, что происходило на судебном заседании под председательством Вуда в Мидленде за несколько месяцев до его убийства, когда судья отказался дать себе отвод? Может быть, в запальчивости Джо что-то сказал, сидя за столом защиты? А может быть, во время перерыва? И вдруг в глазах Джо появился какой-то особый свет, словно наступило прозрение. «Постойте-постойте,— медленно проговорил он, как под гипнозом.— Я, кажется, что-то припоминаю...» Это произошло во время перерыва. Из зала суда вышли все, кроме Джимми и Джо. «Джимми сказал, что справедливого разбирательства ему не видать, и спросил, может, ему попробовать организовать убийство судьи Вуда». Вот-вот, и что же на это ответил Джо? «Я согласился»,— еле слышно проговорил Джо. В течение нескольких часов адвокаты задавали клиенту вопросы, пытаясь заставить его вспомнить, не обсуждали ли они с Джимми еще раз возможность организовать убийство Вуда и не поощрял ли он брата. Джо вспомнил, что примерно через десять дней после суда в

Мидленде они с Джимми гуляли в саду его дома в Лас-Вегасе. Джимми спросил тогда, по-прежнему ли Джо считает, что надо организовать убийство судьи. И Джо согласился. Наконец-то адвокаты получили прекраснейшую возможность сделать контрпредложение властям. То, что сказал Джо, объяснило записанные на пленке слова Джимми: «Это ты велел сделать. Ты! Ты!» Это давало объяснение и всей магнитофонной записи и могло выдержать перекрестный допрос. К тому же сказанное Джо подтверждало версию и все доказательства обвинения. И что самое лучшее, никто не сможет опровергнуть его слова, так как их произнес он сам, будущий свидетель обвинения.

На другой день, за несколько часов до истечения срока заключения соглашения о признании вины, Рэвкайнд ознакомил обвинение с контрпредложением защиты, и стороны заключили сделку. Они договорились, что Джо Чагра будет выступать в качестве главного свидетеля обвинения по делу Чарлза Харрелсона. Процесс по делу Джимми будет проведен отдельно. Главным свидетелем обвинения там будет приятель Джимми по Ливенуорту Джерри Рей Джеймс. Судья Сешнс согласился с рекомендацией обвинения о том, чтобы срок тюремного заключения Джо не превышал десяти лет. Согласно действовавшим правилам, Джо мог обратиться с ходатайством об условно-досрочном освобождении уже через четыре с половиной года.

Когда о сделке узнал Уоррен Бернетт, адвокат Лиз, он понял, что защищать ее теперь будет труднее. Хотя в соответствии с заключенной договоренностью Джо вряд ли будет давать прямые показания против невестки, то, что он заявит в суде, неоспоримо докажет факт наличия преступного сговора между Джимми и Харрелсоном. Уже то обстоятельство, что дело Лиз будет слушаться в Сан-Антонио в том же зале, что и дела Чарлза и Джо-Энн Харрелсон, было чрезвычайно серьезной проблемой для защиты. Но Бернетт выигрывал и не такие дела, поэтому он все еще верил, что ему удастся убедить присяжных в том, что Лиз до конца не осознавала, с какой целью передавала деньги Терезе Старр. В данный момент адвоката волновала не убедительность доказательств, а нечто более отвлеченное: его беспокоила неожиданно проявившаяся фанатичная набожность его 28-летней клиентки. Те, кто знал Лиз Чагра до ареста, теперь с трудом верили, что это та же женщина. И если стороннему наблюдателю ее «прозрение» могло показаться знамением божьим, то в сознании такого прагматика, как адвокат, оно ассоциировалось с новыми и весьма серьезными неприятностями, а возможно, и катастрофой. И дело не в том, что Лиз прибавила в весе 18 килограммов или напрочь забыла, что такое маникюр и прически. Проблема заключалась в том, что на ее некогда суровом и твердом лице появилась теперь чуть виноватая блаженная улыбка. Лиз сказала своим родственникам, что благодарит бога за то, что тот отправил ее в тюрьму, «потому что, если бы я здесь не оказалась, я бы так и не нашла Христа».

Бернетту в принципе не нравилось, что местным религиозным деятелям разрешалось встречаться с заключенными, дожидавшимися суда, и проводить в беседах с ними многие часы. Вот почему адвокат предупреждал своих клиентов: «Всех этих людей волнует совсем не то, что волнует вас. Все их молитвы, завывания и вопли — просто глупость».

За несколько недель до начала процесса главный обвинитель Рей Джан сообщил Бернетту по телефону новость, которая буквально потрясла его. Джан только что приехал от Кэтрин Вуд, вдовы судьи, которая ознакомила его с содержанием письма, полученного от Лиз Чагра. Та призналась, что лично передала деньги за убийство судьи Вуда, и просила вдову простить ее. Миссис Вуд, разумеется, отдала письмо ФБР. Никто толком не знал, каким образом оно нашло адресата. Скорее всего, письмо тайком вынесли из Бексарской окружной тюрьмы и вручили лично миссис Вуд.

В письме, в частности, говорилось:

«Уважаемая г-жа Вуд!

Недавно я вновь приняла христианство и теперь, обретя спокойствие в боге, решила попробовать наладить отношения и жить в мире со всем человечеством, особенно с Вами. Меня зовут Элизабет Николс Чагра...

Я расскажу Вам, как все это произошло в действительности. Но помните, что я пишу о прежней Лиз, потому что новая Лиз обрела силы, мужество и уважение к Вам, которые и позволяют ей объяснить свою причастность к этому делу.

Однажды в марте три года назад, когда я жарила на кухне цыпленка, ко мне подошел муж и сказал: «Я хочу убить судью Вуда». Я уже не раз слышала, как муж говорил то же самое и в отношении других людей, но с ними ничего подобного никто не делал. Вот почему я сказала: «Хорошо, дорогой» — и продолжала возиться с обедом, тут же выбросив его слова из головы.

Я не причастна ни к сговору, ни к тайным планам, потому что никогда в жизни не обсуждала ни с кем какой бы то ни было план убийства Вашего мужа. Бог тому свидетель, я невиновна в этом преступлении.

Я гостила у матери, когда узнала об этом впервые. И тогда меня охватил настоящий ужас. Я тут же вылетела в Лас-Вегас и бросилась с расспросами к мужу. В то время он отрицал всякую причастность к этому делу. Мне кажется, я сама тогда более или менее поняла все, но предпочла закрыть на это глаза и попытаться верить своему мужу сердцем. Больше мы об этом не говорили, хотя несколько раз я слышала, как он повторял, что ничего не знает об убийстве Вашего мужа.

Прошло два месяца. Однажды после довольно странно-

го телефонного звонка муж отвел меня в сторону и попросил передать кому-то деньги. (Кстати, до этого я очень и очень часто передавала разным людям деньги в счет уплаты игорных долгов Джимми.) Но в тот раз я хотела отказаться, так как у нас были гости. К тому же я ходила на девятом месяце беременности. Но больше всего мне не хотелось делать это потому, что на улице стояла 43-градусная жара. Я попросила мужа, чтобы он послал вместо меня своего телохранителя. И тогда он отвел меня в сторону и сурово сказал, что это деньги за убийство Вашего мужа и что он может доверить это только мне — его жене. Честно скажу, что в тот момент я вся дрожала и отказалась делать это. Но Джимми настаивал, и я сдалась. Вот так и стала я соучастницей этого преступления...

Теперь я каждый день благодарю бога за то, что он отправил меня в тюрьму, потому что, если бы я здесь не оказалась, я бы так и не нашла Христа. Именно он дал мне силы написать Вам это письмо...»

42

Выдвинутое против Чарлза Харрелсона обвинение строилось в основном на косвенных доказательствах даже с учетом показаний Джо Чагры. Обвинители разработали сложную версию о том, как Харрелсон «выслеживал» судью чуть ли не с момента встречи с Джимми Чагрой в Лас-Вегасе, как он сначала пытался уговорить Хемпа Робинсона купить ему «орудие убийства», а затем заставил сделать это свою жену и как он скрывался под именем Гордона Стоуна в различных мотелях Остина, Сан-Антонио и Мидленда. Уже несколько месяцев ходили слухи о том, будто ФБР разыскало золотистый «катласс», который якобы видели в день убийства судьи в жилом комплексе «Шато-Дижон». Однако, когда началось судебное разбирательство, Том Шарп, адвокат Харрелсона, выяснил, что ФБР нашло совсем не тот автомобиль. Более того, оно установило, что «катласс», владельцем которого была Джо-Энн Харрелсон, до того как Чарлз Харрелсон продал его после убийства, в момент преступления находился на автостоянке в международном аэропорту Сан-Антонио. Власти разыскали также таксиста, утверждавшего, что вечером накануне убийства он отвез Харрелсона из аэропорта в «Шато-Дижон». Нашлось также несколько свидетелей, которые вспомнили под гипнозом, что видели Харрелсона непосредственно перед убийством.

Адвокатам трудно было предвидеть реакцию присяжных, поскольку подробными сведениями о них они не располагали. Защита знала лишь, что среди двенадцати присяжных было девять женщин, трое американцев мексиканского происхождения и двое черных. Судья Сешнс не разрешил адвокатам отбирать присяжных путем индивидуального опроса. Он сам сократил первоначальный список кандидатов со 174 до 107, а затем до 46, после чего предложил сторонам заявить отводы. Вполне логично было предположить, что все, кто жил в районе Сан-Антонио, слышали о деле об убийстве судьи Вуда и знали имена подсудимых.

В ходе судебного разбирательства обе стороны использовали то обстоятельство, что ФБР назвало убийство Вуда «преступлением века» и что затянувшееся расследование уже обошлось налогоплательщикам примерно в 10 миллионов долларов. К началу допроса свидетелей 11 октября обвинение подготовило сложные схемы, карты, календари и даже макет жилого комплекса «Шато-Дижон». Обращаясь к присяжным со вступительной речью, обвинитель Рей Джан заявил: «Это простая история. Это история о страхе. Это история об алчности и убийстве. Джимми Чагра боялся судью Вуда потому, что тот выносил суровые приговоры».

Процесс протекал более или менее спокойно до тех пор, пока не пришла очередь вступительной речи Тома Шарпа. Он пообещал, что не только докажет невиновность Чарлза Харрелсона в убийстве судьи Вуда, но и назовет имя настоящего убийцы. Адвокат изложил собственную версию, основанную, как он сказал, на доказательствах и показаниях свидетелей обвинения. Шарп заявил, что Харрелсон и Чагра действительно вступили в сговор, но их преступление связано с наркотиками, а не с убийством. Более того, Харрелсон и его приятели Пит Кей и Хемп Робинсон на самом деле никакой сделки о контрабанде наркотиков не замышляли. Они лишь хотели «нагреть» Джимми Чагру. Адвокат сказал, что переданная в Лас-Вегасе сумма (не 250 000 долларов, как утверждало обвинение, а 150 000) была в действительности не платой за убийство, а суммой, на которую «нагрели» Джимми Чагру. «Они хотели получить деньги и скрыться,— сказал Шарп.— Что и было сделано. Но это не имеет никакого отношения к убийству судьи Вуда».

Чарлз Кэмпион, адвокат Джо-Энн Харрелсон, заявил, что его подзащитная — всего лишь «заботливая мать и преданная жена». Она никоим образом не препятствовала правосудию.

В своей вступительной речи Уоррен Бернетт говорил о Лиз Чагра примерно в тех же выражениях: эта молоденькая женщина (ей было всего 25 лет в момент убийства судьи Вуда) просто не устояла и подчинилась нажиму властного мужа. «Обвиняемая узнала, кто такой Чарлз Харрелсон, лишь много-много месяцев спустя после смерти судьи Вуда,— сказал Бернетт.— Она впервые его увидела лишь после своего ареста». Семейная жизнь четы Чагра, сказал адвокат, обращаясь к присяжным, была бурной и темпераментной. Джимми вел себя как своенравный и властный муж, склонный к «браваде и хвастливым заявлениям о причастности ко всякого рода преступлениям, которые, как потом выяснилось, были обыкновенной выдумкой. Джимми

Чагра довольно часто угрожал расправой многим, очень многим людям. Не только судье Вуду». В подтверждение своих слов, сказал Бернетт, в качестве вещественного доказательства он представит письмо Лиз Чагра, адресованное вдове убитого судьи. Поскольку адвокат не мог помешать обвинителям предъявить суду это письмо, он решил, что будет лучше, если он опередит их и обставит все так, будто это была его идея с самого начала. Позже он признался: «На той стадии наша тактика сводилась исключительно к тому, чтобы заставить всех поверить, будто мы и впрямь выигрываем дело».

Что касается обвинения, то ему предстояло прежде всего доказать факт присутствия Чарлза Харрелсона в Сан-Антонио, а затем в «Шато-Дижон» в момент убийства. Таксист Уэсли Коддингтон опознал Харрелсона и заявил, что именно этого человека он посадил в такси в аэропорту и отвез в жилой комплекс «Шато-Дижон» ранним вечером 28 мая, т. е. накануне убийства. Таксист сказал, что на автостоянке в «Шато-Дижон» Харрелсона дожидался какой-то блондин в куртке цвета хаки, «с сальными волосами и прической «афро». Харрелсон держал в руках пакет из оберточной бумаги, в котором находился тонкий черный футляр, «в каких обычно носят оптический прицел». Но достоверность показаний Коддингтона была в какой-то мере поставлена под сомнение тем обстоятельством, что он сообщил все это ФБР лишь через полтора года после убийства. Таксист был одним из тех свидетелей, которые по просьбе ФБР давали показания под гипнозом. Другой свидетель, тоже вспоминавший все под гипнозом, заявил, что на следующее утро видел около жилого комплекса какого-то человека, но не мог с полной уверенностью подтвердить, что этим человеком был Харрелсон. Обвинению так и не удалось установить личность или объяснить присутствие второго человека в куртке цвета хаки и с прической «афро».

Самые важные показания в течение первой недели судебного разбирательства дала 28-летняя свидетельница обвинения Крис Лэмброс, адвокат по профессии. Она заявила, что менее чем за час до убийства столкнулась с Харрелсоном буквально носом к носу в жилом комплексе «Шато-Дижон». Мисс Лэмброс была уверена, что не ошиблась. «Я никогда не забуду глаза мистера Харрелсона,— сказала она присяжным.— Я навсегда запомнила это лицо».

Через две недели после убийства Крис Лэмброс согласилась на сеанс гипноза в надежде, что это позволит ей лучше все вспомнить. Присяжным была показана видеозапись сеанса, проводившегося доктором Ричардом Гейблером, военным психиатром и специалистом в области гипнотерапии. Присяжные слышали, как он сказал мисс Лэмброс, что гипноз — это своего рода «сон наяву, вызванный искусственно для того, чтобы усилить вашу способность воскрешать события. Это своего рода экскурсия в вашу память, призванная восстановить то, что произошло 29 мая 1979 года». По мере того как свидетельница поддавалась гипнозу, ее голос становился все тише, а речь — все медленнее. Мисс Лэмброс вспомнила, как в то утро выходила из квартиры своего дома в том же жилом комплексе, где жил Вуд. «Я спустилась вниз по лестнице и вышла на улицу. Воздух был прохладен и свеж. День выдался прекрасный. Да, я ясно вижу его. У него соломенные волосы. На нем очки от солнца, темно-синие брюки, мокасины и белая рубаха в цветную клеточку. Я все вижу так, словно на глазах проявляется полароидный снимок. Я вижу свою машину и стоящую рядом голубую «тойоту». А вот зеленый фургон. Это машина миссис Вуд. Ко мне приближается какой-то человек. Он находится между мной и «тойотой». Он чисто выбрит. Волосы спадают длинными космами. Он умышленно идет прямо на меня. Интересно, думаю я, что он здесь делает, на стоянке? Мне совсем не страшно. Просто любопытно. Человек проходит мимо. Он толкает меня, и мои ключи оказываются на земле. Я наклоняюсь и подбираю их, затем сажусь к себе в машину и выезжаю на дорогу. При этом я вижу, как человек снова возвращается на стоянку и направляется к какой-то машине. Я вижу только крышу. Машина красно-бурого цвета...»

Просмотрев видеозапись сеанса гипноза, проведенного более трех лет назад, обвинитель Рей Джан попросил свидетельницу показать человека, которого она видела в то утро. Переполненный зал федерального суда имени Джона Вуда притих. Крис Лэмброс без колебаний указала на Чарлза Харрелсона, который встал и улыбнулся.

Через два дня в зале суда вновь не было свободных мест: затаив дыхание, все слушали показания Кэтрин Вуд. Эта темноволосая женщина с добрым лицом рассказывала сдавленным от волнения голосом, как держала в руках голову умирающего мужа и спрашивала: «Кто стрелял в тебя, Джон?» Глаза судьи были открыты, сказала она, но он так и не ответил на вопрос. Когда ее спросили о письме Элизабет Чагра, в котором та призналась не только в передаче денег за убийство, но и в том, что знала об убийстве заранее, миссис Вуд сказала, что никогда ее не простит. «Мне кажется, она слишком поздно обрела бога»,— с горькой иронией заметила Кэтрин Вуд.

Хотя Том Шарп так и не сдержал обещания назвать имя настоящего убийцы, он все же добился кое-каких успехов в ходе перекрестного допроса целой группы приятелей Харрелсона, вызванных в суд в качестве свидетелей обвинения. Так, Хемптон Робинсон заявил, что Харрелсон часто хвастался тем, что «убивать людей и не попадаться — его давнишнее и любимое занятие», и что однажды он сказал ему, что Вуд «совершает самоубийство, вынося людям такие приговоры». Судья Сешнс велел присяжным игнорировать это заявление о Вуде. Шарпу удалось в какой-то мере укрепить свою линию защиты, заставив Робинсона признать, что тот и сам далеко не чист. Так, в свое

время Робинсон стал наркоманом, пристрастившись к кокаину и героину; ему дважды предъявлялось обвинение в причастности к убийству; за прошедшие три года он трижды попадал в психиатрические и наркологические лечебницы.

В ходе перекрестного допроса другого свидетеля обвинения, Пита Кея, Шарпу удалось добиться признания, что Хемп Робинсон был «с приветом», «взрослым ребенком». Давая показания в качестве свидетеля обвинения, Кей сказал, что Харрелсон как-то говорил ему, что «человеческая голова — это арбуз с волосами». Позже, однако, в ходе перекрестного допроса Кей признался под угрюмым взглядом Харрелсона, что не уверен, действительно ли тот говорил это. «Я не могу с полной уверенностью утверждать, что Чарлз и в самом деле сказал это,— признался Кей.— Может быть, я сам это сказал». Пит Кей отверг утверждение защиты, будто они с Харрелсоном пытались «нагреть» Джимми Чагру, втянув его в жульническую сделку о контрабанде наркотиков. Однако в ходе перекрестного допроса он признался, что однажды пытался поживиться за счет Чагры. Кей сказал, что, узнав об убийстве Вуда, он тут же позвонил Чагре в Лас-Вегас и попытался заставить того поверить, будто он, Кей, знает что-то такое, что может доказать причастность Джимми к убийству. Он надеялся тем самым заставить Чагру «отблагодарить» его деньгами или марихуаной, но надежды эти не оправдались. «Он ничего мне не дал»,— признался Кей.

Другой старый приятель Харрелсона, Грег Гудрем, родители которого помогали Чарлзу после того, как его бросила мать, заявил в суде, что вскоре после убийства Вуда Харрелсон сказал ему, что воспользовался золотистым «катлассом» своей жены для «дела» и теперь хочет побыстрее продать его. Еще до этого два свидетеля заявили, что видели какой-то золотистый «катласс» на стоянке в комплексе «Шато-Дижон» в то утро, когда был убит Вуд, а обвинение представило документы, доказывавшие, что за две недели до убийства машина жены Харрелсона в течение целой недели стояла на автостоянке аэропорта Сан-Антонио.

Хотя обвинение представило в основном косвенные доказательства, их совокупный эффект был ощутим. В течение последующих нескольких дней власти предъявили ружейный приклад и два письменных документа, написанных рукой Харрелсона и указывавших на его причастность к убийству. Присяжные могли, конечно, поверить, что этот облезший приклад действительно был от винтовки, из которой убили судью. Но они могли и усомниться в этом. Человек, продавший винтовку Джо-Энн Харрелсон, точно подтвердить этого не мог, хотя и установил подлинность выписанного им товарного чека и формы о приобретении оружия, заполненной на имя Фей Кинг. Он даже не мог с уверенностью утверждать, что приклад был от винтовки, проданной в его магазине. «Таких прикладов, как этот,— сказал он, обращаясь к присяжным,— могло быть десятки тысяч». Тому

Шарпу удалось несколько смягчить негативную реакцию присяжных на факт приобретения винтовки, когда он сказал, что Джо-Энн Харрелсон купила ее для своего бывшего любовника Пита Кея.

Гораздо труднее было объяснить происхождение и смысл двух документов: «завещания», написанного Харрелсоном на листке от отрывного календаря в тот момент, когда он не подпускал к себе полицейских в пустыне близ Вэн-Хорна, и записки, нацарапанной в тот же вечер на обратной стороне открытки, которую Харрелсон затем разорвал и разбросал на дороге. Обвинители зачитали присяжным отрывки из записи на листке календаря от 30 августа 1980 года:

«Мне жаль. Не себя, а тех, кому я причинил боль, тех, кто любил меня, и тех, кто любил убитых мною. Но я никогда не убивал тех, кто этого не заслуживал. Я хочу, чтобы меня кремировали без всяких религиозных ритуалов. Я хочу, чтобы мой пепел был развеян над зданием суда имени Джона Вуда в Сан-Антонио».

Другая запись гласила:

«Извиняюсь за почерк, но я забалдел от кокаина (как всегда). Я, Чарлз Харрелсон, убил судью Джона Вуда, и сделал это один».

На обратной стороне открытки (ФБР сложило ее из кусочков и установило, что текст был написан рукой Харрелсона) говорилось: «Поскольку смерть неминуема, меня нужно лишь благодарить за то, что я ускорил естественный процесс. На моем надгробье следовало бы написать: «Он внес свой вклад в нулевой прирост населения». Том Шарп попытался было убедить присяжных, что Харрелсон хотел лишь пошутить по поводу искусственной стерилизации, но ни один из них почему-то не улыбнулся.

Когда место для дачи показаний заняла Тереза Старр, зал оживился. Публика пересела поближе, чтобы получше разглядеть эту прелестную 23-летнюю девушку, а заодно и трех подсудимых, судьба которых зависела теперь от ее показаний. Большинство к этому времени уже знало о странной любовной связи Терезы с отчимом и теперь хотело собственными глазами увидеть, как будут вести себя подсудимые, когда услышат пикантные подробности из уст самой девушки. Но сначала обвинители хотели выяснить все обстоятельства передачи ей денег за убийство.

Стараясь не глядеть в сторону трех подсудимых, Тереза сказала суду, что, отправляясь в Лас-Вегас, думала, что ее попросили привезти оттуда пакет с наркотиками в счет уплаты какого-то игорного долга. За день до поездки они с матерью пошли купить новое платье и небольшой чемодан. Джо-Энн Харрелсон настаивала, чтобы чемодан был с запирающимся на ключ замком. 23 июня Джо-Энн отвезла дочь на машине в аэропорт Корпус-Кристи и купила ей билет на имя Терри Тауэр. Она дала Терезе около тысячи долларов на дорогу, велев

остановиться в отеле клуба «Жокей» и заплатить за номер «за несколько дней вперед», потому что мать не знала, сколько там придется ждать. Тереза остановилась в отеле клуба «Жокей» под тем же вымышленным именем — Терри Тауэр. Харрелсон велел ей найти три стоящих рядом телефона-автомата в трех различных казино и пользоваться только ими. Разместившись в номере отеля клуба «Жокей», Тереза прошлась вдоль Стрипа, заглядывая то в одно казино, то в другое. Подходящие телефоны-автоматы она нашла в казино «Дюнс», «Аладдин» и «Барбари-коуст», после чего позвонила Харрелсону из отеля «Падре-айленд» и назвала их номера. Они договорились, у какого именно телефона-автомата и когда Тереза будет дожидаться звонка. «Мне было велено стоять в условленный час у какого-нибудь игрального автомата,— сказала Тереза,— чтобы был слышен звонок. При этом я должна была что-то делать. Одеваться мне рекомендовали поскромнее, чтобы меня не приняли за проститутку. Вступать с кем-то в разговоры запрещалось».

23 июня никто не позвонил, и Тереза вернулась в отель клуба «Жокей» и стала ждать. Вскоре позвонил Харрелсон. «Он сказал, что я пропустила звонок и что мне позвонят снова на следующий день вечером. Потом я поговорила с матерью, и та сказала, что все в порядке. Мне кажется, она хотела просто успокоить меня, потому что я расстроилась и сильно нервничала». На другой день Тереза взяла такси и поехала в центр Лас-Вегаса, «потому что там казино больше и они расположены гораздо ближе друг к другу; к тому же мне было велено не пользоваться одним и тем же телефоном дважды». На Фремонт-стрит в центре Глиттер-Галч она нашла подходящие телефоны-автоматы, которыми намеревалась воспользоваться позже. Это были телефоны в казино «Фор-куинс», «Голден-наггет» и «Фремонт». «Я позвонила Чарлзу и назвала их номера. Затем я подошла к одному из них и стала ждать». Наконец раздался долгожданный звонок по телефону-автомату в казино «Фремонт». Харрелсон велел ей вернуться в отель клуба «Жокей» и ждать там пакет.

«Раздался стук,— продолжала Тереза,— и в дверях появилась какая-то женщина. У нее были длинные темно-каштановые волосы. Видно было, что она ждет ребенка. Одета гостья была просто, но со вкусом. В разговор мы не вступали. Женщина положила чемоданчик на диван, взяла бумажную салфетку, стерла отпечатки пальцев и вышла. Все это длилось примерно три минуты».

Обвинитель Рей Джан попросил Терезу опознать бежевый чемоданчик, уже предъявленный суду в качестве вещественного доказательства. Он не стал просить свидетельницу показать женщину, которая доставила этот чемоданчик в номер отеля клуба «Жокей», потому что Тереза уже несколько раз не могла узнать Лиз. Чемоданчик был опознан еще одной свидетельницей — Синди Коут, личной секретаршей Лиз. Та поехала вместе с

ней в клуб «Жокей», но в помещение не входила и, судя по всему, не знала, что Лиз отвозила деньги за убийство. Во время расследования агенты ФБР заставили Синди Коут позвонить Лиз и попытаться завязать с ней разговор, в ходе которого та призналась бы в причастности к убийству. Но разговор этот (тоже записанный на магнитофон) ничего не дал, вылившись в праздную болтовню.

Обвинитель спросил затем свидетельницу, вступала ли та в интимные отношения с отчимом. Тереза какое-то мгновение колебалась. Метнув взгляд на мать, по лицу которой скользнула тень легкой улыбки, она посмотрела затем на широко улыбавшегося Харрелсона и сказала: «Да, в декабре 1979 года. Эта связь продолжалась до февраля 1980 года. Мать узнала об этом, и, конечно, возникли проблемы». Тереза сказала, что поначалу отказывалась давать показания большому жюри, потому что хотела защитить мать. «Мне задавали всякие вопросы. Я их потом записала и передала адвокату. Позже мать сказала, что все это — сплошные догадки и предположения властей, что те хотят свалить все на Чарлза и что все это подстроено. Я имею в виду их причастность к убийству судьи Вуда». Тереза зачитала затем отрывки из любовных писем Харрелсона, написанных в тот период, когда она сидела в тюрьме за отказ давать показания большому жюри. Джо-Энн Харрелсон слушала все, закусив губу и потупив взор.

После длительного перекрестного допроса Терезы адвокатами всех трех подсудимых процесс подошел к кульминационной точке — показаниям Джо Чагры.

43

Прежде чем позволить обвинению приступить к допросу своего главного свидетеля, адвокаты еще раз подняли две проблемы, на спорный характер которых они указывали еще в самом начале процесса. Речь шла о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату или одним из супругов другому, и законности предъявления в качестве доказательств магнитофонных записей. После договоренности о признании Джо своей вины в менее тяжком преступлении обвинение обработало материал, записанный на 914 катушках общей продолжительностью звучания в 1000 часов, и смонтировало десять отдельных катушек всего на пять часов звучания. Уоррен Бернетт, возглавивший наступление защиты на магнитофонные записи, заявил, что власти вырезали очень важные куски, которые могли бы объяснить те или иные заявления подсудимых. Когда присяжные покинули зал заседаний, Бернетт зачитал длинный список замечаний, выхваченных из общего контекста и включенных в сокращенную версию обвинения.

«Так, например,— заявил Бернетт,— одна из записей начинается словами Джимми Чагры, который сказал: «Черт, лучше бы

я этого не делал». Это звучит как признание в убийстве Вуда. На самом же деле Чагра имел в виду истраченные деньги».

При монтаже пленки были опущены многие разговоры, включая тот, во время которого Джимми, обращаясь к Джо, утверждал: «Это ты велел сделать это. Ты! Ты! Это тебе было так невтерпеж».

На это обвинитель Рей Джан ответил: «Мы бы и сами включили этот кусок, но, на наш взгляд, он не подтверждает обвинение в преступном сговоре. Это всего лишь перебранка двух братьев, пытающихся свалить вину друг на друга».

Бернетт, голос которого звучал чуть ли не как голос библейского пророка, неоднократно называл магнитофонные записи «подслушанными сведениями», особенно в присутствии присяжных. Он упорно доказывал, что в данном случае просто невозможно определить, что именно было выпущено из первоначального варианта, поскольку властям было позволено спрессовать до пяти часов разговоры, длившиеся сотни часов. Бернетт, конечно, понимал, что судья Сешнс вряд ли отклонит предъявленные обвинением доказательства на основании закона о неразглашении сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату или одним из супругов другому, или что он признает магнитофонные записи незаконными. Адвокат выдвинул эти требования лишь для того, чтобы его заявления были внесены в протокол. В данный момент перед ним стояла более важная задача, и он был уверен в положительном ее решении. Бернетт хотел, чтобы судья запретил обвинению предъявлять в качестве вещественных доказательств 92 клочка бумаги, изъятых агентами ФБР из сумочки Лиз Чагра по окончании ее последнего визита в Ливенуорт (Лиз тогда пыталась смыть бумажки водой из бачка в туалете). Хотя в конечном итоге агенты ФБР и предъявили ордер на обыск, выданный судьей в Канзас-Сити, им пришлось задержать Лиз и ее трехлетнюю дочь Джеки и в ожидании ордера продержать их под арестом в течение четырех часов. В ответ на это обвинители заявили, что у агентов была «веская причина» для задержания Лиз, поскольку они подслушали, как та обсуждала с Джимми другие «преступные дела» в зале для свиданий. Поскольку это было сказано в присутствии присяжных, Бернетт тут же заявил ходатайство о прекращении судебного процесса и признании суда недействительным из-за серьезной ошибки, препятствующей справедливому судебному разбирательству. «Такая ошибка вряд ли может быть исправлена каким бы то ни было объяснением [присяжным]»,— сказал адвокат, обращаясь к судье. Сешнс, однако, отклонил ходатайство о признании суда недействительным. И все же Бернетт записал очко в свою пользу: судья постановил, что те 92 кусочка бумаги не могут быть представлены суду в качестве вещественного доказательства.

Как и предполагал Джо Чагра, адвокат Харрелсона Том Шарп долго натаскивал своего клиента по части неразглашения

сведений, сообщаемых клиентом своему адвокату. Во время предварительного слушания, до того как Джо решил пойти на сделку с властями, он говорил об этом как с Шарпом, так и с Харрелсоном. Но даже теперь, когда Джо решил дать показания против Харрелсона, перед обвинением по-прежнему стояла неразрешимая проблема: ведь в данном случае речь шла о неразглашении сведений, сообщаемых *клиентом*, т. е. Харрелсоном, своему адвокату, а не наоборот. Джо тщательно изучил ее и пришел к выводу, что суд вышестоящей инстанции отменит приговор, вынесенный Харрелсону, если ходатайство о пересмотре дела будет основано на законе о неразглашении. Но все осложнялось поведением самого Харрелсона, который во что бы то ни стало решил занять место для дачи показаний. Он сочинил собственную версию о первой встрече с Джо, якобы задуманной им с единственной целью — «выпотрошить» Чагру. Ему никогда не приходила в голову даже мысль о Джо как об адвокате. Для него тот был всего лишь «дойной коровой». Еще во время предварительного слушания Джо тщательно проанализировал возможный исход судебного процесса в случае, если ни один из подсудимых не будет давать показаний. Если бы это действительно произошло, то он сумел бы заставить власти доказывать обоснованность предъявленного обвинения не суду присяжных, а суду вышестоящей инстанции. Тогда (как, впрочем, и сейчас, накануне дачи показаний в качестве свидетеля обвинения) Джо считал, что власти не смогут доказать обоснованность предъявленного ему обвинения, если будет применен закон о неразглашении. «Правда, с другой стороны,— признался он несколько позже,— если бы я отказался давать показания, ссылаясь на закон о неразглашении, а Харрелсон встал бы и заявил, что никогда и не думал считать меня своим адвокатом, я оказался бы в весьма щекотливом положении». Решение Харрелсона самому выступить в суде с показаниями было одной из главных причин, побудивших Джо Чагру пойти на сделку с властями.

Когда присяжные покинули зал заседаний, Шарп стал расспрашивать Джо Чагру о тех его беседах с Харрелсоном, где речь шла об убийстве Вуда.

«С первой нашей встречи,— сказал Джо,— я много раз и подолгу беседовал с ним о ходе расследования». Он не помнил, когда именно встретился с Харрелсоном в доме Билли Кабреры. Это произошло примерно в марте 1980 года, но сам он считал себя адвокатом Харрелсона начиная с 25 марта. Насколько помнил Джо, в ходе его первых частных бесед с Харрелсоном они обсуждали вопросы, связанные с предъявленными тому в Хьюстоне обвинениями в незаконном хранении огнестрельного оружия и наркотиков.

— Мы также говорили о деле об убийстве Вуда,— продолжал Джо.— Он уже давал в этой связи показания большому жюри. Мы говорили также о расследовании по делу моего брата. Я и

потом обсуждал с мистером Харрелсоном расследование, проводимое большим жюри.

— Когда вы прекратили представлять Чарлза Харрелсона? — спросил Шарп.

— Даже не знаю, что и ответить, — сказал Джо. — После ареста мистера Харрелсона [в Вэн-Хорне] один из агентов ФБР сказал мне, что я тоже стал объектом расследования в связи с делом об убийстве Вуда и что я не могу быть признан адвокатом лица, являющегося объектом того же расследования. Действительно, это создавало проблемы. Я тогда уступил, так как хотел представлять брата.

— Считаете ли вы, что сведения, сообщаемые клиентом своему адвокату, не подлежат разглашению?

— Именно так я всегда и считал, — ответил Чагра.

Как и ожидалось, судья Сешнс постановил считать, что в данном случае отношения клиента и адвоката места не имели, и пригласил присяжных вернуться в зал и заслушать показания Джо Чагры. После трудных многочасовых дебатов Джо выглядел нервным и измученным. Чарлз Харрелсон слегка покачивался на стуле, устремив холодный немигающий взгляд на свидетеля. Джо вздохнул, чуть наклонил голову вперед и, набрав полную грудь воздуха, приступил к рассказу:

— Как-то мне позвонил Билли Кабрера и попросил зайти к нему на Кингс-хилл в Эль-Пасо: он хотел мне что-то сказать. Кабрера, стоявший рядом с какой-то машиной на автостоянке, представил меня мистеру Харрелсону. Мы пожали друг другу руки и обнялись. Мистер Харрелсон сказал, что знал моего брата Ли, что очень уважал его, что однажды встречался с Джимми в Лас-Вегасе и хочет теперь познакомиться с младшим братом. Затем он попросил Билли оставить нас одних для беседы с глазу на глаз. Какое-то время мы говорили о предъявленном ему в Хьюстоне обвинении в незаконном хранении оружия, а затем перешли к обсуждению убийства Вуда. Я спросил: это он убил Вуда? Он ответил «да». Тогда я поинтересовался, почему большое жюри отпустило его. Он сказал, что шесть свидетелей заявили, будто в день убийства судьи Вуда он находился в Далласе, то есть подтвердили его алиби. Никого из них он не знает, поэтому у них не было причин лгать. Он упомянул о каком-то человеке, ставившем его машину на стоянку для прислуги, и заметил, что сделал в тот день нечто такое, что заставит этого человека вспомнить о нем теперь. Затем он стал рассказывать мне подробности преступления, сказав, что застрелил судью Вуда из мощной винтовки. Судья стоял у своей машины с маленьким чемоданчиком в руках, и, когда стал садиться в нее, мистер Харрелсон выстрелил ему в спину. Он уверен, что не промахнулся и что никто его не видел. Да если бы и видел, то все равно не узнал бы, потому что предварительно он изменил свою внешность и чуть раньше в то же утро специально прошел мимо судьи Вуда в этом своем новом обличье. Выстрелив в судью, он отправился на машине из Сан-Антонио в Даллас. Я поинтересовался, как это ему удалось проскочить через все дорожные заслоны, так как знал из газет, что на всех дорогах при выезде из города были установлены посты. Он, однако, сказал, что никаких заслонов не было. Тогда я спросил, почему он выстрелил в судью именно в тот день. Он ответил, что в тот день должен был начаться процесс по делу Джимми. Когда я заметил, что суд над Джимми перенесен, он сказал, что не знал об этом. Он утверждал, что пытался убить судью Вуда и раньше, в Мидленде, но там было много народу и он не смог этого сделать...

Показания Джо Чагры в точности соответствовали версии властей, утверждавших, что Харрелсон выслеживал Вуда по всему Западному округу штата Техас. Они представили даже выписку из книги регистрации телефонных разговоров одного из мотелей, подтверждавшую, что Харрелсон, пользуясь вымышленным именем Гордона Стоуна, позвонил в федеральный суд в Мидленде 14 мая с явным намерением выяснить, где находится судья. Агенты ФБР пока не нашли неопровержимых доказательств того, что на другой день Харрелсон был уже в Мидленде. Незадолго перед этим они установили, что за ночь до убийства Харрелсон остановился в мотеле «Таунхаус» в Сан-Антонио. Назвавшись Биллом Бэннистером, Харрелсон заплатил за номер наличными вперед. Мотель находится примерно в четырех минутах езды от дома Вуда.

Обвинитель Рей Джан заставлял свидетеля сообщать суду одну уличающую подробность за другой. Так, Джо Чагра сказал, что его брат впервые предложил убить Вуда, когда во время перерыва они остались вдвоем в практически пустом зале суда в Мидленде. Судья Вуд к тому времени отклонил более двадцати ходатайств защиты, включая ходатайство о том, чтобы он дал себе отвод в процессе по делу Джимми. «Джимми сказал мне, что справедливого суда ему не видать, и предложил попробовать убить судью, — продолжал Джо. — Я не возражал». Через несколько недель Джимми вновь заговорил об убийстве судьи. Братья гуляли тогда по саду в доме Джимми в Лас-Вегасе. «Он спросил, считаю ли я по-прежнему, что он должен это сделать. На что я ответил вопросом: «Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы это сделать?» Он сказал, что знает. Тогда я произнес: «Делай». Он сказал, что не будет говорить мне больше ничего об этом деле, потому что не хочет, чтобы я был в нем замешан».

— Но вы все-таки оказались в нем замешаны? — спросил Джан.

— Да, — ответил Джо. — Примерно через три месяца после убийства я просматривал список лиц, вызванных в суд для дачи показаний большому жюри, и Джимми, ткнув пальцем в фамилию мистера Харрелсона, сказал, что это его он нанял для убийства судьи Вуда.

Затем обвинение представило для прослушивания куски магнитофонных записей. Присяжные, подсудимые, обвинители, защитники и судья надели наушники и стали следить за ходом разговоров, сверяя услышанное с напечатанным текстом. Впервые за все это время присяжные услышали, как Джимми обсуждал план побега, расспрашивая о карте и орудии убийства, как он не раз говорил, что нужно «убрать» кое-кого, включая Харрелсона, Генри Уоллеса, а несколько позже и бывшего федерального прокурора Джеми Бойда. «Что значит «убрать»?» — спросил Джан.

«Убить»,— прямо ответил Джо. Он сказал, что Харрелсон рассказывал, что отправил свою жену Джо-Энн купить ему орудие убийства.

К великому удивлению Джо Чагры, ни один из адвокатов защиты не подверг его серьезному перекрестному допросу в связи с теми двумя случаями, когда он подстрекал брата к убийству судьи. «Я думал, они хотя бы попросят меня рассказать более подробно о нашем разговоре в саду. Спросят, кто еще был тогда в доме, с кем еще мы тогда разговаривали. Что-то в этом роде»,— говорил потом Джо. Не менее любопытной была и их беседа в зале суда в Мидленде. Ведь Оскар Гудмен и другие юристы, находившиеся там в то время, не могли припомнить, чтобы братья хотя бы ненадолго оставались одни за столом защиты. Но это обстоятельство на суде в Сан-Антонио осталось без внимания.

Перед началом перекрестного допроса обвинение прокрутило отрывок записи, сделанной 21 ноября, когда братья говорили о Харрелсоне и о том, что обвинению необходимо будет еще подтвердить его показания.

Джимми: Его дочь получила деньги от Лиз.

Джо: Ну и что? Это еще не подтверждение.

Джимми: Да, конечно. Она ведь часто передавала деньги в счет моих долгов. Она даже не знала, для кого они предназначались.

Здесь Рей Джан заставил Джо Чагру признать, что слово «долги» Джимми использовал лишь в качестве своеобразного кода, обозначавшего откупные деньги. Адвокат Уоррен Бернетт через какое-то время вновь вернулся к этому пункту, когда стал доказывать, что Джимми Чагра постоянно манипулировал и женой, и братом, заставляя их делать ложные признания. Он прибегал ко всевозможным уловкам и вынуждал их говорить то, что отвечало его собственным интересам. Бернетт прокрутил отрывок, записанный 5 ноября, когда Джимми пытался вынудить Джо признаться в том, что ему было известно, что судью убил Харрелсон.

Джимми: В этой вонючей тюряге сейчас тридцать тысяч душ. И все они ничего не сделали.

Джо: Они-то как раз кое-что сделали. И теперь сидят за это.

Джимми: Ты тоже кое-что сделал, Джо.

Джо: Что я сделал?

Джимми: Например, ты знаешь, что судью прихлопнул Харрелсон.

Джо [смеется]: Не знаю я этого.

— Это так, Джо? — спросил Бернетт тихо, но твердо.

— Я действительно этого не знаю,— ответил Джо и опустил глаза.

Бернетт продолжал читать по тексту.

Джимми: Ну ладно. Ты этого не знаешь...

Джо: Я действительно не знаю, кто это сделал. Может быть, он [Харрелсон], а может, и Малыш Лэрри.

Джимми: Послушай, ФБР знает, что это я нанял его для этого.

Джо: Нет, они об этом не знают. Они не могут это доказать.

Адвокат сконцентрировал теперь все внимание на предыдущих показаниях Джо, заявившего, что Джимми ткнул пальцем в фамилию Харрелсон в списке свидетелей, вызванных для дачи показаний большому жюри, и признался, что Вуда убил этот человек. Видимо, Бернетт сам был не уверен, что Джо Чагра говорит правду. «И вы еще спросили, откуда это известно Джимми»,— напомнил Бернетт свидетелю.

Последовала длинная пауза, после чего адвокат сам ответил на собственный вопрос: «И он сказал: «Я его нанял», не так ли?»

— Да, так,— тихо сказал Джо и опустил голову, словно для молитвы.

В течение первых четырех дней дачи свидетельских показаний Джо Чагра не сказал почти ничего, что бросило бы тень на невестку. Он большей частью соглашался с адвокатом Бернеттом, заявившим, что Джимми — «хвастун и фантастический лжец», постоянно несущий всякую чушь и назначающий выкупы за головы своих врагов. На пятый день, однако, Джо удивил Бернетта ответом на один из ключевых вопросов. Адвокат спросил: «Не намекал ли ваш брат Джимми до или после своего ареста на то, что его жена заранее знала о смерти Джона Вуда?» Джо посмотрел в сторону Лиз, которая внимательно следила за ходом перекрестного допроса, и сказал после небольшой паузы: «Да, намекал. В камере для обвиняемых в этом здании. Он сказал: «Мы [Джимми и Лиз] договорились по поводу всех этих записей». Лиз кричала ему, что не говорила, чтобы он это делал, а он считал, что говорила».

На следующий день обвинители прокрутили отрывок магнитофонной записи, сделанной 26 января 1981 года. Когда послышался голос трехлетней Джеки Чагра, которая смеялась и говорила: «Я люблю вас, ребята», Лиз разрыдалась. Несколько женщин-присяжных тоже готовы были вот-вот заплакать. С тех пор как полгода назад ее арестовали, Лиз видела своих детей лишь однажды, да и то через разделяющее их стекло тюремной комнаты для свиданий.

44

Прежде чем заслушать показания самого Чарлза Харрелсона, адвокат Том Шарп попытался подготовить почву, которая, как он надеялся, поможет ему установить, что у Джимми Чагры не было мотивов для убийства судьи Вуда. Бывший помощник федерального прокурора Рон Гайер — один из тех, кто предъявлял Чагре обвинение на основании «закона о главаре банды»,— признал, что судебные власти предлагали Джимми снять с него обвинение по этой статье в обмен на признание себя виновным по одному пункту в хранении кокаина, что влекло за собой 15-летнее тюремное заключение. Но адвокаты Джимми сделали тогда контрпредложение, заявив, что их клиент согласен признать себя виновным по двум пунктам обвинения: в нелегальном ввозе и хранении марихуаны,— каждый из которых влек за собой пятилетний срок тюремного заключения. «Разница составляла каких-то пять лет,— сказал Том Шарп, обращаясь к присяжным.— А за пять лет тюрьмы судей не убивают».

Шарп также напомнил суду, что в своей вступительной речи он обещал найти свидетелей, которые подтвердят, что через час после убийства Вуда Харрелсон находился более чем за 400 километров от места преступления, рядом с родным домом в Далласе. Обвинение объяснило, каким образом Харрелсон добрался из Сан-Антонио в Даллас, основываясь исключительно на показаниях Джо Чагры. Шарп же намеревался доказать, что его клиент не мог проехать такое большое расстояние за столь короткое время. Ранее в ходе судебного разбирательства обвинению удалось заставить присяжных усомниться в способности защиты доказать, как она обещала, наличие у него алиби. Билли Дайер, владелец ночного клуба и игрок из Далласа, признался, что вскоре после убийства Вуда подписал фальшивый аффидевит, в котором утверждалось, что он якобы видел Харрелсона в Далласе в то утро, когда был убит судья. Дайер заявил теперь, что солгал по просьбе Харрелсона, потому что не верил, что тот в чем-то виновен. Но затем, поняв, что его могут судить за дачу ложных показаний, Дайер изменил свое решение.

Но Шарпу удалось разыскать еще четырех свидетелей, подтверждавших алиби Харрелсона, и их показания выглядели весьма убедительно. Шерил Мендоса, работавшая в то время кассиром в «Бэнк энд траст» на Гринвилл-авеню в Далласе, повторила то, что уже рассказывала агентам ФБР. Утром 29 мая 1979 года до половины двенадцатого она выдала Харрелсону 600 долларов. Шерил еще обратила внимание на то, что клиент предъявил к оплате сразу несколько чеков, один из которых, как она потом выяснила, был выписан на уже закрытый счет. Она тут же позвонила Харрелсону, и тот быстро приехал в банк еще до обеда и вернул ошибочно выданную сумму.

Старший служитель жилого комплекса «Престон-тауэрс» Пайпер очень хорошо помнил Чарлза Харрелсона, потому что тот всегда давал ему «на чай» от трех до пяти долларов. Он помнил, что в то утро еще до одиннадцати часов ставил на стоянку «линкольн» Харрелсона. Парикмахер Ралф Митчелл, партнер Харрелсона по азартным играм, признался, что поставлял ему «простаков», и вспомнил, что в то утро где-то между 9.15 и 10.15 обвиняемый зашел к нему в парикмахерскую, чтобы вернуть игорный долг. Митчелл хорошо помнил время, так как знал, что Харрелсон так рано обычно не вставал.

Четвертым свидетелем, вызванным в суд для подтверждения алиби Харрелсона, был Дик Кронк — владелец далласской компании, занимавшейся установкой систем охраны. Он заявил, что утром то ли 29, то ли 30 мая проверял систему охраны на квартире Харрелсона. Сеанс гипноза, проведенный под наблюдением агентов ФБР, не помог освежить его память. Хотя обвинители и нашли мелкие огрехи в показаниях всех четырех свидетелей, подтвердивших алиби обвиняемого, опровергнуть их показания им не удалось.

Судья Сешнс не разрешил Шарпу допрашивать агентов ФБР о результатах проверки всех коммерческих и частных вылетов из Сан-Антонио в то утро, когда было совершено убийство. Но власти, судя по всему, не располагали сведениями, которые доказывали бы, что Харрелсон улетел из Сан-Антонио самолетом. Шарп показал также, что опознание, проведенное полицией в Хьюстоне 20 ноября 1980 года, было организовано так, чтобы предопределить результаты, устраивавшие обвинение. В ходе этой процедуры три жителя из комплекса «Шато-Дижон» должны были опознать убийцу Вуда. Один из агентов ФБР признался, что за неделю до опознания будущим свидетелям были показаны фотографии Харрелсона. Но даже при этих условиях лишь один человек из трех «опознал» Харрелсона: это была Крис Лэмброс — адвокат из Сан-Антонио, которая буквально носом к носу столкнулась с Харрелсоном на стоянке у жилого комплекса. Шарп пытался представить доказательства, которые могли бы поставить под сомнение достоверность показаний Крис Лэмброс, но обвинение заявило протест, и Сешнс его принял.

Шарпу удалось раскрыть тайну странного человека «в куртке цвета хаки и с прической в стиле «афро», который, по словам таксиста, разговаривал с Харрелсоном в жилом комплексе «Шато-Дижон» вечером накануне убийства. Чарлз Фостер, в то время работавший на заправочной станции в Сан-Антонио, сказал присяжным, что в тот вечер отправился в комплекс получить деньги по просроченному чеку и остановился, чтобы спросить дорогу у двух мужчин, стоявших около желтого такси. Фостер не мог с уверенностью сказать, что одним из этих мужчин был Харрелсон, однако высказал предположение, что странным человеком, о котором говорил таксист, мог быть и он сам. «Дело в том,— пояснил Фостер,— что в тот вечер на мне была куртка цвета хаки и кепка с большим козырьком размеров на пять больше, чем нужно».

Впервые более чем за шесть недель с начала допроса свидетелей Том Шарп, казалось, нанес несколько серьезных ударов по позиции обвинения. Наконец в понедельник перед перерывом по случаю Дня благодарения адвокат объявил, что следующим свидетелем будет Чарлз Харрелсон.

Небольшая группа телевизионных операторов и любопытных женщин собралась у здания суда еще на рассвете. Дрожа от холода, они наблюдали за тем, как в сопровождении отряда полицейских там появился подсудимый в кандалах и наручниках. К тому моменту, когда Харрелсон принял присягу, в зале уже яблоку негде было упасть. Харрелсон обещал поразить присяжных и сдержал слово: в течение трех дней он развлекал всех байками о своих способностях игрока и ловкача в заточении, о своей ненависти к правоохранительным органам и о бесчисленных амурных похождениях. Чуть ли не с детской гордостью он рассказывал о своем умении жульничать и о способности принимать лошадиные дозы кокаина. Присяжные уже слышали о его многочисленных победах над «слабым полом», и вот теперь Харрелсон рассказал им еще об одном коротком триумфе (всего на одну ночь) в Мидленде. Именно этим и объясняется его краткое пребывание там в середине мая. Он также признался, что в ночь накануне убийства Вуда находился в Сан-Антонио. При этом он утверждал, что остановился в мотеле «Таунхаус» под вымышленным именем, потому что у него в то время был роман с женой агента ЦРУ. Он понятия не имел, что этот мотель находится рядом с комплексом, где жил судья Вуд. Харрелсон заявил, что в жизни не был в районе «Шато-Дижон».

Но самым поразительным был рассказ Харрелсона о его взаимоотношениях с братьями Чагра. Все началось с того, сказал он, что его приятель Пит Кей разработал план, в соответствии с которым Джимми Чагра должен был поверить, что они собираются получить крупную партию наркотиков. Харрелсон, разумеется, не потрудился объяснить, зачем это главарю банды контрабандистов наркотиками понадобилось тратить свое драгоценное время на какие-то сомнительные сделки с двумя мелкими торгашами из Техаса. По его словам, все шло как по маслу. Джимми Чагра заплатил им с Кеем 200 000 долларов тремя частями. Последняя часть — 150 000 долларов — была в пакете, за которым Тереза Старр приезжала в Лас-Вегас. Можете себе представить, сказал Харрелсон, обращаясь к присяжным, как я удивился, когда через несколько месяцев понял, что в действительности это были деньги за убийство Вуда.

Харрелсон сказал далее, что окончательно осознал весь смысл этого грязного дела при следующих обстоятельствах: Пит Кей встретился с Джо Чагрой в Эль-Пасо либо в ноябре, либо в декабре 1979 года, когда Джимми скрывался от правосудия. Джо предложил Кею и его другу Харрелсону «контракт» на убийство Генри Уоллеса. (Он не сомневается, что присяжные помнят, что именно в это время агенты ФБР записали на магнитофон беседы, в которых речь шла о «контракте» на убийство Уоллеса.) Когда Кей рассказал ему о предложении Джо Чагры, Харрелсон был, по его словам, озадачен. «Я даже не знал, зачем Джо Чагре понадобилось делать такое предложение». Вот тогда-то Пит Кей и признался: «Не знаю, как и сказать тебе, но так называемой операции с контрабандой наркотиков, в счет которой мы получили деньги от Джимми, никогда не было. Когда я приехал в Лас-Вегас вскоре после убийства Вуда, Джимми пытался разузнать, кто это сделал. И я решил воспользоваться этим, чтобы залезть к нему в карман. Чарли, я сказал ему, что это ты убил судью Вуда».

Харрелсон признался, что летом 1980 года какое-то время встречался с Джо Чагрой. Более того, он вспомнил, что Джо дал ему немного кокаина и оружие и предложил 40 000 долларов за убийство федерального прокурора Джеми Бойда. «Джо всей душой ненавидел Джеми Бойда,— продолжал Харрелсон.— Он все время уговаривал меня убить его». Харрелсон, конечно, отказался, но сделал контрпредложение. «Я договорился с Джо Чагрой о том, что, если меня поймают, я признаюсь в убийстве Вуда при условии, что ФБР прекратит всякое преследование моих родных и друзей. За это Джо Чагра должен был заплатить по 100 000 долларов каждому из трех моих сыновей в городе Лебанон (штат Огайо). Кроме того, он должен был выплачивать какую-то сумму Джо-Энн до самой ее смерти».

После ареста в пустыне близ Вэн-Хорна, продолжал Харрелсон, он выполнил все взятые на себя обязательства. «Но Джо Чагра не выполнил»,— сказал он и затряс головой, показывая, что он в отчаянии. Вскоре после этого Харрелсон получил еще одну возможность поживиться за счет братьев Чагра. Во время одного из визитов Чагры в окружную тюрьму Харриса в Хьюстоне Джо заговорил с ним об орудии убийства, и у Харрелсона родилась новая идея. Он вспомнил, что 18 мая передал Питу Кею винтовку калибра 0,240: ему она нужна была, чтобы подарить одному мексиканскому чиновнику. «Я сказал Джо Чагре, что избавился именно от этой винтовки,— сказал Харрелсон.— Я рассчитывал таким образом выудить у него еще немного деньжат. Я сказал, что выбросил винтовку и что со мной в это время была Джо-Энн. Я боялся, что она может найти ее и побежать с ней в полицию или в ФБР».

Вот тогда-то он и дал Джо Чагре грубо нарисованную карту участка к востоку от Далласа. Там Харрелсон и его приятели обычно передавали друг другу наркотики. «Я знал, что он никогда ее не найдет, потому что никакой винтовки там и в помине не было». Харрелсон был чрезвычайно осторожен и ни разу не сказал, что винтовку, которую он якобы дал Питу Кею, купила Джо-Энн. Он сказал, что «нашел» ее вместе с биркой с проставленной датой продажи (17 мая 1979 года) в багажнике своего «линкольна», добавив при этом, что не знает, как она туда

попала. Но присяжные, разумеется, уже знали, что Джо-Энн Харрелсон была признана виновной в незаконном приобретении винтовки именно 17 мая 1979 года. Харрелсон, возможно, хотел показать присяжным, что он не из тех, кто будет выдавать собственную жену.

Когда Том Шарп передал своему клиенту облезший приклад винтовки, которая, по мнению обвинения, была использована для убийства Вуда, Харрелсон внимательно осмотрел его и сказал, что он очень похож на приклад той винтовки, которую он в свое время отдал Питу Кею. Затем он приставил приклад к плечу и прицелился в обвинителей, стол которых находился в двух-трех метрах от него. Улыбнувшись, Харрелсон сказал: «В последний раз я видел эту винтовку в багажнике машины Пита Кея».

Прежде чем передать свидетеля обвинению для перекрестного допроса, Том Шарп спросил Харрелсона, есть ли у того собственная версия относительно настоящего убийцы судьи Вуда.

— Я считаю,— сказал Харрелсон,— что убийство было совершено и теперь всячески покрывается негодяями из Управления по борьбе с наркотиками. Я по-прежнему убежден в этом.

Шарп попросил его рассказать о Пите Кее.

— Я считаю,— сказал Харрелсон,— что Пит Кей — сотрудник федерального ведомства и агент Управления по борьбе с наркотиками. Он был им уже много лет.

Наконец Шарп показал Харрелсону несколько составленных по описанию свидетелей портретов людей, которых в день убийства Вуда видели в районе его дома. Но ни один из них не был похож на Пита Кея.

До сих пор главный обвинитель Рей Джан лишь изредка возражал, терпеливо выслушивая подсудимого, который в течение семнадцати часов давал показания под дружеской опекой своего адвоката. Этот штатный обвинитель из министерства юстиции, специально назначенный для рассмотрения дела об убийстве Вуда, был специалистом по части проведения допросов, хотя, глядя на него, об этом трудно было догадаться. Перебирая бумаги, Джан подошел к безмятежно улыбающемуся свидетелю и приступил к допросу. Уже через несколько секунд Харрелсон предстал перед всеми в совершенно ином образе — в образе матерого убийцы и искусного карточного шулера. Теперь он уже не улыбался. «Можете называть это шулерством, сэр,— ответил на один из вопросов Харрелсон,— но я играю с такими же игроками, как я. Мы все жульничаем. Просто я жульничаю лучше других».

Джан перешел затем к встрече обвиняемого с Джимми Чагрой в Лас-Вегасе за несколько недель до убийства. Харрелсон сказал, что сначала хотел вовлечь Чагру в игру в покер, рассчитывая «выставить» его миллиона на два. Когда это не удалось, он придумал крупную операцию с контрабандой наркотиков. «А может быть, вы подумали об убийстве? — спросил Джан, глядя Харрелсону прямо в глаза.— И эту идею вы сами предложили?»

— Ни о каком убийстве я не думал,— ответил Харрелсон, и впервые за все это время в его голосе послышалась тревога.— Во всяком случае, это была *не моя* идея. Мне нет надобности зарабатывать себе на пропитание убийством. Я вполне обхожусь вот этими десятью пальцами и колодой карт и могу играть хоть с господом богом!

Обвинитель снова стал перебирать бумаги, повернувшись к свидетелю спиной, словно и не слышал его ответа. В течение нескольких минут Джан задавал вопросы, казалось, с одной лишь целью — поймать свидетеля на крючок, заставить его нести всякий вздор, насмешливо улыбаться и делать снисходительные замечания. Но потом Джан во второй раз сказал, что за деньги Харрелсон готов был сделать все, что угодно, включая убийство, и тут же презрительная ухмылка на лице подсудимого сменилась злобной гримасой. Пригрозив пальцем обвинителю, он закричал:

— Мне нет надобности убивать людей. И вы это знаете! Вам прекрасно известно, что я судью не убивал. Вы это знаете. Знаете отлично. Вам просто срочно нужно пришить это кому-то, потому что Вашингтон взял вас за горло. Меня же засудить проще простого: ведь у меня уже есть судимость за убийство. Разве не так?

Джан вернулся к некоторым прежним показаниям Харрелсона, утверждавшего, что его встреча с Джимми Чагрой в Лас-Вегасе была почти случайной и что они никогда не разговаривали с глазу на глаз. Харрелсон сказал тогда, что Чагра как-то звонил Питу Кею в Хантсвилл. Беседовал ли он с Чагрой после этого с глазу на глаз?

— Наша единственная беседа с глазу на глаз состояла ровно из пяти слов,— сказал Харрелсон.— Джимми Чагра передал мне конверт с деньгами [40 000 долларов] и сказал: «Это для тебя и Пита».

— Вы сказали пять слов? — переспросил Джан и метнул многозначительный взгляд в сторону присяжных.— А может, эти пять слов были такими: «Это за убийство судьи Вуда»?

Харрелсон побагровел и в бешенстве стал трясти кулаком перед самым носом обвинителя.

— Вас что, случайно уронили в детстве? — заорал он.

Здесь уже вмешался судья Сешнс.

— Отвечайте лишь на вопросы, мистер Харрелсон,— предупредил он свидетеля.

Но Харрелсон вновь показал обвинителю кулак, затем повернулся к судье и тем же злобным голосом сказал:

— Я не знаю ничего ни о судье Вуде, ни об убийстве. Он это знает! Я тоже это знаю! И вам, судья, это тоже известно!

Рей Джан до конца дня сохранял спокойствие, позволяя Харрелсону произносить одну тираду за другой. Несколько раз судья предупреждал свидетеля, что его бесконечные выпады

недопустимы. Лишь однажды Рей Джан на мгновение вспыхнул, но это было едва заметно. Это случилось, когда Харрелсон на полном серьезе бросил:

— Я бы и пальцем не пошевелил, если бы ты подыхал. Как я вас всех ненавижу!

Во время перерыва, объявленного по случаю Дня благодарения, Харрелсон, видимо, взял себя в руки, потому что, когда 29 ноября 1982 года суд возобновил работу, обвиняемый уже отвечал на вопросы Джана более или менее спокойно, сохранив на лице лишь презрительную ухмылку. Только однажды Харрелсон обвинил Джана в «удивительной узколобости» за то, что тот был не способен понять его собственную версию случившегося. Других открытых столкновений между подсудимым и обвинителем не было. Правда, произошла небольшая стычка с судьей. Когда Харрелсон, несмотря на запрет Сешнса, сказал присяжным, что у него не было достаточно времени для детального ознакомления с магнитофонными записями обвинения, судья предложил присяжным покинуть зал заседаний и пригрозил свидетелю привлечь его к ответственности за оскорбление суда. Напомнив подсудимому, что все записи были переданы адвокатам для ознакомления почти семь месяцев назад, судья сухо сказал:

— Процедура представления документов была соблюдена точно и в полном объеме, мистер Харрелсон. Суд не позволит вам заявлять присяжным, была или не была соблюдена соответствующая процедура.

После этого Харрелсон замолчал, и Том Шарп поспешил заявить, что защита на этом прекращает представление доказательств.

Чарлз Кэмпион, адвокат Джо-Энн Харрелсон, сделал аналогичное заявление менее чем через час, вызвав для допроса лишь трех свидетелей. От допроса самой Джо-Энн адвокат воздержался.

Когда во время предварительного слушания Уоррен Бернетт, адвокат Лиз, узнал о ее письме вдове Вуда, он сразу понял, что Лиз сама должна давать показания. Обвинение считало, что Лиз вступила в преступный сговор в тот день, когда Джимми пришел к ней на кухню в их доме в Лас-Вегасе и сказал, что собирается убить судью, а Лиз на это ответила: «Хорошо, дорогой» — и продолжала возиться с цыпленком. Лиз Чагра в строгом черном костюме и белой блузке, спокойная и уверенная в себе, внимательно выслушивала вопросы адвоката и медленно, с расстановкой отвечала на них. Когда речь зашла о детях, на глазах у свидетельницы появились слезы. По мнению большинства в зале, присяжные были на стороне Лиз, когда она рассказывала о своей беспокойной жизни с Джимми Чагрой. «Он всегда грозился кого-нибудь убить,— сказала она.— Своих друзей, партнеров, братьев и даже меня. Человек он добрый и щедрый, но очень своенравный. Несколько раз он избивал меня так, что я вынуждена была обратиться за помощью к врачу. Но я никогда не верила, что это он убил судью Вуда. Ведь он мой муж, отец моих детей».

Лиз призналась, что, когда в тот день на кухне муж впервые заговорил об убийстве Вуда, она, возможно, и сказала: «Хорошо, дорогой». «Но я сказала это,— проговорила Лиз, обращаясь к присяжным,— лишь для того, чтобы он поскорее ушел. Он просто трепал языком. Это он делал всегда, когда нужно было выпустить пар. Потом он обычно успокаивался и снова вел себя нормально. Я всегда подшучивала над ним в таких случаях. Но в тот момент меня больше интересовал цыпленок, который все еще не был готов».

Бернетт попросил Лиз описать подробнее тот день, когда муж попросил ее отвезти деньги в клуб «Жокей».

Лиз сказала:

— Мы все сидели в гостиной. Там были Джимми, его друзья и телохранитель. Джимми принес деньги в гостиную, затем сказал, что хочет переговорить со мной, и мы пошли к нему в кабинет рядом с гостиной. Он был чем-то расстроен и сильно нервничал.

— А что произошло потом? — спросил Бернетт.

— Там он сказал, что хочет, чтобы я отвезла какую-то сумму в клуб «Жокей». Деньги были в двух конвертах, а конверты — в чемоданчике.

— Вас это расстроило?

— Да, сэр. Когда он сказал, что хочет, чтобы я отвезла деньги, я сильно расстроилась. Прежде всего потому, что у нас были гости. К тому же я не очень хорошо себя чувствовала: в то время я была на девятом месяце беременности, а на улице стояла страшная жара. Я предложила послать вместо меня его телохранителя. И тогда он процедил сквозь зубы, что это деньги за убийство судьи Вуда. Вот все, что он сказал. Он был страшно зол. Вся в панике, я сказала, что никуда не поеду. Тогда он обнял меня и успокоил: «Ну ладно, я пошутил. Это всего лишь очередной игорный долг».

— А что еще он сказал? — спросил Бернетт.

— Он сказал, что, если я отвезу деньги, то готовить ничего не надо. Можно купить жареную курицу по дороге домой. Мы с Синди сели в машину и поехали в клуб «Жокей». Остановились прямо у входа. Там в это время велись какие-то строительные работы. Попросив Синди подождать меня в машине, я вошла в лифт и поднялась в номер.

— Когда вы вошли в номер, там была молодая девушка?

— Да, сэр. Очень молодая. Помню, она была в купальнике. Я не могу сказать, была ли это Тереза.

— Вы пытались хоть раз скрыть, что вы делаете?

— Нет, сэр. Я не думала тогда, что это что-то серьезное. Джимми убедил меня, что это всего лишь его очередной долг.

В ходе перекрестного допроса Рей Джан заставил Лиз

вспомнить, когда точно она узнала правду об убийстве Вуда. Та ответила, что это было примерно 1 сентября 1980 года, после ареста Чарлза Харрелсона близ Вэн-Хорна. Об этом ей сказал ее зять Джо Чагра.

— Он стал подробно расспрашивать меня,— сказала Лиз.— И я спросила, зачем он это делает. Вот тогда-то он и сказал мне... сказал, что Чарлз Харрелсон — это человек, которого Джимми нанял для убийства судьи Вуда. Об этом Джо узнал от самого Харрелсона.

Вскоре после этого Лиз отправилась на свидание с Джимми в Ливенуорт.

— Джо говорил мне одно, Джимми — другое,— сказала она.— Джимми никогда не говорил мне правды.

Лиз не могла вспомнить точной даты, но согласилась с обвинителем, что Джимми действительно мог 18 ноября впервые обсуждать с ней план побега из тюрьмы и встречу с ней на Востоке.

— В каком месте на пленке, записанной 18 ноября, вы обсуждали этот вопрос с Джимми? — спросил Джан.

— На этой пленке записана лишь часть нашего разговора,— ответила Лиз.— Я разговаривала с Джимми пять-шесть часов в день и навещала его раз шесть-семь в месяц.

Лиз хотела было напомнить какой-то конкретный разговор, но Джан неожиданно прервал ее, заявив протест.

— Свидетельница намерена сослаться на материал, которого нет в официальных записях,— объяснил он суду.— Если она считала, что суд должен прослушать еще какие-то записи, она должна была предупредить об этом своего адвоката, и тот представил бы их суду заранее. Защита получила все записи и всю расшифровку.

Судья Сешнс протест обвинения принял.

В последний день заслушивания показаний свидетелей Рей Джан воспроизвел запись беседы Лиз с Джимми в ее последний приезд в Ливенуортскую тюрьму 26 января 1981 года. Слушая пленку, Лиз не переставая плакала.

Джимми: Ну хорошо-хорошо, моя радость. Не буду больше спорить. Все, конечно, было не так, но я спорить не буду. Может быть, так оно и было. Хорошо.

Лиз: Я помню, что именно это я и сказала. Я была... Потому что я испугалась до смерти.

Джимми: Нет-нет. Ты сказала мне... ты...

Лиз: Когда я это делала, Джимми, мне было страшно.

Джимми: Ты знаешь, что нас здесь подслушивают. Вчера я узнал, что здесь спрятаны микрофоны. Давай лучше писать. Для этого я принес вот что... Ну хорошо, послушай...

Лиз: И в это положение я попала из-за человека, которого так сильно люблю. Все из-за тебя...

Джимми: Ну не надо так, радость моя. Не надо, черт возьми, все переворачивать и так со мной разговаривать.

Джеки Чагра: Ма!

Когда прослушивание закончилось, Лиз пыталась взять себя в руки, но не смогла. Дрожащим от волнения голосом она сказала, обращаясь к обвинителю:

— Вы ошибаетесь. Я не участвовала в этом преступлении. Я в этом не виновна.

После того как защита заявила о прекращении представления доказательств по делу последнего обвиняемого, обвинение вызвало несколько дополнительных свидетелей для опровержения ранее заслушанных доказательств. Среди них был и Джо Чагра, который заявил, что показания Харрелсона были сплошным враньем, особенно когда тот утверждал, будто Джо дал ему оружие и кокаин, обещал заплатить за убийство Джеми Бойда, а также за то, что Харрелсон возьмет всю вину на себя.

Шла вторая неделя декабря. Судья Сешнс распорядился, чтобы присяжные явились в суд с чемоданами: настало время заслушать заключительные выступления сторон и вынести вердикт.

От имени обвинения с заключительной речью выступил помощник главного обвинителя Джон Эмерсон. Он сказал, что Чарлз Харрелсон — это «аморальный, хладнокровный убийца», который будет продолжать убивать людей «до тех пор, пока это будет сходить ему с рук. Убийство судьи Вуда — самый серьезный акт терроризма, совершенный им против системы, которую он так ненавидит». Что касается четырех свидетелей, подтвердивших алиби Харрелсона, то это, по словам Эмерсона, либо его приятели, либо люди, действительно не помнившие точного времени своей встречи с Харрелсоном в Далласе. «Бо́льшая часть событий в изложении Харрелсона,— сказал Эмерсон,— основана на его собственных показаниях. Если вы придете к выводу, что алиби сфабриковано, то можете считать это веским доказательством его виновности».

Том Шарп произнес самую эмоциональную речь в защиту своего клиента. Он сказал, что, поскольку этот человек уже имеет судимость за убийство, это дает всем «прекраснейшую возможность всячески поносить его, обвинять во всех смертных грехах, пинать ногами, бить по голове, толкать — короче, делать из него козла отпущения». Шарп упрекнул обвинение в том, что оно пользовалось такими запрещенными приемами, как излишняя драматизация событий и подтасовка фактов. Но адвокат, видимо, понимал, что присяжные вряд ли сочтут его доводы убедительными.

Заключительные речи двух других адвокатов — Чарлза Кэмпиона и Уоррена Бернетта — были менее эмоциональными, но ближе к существу дела. Кэмпион заявил, что обвинение не представило «никаких убедительных доказательств» того, что Джо-Энн Харрелсон действительно препятствовала правосудию. Бернетт же напомнил присяжным то, что он установил еще в са-

мом начале процесса: Лиз Чагра, совсем молодая и заблуждавшаяся женщина, находилась под каблуком у человека, который командовал и помыкал всеми.

В течение последних двух часов дебатов обвинитель Рей Джан опровергал всевозможные доводы и версии защиты. Он напомнил присяжным, что все трое подсудимых имели веские причины лгать. Прежде всего это касается Чарлза Харрелсона, который хвастал, что «его любимое занятие — убивать людей и не попадаться». Что ж, обвинение доказало, что Чарлз Харрелсон убил судью Вуда. Последние три с половиной года он пытался сделать все, чтобы не попасться. Чарлз Харрелсон будет лгать, какими бы неопровержимыми фактами мы ни располагали. Если бы даже ему показали видеопленку того, как он убивает судью Вуда, он все равно сказал бы: «Это не я, а мой без вести пропавший брат Сесил. Еще грудным ребенком мать положила его в корзину и бросила в реку Тринити».

Поняв, очевидно, что Уоррену Бернетту удалось вызвать у присяжных симпатию к подзащитной, Джан приберег для Лиз Чагра самые едкие замечания. Хотя адвокат представил ее эдакой глупой и забитой «серой мышкой», сказал Джан, лично ему, после того как он прослушал ту часть магнитофонной записи, где она называла мужа «тупицей» и призывала не впадать в панику, стало ясно, что супруг отнюдь не был главной фигурой в их семье. Джан напомнил присяжным еще одно место в записи, где Лиз сказала: «Хорошо, сделай это». Отвернувшись от присяжных, Джан устремил взгляд на подсудимую и сказал: «Обвинителем против Элизабет Чагра выступает она сама. Сколько бы вы ни лгали, сколько бы ни плакали, избавить себя от этого вы не сможете».

Затем обвинитель нанес последний удар. Частично он апеллировал к широко разрекламированному обращению Лиз Чагра к богу, частично — к чувству долга и гражданской ответственности присяжных. Обвинитель заявил, что в своем письме вдове Вуда подсудимая говорит о «новой» и «прежней» Лиз. «Она должна взять на себя ответственность за содеянное прежней Лиз,— сказал Джан.— Если она поняла теперь, что Христос любит ее, то она должна также понимать, что Христос любил и судью Вуда, и миссис Вуд, и всех нас».

В субботу 10 декабря, после десяти недель допроса свидетелей, которые давали запутанные, эмоциональные, а порой и просто скучные показания, сопровождавшиеся нудной юридической казуистикой, присяжные приступили к вынесению вердикта. В 9.50 во вторник они дали знать, что пришли к решению. В зале воцарилась мертвая тишина, когда из боковой комнаты стали один за другим выходить присяжные. Некоторые из них готовы были вот-вот разрыдаться. Они в последний раз заняли свои места, и судья Сешнс велел клерку зачитать вердикты.

Чарлз Харрелсон... виновен.

Джо-Энн Харрелсон... виновна.

Элизабет Чагра... За какое-то мгновение до того, как клерк произнес слово «виновна», со стороны присяжных донеслось громкое всхлипывание, перешедшее потом в сдавленные рыдания. Пораженные юристы и публика с удивлением посмотрели на одну из присяжных — Патрицию Шульц-Ормонд, которая рыдала теперь в открытую. Сначала к ней присоединилась старшина присяжных Мэри Кэтлин Миллс, а через несколько секунд плакали уже все девять женщин и один мужчина. Ни один из юристов, равно как и ни один из видавших виды представителей средств массовой информации, такого взрыва эмоций еще не видел. Уоррен Бернетт, защищавший, а еще раньше обвинявший и даже отправлявший на электрический стул самых жестоких и отпетых бандитов на американском Юго-Западе, сказал потом: «Я многое повидал на своем веку, но такой реакции присяжных я все же не ожидал». На лице у Чарлза Харрелсона была привычная презрительная ухмылка, но в глазах его жены Джо-Энн стояли слезы. Лиз Чагра заставила себя улыбнуться и, посмотрев в сторону присяжных, одними губами показала: «Все в порядке». «Она еще не осознавала, что́ произошло»,— заметил впоследствии Бернетт. Когда судья Сешнс стал по очереди опрашивать присяжных, которые должны были лично подтвердить вынесенный вердикт, Патриция Шульц-Ормонд и несколько других женщин все еще плакали. В слезах была и старшина присяжных Мэри Кэтлин Миллс, но, когда наступила ее очередь подтвердить решение, она высоко подняла голову и, повернувшись к подсудимым, три раза сказала: «Да, ваша честь».

Рэй Джан, выглядевший скорее уставшим, чем довольным одержанной победой, отказался комментировать вердикт, напомнив, что предстоит еще судебный процесс по делу Джимми Чагры. Так и не объяснив почему, судья Сешнс решил перенести этот процесс в другое место, отказавшись рассматривать дело не только в Сан-Антонио, но и вообще в Техасе. Слушание должно было начаться в январе в Джэксонвилле (штат Флорида). Сешнс объявил, что вынесение приговоров он откладывает до марта 1983 года, когда завершится процесс по делу Джимми Чагры.

А в Эль-Пасо в это время царила мертвая тишина. Никто из семьи Чагры не хотел обсуждать случившееся в Сан-Антонио. Единственным человеком, согласившимся встретиться с репортерами, была старая мать, по-прежнему обитавшая в крохотной квартирке по другую сторону дома своей дочери Пэтси. Дверь репортеру открыла женщина с опухшим от слез лицом. Увидев его, она снова заплакала. Был канун рождества, и чистенькие и опрятные кирпичные домики на Санта-Анита-стрит (там обитал «средний класс») были украшены ангелочками и венками из сосновых веточек. Вместо автомобилей и моторных лодок у домов теперь появились украшенные игрушками елки.

Уже через несколько секунд репортеру стало ясно, что слезы матери были вызваны не только и не столько вердиктом

присяжных в Сан-Антонио. Прошло уже почти четыре года со дня гибели ее старшего сына Ли Чагры. «Эти четыре года были сплошным кошмаром»,— проговорила она.

45

В официальных кругах уже почти никто не называл убийство Вуда «преступлением века», хотя в тот момент это как никогда соответствовало действительности. Одно было все же несомненно: убийство судьи вылилось в «расследование века», самое широкомасштабное и дорогостоящее за всю историю США, затмившее даже расследование обстоятельств убийства президента Кеннеди. После вынесения присяжными вердикта в Сан-Антонио руководство министерства юстиции в Вашингтоне ликовало. Результаты процесса, казалось, оправдали затраченные усилия и расходы.

Но обвинитель Рей Джан, служивший в Вашинтоне до перевода в Сан-Антонио в 1972 году, опасался, как бы радость не оказалась преждевременной. Ведь предстояло еще доказать виновность человека, которого власти считали главной фигурой во всем этом деле. Пока целая тонна папок, схем, графиков, макетов, звукозаписывающей аппаратуры и динамиков перевозилась через несколько штатов в здание федерального суда в Джэксонвилле — в то самое здание, где за два месяца до своей гибели Джон Вуд слушал дела в качестве присланного на время судьи,— Джан и его коллеги работали по пятнадцать часов в сутки, готовясь к самому важному процессу — процессу по делу Джимми Чагры.

Судебное разбирательство в Джэксонвилле должно было стать укороченной версией суда в Сан-Антонио, но с одной весьма существенной разницей: вместо Джо Чагры главным свидетелем обвинения предстояло стать Джерри Рею Джеймсу. Джан, конечно, понимал, что без участия Джо Чагры вердикт в Сан-Антонио мог бы быть совершенно иным. Его показания, а в еще большей мере его опрятная и приятная внешность, прямота, честность и искреннее раскаяние оказались незаменимым оружием для обвинения. Но Джерри Рей Джеймс заставлял прокурора нервничать: если и жил на земле человек более подлый и бесчестный, чем Чарлз Харрелсон, то таким человеком был главный свидетель обвинения на суде в Джэксонвилле.

Что касается Оскара Гудмена, адвоката Джимми Чагры, то он относился к Джерри Рею Джеймсу весьма положительно, учитывая, что какое-то время тот был лучшим другом его клиента в Ливенуортской тюрьме. Джимми Чагра был буквально потрясен, узнав, что Джеймс оказался стукачом. Пожалуй, впервые в жизни он по-настоящему испугался. Его обращение к богу, хотя и не такое глубокое, как у Лиз, не было всего лишь позой. Оно было реальным ровно настолько, насколько вообще могли быть реальными его представления и шкала ценностей. Джимми стал старше и уравновешеннее того человека, который три с половиной года назад в Остине настаивал на даче показаний в суде. Возможно, «новым» Джимми он еще не стал, но прежним, задиристым Джимми он уже не был. Теперь он хотел, и даже очень, чтобы на его защиту встал не он сам, а его адвокат.

Уже несколько недель Джимми не имел возможности встретиться с Джо и даже не получал от него никаких вестей, кроме разве теплых приветов, изредка передаваемых их сестрой Пэтси. Джимми всегда говорил, что не допустит, чтобы брат и жена сели в тюрьму, но все обернулось так, что у него не оказалось выбора. Оскар Гудмен как никто понимал, что Джимми никогда не стал бы сотрудничать с властями. Поначалу Джимми крайне неодобрительно отнесся к договоренности Джо с обвинителями. Он не раз предупреждал его, что́ делают в тюрьме с теми, кто снюхается с властями. Но когда Оскар Гудмен объяснил, что как раз для Джимми дело повернулось наилучшим образом (ведь согласие Джо дать показания вынудило обвинение рассмотреть дело Джимми отдельно от дела Харрелсона), тот все понял и простил.

Джо Чагра стоял перед судьей с видом искренне раскаявшегося грешника и ждал приговора. Он знал, что у судьи большая свобода выбора и тот мог объявить любой приговор: от самого мягкого до самого сурового. Хотя Сешнс и заявил ранее о намерении вынести всем окончательные приговоры по завершении процесса по делу Джимми, он все же решил приговорить Джо Чагру отдельно, не дожидаясь суда над его братом.

«Я знаю,— сказал Джо, обращаясь к судье,— что, если я скажу, что мне жаль, что так случилось, это будет звучать плоско и неубедительно. Но я действительно сожалею об этом. Не знаю, можно ли найти слова, которые предотвратили бы неизбежное. Но я дал обещание своей жене, и теперь моя жизнь изменится». Обвинитель в свою очередь заверил судью, что Джо «оказал полное содействие» как свидетель обвинения. (В приватной беседе Джан назвал показания Джо Чагры его «звездным часом», а то, что произошло между братьями Чагра и судьей Вудом,— «греческой трагедией».) Прежде чем выносить приговор, судья Сешнс сказал, обращаясь к Джо: «Я уважаю вас за то, что вы согласились на договоренность между обвинением и защитой о признании вами вины в менее тяжком преступлении. Вы поступили совершенно правильно. Так и нужно было поступить. Если вы убеждены в правильности своих действий, значит, процесс исправления уже начался». Однако затем, к удивлению многих, судья вынес Джо Чагре максимальный приговор, предусмотренный взаимной договоренностью: десять лет. Вот как получилось, что за несколько недель до начала суда над Джимми Джо уже сидел в тюрьме наименее строгого режима в Плезантоне (штат Калифорния) недалеко от залива Сан-Франциско.

По мнению Оскара Гудмена, у властей были достаточно веские доказательства виновности Джимми: процесс в Сан-Антонио это подтвердил. Веские, но не стопроцентные, учитывая, что Джэксонвилл — это не Сан-Антонио. За исключением немногих судей, прокуроров и адвокатов, встречавшихся с Вудом, когда тот приезжал к ним в марте 1979 года в качестве присланного на время судьи, большинство в Джэксонвилле помнило лишь, что этот судья из Техаса любил рыбный стол и шоколадные конфеты и хорошо играл в теннис. Большинство потенциальных присяжных никогда и не слышали о Джонемаксимуме и не видели слов «Горячо любимому» перед его фамилией на надгробном камне. Здесь, во Флориде, не было и здания федерального суда имени Джона Вуда.

Когда речь заходила о Сан-Антонио, Оскар Гудмен любил рассказывать следующий поразивший его эпизод:

«Однажды, еще во время предварительного слушания, я ехал в аэропорт на такси, и таксист вдруг задал мне вопрос о моей профессии. Я сказал, что я юрист. Тогда он спросил, участвую ли я в процессе по делу Чагры. Не успел я ответить, как он затарахтел о том, что всех этих несчастных ублюдков следовало бы вздернуть на веревке и что Вуд был прекрасным человеком, преградившим дорогу наркотикам в Сан-Антонио. Наконец он спросил: «А вы кого представляете?» Пришлось ответить: обвинение».

Гудмен твердо верил, что присяжные в Сан-Антонио признали подсудимых виновными не под тяжестью предъявленных им доказательств, а лишь потому, что считали это своим *долгом*. «И действительно,— говорил судья,— какими глазами они смотрели бы на родственников и друзей, если бы не признали виновными людей, которые, по мнению властей, убили судью Вуда?» Но жители Джэксонвилла, казалось, симпатизировали обвиняемому. «Не знаю почему,— сказал адвокат,— но из разговоров с людьми, с которыми я постоянно сталкиваюсь в отеле, я понял, что они на нашей стороне. Обвинению придется немало потрудиться, прежде чем удастся убедить их в своей правоте».

Еще во время предварительного слушания Гудмен заметил, что обвинители были слишком самоуверенны. Об этом, в частности, свидетельствовало неожиданное согласие обвинения с предложением защиты исключить из списка кандидатов в присяжные всех, кто хотя бы слышал об осуждении Лиз Чагра или о признании себя виновным Джо Чагрой. «Сначала они пытались возражать,— сказал Гудмен,— но потом прекратили споры, поскольку были совершенно уверены в успехе».

По мнению Гудмена, самой серьезной проблемой для защиты было не опровержение показаний Джерри Рея Джеймса и даже не магнитофонные записи, а необходимость одновременно защищаться по всем четырем пунктам обвинения. «То, как составлено обвинение против Джо Чагры,— сказал Гудмен,— блестящий маневр с их стороны. Как в учебнике: все четыре элемента

соединены воедино так, что один вытекает из другого. Воспрепятствование правосудию вытекает из контрабанды наркотиков, контрабанда наркотиков — из преступного сговора, а преступный сговор — из убийства. Здесь эффективная защита почти невозможна. Учитывая наличие магнитофонных записей, адвокату рано или поздно придется признать обоснованность обвинений в контрабанде наркотиков и воспрепятствовании правосудию и сосредоточить все свои усилия на опровержении обвинений в убийстве и преступном сговоре с целью убийства. Если же вы начнете утверждать, что у обвинения нет доказательств для обоснования обвинения в контрабанде наркотиков или воспрепятствовании правосудию, вы просто утратите к себе доверие. Именно с такой проблемой пришлось столкнуться Джо Чагре».

В самом начале процесса Оскар Гудмен заявил решительный протест в связи с тем, что агентам ФБР было позволено сидеть за столом обвинения. В своей вступительной речи, обращенной к присяжным, он фактически признал виновность Джимми Чагры в воспрепятствовании правосудию и в преступном сговоре с целью контрабанды марихуаны. При этом, однако, адвокат предупредил присяжных, что перед ними встанет «почти непосильная для человека задача» разобраться в огромнейшем количестве доказательств, которые будут представлены сторонами в ходе судебного разбирательства. Гудмен хотел бы, чтобы присяжные хорошо поняли, что в 1979 году в Западном Техасе царила «достойная всяческого осуждения и порицания обстановка беззакония». Он рассказал им, что между судьей Вудом и семьей Чагры возникли серьезные трения. Весьма сомнительный «профессионализм» Вуда настолько накалил обстановку, что Ли Чагра намеревался даже предъявить ему иск. Адвокат рассказал также об убийстве Ли и о покушении на убийство Джеймса Керра. Подобные ситуации отличаются тем, что вскоре наступает момент, когда контролировать их больше невозможно, сказал он. В данном случае дело дошло до того, что любой федеральный агент уже считал своим священным долгом привлечь к суду всю семью Чагры.

Затем Гудмен подробно рассказал о том, как до начала суда в Остине они согласовывали с властями признание вины Джимми Чагрой, и задал такой сам по себе напрашивавшийся вопрос: «Разве кто-нибудь будет нанимать убийцу для расправы с федеральным судьей из-за лишних пяти лет тюрьмы?» Адвокат не отрицал факта передачи Джимми Чагрой денег Чарлзу Харрелсону, как утверждало обвинение. Но это были не деньги за убийство, а сумма, полученная путем вымогательства, потому что до этого Харрелсон встретился с подзащитным и сказал: «Чагра, я убил судью и хочу, чтобы ты заплатил мне за это».

«Мы не будем пытаться доказать, что Чарлз Харрелсон не убивал судью Вуда выстрелом в спину 29 мая 1979 года,— сказал Гудмен, обращаясь к присяжным.— Джимми Чагра просто не знает, убивал Чарлз Харрелсон судью Вуда или нет».

Что касается магнитофонных записей, то, объяснил адвокат, Джимми Чагра разговаривал и вел себя как «крепкий парень» для того, чтобы «выжить в условиях тюрьмы». Он напомнил присяжным, что все они обещали оставаться объективными. «Постарайтесь быть беспристрастными,— сказал он,— и выявить мотив. Прослушивая записи всех этих разговоров, спросите себя: все ли, о чем шла речь, имело место в действительности?»

В своей вступительной речи Рей Джан больше не говорил, что это «история о страхе и алчности», как это было на процессе в Сан-Антонио. Ситуация изменилась, поэтому обвинительную речь пришлось частично переписать. Все началось, сказал он, в Лас-Вегасе, когда Чарлз Харрелсон «предложил свои услуги» для расправы с убийцами Ли Чагры. «Но Джимми Чагра беспокоился не за брата, а за самого себя». Он знал, что через несколько недель предстанет перед судьей, которого все называли Джоном-максимумом.

«Джимми Чагра боялся этого,— продолжал Джан,— и использовал сначала все законные средства, чтобы отстранить судью Вуда от рассмотрения его дела. Когда же это не удалось, Джимми Чагра решил организовать его убийство. Для него это был единственный выход, единственный путь к спасению. И тут вмешалась судьба: свои услуги предложил Чарлз Харрелсон. Мы не будем доказывать, что курок спустил Джимми Чагра».

Первой свидетельницей обвинения была Крис Лэмброс — адвокат из Сан-Антонио, помнившая, как она столкнулась с незнакомцем с незабываемыми глазами. «В нем было что-то такое,— сказала она,— что отличало его от остальных. Судя по внешнему виду, он был приезжим. Я еще подумала, что он похож на человека, только что вышедшего из бара где-нибудь на Западном побережье. Я сказала: «Доброе утро», но он лишь буркнул что-то...»

После показаний Кэтрин Вуд, рассказавшей, как она поддерживала голову умирающего судьи, для дачи показаний был вызван патологоанатом, который в леденящих душу подробностях описал результаты вскрытия, длившегося три часа. Из тела судьи были извлечены шестнадцать осколков пули, походивших на рентгеновском снимке на снежинки. Пуля поразила спинной мозг, разорвала аорту и сильно повредила органы брюшной полости. «Печень была похожа на картофельное пюре»,— сказал патологоанатом. (Услышав это, один из репортеров улыбнулся: судья Вуд, как известно, был большим любителем спиртного.)

Грейс Сэмпселл, секретарь Вуда на судебных процессах в Эль-Пасо и Мидленде, дала показания относительно мотива преступления. Она рассказала, как вел себя Джимми Чагра в зале суда в Мидленде. По ее словам, в феврале во время рассмотрения ходатайства об освобождении Чагры под залог он «был страшно испуган и все время молчал». Но в апреле, когда начались предварительные слушания, Джимми уже входил в зал суда, широко улыбаясь. «Он вел себя раскованно,— вспоминала Сэмпселл.— Может быть, потому, что в тот момент он был на свободе». Адвокаты заявили тогда тридцать ходатайств, а судья, не раздумывая, отклонил двадцать девять, приняв лишь одно: он согласился перенести судебное разбирательство из Сан-Антонио в Остин, на сто с лишним километров на север. К тому времени, когда Вуду пришлось отклонять самое важное ходатайство (о том, чтобы он заявил себе отвод), страсти в зале суда накалились до предела. «Создалась взрывоопасная ситуация»,— сказала Сэмпселл.

Обвинение вызвало в суд нескольких друзей и партнеров Джимми Чагры, подтвердивших, что он вел роскошный образ жизни. Они рассказывали о «королевском» к нему отношении в казино, о шикарном особняке с прислугой и личными секретарями, о сумках с деньгами и о миллионных ставках за игорными столами. Глория Строуп, личная секретарша Джимми и его «Пятница» в Лас-Вегасе, рассказала, что все счета за содержание дома оплачивала из толстых пачек наличными, которые ей давал Джимми. Она описала великолепный дом в северной части Лас-Вегаса, полностью перестроенный Лиз и Джимми, остановившись более подробно на большой спальне. Строуп сказал, что в доме было «десять или пятнадцать телефонов, но Джимми считал, что все они прослушиваются, и поэтому обычно пользовался телефоном-автоматом в соседнем квартале».

Обвинение вызвало также нескольких приятелей и партнеров Чарлза Харрелсона. Они должны были подтвердить его репутацию убийцы, но главной их задачей было помочь установить обоснованность обвинений в том, что Харрелсон долго выслеживал судью Вуда. Около места для дачи свидетельских показаний был повешен огромный календарь со всеми днями мая 1979 года. Обвинители уже предъявили многочисленные выписки из регистрационных книг мотелей и автостоянок в аэропортах Сан-Антонио, Остина, Мидленда и Лас-Вегаса. Теперь присяжные должны были сами послушать, что́ будут говорить по этому поводу друзья Харрелсона Пит Кей и Хемптон Робинсон, т. е. получить информацию из первых рук.

Неожиданный удар по позиции обвинения нанес его же собственный свидетель Пит Кей. В ходе перекрестного допроса он заявил, что Хемп Робинсон — «чокнутый наркоман».

Помощник обвинителя Джон Эмерсон попытался было спасти положение, попросив Кея дать определение слову «чокнутый», но только все испортил.

«В моем понимании «чокнутый» — это такой человек, как Хемп Робинсон,— ответил Кей.— То есть с приветом, любитель марафета».

Обвинению ничего не оставалось, как вызвать для дачи показаний самого Хемпа Робинсона. Тот сразу же признался, что для храбрости сделал себе укольчик метадона*. Затем

* Наркотическое средство.— *Прим. перев.*

Робинсон рассказал, как они с Чарлзом Харрелсоном отправились в Лас-Вегас с намерением обжулить Джимми Чагру в покер. Вскоре после возвращения в Хьюстон ему позвонил Харрелсон и велел купить винтовку. «Он сказал, что она нужна ему для одного дела, и спросил, хорошо ли я стреляю метров с четырехсот». Затем Робинсон сказал, что собственными глазами видел, как Харрелсон убил маленькую птичку из винтовки с оптическим прицелом с расстояния более 200 метров. Накануне Дня памяти погибших в войнах в 1979 году Харрелсон позвонил снова. Он хотел, чтобы Робинсон и его невеста Джо-Энн Стаффорд встретились с ним 27 мая в Остине. По просьбе Робинсона Джо-Энн Стаффорд сказала Харрелсону, что тот болен и не может с ним встретиться.

— Была ли какая-нибудь причина, побудившая вас отказаться от встречи с ним? — спросил Джон Эмерсон.

— Мне показалось, что он что-то замышляет,— ответил Робинсон.— Я не хотел в этом участвовать.

Джо-Энн Робинсон показала, что Харрелсон «очень расстроился» и «сказал, что сам все сделает и встретится с нами через несколько дней». В полдень 29 мая Харрелсон позвонил из Далласа и сказал, что «дело сделано». Позже он попросил Хемптона Робинсона помочь ему избавиться от золотистого «катласса» — автомобиля его жены.

В ходе перекрестного допроса Оскар Гудмен представил протокол разговора Хемптона Робинсона с агентами ФБР в марте 1981 года. Робинсон рассказал им весьма странную историю о том, как Джо Чагра и двое неизвестных пришли к нему на ранчо и задушили собаку. Робинсон сказал тогда, что пристрелил обоих незнакомцев. Гудмен попросил свидетеля еще раз зачитать вслух свои показания, к явному неудовольствию обвинителей. Затем адвокат спросил:

— Где вы зарыли трупы?

— Никаких трупов не было,— тихо сказал Робинсон.

— Как так?

— Наверное, это была галлюцинация,— признался свидетель.

— А где в это время был Джо Чагра? — резко спросил Гудмен.— Ведь его там не было, не так ли?

— Не было,— признался Робинсон.

Следующей свидетельницей была Тереза Старр, которую попросили рассказать о поездке в Лас-Вегас, где она должна была взять чемоданчик с деньгами. После этого обвинители намеревались представить магнитофонные записи и приступить к допросу Джерри Рея Джеймса. Им неожиданно повезло, когда судья разрешил предъявить в виде вещественного доказательства 92 клочка бумаги, изъятых у Лиз Чагра агентами ФБР в Ливенуорте. Одна из восстановленных записок, увеличенная для наглядности до размеров плаката, гласила: «Если агенты ФБР обо всем только догадываются, то как они узнали, что кто-то из нас заплатил Терезе?»

Направляясь к месту для дачи показаний, Джерри Рей Джеймс старался не смотреть в сторону Джимми Чагры, устремившего на него испепеляющий взгляд. Этому преступнику-рецидивисту в коричневой тройке было 44 года, но торчащий живот, большая лысина и седая борода сильно старили его. Вообще его присутствие в зале было каким-то нелепым. Судя по первым ответам на вопросы, свидетель был хорошо подготовлен. Хрипловатым голосом нараспев он рассказал присяжным, как был переведен в Ливенуорт после бунта заключенных в штате Нью-Мексико, когда они разгромили тюрьму и убили тридцать трех охранников и стукачей. Один общий знакомый по имени Трейвис Эрвин представил Джеймса Чагре. Они подружились после одного инцидента, когда Чагра ударил по лицу старого заключенного, который, как ему показалось, жульничал. Джимми проиграл тогда 1600 долларов, но платить отказывался. Через некоторое время в камеру Джимми явились трое из тюремной банды «Мексиканская мафия» и еще один заключенный из банды «Арийское братство». «Увидев их, он очень испугался,— сказал Джерри Рей Джеймс.— Но я встал на его защиту, и те отступили». Вскоре после этого они сидели как-то в тени деревьев в зоне отдыха, и Джимми поведал ему свой секрет.

— Ни с того ни с сего,— сказал Джеймс, обращаясь к присяжным,— он вдруг говорит: «Джерри, это я устроил убийство судьи Вуда».

Тишина и спокойствие, царившие в зале в течение трех недель, были неожиданно нарушены. Джимми Чагра вскочил с места и закричал:

— Врешь, подонок! Он все врет, ваша честь!

Судья Сешнс напомнил Чагре правила поведения в зале суда. К счастью, присяжных в то время там не было. После этой вспышки между Чагрой и местом для дачи показаний поставили двух полицейских.

В течение последующих двух дней Рей Джан расспрашивал свидетеля о многочисленных контрабандистских и других преступных операциях, замышлявшихся Джимми для финансирования побега. Доносчик сообщил присяжным, что Джимми очень сильно расстроился, узнав об аресте Чарлза Харрелсона близ Вэн-Хорна. Он обсуждал с ним план убийства Харрелсона, хотя тот и был, казалось, в полной безопасности за тюремными стенами. «Он мечтал о человеке, который проникнет в тюрьму и взорвет ее изнутри»,— сказал Джеймс. У Джимми Чагры был целый список людей, которых он хотел бы видеть мертвыми. Туда входили Джек Стриклин, Генри Уоллес и трое тех, кто убил его брата Ли. Один раз, вспоминал Джеймс, Джимми рассказал ему, как собственноручно убил человека по имени Марк Финней. Это случилось во время суда над Джимми в Остине. В ходе какой-то сделки с наркотиками с участием Джека Стриклина и Марка Финнея возник спор, в разгар которого Джимми выстрелил в Финнея и убил его. Так он сам рассказы-

вал. Он сказал, что тело Финнея зарыл в лесу к западу от Остина.

Джеймс рассказал затем об инциденте, который произошел 10 ноября 1980 года, когда Чагра почти догадался, что все его разговоры записываются на магнитофон. Один из охранников, видимо не знавший, что Джеймс работает на ФБР, обнаружил в камере Джимми записывающее устройство и скрытые микрофоны. «Однажды утром, когда мы с Джимми были на работе, охранник вызвал нас в контору и вне себя от ярости бросил на стол записывающее устройство и метров десять проводов». После этого Джимми стал бояться всех еще больше, хотя время от времени и говорил кое-что об убийстве Вуда.

— Он когда-нибудь говорил о мотиве убийства?—спросил Джан.

— Джимми рассказывал, как он боялся, что судья Вуд приговорит его к пожизненному заключению,— ответил Джеймс.

Перед началом перекрестного допроса свидетеля обвинения Оскар Гудмен ознакомил присяжных с весьма впечатляющей историей преступной деятельности Джеймса. Свое двадцатилетие свидетель отметил в тюрьме, где отбывал наказание за берглэри. А в день тридцатилетия он уже значился в списке десяти самых опасных преступников, разыскиваемых ФБР. К моменту встречи с Джимми Чагрой Джеймс уже привлекался в суду по меньшей мере за 41 преступление и был признан виновным в совершении 13 тяжких преступлений, включая ограбления банка, уличные нападения и побеги из мест заключения. Джеймс сам признавался, что просидел за решеткой так долго, что тюремная камера стала для него «родным домом». Джеймс согласился также, что во время кровавого бунта в тюрьме в Санта-Фе он считался одним из самых «уважаемых» заключенных.

— Говорят, вы лично ответственны за убийство нескольких человек во время бунта. Это правда?—спросил адвокат.

— Нет, неправда,—ответил Джеймс.

— Говорят, вы силой заставили других заключенных оставаться в спортивном зале, где были найдены пять трупов. Это правда?

Джеймс ответил, что после бунта ему не было предъявлено каких-либо обвинений в уголовных преступлениях. Оскар Гудмен знал, что Джеймс и тридцать других заключенных предстали потом перед тюремным дисциплинарным судом в Нью-Мексико. Джеймса обвинили в поджоге конторы начальника тюрьмы и во взломе сейфа с целью выявления фамилий доносчиков, многие из которых стали потом жертвами жестокой и кровавой расправы. Он также знал, что ни Джеймс, ни другие зачинщики бунта не были привлечены к уголовной ответственности.

Шла четвертая неделя судебного разбирательства, и Оскар Гудмен почувствовал, что присяжные стали проявлять беспокойство, постепенно теряя интерес к делу. Обвинение почти закончило предъявление доказательств, если не считать прослушивания магнитофонных записей. Оценив все, что было сделано и не сделано к этому времени, Гудмен стал пересматривать собственную тактику. Он мог бы затянуть перекрестный допрос Джеймса, но решил не делать этого и ограничиться лишь несколькими вопросами.

Напомнив Джеймсу его прежние показания о том, что Джимми Чагра всегда хвастался фантастическими контрабандистскими операциями или строил грандиозные планы какого-нибудь убийства, Гудмен спросил:

— Правда ли, что мистер Чагра ужасно много болтал, пытаясь изобразить из себя крупную фигуру, и утверждал, что активно занимается преступной деятельностью?

— Да, правда,—ответил Джеймс, добавив, что однажды они с Джимми замышляли несколько операций по доставке контрабанды из Колумбии. В одной из них речь шла о получении сорока тонн марихуаны, в другой—двадцати двух фунтов кокаина. Брат Джимми Джо Чагра должен был следить за ходом операций со стороны.

— Но из этого ничего не получилось, верно?

— Верно,—признался Джеймс.

В пятницу 29 января обвинение закончило прокручивать пленку, на которой было записано, как Джимми Чагра сказал Джеймсу: «Он должен был это сделать лишь после суда, когда готовилась апелляция. Тогда мое дело мог бы слушать другой судья». На этом обвинение закончило представление доказательств.

Пытаясь во время уикенда критически оценить все свои успехи и неудачи, Гудмен мысленно неизменно возвращался к присяжным и сравнивал их с тем составом, который был в Сан-Антонио. Там обвинению, без сомнения, удалось убедить присяжных в том, что они «совесть Америки». Это был самый сильный аргумент обвинения. Но в Джэксонвилле он не сработал. Подкрепляя свою версию все новыми и новыми доказательствами, Гудмен неоднократно призывал присяжных сохранять объективность и согласиться с его собственным толкованием случившегося: Чарлз Харрелсон, почувствовав, что от ответственности перед законом ему не уйти, и поняв, что Джимми Чагра—главный подозреваемый в убийстве Вуда, воспользовался своей репутацией убийцы в целях вымогательства денег. Гудмен пообещал присяжным вызвать в суд с дюжину заключенных, которые подтвердят, что Джимми всегда много болтал и пытался изобразить из себя крупную фигуру, но дело дальше угроз никогда не заходило. Он также намекнул, что защита подготовила весьма эффектную концовку и что Джимми Чагра, возможно, сам займет место для дачи показаний. Позже Гудмен говорил: «У присяжных оставался целый уикенд, чтобы гадать, кого именно я вызову для дачи показаний. Вскоре я начал понимать, что мне очень повезло в том плане, что защиту свою я начну в понедельник утром». То, что задумал Гудмен, было

рискованной игрой, но, учитывая высокие ставки, отнюдь не безнадежной.

Защита человека, обвинявшегося в организации «преступления века», продолжалась всего двенадцать минут.

Сначала Гудмен еще раз вызвал в суд Джерри Рея Джеймса и задал ему несколько вопросов в связи с его предыдущими показаниями, в ходе которых тот заявил, что Джимми хвастался, будто «убрал» человека по имени Марк Финней.

— Вспомните, каким образом мистер Чагра, по его словам, убил Марка Финнея,— попросил Гудмен свидетеля.

— Насколько я помню, он сказал, что застрелил его.

— Вы в этом уверены?

— Я уверен, что он мне сказал, что убрал его,— ответил Джеймс с легким раздражением в голосе.

— Вы в этом так же уверены, как и в том, что мистер Чагра сказал вам, что убил судью Вуда?

— Да, уверен,— сказал Джеймс и устремил взгляд в сторону обвинителей, которые в тот момент, казалось, были заняты своими делами.

— Вопросов больше нет,— сказал Гудмен.— Вызовите Марка Финнея.

Когда Финней принял присягу, Гудмен порылся сначала в бумагах, словно решая, какой именно вопрос задать первым. Затем медленно пошел в сторону свидетеля, остановился в двух-трех метрах от него, улыбнулся и спросил:

— Как вы себя чувствуете, мистер Финней?

— Очень хорошо,— ответил тот.

— Джимми Чагра когда-нибудь стрелял в вас или целился из пистолета?

— Нет, сэр,— ответил Финней.

— Вопросов больше нет,— сказал адвокат и направился в сторону стола защиты, за которым сидел улыбающийся Джимми Чагра. Затем он резко остановился, повернулся к судье и сказал:— Ваша честь, дамы и господа присяжные, на этом защита предъявление доказательств заканчивает.

В своей заключительной речи обвинитель Джон Эмерсон сказал, обращаясь к присяжным, что страх перед возможным приговором к пожизненному заключению и перспектива навсегда лишиться возможности вести привычный для него шикарный образ жизни побудили Джимми Чагру нанять Харрелсона для убийства судьи. «Решение всех проблем свелось для него ни много ни мало к открытому нападению на нашу систему правосудия, к акту терроризма против системы вообще и судьи Вуда в частности,— сказал Эмерсон чуть уставшим монотонным голосом.— Когда судья Вуд отказался ходатайствовать о том, чтобы его освободили от разбирательства дела, он, ничего не ведая и ни о чем не догадываясь, сам назначил день своей казни». Эмерсон попросил присяжных вспомнить то место в магнитофонных записях, где Джимми сказал своему брату: «ФБР знает, что я нанял его для этого». «Самым веским доказательством виновности мистера Чагры,— продолжал Эмерсон,— является его собственное признание в том, что он нанял Чарлза Харрелсона для убийства судьи Вуда. У нас нет оснований подвергать сомнению достоверность записанных бесед».

Оскар Гудмен начал свою чрезвычайно энергичную заключительную речь с центральной, на его взгляд, проблемы — отсутствия мотива. (К тому же он считал это самым слабым звеном в позиции обвинения.) «Я считаю, что события этого дела происходили не в вакууме,— сказал он, после чего еще раз напомнил присяжным о покушении на убийство Джеймса Керра, которое произошло за месяц до убийства Ли Чагры и за шесть месяцев до убийства Джона Вуда.— Кто-то в Западном округе Техаса проявил в свое время известную жестокость, известное бессердечие еще до того, как Джимми Чагре было предъявлено обвинение в контрабанде наркотиков, за что тот в конечном итоге и был осужден».

Адвокат напомнил присяжным подробности, связанные с привлечением Джимми Чагры к ответственности за контрабанду наркотиков, и сказал: «Теперь все это важно, поскольку обвинение состояло из таких пунктов, которые давали подсудимому возможность обращаться с ходатайством об условно-досрочном освобождении в случае признания его виновным по одному из них или же в случае договоренности между обвинением и защитой о признании им своей вины в менее тяжком преступлении. Он знал это. Какой бы приговор судья ни вынес, подсудимый знал, что будет иметь право на условно-досрочное освобождение. Осознание этого факта определяло все его отношения с другими людьми, включая и отношения с Чарлзом Харрелсоном...»

Гудмен перешел затем к анализу формулировки и целей ходатайства Джимми Чагры о том, чтобы судья Вуд дал себе отвод. Обвинение утверждало, что это ходатайство было угрозой само по себе, а потому доказывало наличие мотива. Гудмен сказал, что ходатайство содержало, «пожалуй, самые прямые обвинения против федерального судьи, какие только возможны. Джимми Чагра заявил во время предварительного слушания: «Вы несправедливы. Вы несправедливы потому, что несправедливо обошлись с моим братом Ли в этом зале. Вы несправедливы потому, что несправедливо обошлись и с другим моим братом, Джо, в этом зале. Я хочу, чтобы Джо был моим адвокатом, но, учитывая ваше к нему отношение, он не может выступать в этой роли в этом суде. Вы не можете судить меня по справедливости, потому что вы заодно с Джеймсом Керром, помощником федерального прокурора. Учитывая все это, судья, мне кажется, вы должны заявить себе отвод». Секрета здесь никакого нет: все это содержится в ходатайствах, представленных суду. Он также

попросил, чтобы его дело рассматривалось в открытом заседании, и судья удовлетворил его просьбу...»

Обвинение утверждало, что ходатайство, представленное в ходе предварительного слушания, содержало зловещие намеки на то, что Керр едва избежал смерти и что та же участь была уготована и Вуду. «Но если вы внимательно прочтете аффидевит,— продолжал Гудмен,— то увидите, что в следующем же абзаце содержится такая фраза: «...потому что я знаю, что судья Вуд находится под охраной полиции». Так что ничего здесь зловещего нет. Сказано прямо, без обиняков. И все это происходило во время судебного заседания, которое было бурным, как правильно подметила мисс Сэмпселл. Конечно же, создалась взрывоопасная обстановка. Атмосфера в зале накалилась до предела, потому что не каждый день у нас в стране кто-то приходит в суд и, указав пальцем на судью, заявляет, что тот не может быть справедливым. Последним свидетелем, которого мистер Чагра хотел вызвать для дачи показаний, был сам судья Вуд. Но судья Вуд... отказался давать показания. Неудивительно, что участники этого чрезвычайно бурного и спорного процесса, выступавшие на стороне мистера Чагры, были в конечном итоге разочарованы... Это вполне естественно. Мы живем в условиях системы, которой присущ дух состязательности... Поэтому никто не сомневается, что мистер Чагра и его друзья покинули в тот день зал суда раздосадованные. Но это вовсе не значит, что они тут же ринулись нанимать кого-то для убийства федерального судьи...»

Бóльшую часть отведенных ему двух часов Гудмен потратил на детальный анализ версии убийства, выдвинутой обвинением, методически опровергая один ее пункт за другим. Последние несколько минут своей заключительной речи он посвятил другим пунктам обвинения. Власти пытались доказать, что Джимми Чагра препятствовал правосудию, основываясь почти исключительно на его плане побега из тюрьмы. «Я не могу смотреть вам прямо в глаза и искренне заявлять, что мистер Чагра не хотел бежать из Ливенуорта, где он отбывал 30-летнее тюремное заключение без права на условно-досрочное освобождение,— сказал Гудмен, обращаясь к присяжным, и тут же добавил: Но средства, которые он избрал для достижения этой цели, невероятны. То, что он обсуждал, просто немыслимо... Это чистая фантазия... Поэтому я вовсе не уверен, что это был преступный сговор с целью воспрепятствования правосудию. Должен, однако, признать, что грустно, очень грустно сознавать, что человеческое существо вынуждено изыскивать способы выбраться из клетки — не препятствовать правосудию, а именно вырваться на свободу».

Что же касается обвинения в том, что Джимми и Джо вступили в преступный сговор с целью ввоза и распространения наркотиков, продолжал Гудмен, то это еще одна фантазия. «Хотя между братьями и произошел какой-то разговор на эту тему, я считаю, что Джо Чагра поступил по отношению к брату точно так же, как и сам он, Джимми Чагра, поступал по отношению к Джерри Джеймсу. Он просто обманывал его, лишь бы успокоить. Я призываю вас внимательнее послушать запись, сделанную 21 ноября. Там Джо Чагра пытается рассказать Джимми, с кем он имеет дело. Всякий раз он называет другую фамилию, путает произношение и указывает разные места жительства этого человека. Но для чего он это делает? Он делает это для того, чтобы заставить брата поверить, будто он действительно что-то делает и это позволит ему выбраться в конечном итоге из тюрьмы. Еще раз повторяю: я не могу усомниться в достоверности слов, записанных на пленке. Но при этом я хочу сказать, что, слушая эти слова, вы невольно вспоминаете другие, те, что вновь и вновь повторяются Джо Чагрой: «Я не понимаю, что я здесь делаю. Я не понимаю, о чем мы говорим. Я не понимаю, что здесь происходит». И он повторяет их неоднократно».

В заключение адвокат призвал присяжных руководствоваться здравым смыслом и исполнить свой долг, не поддаваясь давлению общественного мнения.

«Основываясь на доказательствах, представленных вам в данном случае обвинением, я заявляю, что последней данью уважения, которую вы можете отдать достопочтенному Джону Вуду, занимавшему должность окружного федерального судьи и принявшему присягу стоять на страже законов Соединенных Штатов Америки, последней данью уважения ему будет вынесение вами вердикта «невиновен».

В ходе предъявления контрдоказательств Рей Джан воспроизвел еще некоторые отрывки магнитофонной записи, включая и тот, где братья обсуждали вопрос о фабрикации истории о якобы имевшем место шантаже Джимми со стороны Харрелсона. Главный обвинитель напомнил присяжным, что «признание подсудимого невиновным будет ни больше, ни меньше, как насмешкой над правосудием». Уже было ясно, что Оскар Гудмен выиграл если не войну, то сражение.

В пятницу 3 февраля 1983 года присяжные приступили к вынесению вердикта. К субботе они прослушали заново отрывки из пятнадцати записанных на пленку бесед. Рано вечером в тот же день стало известно, что присяжные пришли к единому мнению относительно двух пунктов обвинения. По двум другим пунктам прения продолжались. От внимания Гудмена не ускользнуло, что присяжные обратились к обвинению со странной просьбой: дать им специальный мешок, в котором можно было бы сжечь все их записи. «Если они пришли к единодушному мнению по двум пунктам,— рассудил Гудмен,— и если они признали подсудимого виновным, то зачем им понадобилось сжигать свои записи? Напрашивается вывод, что они проголосовали за оправдательный вердикт». И Гудмен оказался прав. В полдень в понедельник присяжные вынесли вердикт, который

позже был назван Оскаром Гудменом (видимо, в порыве нескромности) «самым важным по своему значению оправданием за всю историю существования суда присяжных». Присяжные пришли к заключению, что Джимми Чагра не нанимал человека для убийства судьи Вуда. Правда, они признали подсудимого виновным в двух менее тяжких преступлениях: в воспрепятствовании правосудию и преступном сговоре с целью контрабанды наркотиков. И все же самая крупная рыбина была властями упущена.

Рей Джан, расстроенный и подавленный, поздравил Гудмена, сказав, что его имя «известно, и вполне заслуженно, всей стране». А затем добавил: «Присяжные сказали свое слово. Если уж верить в систему, то надо верить до конца».

Даже Джимми Чагра на какое-то мгновение оторопел, видимо потрясенный системой, а может, и просто неожиданной развязкой. «Слава богу и Оскару Гудмену»,— проговорил он.

(Позже было установлено, что обвинение едва не проиграло дело почти по всем четырем пунктам обвинения. К воскресенью присяжные проголосовали за признание подсудимого невиновным по двум самым важным пунктам. Все остальное время они обсуждали вердикт по менее важным пунктам и в конце концов признали его виновным в менее тяжких преступлениях.)

Поражение властей больше всего приветствовалось (и оплакивалось) в Эль-Пасо. Пэтси, сестра Джимми, сидела в ресторане «Коламбос», когда ее дочь Лори сообщила эту новость по телефону. Пэтси бросилась на середину зала и крикнула: «Невиновен!» Сидевшие за соседними столиками посетители зашептались, а затем зааплодировали. «Наконец-то!— крикнула Пэтси еще раз.— Мы уже так долго не выигрывали!»

Пэтси помчалась домой, где мать и другие родственники уже праздновали победу среди целой толпы фоторепортеров и газетчиков. Старая мать сказала, что судья Джон Вуд явился ей во сне и обещал помочь их семье. Она плакала, но это были слезы радости. Мать сказала: «Я пла́чу, потому что счастлива. Может быть, моя маленькая Лиз выйдет теперь из тюрьмы и вернется к своим детям».

Слова матери лишь подчеркивали трагическую иронию ситуации. И действительно, как можно было признать Лиз виновной в пособничестве мужу, замышлявшему убийство, если второй состав присяжных пришел к заключению, что тот не имел к этому никакого отношения? А Джо Чагра? Как он мог признать себя виновным в преступлении, которое никем не совершалось? Но в этом, видимо, и состоит одна из примечательных особенностей американской системы правосудия. Отметив, что «существенная разница между двумя процессами состояла в том, что во Флориде Джо Чагра не давал показаний», Уоррен Бернетт бросил горький упрек в адрес всей системы: «Судебные процессы — это не что иное, как строго регламентированные фестивали, призванные отвлечь людей от их реальных проблем».

Судья Уильям Сешнс объявил, что вынесение приговора состоится 18 марта. Еще до этого Джимми и Лиз Чагра признали себя виновными в уклонении от уплаты налогов. В ходе отдельного процесса Джо-Энн Харрелсон была признана виновной в пятикратной даче ложных показаний большому жюри. Никто не осмеливался предсказать, каким образом вердикт на процессе во Флориде отразится на приговорах, выносимых судьей Сешнсом. Этот вердикт расстроил планы окружного прокурора Сан-Антонио Сэма Миллсэпа, который хотел привлечь Джимми Чагру к судебной ответственности на основании закона штата, предусматривающего смертную казнь. «Как это ни странно,— сетовал Миллсэп,— закон запрещает дальнейшее преследование в случае вынесения оправдательного вердикта». Неясно было, как отразится этот вердикт и на финансовом положении Джерри Рея Джеймса. Тот заявил присяжным в Джэксонвилле, что в случае признания Чагры виновным власти обещали ему 250 000 долларов в качестве вознаграждения. Судя по всему, часть этих денег была уже выплачена, потому что жену Джеймса видели за рулем новенького «мерседеса». Что же касается самого Джерри Рея Джеймса, то он теперь был свободным человеком. Ему лишь нельзя было появляться в штате Нью-Мексико.

В день вынесения приговоров обвинение заявило ходатайство о взыскании с подсудимых всех расходов, связанных с расследованием и судопроизводством. Их общая сумма составила 11,4 миллиона долларов. Сешнс постановил, что счет подсудимым будет предъявлен лишь в том случае, если они извлекут «какие-то доходы» из трудного и затянувшегося судебного разбирательства. Так неожиданно все узнали о возможных гонорарах от будущих фильмов и книг.

Первым приговор должен был услышать Джимми Чагра. Но перед этим он сказал, обращаясь к судье: «Вам наплевать на честность или правду. Наступит день, когда и вы, и я предстанем перед высшим судьей. Если вы сможете жить с тем приговором, который вы мне вынесете, то и я смогу с ним жить». Сешнс мог приговорить Джимми к двадцати пяти годам тюремного заключения в дополнение к тем тридцати, которые тот уже отбывал. Но он не сделал этого, добавив к прежнему сроку только пятнадцать лет плюс 220 000 долларов штрафа. При хорошем поведении Джимми Чагра может надеяться, что выйдет на свободу в 2007 году.

Чарлз Харрелсон также воспользовался возможностью сказать несколько слов суду перед вынесением ему приговора. Он сказал о «тактике гестапо» и о «невероятном зле», творимом федеральными агентами. «Данный суд должен был бы рассмотреть обвинение против себя же в изнасиловании и убийстве,— сказал Харрелсон.— Вы убили конституцию Соединенных Штатов Америки. Вы изнасиловали всех подсудимых, представших перед вами в этом зале».

Сешнс приговорил Харрелсона к двум пожизненным заключениям. *«Последовательно»,*— добавил он, четко произнеся это слово с едва скрываемым удовольствием. В соответствии с существующим законодательством Харрелсон, прежде чем начать отбывание срока пожизненного заключения, должен был отсидеть семьдесят лет в тюрьме штата за прежние преступления. И все же не исключена возможность, что этот 44-летний человек сможет вновь появиться на городских улицах в возрасте 79 лет, если ему сократят срок вдвое, а затем помилуют.

Прежде чем объявить приговор Лиз, судья признал, что присяжные проявили «сильные чувства» к подсудимой, хотя он и не уверен, что тем самым они хотели дать понять, что желали бы, чтобы он отнесся к ней снисходительно. Затем Сешнс приговорил Лиз к тридцати годам по обвинению в преступном сговоре, добавив два раза по пять лет за воспрепятствование правосудию и уклонение от уплаты налогов. Два последних срока он разрешил отбывать одновременно с первым, более длительным. Лиз получит право ходатайствовать об условно-досрочном освобождении в 1992 году.

Если учесть, какие обвинения были выдвинуты против Джо-Энн Харрелсон, следует сказать, что ей был вынесен самый суровый приговор. Судья мог дать ей пять лет за воспрепятствование и еще двадцать пять — за лжесвидетельство. Ее адвокат Чарлз Кэмпион заявил перед вынесением приговора, что по существу ответы подсудимой большому жюри были правдивы. Она лишь опустила некоторые детали. Но Сешнс не согласился и приговорил Джо-Энн Харрелсон к двадцати пяти годам.

В каком-то смысле все на этом и закончилось, а в каком-то — только начиналось. Все пять подсудимых были либо уже за решеткой, либо на пути в тюрьму. Министерство юстиции, конечно, воздержалось от публичных упреков в адрес следственных органов и обвинителей, позволивших Джимми Чагре уйти от правосудия, но это вовсе не означало, что такая возможность исключалась в будущем. Одна телевизионная станция в Далласе сообщила, что перед судом в Джэксонвилле Джимми Чагра якобы предложил властям признать себя виновным как в убийстве судьи Вуда, так и в покушении на убийство Керра, а также «назвать имена» южноамериканских контрабандистов, если его жена будет выпущена на свободу. Но Вашингтон, заявила станция, отказался от сделки... и добавила: «Его [Вашингтон] обуяла алчность». Потом, однако, выяснилось, что это сообщение было необоснованным. «Никакой сделки никто никогда не обсуждал»,— сказал Оскар Гудмен.

Итак, Рей Джан все же был прав. Вся эта история действительно оказалась историей об алчности и страхе, своеобразной «греческой трагедией». В Эль-Пасо жили три брата. Старший стал алчным и был убит. Средний оказался еще более алчным и был обвинен в убийстве федерального судьи. А младший сел за это в тюрьму.

Содержание

Картрайт Г.

К 27 Грязные деньги: Пер. с англ./Под общ. ред. и с предисл. Ф. М. Решетникова. — М.: Прогресс, 1987.—320 с., 0,25 л. илл.

В книге рассказывается о грязных деньгах, добываемых торговцами наркотиками, и о не менее грязных, чем деньги преступников, приемах и методах расследования, сбора доказательств, обвинения и ведения судебного процесса в США.

К $\frac{4703000000 — 179}{006(01) — 87}$ 82 — 87 **ББК 67.99 (7 США)**

ИБ № 14755

Сдано в набор 13.08.86. Подписано в печать 24.12.86. Формат 84×108 $^1/_{32}$. Бумага типограф. № 1. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8+0,42 печ. л. вклеек. Усл. кр.-отт. 17,22. Уч.-изд. л. 23,07. Тираж 50000 экз. Заказ № 719. Цена 1 р. 30 к. Изд. № 40849

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

Отпечатано в Московской типографии № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105, Москва, Нагатинская, 1.